

Егор Мичурин

О Ф А Л Ь Д

16+

Егор Мичурин

Офальд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67848438

SelfPub; 2023

Аннотация

Это не исторический роман: здесь нет ни одной даты. Это не книга из серии ЖЗЛ: вы вряд ли слышали о человеке по имени Офальд. Это не фэнтезийная сага: выдумывать автору почти ничего не пришлось. Не удивляйтесь, если с каждой прочитанной страницей в вас будет нарастать чувство чего-то смутно знакомого. А когда вы поймете, почему это чувство настолько притягательно, страшно, интригующе в своей обыденности, не торопитесь предсказывать последующее развитие событий. Ведь если лучшие сюжеты нам диктует сама жизнь, только автору по силам заткнуть уши, чтобы не слышать эту диктовку. И перенести вас в самый центр поверского континента, где... Субботним апрельским вечером в трехэтажном доме на узкой улочке небольшого городка Анубару, расположенного на самой границе двух империй, родился мальчик...

Содержание

Часть I. Рисовать	6
Глава первая. 6 лет	6
Глава вторая. 11 лет	20
Глава третья. 13 лет	34
Глава четвертая. 15 лет	53
Глава пятая. 16 лет	72
Глава шестая. 17 лет	86
Глава седьмая. 18 лет	99
Глава восьмая. 19 лет	114
Глава девятая. 19 лет. Продолжение	127
Глава десятая. 21 год	142
Глава одиннадцатая. 21 год. Продолжение	159
Глава двенадцатая. 23 года	171
Глава тринадцатая. 24 года	188
Часть II. Воевать	202
Глава четырнадцатая. 25 лет	202
Глава пятнадцатая. 25 лет. Продолжение	218
Глава шестнадцатая. 27 лет	232
Глава семнадцатая. 27 лет. Продолжение	244
Глава восемнадцатая. 29 лет	257
Глава девятнадцатая. 29 лет. Продолжение	269
Глава двадцатая. 30 лет	286
Глава двадцать первая. 30 лет. Продолжение	301

Часть III. Властвовать	315
Глава двадцать вторая. 30 лет. Окончание	315
Приложение 1. 25 пунктов РРП	334
Глава двадцать третья. 31 год	339
Глава двадцать четвертая. 31 год.	352
Продолжение	
Глава двадцать пятая. 32 года	366
Приложение 2. Ультиматум Телгира	380
Глава двадцать шестая. 32 года. Продолжение	381
Глава двадцать седьмая. 33 года	393
Глава двадцать восьмая. 33 года.	409
Продолжение	
Глава двадцать девятая. 34 года	425
Глава тридцатая. 34 года. Продолжение	439
Глава тридцать первая. 34 года. Окончание	456
Эпилог	473
Именной указатель	483

Егор Мичурин

Офальд

...Крошка-исполин,

Та башня, с высоты, которой ты взираешь,

На чем и из чего воздвигнута, ты знаешь?

Как ты туда попал? И эта крутизна

На что, как не затем, чтоб вниз глядеть, нужна?

Римнагский поэт Дирфирх Илшерл

Часть I. Рисовать

Глава первая. 6 лет

Махбал, Ивстаяр. Январь

Из-за облупившегося фасада старого небольшого дома слепо выглядывало тусклое солнце. Его бледные лучи рассеянно лизнули покосившуюся калитку, и обмотанный старой материнской шалью Офальд чихнул, поневоле закрыв глаза. Целую минуту он упорно старался не мигать, глядя на дымчатый желтый кружок в низком мрачном небе, но чихать с открытыми глазами не умел никто из знакомых Офальда. Он подозревал, что это вообще невозможно. Мальчик отвернулся от дома и пошел к калитке, решив поискать своего друга Хайонна, сына мельника. Еще на прошлой неделе они договаривались сбегать к пруду и проверить, достаточно ли крепок лед после недавней оттепели, чтобы можно было кататься на самодельных коньках.

Отец называл эту семью "йеревишки" и презрительно морщил нос, но не запрещал ребятам играть вместе. Несколько недель назад Офальд случайно услышал, как мать напоминает отцу о его обещании не лезть к Ругербам после громкого скандала в пивной, где Илоса набросился на мельника с кулаками, призывая всех желающих не стоять в сторо-

не, а раз и навсегда разобраться с мерзким йеревским племенем. Скандал дошел до бургомистра, который лично поговорил с Ралкой и Илосой, признавшись по секрету, что вполне разделяет их благородное негодование, но сделать с этими йеревами, и вправду заплонившими, кажется, весь Ивстяр, по-прежнему ничего нельзя. Отец, польщенный такой честью, пообещал держать себя в руках. Об этом и напомнила ему Ралка своим тихим хрипловатым голосом, нежно укачивая крошку Дуднэма, который третий день мучился младенческими коликами. Офальд, отправившийся было спать, замер на второй ступеньке лестницы, ведущей в крошечную каморку на втором этаже, которую он делил с братом Илосой-младшим, названным в честь отца, но ничего интересного больше не услышал. Илоса-старший сел за свою конторку разбирать бумаги – керосин всегда покупался в избытке, чтобы отец мог работать и дома, – а мать, положив сопящего Дуднэма в колыбель, села за чтение рядом с двенадцатилетней Леагной. Илоса-младший и Леагна были детьми главы семейства от первого брака, и прохладно относились к Ралке и ее сыновьям. Мальчик поднялся к себе, пребывая в глубокой задумчивости, и решил при случае поговорить обо всем этом с Хайонном, однако подходящего повода не нашлось, и Офальд скоро обо всем забыл.

Дом Телгиров стоял у самой дороги, спрятавшись за двумя огромными тополями, и маленькая фигурка бодро зашагала по тщательно расчищенному тракту. Когда дом скрылся

из вида, мальчик развязал тугой узел и презрительно освободился от шали, без которой мать не соглашалась выпустить его на улицу – она страшно боялась простуд, постоянно напоминая Офальду о его слабых легких. Аккуратно сложив шаль в тугой тючок, почтительный сын пристроил ее под большим серым камнем у обочины дороги, и зашагал дальше, сделав себе мысленную заметку: не забыть обвязаться на обратном пути. Офальд шел, упрямо выставив вперед подбородок и пристально вглядываясь вдаль, туда, где по его представлениям находился неведомый, и оттого немного страшный город Инцл. Всего через каких-нибудь три месяца ему предстояло пойти в школу, про которую Хайонн, бывший старше на полтора года, солидно говорил: "будет непросто".

Дойдя до развилки, где главная дорога круто брала влево, а узкая и плохо расчищенная продолжала идти прямо, только у разбитого молнией клена чуточку изгибаясь вбок, Офальд ускорил шаг. Он скучал по своему другу, хоть и привык скрывать от окружающих любые эмоции. При Илосе дома царил суровая, скупая на любое проявление семейного тепла атмосфера. Отец оживлялся только когда был повод обругать йеревов, церковь или придраться по какому-то пустяковому поводу к жене и детям. В остальное время Илоса мрачно перебирал бумаги, ел приготовленную Ралкой еду с гримасой отвращения и, казалось, только и мечтал о том, чтобы улизнуть из дома на службу, на любимую пасеку или в пивную. Когда в дом приходили редкие гости отец умел

превращаться в радушного хозяина: лихо пил, нахваливал блюда на столе и отвешивал шутовские комплименты красоте жены, часто улыбался и поглаживал пышные бакенбарды. Мать с высокой прической и блеском в глазах скромно держалась в тени блистательного супруга. За столом звенели хрусталь и смех, а детям разрешалось лакомиться засахаренными орешками и жареными каштанами в меду даже в неурочное позднее время. Тем мрачнее казался родительский дом, когда праздник заканчивался, и на следующий день бледный свет от зимнего солнца едва проникал через подслеповатое окошко кухни, освещая праздничную посуду, которую Ралка не успела убрать в высокий резной шкаф, часть ее свадебного приданого.

Из-за редкого пролеска показался дом Ругербов. Офальд зашагал еще быстрее, но вдруг резко остановился. Рядом с изгородью, где обычно околачивался Хайонн, стояли четверо мальчишек, все намного старше обоих приятелей. Одно из них, некрасивого веснушчатого верзилу по имени Тугавс Офальд немного знал. В Махбале о нем говорили, как об отъявленном хулигане, да и дружил Тугавс с такими же как он малолетними бандитами, о которых обыватели обычно говорят, покачивая головами, что по ним тюрьма плачет. Заметив застывшего Офальда, четверка быстро сорвалась с места и через несколько секунд окружила похожего на грустно нахохлившегося голубя мальчика, поглядывая на него с деланным равнодушием. Все молчали.

Из-за неплотно прикрытой калитки мелькнула круглая голова Хайонна и быстро скрылась. Мельников сын явно заметил друга, окруженного подростками, каждый из которых был минимум на шесть-семь лет старше обоих, но даже не подумал прийти на помощь. Отчаянно перетрусивший из-за зловещего молчания Офальд перевел взгляд с Тугавса, явно верховодившего этой маленькой стайкой, на щуплого Грехина, про которого мальчишки на ярмарке кричали, что он до сих пор обдувается по ночам прямо в постель, и спросил осипшим от холода и долгого молчания голосом:

– Вы чего?

Грехин хихикнул и кивнул, как будто соглашался с правомерностью подобного вопроса. Офальд испуганно посмотрел на Тугавса, который мерзко осклабился, показав сколотый зуб сверху и пару чернеющих пеньков на месте двух нижних резцов. Верзила обожал драться, нападая преимущественно на более слабых или беспомощных противников. В прошлом году Тугавс подкараулил у пивной подвыпившего возчика, хлестнувшего мальчишку кнутом за уворованное с телеги яблоко, напал на него с парочкой друзей, свалил с ног и принялся мутузить. Неожиданно из-за угла выскочил приятель пьяного, который быстро разобрался в ситуации и одного за другим свалил увлекшихся безнаказанным нападением подростков. Последним в дорожную пыль полетел Тугавс, которого здоровенный детина приложил пряжкой ремня, обмотанного вокруг огромного кулака. Очнулся агрессор

только через два дня, с огромными иссиня-черными кругами под глазами, свернутым набок носом и без двух с половиной зубов. Смачно сплюнув Офальду под ноги, вожак лениво процедил:

– Мы ничего. А ты чего?

Офальд разинул было рот, сам еще не зная, что он скажет, но Тугавсу видимо надоело стоять на холоде. Он коротко кивнул мальчишкам, и двое из них крепко схватили Телгира с обеих сторон, а Грехин, быстро нагнувшись, сунул в рот Офальду наскоро слепленный снежок. Пока тот кашлял и отплевывался, мучаясь от невозможности вытереть лицо от брызнувших из глаз слез, Тугавс коротко что-то сказал, и мальчик почувствовал, что его куда-то быстро несут. Сквозь дрожащую на ресницах влагу Офальд увидел, как Хайонн, который оказывается все это время был за изгородью, быстро открыл калитку и побежал к небольшому ладному сараю, стоявшему с наветренной стороны от дома семьи Ругербов. Пленника затащили в полутемное сухое помещение, сдернули с головы шапку и расстегнули шерстяное пальто. В сарае сразу стало тесно. Пять пар блестящих глаз уставились на всхлипывающего мальчика. Хайонн, Тугавс, Грехин и двое подростков, похожих друг на друга как две капли воды, имен которых Офальд не знал (но им это никак не помешало распластать младшего Телгира на усыпанном соломой полу и усестся на его вытянутые в стороны руки) продолжали молчать. Наконец, главарь банды протянул:

– Значит, ты – герр Офальд Телгир, не так ли?

Уважительное "герр" в устах Тугавса прозвучало настолько издевательски, что все, кроме Офальда, заухмылялись. Мальчик неуверенно кивнул и всхлипнул.

– Тогда можно предположить, – продолжал верзила, глядя в сторону маленького окошка, затянутого паутиной, – что ты еще и сын герра Илосы Телгира?

Офальд икнул и попытался что-то сказать, но ему не хватило воздуха. Тугавс перевел взгляд своих зеленых мутных глаз, обрамленных редкими светлыми ресницами, с окна на зареванное лицо пленника.

– Я задал тебе вопрос, кусок конского навоза! – неожиданно взвизгнул вожак и, подскочив к Офальду, ударил его носком ботинка в ухо. Удар был не слишком сильный – Тугавс даже не размахнулся как следует – но мальчику показалось, будто у его головы взорвалась одна из тех шутих, что герр Дрешре запускал на Рождественской ярмарке, а потом его ухо окатили кипятком. Офальд заорал и попытался вырваться. Грехин, подобострастно взглянув на Тугавса, прикрикнул:

– Лежи смирно, и отвечай, когда тебя спрашивают!

– Да, – пролепетал сквозь душившие его рыдания Офальд.

– Громче! – пропел Грехин.

– Да! – крикнул пленник и закашлялся. Грехин отступил назад, как бы уступая Тугавсу трибуну. Тот прищурился и спросил:

– Ты знаешь, что твой отец очень сильно нас обидел, герр Офальд Телгир?

Мальчик понятия не имел, где Илоса, уважаемый в городе человек, начальник целого отряда таможенных служащих, мог пересечься с Тугавсом и его бандой, и отрицательно помотал головой, разбрызгивая в стороны слезы и сопли. Державшие его руки подростки одновременно издали возгласы отвращения и разразились самой грязной бранью. Тугавс, шикнув на них, продолжал, глядя Офальду прямо в глаза.

– Запомни, герр Офальд Телгир. Мы очень терпеливы. Но если испытывать наше терпение, оно может быстро закончиться. Тебе ясно?

Пленник, которому ничего не было ясно, на всякий случай кивнул.

– Вот и хорошо. Рассказывать папочке и мамочке ничего не стоит, иначе нам придется тесно пообщаться не только с тобой, но и с твоей сестрой. – Тугавс сделал какой-то странный жест, и все остальные угодливо заржали. – Это понятно?

Телгир вновь кивнул, стуча зубами от страха.

– А теперь мы сделаем так, чтобы ты надолго запомнил этот день. И нас.

Тугавс кивнул Грехину и Хайонну, которые тут же принялись стягивать с себя войлочные штаны и длинные шерстяные кальсоны. Офальд испуганно посмотрел на раздевавшихся ребят, и вдруг почувствовал, что его руки свободны. Близнецы, державшие мальчика, встали и отошли к осталь-

ным, также спустив вниз одинаковые твидовые брюки. Тугавс подошел к Офальду, продолжавшему смирно лежать на полу и заговорщически сказал:

– Нам не нужно, чтобы ты дергался. Но и забрызгаться мы не хотим. Поэтому...

И без малейшего перехода он легким пинком перевернул мальчика на бок и сильно ударил его другой ногой в живот. Офальд скорчился от боли, не в силах вдохнуть, и его тут же вырвало.

– Давайте, – отрывисто сказал Тугавс остальным и добавил, ткнув пальцем в Хайонна, – приберешь здесь потом.

Четверо голозадых дрожащих от холода мальчишек окружили корчившегося на полу в собственной блевотине Офальда, который наконец сумел сделать нормальный вдох, и направили на него съезжившиеся члены. Первым струйку пустил подросток, сидевший на правой руке пленника, через несколько секунд к нему присоединились остальные. Все четверо мочились на мальчика, который даже не пытался прикрыться и прижимал руки к животу, будто горевшему изнутри.

– Запомни нас, мразь, запомни нас, мразь, – монотонно приговаривал Грехин, целясь в голову Офальда, пока Тугавс не оборвал его.

– Хватит уже!

Вожак стоял у окна, сунув руки в карманы своих широких штанов, и не смотрел в их сторону. Когда журчание стихло

и мальчишки разбрелись одеваться, он подошел к Офальду, брезгливо поморщился, смачно харкнул на мокрое шерстяное пальто и отвернулся.

– Пошел вон отсюда, выродок, – безразличным тоном сказал Тугавс, стоя к Офальду спиной. Мальчик попытался подняться, но не смог. Грехин подскочил к нему, едва не поскользнувшись в луже мочи и блевотины, и сильно пнул в копчик. Офальд взвизгнул, с трудом поднялся на четвереньки и пополз к двери, покрываясь слоем грязи и соломы. Это показалось подросткам забавным, и каждый из них наградил мальчика полновесным пинком, обозвав грязным ублюдком. В этой последней экзекуции не участвовали только Тугавс, вновь отвернувшийся к окну, и Хайонн, смотревший на Офальда с ужасом и отвращением. Мальчик дополз до двери, кое-как встал, повиснув на ручке, и с трудом перевалился за порог.

Пока он ковылял к калитке, оставляя на снегу грязно-желтые капли и солому, остальные молча глядели ему вслед.

– Привет папаше! – крикнул кто-то, кажется, Грехин. Один из двух близнецов слепил крепкий снежок и запустил в Офальда, попав ему в затылок, тут же занывший от холода и боли: шапка осталась лежать на полу сарая. К новому развлечению тут же присоединились остальные, и даже Тугавс соизволил бросить в мальчика пару наскоро слепленных снежков. Офальд не пытался бежать или уклониться. Он продолжал всхлипывать, но слезы уже не текли. Подсохшие сопли

неприятно стягивали кожу на верхней губе, остатки рвоты обрамляли подбородок, голова гудела, от рези в животе и боли в ухе перед глазами плясали точки. Калитка скрипнула, и последний снежок ударил Офальда в спину за секунду до того, как она закрылась за маленьким, вонючим, грязным сыном старшего таможенного служащего герра Илосы Телгира.

Мальчик с трудом шел обратно к дому по узкой плохо расчищенной дороге, и считал про себя шаги, чтобы не упасть и не заплакать. Он дышал ртом, потому что нос оставался забитым после рыданий, но знал, что страшно воняет. Боль из острой превращалась в тупую и ноющую.

"Сорок один, сорок два, сорок три..."

Офальд осторожно переставлял плохо гнущиеся ноги, считал и смотрел прямо перед собой. Он боялся поднять голову и увидеть, как весь городок собрался посмотреть на него, выразить свое отвращение или посмеяться. Еще страшнее было обернуться и увидеть, как банда Тугавса выходит со двора Ругербов, чтобы, ничуть не напрягаясь догнать его и... Что "и" Офальд не знал. Вернее, не хотел знать.

Доковыляв до развилки, он собрался с силами и огляделся. Вокруг никого не было, только цепочка следов на снегу неподалеку от обочины указывала, что тут недавно пробежала лиса. Офальд глубоко вздохнул, поморщился от боли в ребрах и отправился дальше.

"Сто девяносто пять, сто девяносто шесть..."

Дойдя до камня со спрятанной под ним шалью, мальчик

заколебался. Если он придет домой без шапки, всегда можно сослаться на то, что она упала во время игры во дворе Хайонна, и Офальд заберет ее уже завтра. Но шаль, крепко завязанная обветренными от бесконечной стирки материнскими руками, просто так упасть никак не могла. Мысль о Хайонне и его предательстве отозвалась болезненным уколом где-то в районе сердца и мгновенно подступившими к глазам слезами, и мальчик тут же отогнал ее. Потом.

Целую вечность назад Офальду надоело проверять, сколько времени можно смотреть на зимнее солнце, не зажмурившись, и он отправился к своему другу. Тогда дома была только мать, вечно хлопотавшая по хозяйству, да маленький Дуднэм. Сколько с тех пор прошло времени мальчик не знал. Он совсем недавно научился определять время по старым напольным часам, стоявшим на почетном месте в гостиной, но своей карманной луковицы не было ни у одного мальчишки в их городе, да и не все взрослые могли похвастаться такой роскошью. Офальд взглянул на едва различимое сквозь седые перины облаков солнце, будто старался выяснить у него, который час. Впрочем, даже если бы оно ответило мальчику, это вряд ли могло чем-то помочь. Отец, который часто болел (у него были слабые легкие и нередко горлом шла кровь), мог оказаться дома в любое время, а проскочить мимо матери, перепачканным с головы до ног, воняя мочой и рвотой было просто невозможно. Оставался только один выход.

Офальд зачерпнул снега, протер им лицо, стараясь не кос-

нутья распухшего горящего уха, прочистил рот и как мог, струсил с себя остатки соломы. Затем достал шаль, завязал ее крепким узлом, развернулся и пошел, немного пошатываясь, по направлению к пруду.

* * *

Когда ушел доктор Рэбуа, а отец, выплескивая накопившееся раздражение, набросился под каким-то пустяковым предлогом на Илосу-младшего, Офальд наконец почувствовал, что начал отогреваться. Помогла изрядная доза горячего рома, которая к тому же усыпила боль в животе и ухе. Его правдоподобному рассказу о падении в едва покрытую тонким льдом полынью родители поверили безоговорочно. Ледяная вода практически отбила запах мочи, но мальчик все равно добавил, что обмочился со страху. Домой его притащил молочник Намхоф, подобравший коченеющего Офальда на обочине дороги. Ралка быстро раздела клацающего зубами сына, вскрикнула, увидев огромный кровоподтек на животе, но тратить время на причитания не стала, растерев худое бледное тело шнапсом и укутав в шерстяной плед. Вернувшийся со службы отец сам сходил за доктором, который велел влить в больного горячий ром, смазал ухо и живот какой-то пахучей едкой дрянью ("Ударился? Когда обратно на лед лез? Ну да, ну да, кхе-кхм..."), и не отказался от благодарно поднесенной рюмочки. Его сизый нос залоснился, и

доктор, привычно звякнув монетами в кошельке, вальяжно проследовал к выходу. Мать благодарно сделала книксен и утерла слезу. Потом родители долго разговаривали, стоя у плиты, так, чтобы не слышали дети. Илоса, разругавшись со старшим сыном, и отвесивший упряму несколько оплеух, все еще был мрачен, и подергивал длинный седой ус. Ралка успокаивающе гладила его по плечу. Кажется, отец с матерью обсуждали очередной переезд.

Лежа под двумя одеялами на диване в гостиной, прямо у камина, Офальд, в голове которого неприятно шумел выпитый ром, начал проваливаться в сон. Усилием воли он отогнал дремоту и осторожно, будто пробуя языком дырку в гнилом зубе, первый раз за последние несколько часов попытался понять, за что его ударил Тугавс, предал Хайонн, унизили все остальные. Что он, Офальд Телгир, сын уважаемого государственного служащего и его бывшей экономки, ставшей потом женой, шести лет от роду, мог сделать компании старших мальчишек, двоих из которых он и по имени-то не знал? Зачем ватаге хулиганов водиться с сыном мельника, namного младше их всех? Мальчик так и не нашел ответа на эти вопросы, когда сон наконец накрыл его, будто никем и ничем не сдерживаемой лавиной.

Лишь наутро, когда к боли в животе, ухе и ребрах прибавилась боль в голове, Офальд понял, что может быть общего между Хайонном и бандой Тугавса.

Все они были йеревами.

Глава вторая. 11 лет

Диноглен – Инцл, Ивстаяр. Февраль – октябрь

От темного провала окна веяло холодом, несмотря на жарко натопленный камин. Ралка сидела у кровати Дуднэма с красными от слез глазами и беззвучно шевелила губами, в тысячный раз читая молитву об исцелении. Офальд зябко поежился, выглядывая из-за тяжелой портьеры, и поскорее спрятался обратно, скрываясь от матери. К больному его не подпускали, опасаясь заражения, и мальчик прокрадывался к брату украдкой, когда все уже спали, стараясь не потревожить измученную Ралку, нередко засыпавшую в кресле рядом с Дуднэмом. У младшего брата была корь, и проходила она крайне тяжело. На лице темнели пигментные пятна, от тяжелейших приступов сухого кашля ребенок, которому не исполнилось и шести, иногда терял сознание. Он с трудом дышал, ходил под себя, почти ничего не ел и уже не мог даже плакать – не было сил, – а только тихонько скулил в полузабытьи. Крепкий краснощекий бутуз, которого обожала вся семья (даже суровый Илоса в последние годы оттаял, и смотрел на Дуднэма с нескрываемой нежностью) страшно испугал, и всего за несколько дней превратился в бледную плохо слепленную восковую куклу, неподвижно лежавшую на казавшейся огромной по сравнению с маленьким телом кровати. Вчера Офальд, стоявший за изгородью, своими ушами

слышал, как доктор Мерлюл, садясь в изящный возок, отрывисто сказал своему помощнику: "Не жилец". Мальчик похолодел и сел прямо на снег.

Ночью он пробрался к Дуднэму и долго смотрел на его лицо с заострившимся носом и запавшими полуприкрытыми глазами. Из-под подрагивавших век виднелись тусклые полоски белков. Офальду казалось, что, если веки брата поднимутся, под ними будет одна дымчатая белизна, пустая и мертвая. "Не жилец". В углу комнаты зашевелилась и забормотала во сне спавшая на софе сестра матери Ганиноа, больная диабетом горбунья, переехавшая к Телгирам, чтобы помочь с больным. Вздохнула и задремавшая в кресле Ралка. Офальд быстро присел, скрышась за темно-вишневой скатертью, покрывавшей тяжелый стол и свисавшей до самого пола. Мать открыла глаза, с трудом выпрямилась, встала и наклонилась над Дуднэмом. Она некоторое время прислушивалась к его неровному дыханию, потом отошла к окну и замерла. Слезы медленно текли по ее щекам, но Ралка не пыталась их вытереть. Ее руки, всегда такие крепкие и сильные, ежедневно работавшие без усталости с раннего утра до позднего вечера, сейчас висели двумя безжизненными кусками плоти, покрытыми материей, словно у деревянного паяца из лавки герра Нелюмба на центральной площади.

Жена Илосы Телгира уже похоронила троих детей. Двое погодков умерли на ее руках от дифтерии, еще один, родившийся с гидроцефалией, не прожил и недели. С истин-

но римнагской настойчивостью она продолжала попытки создать многодетную, добропорядочную, приличную семью для уважаемого в округе человека, которым восхищалась с детства, будучи простой служанкой в доме тридцатипятилетнего чиновника. Они поженились, когда Илосе было уже сорок семь, но муж еще много лет не уклонялся от исполнения супружеского долга, в последний раз стал отцом в пятьдесят восемь, и лишь в прошлом году перестал интересоваться Ралкой, как женщиной. Она привыкла к непростому характеру супруга, научилась не обращать внимания на его раздражительность, гасить нервозность, защищать детей от его нападков и изредка принимать на себя удары его тяжелой руки. Илоса относился к жене покровительственно, любил подчеркивать свое превосходство и довел старшего сына от первого брака до нервного срыва, после которого тот сбежал из дома в четырнадцать лет. Офальд, на которого после побега Илосы-младшего переключился со своими придирами отец, был четвертым ребенком Ралки и первым, прожившим больше трех лет, несмотря на его слабые – в отца – легкие. Мальчик рос развитым, болел ненамного чаще детей его возраста и горячо любил мать. Окрыленная, пять лет спустя Ралка родила Дуднэма, а еще через полтора года на свет появилась девочка Улапа. Илоса получил наследство, купил дом, вышел на пенсию и окончательно посвятил себя любимому увлечению, пчеловодству. Теперь семья жила в большом доме с садом, большую часть расходов на содержание

которого покрывала квартирантка, перезрелая старая дева по имени Аблетэзи, снимавшая у Телгиров комнату. Ралка хлопотала по хозяйству, Илоса наслаждался пенсией, дети росли здоровыми и казались счастливыми, несмотря на тяжелый характер отца, временами превращавшегося в настоящего домашнего тирана.

Но в нынешнем феврале заболел Дуднэм, и Ралка будто вернулась на двенадцать лет назад, когда один за другим умерли ее двухлетний сын и годовалая дочь. В эти страшные дни даже Илоса притих, перестал самодовольно разглагольствовать о грязной политике и бесполезной церкви, и даже пытался неуклюже помогать жене с домашним хозяйством, а когда в доме появилась ее сестра Ганиноа, продолжал вести себя почти безукоризненно. На плечи падчерицы Ралки, шестнадцатилетней Леагны, легла забота об Офальде и крошке Улапе, пока Ганиноа занималась домом, а сама Ралка не отходила от кровати Дуднэма. Она забывала о еде и сне, непрерывно молилась и плакала, плакала и молилась. Она так много плакала в последние дни, что никакие платки не сумели бы впитать всю эту влагу, без перерыва сочившуюся из ее глаз.

Этой ночью вымотанную до изнеможения Ралку, заснувшую прямо в кресле, разбудил какой-то посторонний звук. Она с трудом встала, проверила, дышит ли Дуднэм и вновь с ужасом поняла, что он навряд ли проживет еще хотя бы день. Ралка не могла больше видеть его черные подглазья,

смазанные пахучей мазью язвы на щеке, заострившийся нос, обметанные белым налетом губы, угрожающе истончившаяся шея. Она отвернулась от сына и отошла к окну, замерев в самой страшной и надрывающей сердце позе, какую только может принять женщина. Никто и никогда не должен видеть женщину такой. Глаза ее гаснут, лицо и губы сереют, ничего женского больше не остается в ее фигуре, пропадают нежные изгибы груди и бедер, плечи опущены, придавленные самым тяжелым на свете грузом, все ее тело принимает облик бесформенного серого камня скорби. Взгляд Ралки был обращен куда-то внутрь, но со стороны казалось, что она смотрела в окно, словно представляя себя где-то далеко отсюда, за неровной кромкой покрытого голыми деревьями холма. Там лунный свет высекает искры из чистого, никем нетронутого снега, черные ветви вычерчивают контуры причудливой мозаики на фоне нежно-фиолетового зимнего неба, а прозрачный морозный ветерок так не похож на спертый, пропитанный запахами лекарств, сгустившийся от надвигающегося несчастья воздух комнаты, где умирал пятилетний сын Ралки Телгир, урожденной Льепцль.

Офальд медленно выпрямился. Он понял, что мать не увидит и не услышит его, даже если он заорет во все горло. Неловко переставляя негнущиеся ноги, похожий на белую цаплю в своей ночной рубашке, мальчик вышел из комнаты. Дуднэм умер под утро.

Мрачным октябрьским утром Офальд, закинув за спину холщовую сумку с книгами, шел в школу. После ночного дождя проселочная дорога превратилась в грязное месиво, и мальчик аккуратно шагал по обочине, стараясь не забрызгать одежду. Ботинки чавкали, Офальд насвистывал в такт ходьбе и время от времени поглядывал назад, чтобы вовремя отскочить, если по дороге проедет какой-нибудь не в меру быстрый экипаж. В Ивстаяре, как и в других частях империи Грубгабсов, после четырех классов начальной школы ученики распределялись, согласно их оценкам и способностям, в училища, где учились дети, звезд с неба не хватавшие, или гимназии, для ребят с высоким уровнем знаний. Здесь отсчет классов начинался сначала, так что 11-летние ребята вновь шли в первый класс, соответствовавший пятому в Рифаянце или Исинаяпе. Офальд до смерти Дуднэма учился неплохо, но после похорон свалился с нервной горячкой, много пропустил, и не слишком стремился становиться отличником. Все же, его финальные оценки позволяли поступить в гимназию, и Офальд надеялся, что он будет ходить в школу рядом с домом. Однако отец, взявшийся за сына всерьез после побега Илосы-младшего, подрабатывавшего где-то в городе официантом, рассчитывал, что Офальд пойдет по его стопам и станет чиновником. Поэтому Илоса настоял

на поступлении в гимназию Инцла, находившейся в шести километрах от дома Телгиров в Диноглене. Здесь мальчик мог получить качественное образование, продолжить его в высшем учебном заведении и поступить на государственную службу, обеспечив материально себя и свою будущую семью. Ралка, никогда не спорившая с мужем, и не вмешивавшаяся в его решения, молчаливо одобрила этот план. Офальд любил свой ежедневный долгий путь до новой школы, но саму гимназию ненавидел. Он давно решил, что не собирается становиться государственным служащим, как того желал отец. Мальчик с детства обожал рисовать, и этим летом твердо пообещал себе, что будет художником. Но первый же разговор с Илосой об этих планах закончился страшным скандалом, после чего Офальд, скрепя сердце, был вынужден уступить – правда, только для вида.

Дойдя до большого перекрестка, мальчик остановился. Он увидел долговязую фигуру своего одноклассника Ридихта, который быстро шел к тому же перекрестку со стороны Гевальда, отмахивая длинной рукой в такт ходьбы. Мальчиков сложно было назвать друзьями – Офальд вообще ни с кем не дружил после предательства Хайонна – но с Ридихтом Телгир-младший общался чаще чем с другими, тем более, что половину длинной дороги до школы они проделывали вместе.

– Эй, Оглобля! – крикнул Офальд, и сделал вид, что собирается сорваться с места. – Давай, шевелись, а то опозда-

ешь, и наш старый добрый Рудэад вставит тебе глагол в тощую задницу!

Рудэад Юмхер преподавал рифаянцкий и римнагский, и пользовался сильной нелюбовью обоих.

– Заткнись, Дятел! – беззлобно огрызнулся Ридихт, но все же чуть ускорил шаг. – Времени еще куча.

Оглоблей Ридихта называли многие: он был высоким, сутулым и тощим. Офальд, с его длинным носом и упрямым хохолком на макушке быстро превратился в Дятла. Со стороны одноклассники были похожи на старшего и младшего братьев: оба бледные, худощавые, с чахоточными пятнами румянца на щеках, вытянутыми лицами и блеском в глазах. На самом деле Ридихт, почти на голову выше Офальда, был младше на восемь месяцев. Услышав звон колокола церкви Лиунруас, мальчики переглянулись. До начала занятий оставалось полчаса, а герр Юмхер действительно терпеть не мог опозданий на свой урок. Приятели пошли быстрым шагом в сторону железнодорожной насыпи мимо старой крепостной башни, стоявшей на невысоком холме у перекрестка двух дорог. Ридихт вытащил из сумки краюху свежего ржаного хлеба, разломил пополам и предложил половину Офальду. Тот не стал отказываться. Жуя, мальчики вошли в город, и идти по мощеным улицам сразу стало легче. Они добрались до улицы Амухбаб, свернули на Ренсегр и через три квартала оказались на бульваре Лорсект, даже несмотря на раннее утро и крайне неприятную для прогулок погоду бывшим

весьма оживленным. Ридихт, обожавший глазеть на витрины и разодетых в пух и прах прохожих, тут же отстал. Офальд продолжал идти по направлению к школьному двору, даже не оглянувшись на одноклассника. Захочет – догонит.

В свои одиннадцать лет мальчик, внешне очень похожий на мать, характером стал сильно походить на отца. Упрямый, вспыльчивый, беспокойный, нередко замкнутый, он был подвержен нервическим припадкам, довольно редким, но неизменно пугавшим родственников. Его обычно бледное лицо наливалось кровью, глаза пучились, на шее вздувалась жила, крылья прямого носа трепетали. Офальд кричал, срываясь на визг, брызгал слюной и размахивал руками, чуть не подпрыгивая на месте от крайнего возбуждения. Крик доходил до высшей точки, обрывался, мальчик замолкал, дрожа всем телом и беззвучно разевая рот, как карп на разделочной доске, потом резко разворачивался и убегал. Во время одного из таких срывов он обмочился, в другой раз, нелепо вскинув руку, случайно ударил по лицу Леагну, после чего она неделю ходила с кровоподтеком на скуле. В тот раз Илоса избил Офальда, не дожидаясь конца припадка, но обычно мальчика просто оставляли в покое, давая прокричаться и успокоиться. Мать жалела его, уверенная, что сын просто тяжело переживает смерть брата, и со временем великий врач по имени Время поможет ему преодолеть эту тяжелую потерю. Отец считал припадки сына обычной блажью, которая пройдет, когда Офальд немного повзрослеет.

Войдя в арочную дверь гимназии, громоздкого серого четырехэтажного здания на улице Сенташайгс, мальчик обернулся. Шагах в двадцати от него тяжело бежал Ридихт. Офальд подождал приятеля, и в широкий школьный коридор одноклассники вошли вместе, затерявшись в потоке других учеников, поминутно здороваясь, но почти не получая ответных приветствий. Ридихт с Офальдом были "из крестьян", и в лучшем случае надменные "городские" их просто не замечали, в худшем – относились с явным презрением. В классной комнате Оглобля и Дятел оказались за минуту до начала урока.

В Инцлской гимназии ученикам с первых дней внушали, что все прежние привычки и вольности навсегда должны остаться за порогом школы. В приветственной речи в начале года герр директор Снаг Мекодамн, представительный мужчина с огромными бакенбардами и тростью черного дерева с костяным набалдашником в виде головы волка – с ней большинство присутствующих скоро свели более, чем близкое знакомство – говорил о главной ценности в вверенном ему городом, богом и императором заведении:

– Но главное, мальчики, что вы должны помнить и уважать – и я это говорю каждый год, не так ли, старшие? (одобрительные возгласы со стороны учеников старших классов) – это наша гимназическая дисциплина, основа всех основ, краеугольный камень вашего пребывания в школе, и вашего дальнейшего жизненного пути. Вас научат послушанию,

усердной работе и соблюдению железной дисциплины – вот за что все выпускники нашей школы остаются ей благодарными даже спустя много лет, иногда возвращаясь под наши гостеприимные своды. Классный наставник герр Гелан живой и яркий тому пример (сухопарый человек с острыми коленями слегка кланяется, ему недолго, но бурно аплодируют). С того самого момента, как вы переступили порог гимназии... – и так далее, и тому подобное, с выверенными годами пышными словесными оборотами, тяжеловесными сравнениями и даже двумя-тремя сказанными строгим голосом шутками, сопровождаемыми подобострастным смехом.

Классные наставники и учителя неукоснительно соблюдали заветы герра Мекодамна. Не одна деревянная линейка была сломана о руки и спины особенно строптивых учеников, а дома отцы, воспитанные в почтении к трем китам школьного директора, беспрекословно подчинялись грозным замечаниям, записанным красными чернилами, и закрепляли знания сыновей, кто ремнем, кто розгами. Офальд Телгир пока еще не удостоился грозной записи в специальной тетради – занятия шли всего три недели, но непоседливого Ридихта его отец выдрал уже дважды. После спора с Илосой о своем будущем Телгир-младший решил не тратить время и силы на предметы, которые его мало интересовали. Учителя признавали мальчика способным, однако оговаривались, что способности эти распространяются далеко не на все предметы.

Преподаватель римнагского и рифаянцкого, Рудэад Юм-

хер, молодой еще человек в пенсне и с идеальным пробормом, разделял мнение коллег об Офальде. Он нередко замечал, что мальчик на уроках несобран, часто смотрит по сторонам или в окно, а однажды, вместо того, чтобы прилежно выписывать спряжения рифаянцских глаголов первой группы, рисовал на промокашке. Юмхер как следует наказал юного Телгира, но пока решил не доводить сведения о его поведении до родителей и директора. Рудэад был молод, и все еще воспринимал нежелание учить два красивейших из всех придуманных человечеством языков как персональный вызов, стараясь привить любовь к своим предметам даже самым тупым и недисциплинированным ученикам. Офальд был далеко неглуп, и поначалу вел себя пристойно, но было очевидно, что на рифаянцкий, как и на учителя Юмхера ему глубоко плевать. На римнагском Телгир также писал с чудовищными ошибками. Что ж, новый день, новый вызов, неизменно повторял себе Рудэад, мысленно засучив рукава.

Привычное течение дня нарушил директор Мекодамн, заглянувший в классную комнату перед началом четвертого урока в сопровождении седовласого человека в скромном темном костюме и с аккуратной бородкой. Седина этого мужчины была явно преждевременной: ореховые глаза его ярко блестели и не были обрамлены гусиными лапками, румяные щеки были гладкими, а движения – точными и упругими. Герр Снаг представил своего спутника как доктора Доллопье Тешпа из Грубарма, нового учителя истории.

Дверь за грозным директором закрылась, и Тешп остался один перед тридцатью парами глаз, взиравших на него кто с любопытством, кто с легким пренебрежением – уроки истории в Инцлской гимназии не относились к числу любимых учениками, – но большинство (Офальд был среди них) с дисциплинированным равнодушием. Учитель прочистил горло и начал неожиданно глубоким и звучным голосом:

– Сегодня, дорогие мои, мы с вами просто поговорим. Необходимую, но не столь существенную процедуру знакомства я, с вашего позволения, отложу на другой раз, а сейчас давайте дадим слово величайшей из всех наук, рассказывающей всем желающим ее услышать о величайшем народе на земле, его свершениях, невероятном пути сквозь время, его победах и поражениях – я говорю о нас с вами, о римнагцах. Кто такой римнагец, спросите вы? О, это тот, у кого перехватывает дыхание при одном лишь упоминании о Бугремрезских заклинаниях, которые опубликовал наш великий Кябо Мриг, кто плачет от восхищения, читая о Гунибленах и слушая музыку нашего великого Ренгава, для кого король Дирфирх и канцлер Скимарб навсегда останутся величайшими светочами Римнагеи во веки веков и на все времена! Страна Грубгабсов, где мы с вами имеем несчастье проживать, – это всего лишь тень, миг, химера перед лицом великой империи, которой еще суждено стать главной на нашем старом добром поверском континенте, и примером для сонма поколений страждущих присоединиться к ней во всем мире!

Тридцать пар широко раскрытых глаз не отрываясь смотрели на Доллопье Тешпа, продолжавшего свою страстную речь о любви и преданности своему народу, о чувстве римнагского достоинства, о величии и простоте главнейшей земной нации.

Офальд слушал учителя истории, боясь пропустить хоть слово.

Глава третья. 13 лет

Диноглен – Инцл, Ивстаяр. Январь – апрель

Илоса Телгир стоял в дверном проходе, перекрывая Офальду путь к бегству. Длинная почерневшая от ежедневного курения трубка, зажатая в желтоватых сухих пальцах с неряшливо обкусанными ногтями, давно испустила последний сизый дух, но Телгир-старший не замечал этого, уперев взгляд водянистых глаз, прятавшихся под нависшими бровями, в непутевого сына. Тот переминался с ноги на ногу, бледное лицо покрылось неровными красными пятнами румянца, голос дрожал. Отец зло бросил:

– Собираешься присоединиться к Илосе-младшему? Из вас получится отличная парочка халдеев в каком-нибудь убогом кабаке!

Офальд сжал кисть левой руки правой, пытаясь совладать с волнением и изгнать дрожь из голоса. Светлые – в отца – глаза сверкали ярче обычного, ногти впились в кожу, оставляя ярко-красные каемки на ее белой поверхности.

– Я не буду чиновником, – сдавленно сказал он, и все же отвел взгляд от грозного лица Илосы, на котором воинственно топорщились усы с подусниками, в стиле обожаемого Телгиром-старшим императора Цфарна Фиоси Грубгабса, правившего Ивстаяром вот уже 55 лет. – Я уже много раз говорил, что хочу быть только художником.

– Худо-о-ожнико-ом, – протянул отец. – Будешь рисовать размалеванных шлюх для стен инцлских борделей? Достойное занятие для сына старшего имперского официала!

Офальд вспыхнул.

– Искусство – мое призвание, а ходить на службу я не намерен!

– Что ж, хорошо, – прищурился отец и зло скрипнул желтыми крупными зубами. – А чем же ты, позволь спросить, будешь обеспечивать свою будущую семью? Картинками?

– Даже если и картинками, что с того? Рисовать уж в любом случае лучше, чем каждый божий день гнить за столом, перекладывать бумажки и лебезить перед начальством!

Илоса побагровел, глаза, глубоко сидящие в орбитах, выпучились. Он все еще старался говорить спокойно.

– У тебя перед глазами есть достойный пример. Жених Леагны...

– Этот вонючий олух? – саркастически перебил Офальд. – Этот великолепный герр Еол Аурьяб, которого ждет невероятная карьера в налоговом ведомстве Инцла? Я скорее содохну, пока он переползет из младшего налогового инспектора в старшие!

– Не тебе, сопляку, судить о перспективах Еола, – резко сказал Илоса. – Он на хорошем счету у начальства, и...

– И вы все ждете не дождетесь, как бы поскорее сбегать Леагну этому ничтожеству, – быстро договорил за Телгира-старшего Офальд. – Он ее быстренько обрюхатит, чтобы

без помех продолжать играть в кости в самых грязных заведениях Инцла!

Воздух, казалось, взорвался от звонкой пощечины. Илоса тут же отскочил от сына, схватившегося за покрасневшую щеку. Губы обоих побелели. После долгой паузы Офальд прошипел:

– Я принял решение и буду рисовать.

– Не будешь, – зловеще ответил отец, усилием воли возвращая себе присутствие духа. – Я не позволяю тебе так безответственно относиться к своему будущему.

– Может быть, я сам имею право решить, кем мне быть, и чем заниматься? – патетически воскликнул Офальд срывающимся голосом. Он отпустил щеку, воздев руки к низкому потолку, и очень напоминал сейчас слегка оципанную птицу, которой задала трепку ее собственная стая. Мальчик скрежетнул зубами и с невероятно надменным видом скрестил руки на груди, выставив вперед правую ногу и оттопырив нижнюю губу. – Мое призвание, моя цель и моя жизнь – рисование. Мне плевать на математику, химию и прочую белиберду. Я хочу быть художником и буду им.

– Пока я жив, ты не станешь художником! – взорвался Илоса. – Я запрещаю тебе и думать об этом! Ты возьмешься за ум и начнешь учиться как полагается, иначе... – отец неожиданно кашлянул, пошатнулся, ухватился за косяк, выронив трубку, но тут же выпрямился и продолжил твердым голосом, – иначе ты закончишь в канаве под забором, с бу-

тылкой в руке и своими картинками в качестве подстилки!

– Я не собираюсь учиться в твоей сраной гимназии, – выпалил Офальд с ненавистью, даже сквозь необычайное волнение с удовольствием отметив, как светлые глаза отца выкатились еще больше: в доме Телгиров строго-настрого запрещалось употреблять бранные слова. – Я не собираюсь становиться таким же как ты, чтобы сорок лет глотать пыль и кашлять кровью! Я ненавижу такую жизнь!

– Служба, – загремел Илоса, – это самое лучшее, чему ты можешь посвятить свою жизнь, чтобы не сделать ее жалкой! Ты будешь уважаемым человеком, сможешь содержать жену и детей, а твоя страна будет любить и оберегать тебя за твою преданность – если ты этого до сих пор не понимаешь, так это от того, что ты глупый маленький щенок, который никак не поумнеет! Твои мерзкие оценки это доказывают, ты, ленивый бездельник, невежественный второгодник, даром просиживающий штаны в лучшей инцлской школе!

– Эта лучшая школа – дерьмо собачье! – уже не сдерживаясь, завизжал Офальд. – В ней работают одни идиоты и извращенцы в засаленных воротничках!

– Прекрати браниться в моем доме! – заорал и Илоса. – Следи за своим поганым языком! Ты будешь хорошо учиться, исправишь неуды по рифаянцскому и математике, а потом станешь чиновником! – Он сглотнул, откашлялся, перевел дух, и заговорил спокойнее, прижав руку к левому боку. – И заруби на своем маленьком носу: пока я жив, забудь

о карьере бездарного мазилы.

– Тогда сдохни, сдохни, сдохни! – Офальд кричал, дергаясь всем телом, на губах запузырилась слюна. У него начался нервный припадок. Илоса сделал два быстрых шага по направлению к сыну, размахнулся и сбил его с ног тяжелой оплеухой. Крик тут же смолк. Мальчик лежал на полу, тяжело дыша и все еще подергивая конечностями, из носа показалась тонкая струйка крови, глаза горели. Отец наклонился к нему и схватил за горло.

– Ты. Будешь. Чиновником. – сказал он отдельно. Две пары голубых глаз на несколько секунд встретились, мечта искры с одинаковым неуступчивым упрямством. Затем Илоса разжал пальцы, голова Офальда мотнулась назад, и мальчик крепко приложился затылком о добела выскобленные доски пола. – Ты. Будешь. Чиновником. – повторил Илоса и поспешил уйти. Он чувствовал, что еще немного – и ему придется признать поражение перед своим упрямым отпрыском.

Только вчера, в ясную январскую пятницу, отец взял сына в свою бывшую инцлскую контору, где Телгира-старшего до сих пор помнили, как строгого, но справедливого начальника, несмотря на то, что Илоса уже восемь лет как пребывал на пенсии. Он с удовольствием водил мальчика по просторным комнатам, объясняя, как и что устроено в таможенном департаменте, привычно перекидываясь словечком-другим со старыми сослуживцами, знакомился с молодежью, надзидательно выравнивал неряшливые стопки бумаг на краях

массивных столов и вообще чувствовал себя как рыба в воде. Мрачный Офальд таскался за отцом по пятам, бурчал что-то невпопад, отводил глаза и держал себя бука-букой. Илоса даже решил как следует выдрать строптивца сразу по возвращению в Диноглен, но дал себя уговорить пропустить пару стаканчиков в соседней пивной, где – вот уж действительно, чудо по нынешним беспокойным временам – ничего не изменилось, начиная от солидной дубовой мебели и заканчивая огромными брылями кельнера. Сын отправился домой, а Илоса как следует отметил встречу с давними друзьями и примкнувшими к ним чиновниками из соседнего земельного ведомства – немного снобами, но все же славными геррами, внимательно слушавшими разглагольствования Телгира о нынешнем положении дел в славном Ивстаяре, о мощи римнагских народов и о прочих очень важных вещах – Илоса говорил долго, всего и не упомнишь. В итоге, когда он вернулся в свой большой, не слишком складный дом у самого диногленского кладбища, Офальд уже спал. Отец решил отложить важный разговор на утро субботы, перед тем, как по давно сложившемуся распорядку он пойдет на прогулку, чтобы завернуть в местную гостиницу за аперитивом.

Разговор состоялся, и Илоса вылетел из дома в самом скверном настроении, едва успев облачиться в новехонькое, достойное столь солидного человека пальто. В левом боку колело, легкие, казалось, вместе с воздухом наполнялись водой, а из горла вырывалось хриплое, влажное дыхание, сме-

шиваясь с январским морозцем и неохотно отделяясь от густым тяжелым рыхлым облачком. Герр Телгир заставил себя идти спокойно, как и подобает уважаемому чиновнику, государственному служащему, не один десяток лет верой и правдой отдававшему все силы своей стране, и наслаждающемуся заслуженным отдыхом на пенсии.

Илоса Телгир, несмотря на пристрастие к пиву и вину, любовь к острой и жирной пище, страсть к крепкому трубачному табаку, отвращение к каким бы то ни было спортивным занятиям – исключая неторопливые моционы от дома к пивной или пасеке и обратно – оставался моложавым и выглядел младше (пусть и ненамного) своих шестидесяти пяти лет. Сеточка лопнувших сосудов на мясистом носу и умеренно полных щеках оттенялась пышными бакенбардами и подусниками, волосы на голове поредели не критически, живот оставался в категории брюшка и даже не собирался переходить к брюху, а движения не подвергались старческой расплывчатой неуклюжести. Илоса очень гордился, что его последний ребенок родился, когда ему было уже пятьдесят восемь – и даже через пару лет после этого он нередко мешал всегда покорной Ралке спать по ночам. Сейчас, когда герру Телгиру уже стукнуло шестьдесят пять, с альковной лихо­стью было покончено раз и навсегда, но Илоса все еще позволял себе отпустить тщательно выверенную – только для ближнего круга – непристойность в адрес красивой девушки, неизменно вызывавшую уважительные смешки приятелей.

лей, как следует подогретых несколькими кружками доброго пива.

Бывший старший официант, уважаемый и добропорядочный житель Диноглена, кое-как приведя в порядок растрепанные чувства, направлялся к ближайшей гостинице, где каждое субботнее утро привык коротать время за бокалом вина, ждавшем его ровно в десять на барной стойке. Стараясь дышать глубоко и ровно, чтобы хоть немного стихло проклятое колотье в боку, Илоса слишком резко вдохнул, а вместе с выдохом на любовно начищенные Ралкой пуговицы пальто выплеснулся фонтанчик крови, орошая все вокруг. Мужчина вскинул руку к мгновенно ставшему чересчур тугим вороту, по инерции сделал еще несколько шагов вперед, заваливаясь вбок, а темно-вишневые капли весело танцевали на белом покрывале снега у обочины, вырисовывая замысловатый узор. Илоса неловко повалился прямо на этот красно-белый ковер, мимолетно удивившись, почему вместо припорошенных снегом мысков темно-коричневых ботинок перед его глазами вдруг оказалось неправдоподобно ясное зимнее небо. Он медленно сморгнул, и вместо яркой синевы весь обзор перекрыло широкое испуганное лицо соседа Окнарда Ешрефа, провал рта которого несколько раз сомкнулся и разомкнулся.

– Ты не будешь художником, – миролюбиво сообщил лицу Илоса, чувствуя, как в боку вместо частых уколов разливается блаженная теплота. Лицо перед ним закачалось, раздвои-

лось, и Телгир провалился в длинный глубокий тоннель, увешанный непристойными картинками с размашистыми автографами сына в левом нижнем углу, на которых обнаженные nereиды сливались в жарких похотливых объятиях, прямо на глазах у мастурбирующих друг другу фавнов с кроваво-красными губами. Илоса летел в пустоту, покачиваясь из стороны в сторону, ему было мерзко, мерзко, МЕРЗКО, он пытался дотянуться хотя бы до одного из этих нечестивых изображений, сорвать его, уничтожить, растоптать, но растопыренные пальцы все время хватали только пустоту. Тело чиновника закружилось вокруг своей оси и картинки начали вращаться вместе с ним, сливаясь в один большой, пошлый, омерзительно-животный порочный круг. Буква "О" в имени Офальд растягивалась и сокращалась, будто подмигивая незадачливому отцу. Из последних сил Илоса попытался ухватиться хотя бы за этот издевательский глаз, однако тот куда-то пропал. Телгир пытался кричать, но из горла вырывалось только теплое липкое дыхание, растекавшееся по всему телу и никак не желавшее принять форму легкого облачка, тающего в веселых отблесках зимнего ивстарярского солнца.

Пока Окнард вместе с сыном Сакмом из последних сил тащили герра Телгира к гостинице, взывая о помощи к редким прохожим, надрываясь, уворачиваясь от молотящих по воздуху рук соседа, изо рта Илосы толчками шла дымящаяся кровь, заливая его одежду, руки и штаны добровольных но-

сильщиков, утоптаный снег, ступени крыльца. На помощь бросился хорошо знавший Илосу портье, еще один прохожий придержал тяжелые двери, встревоженные постояльцы подбежали, чтобы посмотреть на причину поднявшегося переполоха. Бывшего таможенника уложили на кожаную кушетку, приподняли голову, приложили к вискам лед, скользящими и срывающимися с пуговиц пальцами расстегнули добротное шерстяное пальто, но доктора Илоса Телгир так и не дождался. Его голубые глаза открылись последний раз, чтобы найти упрямого сына и еще раз сказать ему, что он никогда – никогда! – не станет художником, но остановились на полпути. Часы показывали без трех минут десять, и бокал красного вина уже ждал Илосу на барной стойке. Его выпил Ешреф.

Когда Ралка, не помня себя, прибежала в гостиницу, бранным останкам ее мужа уже придали более-менее пристойный вид. Пальто было застегнуто, кровь кое-как оттерта, глаза прикрыты. Следом за матерью в вестибюль ворвался Офальд. Увидев тело отца ("сдохни! сдохни!"), мальчик сделал два неуверенных шага по направлению к нему, не отрывая взгляда от внезапно заострившегося носа, и упал на колени. Позже Окнард Ешреф рассказывал всем желающим его послушать, что "такого воя, как от мальчишки Телгира в тот день, я, ей-ей, ни в жисть не слышал".

Погруженный в свои мысли, Офальд шагал по знакомой до последнего камешка дороге. Карман оттопыривался от карандашей, угольков, ластиков и кистей, в сумке болтались коробка с красками, пара книг и несколько свернутых в трубочки неоконченных рисунков с видами весеннего Линца и его окрестностей. Пятна румянца на вечно бледном вытянутом лице мальчика смотрелись нездорово, впечатление от общего болезненного вида Телгира усиливалось из-за лихорадочного блеска в его глазах. Мальчик почти не смотрел по сторонам, и чуть было не попал под лошадь, хозяин которой заорал, что "выдерет идиота, если он еще раз попадетсЯ ему на глаза". Добавив еще парочку сочных эпитетов в адрес "безмозглого недомерка", возница хлестнул лошадь, и та всхрапнула, сделав вид, что побежала чуть быстрее, не ускорившись при этом ни на йоту. Телгир даже не успел испугаться, отскочив в сторону, но спускаться неотесанному фермеру его грубость мальчик не собирался. Брезгливо поморщившись, он ухватил большой липкий комок грязи с обочины и, быстро прицелившись, запустил его в широкую спину возницы. Взрыв ругательств подсказал меткому стрелку, что его выстрел попал в цель, но любоваться делом своих рук было некогда: Офальд скатился в придорожную канаву, изрядно вымазав твидовые штаны и крепкие ботинки, и при-

пустил к дубовой роше, намереваясь сделать крюк в парочку лишних километров. Мальчик так ни разу и не оглянулся, и вопли мужлана быстро затихли вдали.

В начале весны после нескольких тяжелых разговоров с матерью о его будущем Офальд отправился в Инцлское гимназическое общежитие. Он по инерции продолжал ходить в школу, где Рудэад Юмхер, ставший его классным наставником, тщетно пытался увлечь своих учеников рифаянцским и римнагским, а Грехин Шард, преподаватель математики, поставил в школьном табеле "неудовлетворительно" и разразился пространном письмом, адресованным Ралке, с требованием привести сына в чувство и заставить его заниматься хотя бы на одном уровне с отстающими. Офальд, давно решивший, что никакая математика ему не нужна, все же не отваживался окончательно бросить учебу. Чувство внутреннего протеста угасло в нем после смерти отца, которого он боялся, но по-своему уважал. Теперь мальчиком владела лень, смутное беспокойство и только любовь к матери удерживала его от радикальных шагов. Офальд нередко прогуливал уроки, плохо работал в классе, невпопад отвечал преподавателям и даже позволял себе дерзить им. На выходные Телгир-младший возвращался в отчий дом, где играл с Улапой, холодно беседовал с Леагной, распространяя часть ненависти к ее чинуше-жениху и на нее саму, иногда помогал матери по дому, но чаще запирался в своей комнате, рисовал, писал плохие стихи или просто бродил по окрест-

ностям. Тяга к постоянному движению, обуревавшая Илосу, который за двадцать лет переезжал с места на место двенадцать раз, передалась и Офальду. Он презирал какой бы то ни было транспорт, много ходил пешком и не переставал размышлять обо все, что его окружало, мысленно переделывая и подгоняя свой маленький мир под собственную, весьма наивную, схему. Телгир даже не задумывался о том, что матери должно быть нелегко в одиночку содержать большой дом с садом, платить за его общежитие, собирать приданое Леагне (свадьбу, чтобы выждать для приличия полгода после смерти отца, перенесли на осень), и сытно кормить всех троих детей. Ралка потихоньку распродала часть имущества Илосы, сдавала две комнаты в доме, но все чаще задумывалась о переезде.

Офальд любил мать, и старался не причинять ей лишних хлопот, однако в их разговорах все чаще всплывала ненавистная сыну тема: его будущего. Ралка Телгир разделяла взгляды покойного мужа. Она считала, что Офальд должен стать государственным служащим, но для этого ему придется кардинально изменить свое отношение к школе и учебе. После первого класса гимназии его уже оставляли на второй год, и сейчас Телгир-младший семимильными шагами двигался к тому же печальному результату. Мать терпеливо объясняла маленькому упрямцу, что без математики, естественных наук и языков его образование будет неполным, что в наше время невозможно устроиться на приличную работу

без хороших отметок в школьном табеле, что Офальд должен думать о будущем и о возможности всегда заработать на кусок хлеба. Сын слушал, стараясь не возражать и не повышать голос, чтобы не расстраивать и без того убитую горем и постаревшую Ралку, но в конце каждого из таких разговоров твердо заявлял, что останется при своем мнении. В конце концов, он уехал в общежитие и стал появляться дома только на выходных.

В гимназии мальчик никогда не пропускал только уроков рисования на вольную тему, где работал над пейзажами или сюжетами древнеримнагских мифов и легенд, интерес к которым ему привил Доллопье Тешп. История была еще одним предметом, который Телгир любил страстно, с восторгом слушая лекции единственного преподавателя, которого нерадивый ученик просто обожал. Доллопье, родившийся в южной части страны Грубгабсов, где в каждом городке представители сразу нескольких национальностей теснили друг друга как сельди в бочке, быстро стал убежденным панримнагцем. В его родном Грубарме подавляющим этническим большинством были римнагцы, но оставшаяся часть населения, назло остальным называвшая город Робамир и состоявшая из осняивелцев, бесиярцев, пьялошцев и прочих, по презрительному выражению герра Тешпа, недонародов, постоянно мутила воду. Они все вместе взятые составляли едва ли четверть жителей Грубарма – учитель подчеркивал, что грязное осняивелское название Робамир противно каждому

уважающему себя римнагцу – но шума, грязи и беспорядков от них было чересчур много.

– Вся система мироздания построена так, – вдохновенно говорил Тешп, – что все прекрасное, благоухающее, изысканное, как бы оно не было огромно, может быть разрушено, испачкано, опоганено даже бесконечно малым, но зловонным и разрушительным, которое находит себе питательную среду и паразитирует на ней, тем самым уничтожая. Как возбудители невидимой глазу болезни, такие ничтожные, проникают в сильное и могучее человеческое тело, мускул за мускулом покоряя и разрушая его, превращая в нечто слабое, немощное, убогое. История неоднократно доказывала, что любая страна будет крепкой, если ее единый и сплоченный народ не будет потакать ничтожным микробам-чужеземцам, иначе они когда-нибудь разрушат эту страну.

Офальд много думал о словах Доллопье Тешпа. Разве не это происходило с Ивстаяром, частью огромной страны Грубгабсов, прямо сейчас? Разве не должны настоящие римнагцы объединиться и стать мощным, сильным народом на исконно римнагской земле? Может быть, Ивстаяр должен проститься с остальными владениями Грубгабсов и развернуться к Римнагее? Было странно, что подобные мысли блуждают в голове у тринадцатилетнего мальчишки, но влияние доктора Доллопье Тешпа на маленьких инцлских римнагцев было огромно: Инцл находился у самой границы между Ивстаяром и Римнагеей, газеты пестрели громкими про-

римнагскими заголовками и печатали злобные антийеревские карикатуры, так что подобные мысли приходили в голову многим горожанам. Уроки истории любили абсолютно все, даже самые безмозглые одноклассники Офальда. Пожалуй, только эта любовь и объединяла Телгира с соучениками: он сторонился большинства школьных товарищей, предпочитая проводить время с двумя-тремя из них, скромными простыми ребятами из "крестьян". "Городские" платили ему тем же, считая странным, слишком нелюдимым и чересчур надменным. Ридихт по прозвищу Оглобля давно ушел из гимназии: его отец решил, что сыну достаточно шести классов образования, и ему пора начинать работать на ферме в полную силу – ишь, вымахал! Офальд почти не заметил исчезновения одноклассника.

Мальчик вышел из роци и повернул налево, где за развалинами старой сторожевой башни начиналась егерская тропа, которая вела к живописному ущелью с горным ручьем на его дне. Перед тем как отправиться домой, он решил сделать набросок старого разлапистого дерева, которое давно заприметил в нижней части ущелья. Спустившись к ручью, Офальд сполоснул руки, вытер их несвежим носовым платком и выпрямился, прикидывая, с какой точки будет удобнее зарисовать дерево. Вдруг из-под ближайшего куста, прилепившегося к тонкому клену, до мальчика донесся шорох и тоненький писк. Телгир раздвинул ветки и увидел, что на коричневом слое прошлогодней листвы лежит крошечный

бельчонок. Судя по короткой шерсти и длинным, почти безволосым пальцам на лапах, ему было от силы недели три от роду. Бельчонок лежал на животе, иногда с трудом поднимая голову и попискивая. Офальд с любопытством, но без умиления смотрел на большеголовое тельце с непропорционально длинным тонким хвостом. Он недолюбливал кошек, предпочитая им собак, а все остальные животные, особенно дикие, и вовсе казались ему несостоящими внимания. Мальчик аккуратно взял бельчонка под брюшко и поднял к глазам, пытаясь рассмотреть его повнимательнее. Тот разевал беззубый рот, попискивая, и вяло шевелил лапками. "А вдруг он какой-то больной", – с тревогой подумал Офальд. – "А я его так... трогаю..."

На него внезапно накатила сильнейшая брезгливость, он резко вскочил, непроизвольно дернув рукой, в которой держал бельчонка, и тот вылетел из нее, как недавний комок грязи. Бельчонок пролетел по короткой дуге, перевернувшись в воздухе, и почти у самой земли наткнулся брюшком на острый сучок, торчавший из сломанной недавней грозой кленовой ветки. Сучок проткнул тонкую кожу, бельчонок взвизгнул, маленькое тельце выгнулось, насаживаясь на сучок еще больше, и почти тут же обмякло. Ветка заблестела от крови.

Офальд в ужасе смотрел на мертвого бельчонка.

– Я, – хрипло сказал он, почему-то вслух, – я не хотел, это же случайность.

Бельчонок не отреагировал, но эта тишина показалась мальчику слишком страшной, чтобы дать ей продлиться еще хоть секунду.

– Я не хотел! – завопил он, обращаясь к ручью, деревьям, крутому склону ущелья. – Не хотел, правда, не хотел!

Короткое эхо подтвердило, что слышит мальчика. Офальд, крикнув еще несколько раз, завертел головой, тяжело дыша, и бросился к воде. Он долго тер руки грязью и камешками, споласкивая их в ледяной воде, пока они не стали свекольно-красными, потеряв всякую чувствительность. Он не хотел оборачиваться на бельчонок, и потому сделал несколько шагов вдоль ручья боком, словно неуклюжий, медленно передвигающийся краб. Его подташнивало.

Выбравшись из ущелья, мальчик быстрыми шагами направился к Диноглену. Офальду казалось, что он был бы даже рад, если бы прямо сейчас его нагнал тот возница и как следует избил за брошенную в него грязь. Потому что тогда, уж наверняка, мальчик перестал бы отгонять от мысленного взора маленькое тельце, насаженное на острый сучок.

Вбежав домой после долгой, очень долгой дороги, вконец запыхавшийся Офальд увидел накрытый праздничной скатертью стол, за которым чинно сидели Еол с Леагной, Улапа, Окнард Ешреф и сестра матери Ганиноа. Ралка как раз ставила на подставку массивное блюдо под блестящей крышкой.

– Офальд, дорогой, ты как раз вовремя! – улыбнулась ему мать. – У нас гости, и я приготовила твое любимое жаркое.

Она подняла крышку, и ноздрей мальчика коснулся аромат мяса.

Офальда вырвало прямо на Еола Аурьлаба.

Глава четвертая. 15 лет

Инцл – Трайш, Ивстаяр. Сентябрь – февраль

Мрачное осеннее небо давило плотной лапой на островерхие крыши Инцла. Рудэад Юмхер, обычно любивший утренние пешие прогулки, неохотно шагнул на тротуар с крыльца аккуратного домика на улице Хафнейсрогт, где занимал второй этаж с мансардой, и отправился на работу. Настроение у учителя было никудышним. Утром его жена Ласуру, морщась и потирая низ живота вновь сообщила ему, что надежды оказались ложными – а значит, с долгожданным наследником семье Юмхер придется подождать еще какое-то время. Пара усердно работала над продолжением рода, однако все их (довольно приятные, надо отметить) попытки оставались бесплодными – во всех смыслах. Рудэаду все сложнее было сдерживать ядовитые намеки своих многочисленных родственников, среди которых особенно выделялась тетушка Лядуика из рифаянцкой ветви раскидистого дерева Юмхеров-Ръепе, которая во время семейных обедов с истинно рифаянцской бесцеремонностью и развязностью громогласно интересовалась, "не пуста ли та погремушка", недвусмысленно поглядывая на тонкую талию фрау Юмхер. Бедняжка бледнела, краснела, а после горько плакала в уютной спальне, пока Рудэад шипел на безмятежно потягивавших вино гостей. Они с Ласуру безрезультатно пытались завести ре-

бенка вот уже девять лет, но сдаваться пока не собирались.

Учитель с полупоклоном пропустил элегантный экипаж герра Агикена, с которым был шапочно знаком, и, помахивая зонтом, свернул на Драстанлерш, одну из главных улиц Инцла. Он придиричиво осмотрел себя в зеркальной витрине (ради которой и сделал этот крюк по дороге в школу), уделив особенное внимание пробору, за которым очень следил. Сверкнув пенсне, герр Юмхер отправился дальше. Еще одной причиной его плохого настроения была предстоящая переекзаменовка одного из учеников третьего класса, Офальда Телгира. Тот завалил весенний экзамен по рифаянцскому, и должен был явиться на передачу. Но два дня назад Юмхер получил распоряжение от директора Снага Мекодамна ни в коем случае не переводить мальчика в четвертый класс инцлской гимназии.

– Нам здесь не нужен этот бездельник, – заявил герр Мекодамн, удобно устроившись в широком кожаном кресле у кофейного столика в своем кабинете и жуя песочное печенье. – Посмотрите на его табель, Рудэад, это же черт знает, что такое!

Пухлые пальцы брезгливо протянули сложенную вдвое бумагу цвета кофе с молоком с бордовой печатью. Юмхер осторожно взял, хотя и так знал, каковы успехи одного из самых нерадивых его учеников. Плохие результаты по математике, римнагскому, рифаянцскому, и постоянные жалобы учителей на лень, дерзость и неусидчивость Офальда сопро-

вождали его классного наставника последние два года.

– На послезавтрашней переэкзаменовке примите у него рифаянцкий, – продолжал Мекодамн, цапнув с красивого керамического блюда еще одно печенье, – выставьте "удовлетворительно", выдайте табель на подпись матери и пусть идет себе с миром в другую школу. Даже с его успехами в рисовании, и относительной любви к истории с географией, инцлская гимназия заинтересована в несколько других учениках, – тут Снаг доверительно понизил голос, – а не этих... из "крестьян".

Рудэад понимающе кивнул. Телгир по-прежнему сторонился одноклассников, преимущественно из зажиточных инцлских семей, и они платили ему той же монетой, видя чужака в мрачном вспыльчивом подростке.

– Будет сделано, герр Мекодамн, – сказал учитель и слегка поклонился, искоса взглянув на блюдо.

– Угощайтесь, герр Юмхер, – спохватился директор, – не откажите в любезности. Это очень вкусное печенье, его испекла моя... ммм... фрау Мекодамн, лично.

Рудэад взял одно печенье, поблагодарил, спрятав невольную улыбку, и вышел из кабинета. Вся школа знала, какая вертлявая худосочная особа печет Снагу печенье, а представить себе дородную, одетую с иголки супругу директора, месящую тесто или хлопчущую у плиты, мог только человек с очень богатой фантазией.

Мысленно усмехаясь при этом воспоминании, несколь-

ко поднявшем ему настроение (печенье действительно было вкусным, с мускатным орехом и кленовым сахаром), Юмхер свернул на улицу Сенташайгс, и решительно вошел в ворота гимназии. Он намеревался исполнить неприятную миссию также, как и старался идти по жизни: твердо, уверенно, добросовестно, не теряя чувства собственного достоинства. Последнее, учитывая огромное количество насмешников в его собственной семье, давалось Рудэаду нелегко: ему доставалось за все, от выбора профессии и пробора, до пенсне и строгих костюмов. Поднимаясь по лестнице, учитель думал об Офальде.

Телгир представлялся ему неглупым и в достаточной мере одаренным юношей, хотя его одаренность распространялась на довольно узкий круг предметов. При этом он был крайне раздражительным, часто дерзил одноклассникам и даже учителям, презирал школьные правила, и вообще не любил прикладывать хоть какие-то усилия для изучения того или иного предмета. Офальд мог бы учиться на "хорошо" и отлично", если бы желал развивать свои несомненные способности, однако сложно было найти менее прилежного ученика, чем сын бывшего государственного служащего Илосы Телгира. Рудэад вздохнул и решительно вошел в классную комнату, где скромно сидевший за крайней левой партой Офальд тщетно пытался придать своему несколько надменному лицу виноватое и смущенное выражение.

Через час все было кончено. После мучительного для эк-

заменатора и экзаменуемого сражения с неправильными рифаянскими глаголами (слово "бить" мальчик склонял с особенно ужасным произношением), небольшого диктанта на правописание артиклей (4 ошибки) и устного рассказа на заданную тему (учитель несколько раз непроизвольно поморщился, когда ученик безмятежно ставил предлоги перед днями недели и произносил не требовавшую озвучивания "с" в окончаниях слов), оба вымотались. На верхней губе мальчика выступило несколько капель пота, а его визави позволил себе на секунду помечтать о большой, запотевшей от долгого пребывания на леднике кружке пива – хотя час для возлияний был слишком ранним – по любым меркам.

Вместе с табелем и свидетельством об успешном окончании третьего класса инцлской гимназии Офальд Телгир получил от Рудэада Юмхера письмо для матери и настойчивую рекомендацию сменить школу. Мальчик воспринял это на удивление спокойно, лишь в глазах полыхнула холодная молния, да поджалась бескровная губы. Ученик вежливо попрощался со своим теперь уже бывшим учителем и вышел за дверь, навсегда покинув заведение, в котором провел четыре сложных, нервных, полных внутренних метаний года. Рудэад задумчиво смотрел вслед Телгиру. Ему на секунду показалось, что в комнате стало легче дышать с уходом ученика. Впрочем, это наверняка от того, что Офальд, открыв дверь, впустил в помещение немного свежего воздуха из продуваемого сквозняками коридора, решил герр Юмхер, и приказал

себе перестать думать о мальчике и его дальнейшей судьбе. Учитель совсем недавно прочел труд молодого ученого Ракла Рошлесса из соседней с Ивстаяром Шрайвицеи, где тот весьма убедительно доказывал, что лишние мысли о предметах, которые стоит оставить в прошлом, способствуют раннему старению, морщинам, седине и выпадению волос, чего Юмхер боялся больше всего на свете. Как только вы начинаете думать о прошлом, которое нельзя изменить, писал Рошлесс, возникают сожаления о потерях, бесплодные желания отмотать время вспять и изменить свою судьбу, а это, в свою очередь, приносит неудовлетворенность настоящим и неуверенность в будущем, что неизменно вызывает меланхолию, и, как следствие, раннее старение. Поэтому Рудэад решительно выкинул из головы Офальда Телгира с его отвратительным рифаянцским, ленью, вспыльчивостью и горящим взглядом, искренне поверив, что избавился от этого юноши раз и навсегда.

* * *

Всего через неделю директор гимназии небольшого городка Трайш, тезка Телгира-старшего Илоса Баедел, с интересом рассматривал стоявшего перед ним юношу с высоким, немного чересчур покатым лбом, длинным острым носом, четко очерченным подбородком и небрежно причесанными темными волосами. Герр Баедел преподавал в шко-

ле физкультуру, и обнаружив оценку "отлично" по своему предмету в таблице нового ученика, на остальные отметки уже не смотрел, возомнив Офальда будущей гордостью своей школы. Директор пребывал в этом приятном заблуждении вплоть до следующей осени. Сам же Телгир безразлично изучал скромный кабинет Баедела, терпеливо ожидая, когда ему можно будет покинуть очередное заведение, взявшееся за непростую задачу выучить не желающего учиться юношу. После небольших формальностей директор отпустил Офальда, задумчиво посмотрев ему вслед. Перевод из большого шумного Инцла в их сонную обитель выглядел несколько странно, однако Илосе понравился живой, осмысленный взгляд мальчика и его плавная, хорошо поставленная речь.

Трайш был типичным городком Верхнего Ивстаяра, расположившимся в живописной долине между невысоких холмов. До Диноглена, где в приходящем в упадок отцовском доме по-прежнему жили мать с Улапой и Ганиноа (Леагна уже год как переехала к мужу), было далековато – больше сорока километров – поэтому Офальд заранее предупредил Ралку, что видеться они будут нечасто. Сразу после перехода в трайшскую гимназию, юноша нашел себе жилье. Это была скромная, но уютная комнатка на площади Гнаркмютр, 19, в доме судейского чиновника Окнарда Ицихни. Здесь Телгир поселился вместе со студентом по имени Тугавс из крошечного городка Нохенфой, с которым они познакомились в по-

езде, там же договорились о совместном проживании и практически не общались на протяжении долгих месяцев. Оба аккуратно вносили ежемесячную плату за жилье – Офальд из высылаемых матерью денег, Тугавс, подрабатывавший в типографии, из своей зарплаты – не шумели, не возвращались за полночь, не водили в свою комнату друзей и, тем более, девушек.

Заправляла в доме жена Окнарда, пышная 34-летняя блондинка по имени Ролнелепта, относившаяся к квартирантам с большой заботой. Самого Окнарда молодые люди практически не видели и не слышали – этот щуплый мужчина с большой окладистой бородой, лет на пять старше жены, пропадал на заседаниях, после которых оставался в конторе допоздна, готовясь к следующим. Дома он держался тихо и скромно, в основном читая газеты или журналы, и вливая в себя помногу чашек крепкого кофе. Квартирных хозяек по тогдашней моде называли "мамочками". Фрау Ицихни была идеальной "мамочкой", любившей своих студентов как близких родственников, но без малейших намеков на любой другой вид отношений. Вместе с тем, она относилась к мужу с заметной прохладцей, которую даже не пыталась скрывать от своих квартирантов. Ролнелепта изводила его язвительными замечаниями, не оставляла самые вкусные блюда, отдавая лучшие куски Офальду и Тугавсу, а однажды, обозлившись на что-то, заперла дверь и не впускала беднягу в дом несколько часов. Он униженно просил ее открыть, обращал-

ся и к квартирантам, на что те, посмеиваясь, отвечали, что "фрау запрещает". Оба терпеть не могли чиновника и недоумевали, как живая, веселая, прекрасно готовившая Ронлелпта могла жить с таким червяком. Особенно зло прохаживался на его счет Офальд, вообще ненавидивший всех госслужащих из-за того, что его много лет упорно подталкивали к этому поприщу.

Дом Ицихни стоял неподалеку от реки и мог похвастаться небольшим задним двором, на котором, правда, постоянно кишели крысы. Ронлелпта специально держала у черного хода заряженное ружье, и Офальд с Тугавсом то и дело палили по зловредным грызунам, которых очень боялся хозяин дома. После таких охотничьих рейдов "мамочка" усиленно благодарила жильцов, готовила им что-то вкусненькое, и обрушивалась на мужа, не терпевшего оружие, с очередной лавиной насмешек, чрезвычайно злых и нередко даже интимных. Так, однажды она сравнила его страх перед крысами и нежелание взять в руки ружье с мужским бессилием на супружеском ложе, после чего покрасневший Офальд (Тугавс был на работе) поспешно ретировался в свою комнату, и не выходил оттуда до самого утра.

Один-два раза в месяц выбираясь из сонного Трайша в Диноглен, повидаться с родственниками, Телгир неизменно пользовался этой возможностью, чтобы улизнуть в Инцл, где с удовольствием посещал оперу, ходил в музеи и на выставки, или просто бродил по городу. Нередко он просился пе-

реночевать у кого-то из бывших одноклассников, или просто спал на улице, чтобы не возвращаться домой или в Трайш, и пропускал день или два учебы, которую ненавидел, считая пустой тратой времени. При этом, благодаря свое великолепной памяти и неплохим способностям, Офальд умудрялся довольно прилично писать контрольные работы и сдавать экзамены. Он никогда не тратил времени на зубрежку, не конспектировал лекции и не сидел над книгами. Ему достаточно было пару раз пробежать глазами по нужной главе в учебнике или конспекту более усидчивого одноклассника, чтобы получить примерное представление о том, что будет спрашивать преподаватель. Это часто выводило из себя однокашников, в большинстве своем благонравных зубрил, примерно готовившихся к чиновничьей карьере. Офальд нередко выставлялся перед ними, заносил конспект или книгу, и нарочито бодро приглашая на прогулку. Услышав в ответ, что им еще надо заниматься, он громко хохотал и уходил. Благодаря многокилометровым прогулкам, Телгир был неплохо развит физически, иногда играл в футбол, любил теннис и неизменно удостоивался похвал от преподавателя физкультуры, директора гимназии Илосы Баедела. Остальные учителя его недолюбливали: Офальд относился к их предметам с явным пренебрежением, нередко дерзил на уроках и систематически не выполнял домашних заданий.

Денег юноше постоянно не хватало: Ралка выкраивала содержание сына из не слишком большой пенсии, оставшейся

после Илосы, а большой дом с садом обходился значительно дороже, чем могла себе позволить семья Телгиоров. Сестре помогала Ганиноа, часть расходов покрывала очередная квартирантка, но Ралка все равно не могла себе позволить отправлять сыну большие суммы. Офальд, тем не менее, и думать не хотел о том, чтобы найти себе работу в Трайше, как это делали многие студенты и ученики гимназии. Его переполняла энергия другого рода: он много рисовал, писал скверные стихи, отвергнутые парочкой журналов, и даже сочинил либретто к опере обожаемого им Ренгава, музыку которого он столько раз с восхищением слушал в Инцле. Юноша наедался впрок за обильным столом фрау Ицихни и в отцовском доме, а потом день или два мог вообще не есть, отложив деньги на билеты в оперу и на дорогу.

Так прошло полгода.

* * *

В середине февраля, по окончании второго семестра, однокласники Офальда решили как следует отметить получение школьных аттестатов с оценками за полугодие. Пирושка намечалась в деревенском трактире, куда ученики добирались небольшими группками, чтобы не привлекать к себе внимания: руководство гимназии пристально следило за учащимися, которым запрещалось пить, курить, посещать увеселительные заведения и находиться вне дома по-

сле одиннадцати вечера. Все эти запреты Телгир и его одноклассники собирались нарушить ясным февральским вечером в деревушке Сартенг под Трайшем. Старший брат одного из нарушителей, Нагела, договорился с трактирщиком, что он закроет заведение для остальных посетителей, заплатив ему солидный аванс, на который пришлось скидываться всем заговорщикам (Офальд одолжил денег у Тугавса). Вся компания человек в сорок собралась в полутемном зале с низким закопченным потолком после восьми вечера. Многие, и Телгир в их числе, впервые попробовали крепкий алкоголь. Все много пили и курили, громко разговаривали, выкрикивая порой довольно хамские и крамольные вещи в адрес Грубгабсов и Ивстаяра, некоторых рвало. Офальд чувствовал себя превосходно, пускал колечки сизого дыма, кричал едва ли не громче всех, лихо чокался, и сказал залихватский тост, почти полностью повторив один из самых любимых пассажей доктора Тешпа об избранности римнагской нации и подобающем ей месте в современной Повере. Ему аплодировали, и Телгир снова пил, кричал, смеялся над скатившимися под стол товарищами, и ощущал себя чуть ли не героем. Окончания вечера он не запомнил.

Очнулся Офальд от чьего-то прикосновения. С трудом разлепив запекшиеся глаза, он с удивлением вперил мутный взгляд в дебелую женщину с прядью русых волос, выбивающуюся из-под белой косынки.

– Вставай, парень, – безмятежно сказала она, растягивая

слова на южно-ивстарярский манер. – Простудишься еще. Ты и так вон, бледный и худой какой.

Офальд с трудом повернул голову и осмотрелся. Серенький день только начинался, и вокруг было еще полутемно. Юноша лежал на скомканной шапке прямо на обочине сельской дороги, небрежно накрытый собственным пальто. Ему было очень холодно, в пересохшем рту болтался сморщенный вонючий язык, перепачканная грязью и рвотой одежда была измята. Телгира передернуло, он сел вновь уставился на женщину, спокойно оглядывавшую юношу с ног до головы. Насмотревшись, она развернулась и подошла к двуколке, со смиренно ждавшей крупной темно-коричневой лошады. Что-то звякнуло, и женщина вернулась с грубой глиняной кринкой, протянув ее Офальду.

– На, парень, глотни, – сказала она. Тот сделал несколько глотков ледяного жирного молока, и ему сразу стало легче. Он встал, и благодарно поклонился: язык все еще не слушался.

– Пей, пей, – засмеялась молочница. – Тоже мне, нашел перед кем кланяться.

Офальд допил, вернул кринку и торопливо оделся. Он знал, что согреется от быстрой ходьбы, и, торопливо попрощавшись с доброй женщиной, припустил рысцей в сторону Трайша, до которого было не больше полчаса. "Мамочка", увидев растерзанного, грязного, вонючего квартиранта, ахнула.

– Господи, Офальд, что с вами?

Он пробормотал что-то, глядя перед собой.

– Вы ужасно выглядите, милый мой. Я нагрела воды для стирки, но вам она явно нужнее. Немедленно отправляйтесь в ванную!

Через двадцать минут Телгир сидел за столом с кружкой горячего черного кофе.

– Что ж, – сказала Ролнелепта, – показывайте ваш аттестат, получение которого вы так рьяно отмечали. Очевидно, там должны быть исключительно превосходные оценки, – с улыбкой добавила она, прекрасно зная отношение жильца к учебе в гимназии.

Мрачный Офальд, уже успевший провести тщательный обыск в карманах пальто и штанов, сжался на стуле.

– У меня его нет.

– Куда же он мог деться? – удивленно спросила "мамочка". Офальд хотел было соврать, что показывал табель кому-то на улице, а его унесло ветром, но промолчал.

– Послушайте, вам же вечером ехать домой, в Диноглен. Что вы покажете матери?

– Не знаю, – промямлил юноша. Его сильно тошнило, голова продолжала болеть, глаза слезились, руки тряслись. – Может быть, кто-то взял?

– Тогда вот что: берите пять крон – я знаю, у вас не осталось денег – идите в школу и просите выдать вам дубликат. Вы не можете остаться без аттестата.

Офальд благодарно ссыпал в карман монеты, поцеловал потрепанной его по макушке Ролнелепте руку и отправился в гимназию. Школьный секретарь, тощий сухопарый педант Рутар Банур по кличке Сопля, попросил его подождать в приемной. Мимо ходили преподаватели, дверь в кабинет директора то и дело открывалась, но герр Илоса Баедел не спешил звать к себе виновато понурившегося ученика. Наконец, после почти часового ожидания Сопля пригласил Офальда зайти.

Баедел сидел за своим столом, и был мрачнее тучи.

– Вы? – отрывисто сказал он. – Садитесь!

Телгир устроился на жестком неудобном стуле и попытался с вызовом ответить на испепеляющий взгляд директора, но быстро стушевался.

– Позвольте полюбопытствовать, – после минутной паузы начал директор, – где и как вы провели вчерашний вечер?

Офальд открыл было рот, однако быстро прикусил язык, не сказав ни слова.

– Молчите? Что ж, на вашем месте, Телгир, я бы тоже не знал, как объяснить свое поведение. Вы и ваши друзья нарушили такое количество школьных правил, что не будь это безобразием, в котором вы все, поголовно, приняли самое деятельное участие, речь бы непременно шла об исключении! К сожалению, я не могу выгнать сразу несколько десятков учеников, но мне бы этого очень, очень хотелось!

Баедел распекал Офальда подобным образом еще

несколько минут, после чего скептически осведомился, зачем тот осчастливил своим лучезарным появлением недостойную такого блистательного учащегося школу.

– Герр директор, я хотел попросить выдать мне дубликат полугодового аттестата, – хрипло проговорил юноша. – Видите ли, я показывал свой табель на улице соседу по комнате, но внезапно налетел сильный порыв ветра, и...

– Хватит! – крикнул Илоса и шлепнул массивной ладонью по столу. – Я прекрасно знаю, каким красноречивым вы можете быть, Телгир, однако сейчас ваше вранье никому не поможет. Что вы сделали с аттестатом?

– Я... я... не знаю, герр директор, он просто пропал из моего кармана, – отчаянно проговорил Офальд.

– Куда пропал?

– Не знаю, утром его там не было.

– То есть, вы утверждаете, что пошли спать с аттестатом в кармане, а проснувшись, обнаружили, что карман пуст?

Телгир уставился в пол и пожал плечами.

– А хотите, я вам скажу, где ваш аттестат? – вкрадчиво спросил директор, открывая ящик стола и брезгливо вытаскивая что-то, завернутое в грубую ткань. – Он здесь, у меня. А знаете, как он у меня оказался?

Офальд смотрел на сверток, ничего не понимая.

– Я вам скажу, Телгир. Это, – он указал на сверток, поморщившись от отвращения, – принес мне слуга из трактира, где вчера вечером несколько десятков учащихся моей шко-

лы творили непотребные вещи. Он нашел эти четыре обрывка рядом с отхожим местом на заднем дворе, и решил, что, несмотря на их состояние, они должны оказаться в гимназии, поскольку тут еще можно разобрать печать школы и мою личную подпись. А теперь скажите мне вы, Телгир, – Илоса, говоривший все это довольно спокойно, неожиданно заорал так, что Офальд взрогнул и вскочил на ноги. – Как в вашу безмозглую, пьяную, идиотскую голову пришла идея использовать школьный аттестат в качестве туалетной бумаги?!

Буря, разразившаяся вслед за этим, бушевала никак не меньше получаса. На ее исходе, когда Офальд несколько раз поклялся всеми святыми, что больше никогда не будет пить, а директор собственноручно исправил в новом табеле оценку за поведение с "примерное" на "неудовлетворительное", Баедел сказал:

– Теперь отправляйтесь домой, Телгир, покажите матери ваш аттестат и попросите ее очень внимательно прочесть мое письмо о вашем поведении. Благодарите бога, что вы не исключены из гимназии, но, если вы не исправите свои оценки до осени, мы с вами распрощаемся. И, будьте добры, – директор кивнул на сверток, – заберите это и выбросьте по дороге в урну. Всего доброго.

Офальд вновь пробормотал извинения, неловко поклонился, попрощался, не получив ответа, и вышел из кабинета, не глядя на ухмыляющегося Соплю. "Мамочке" он кратко сказал, что дубликат получен, еще раз поблагодарил и под-

черкнул, что с алкоголем в его жизни покончено. Ролнелепта, расчувствовавшись от явного раскаяния Телгира, дала ему в дорогу огромный кусок яблочного пирога и попросила ни о чем не расстраиваться.

– Не давайте обещаний, которые вы не в силах выполнить, милый мой, – мягко сказала она на прощание. Кто из нас не был молод, и не предавался некоторым безумствам в силу этого волнующего, неповторимого времени? Просто знайте свою меру и живите полной жизнью, пока можете!

– Я клянусь вам, как поклялся герру Баеделу, – очень серьезно ответил Офальд, – что с алкоголем и табаком в моей жизни покончено раз и навсегда.

Юноша быстро собрал вещи, бережно уложил аттестат в свой небольшой дорожный саквояж, и отправился на вокзал, чтобы успеть на поезд в Диноглен. Гордиться ему было нечем: помимо поведения, "неуды" стояли по рифаянцскому, римнагскому, математике и стенографии. Все остальные предметы, кроме рисования и физкультуры ("отлично" и превосходно"), оцененивались на "удовлетворительно". В особой графе было отмечено, что у учащегося скопилось за полгода двадцать восемь дней пропусков без уважительной причины. Офальду предстояла очередная тяжелая беседа с матерью, которая наверняка будет плакать, просить сына взяться за ум, подумать о будущем и перестать настолько наплеватьски относиться к школе.

Поезд покачивался, унося Телгира все дальше от нена-

вистных Трайша, гимназии, Баедела. Ритм колес складывался в простые и ясные слова. Их когда-то прокричал ему в лицо отец, во время вечного спора о том, кем быть мальчику, художником или чиновником. Он ненавидел спокойную, размеренную жизнь конторских крыс, пропадавших в присутствии с утра до вечера, зарабатывая геморрой и нездоровый цвет лица. Он очень хотел стать художником. Но теперь, когда разбитый Телгир-младший ехал к матери с обратительным аттестатом в саквояже, слова отца болезненно стучали у него в висках: "Тебе-не-стать им-ни-ког-да, тебе-не-стать им-ни-ког-да, тебе-не-стать им-ни-ког-да, тебе-не-стать им-ни-ког-да".

Лишь под конец короткого пути Офальда сморил спасительный сон, из-за которого он проспал свою станцию.

Глава пятая. 16 лет

Инцл, Ивстаяр. Август – декабрь

На инцлской набережной, от которой начиналась главная улица города Шестрандалс, несмотря на пасмурную погоду, было шумно илюдно. Прохаживались нарядные пары, весело звенел трамвай, возле лотка со сладостями галдели мальчишки, уличный музыкант играл модный "Найдский вальс", с противоположного берега лениво катящей свои мутные воды реки доносились рывкающие команды офицеров: на плаце средневекового замка Инцлшерсолс, больше полувека назад превращенного в казармы, шли учения. Офальд, с аккуратной прической и стрелками на брюках, топтался у фонарного столба, то и дело бросая быстрые взгляды в сторону моста, за которым располагался небольшой городок Фарур, пригород Инцла. Мимо фланировали жители города, переговаривались, раскланивались друг с другом, обменивались улыбками и приветствиями, оценивали наряды и прически. Среди людской круговерти выделялись молоденькие лейтенанты, неотразимые в своей новенькой форме, которые без малейшего стеснения врезались в стайки девушек, подобно военным кораблям, проходившим через гавань с множеством белоснежных яхт. Девушки краснели, смеялись, кокетничали, а лейтенанты легко брали их на абордаж. Телгир мрачно посматривал на молодых людей в

военной форме, но быстро отводил взгляд, вновь отворачиваясь к мосту. Казалось, он ждал кого-то из северо-восточной части города, однако невысокий рыхлый юноша лет семнадцати с пышными волнистыми волосами, заметной родинкой над верхней губой и сонно полуопущенными веками подошел к Офальду совсем с другой стороны.

– А, это ты, Васгут, – равнодушно сказал Телгир, едва взглянув на подошедшего. – Чего так поздно?

– Отец задержал в мастерской, – ответил запыхавшийся Васгут, отряхивая пыльный коричневый костюм. – Давно ждешь?

– Не очень, – пожал плечами Офальд, пристально посмотрев на приятеля. – Опять ругались?

Теперь уже пожал плечами Васгут. Его выдавали плавающие алым цветом уши, закушенная губа и дрожащий голос.

– Да... Как обычно, – неопределенно проговорил он и встал с другой стороны фонаря. – Ты и так знаешь.

Офальд знал. Отец Васгута, Эльимах Бекучик, ехч по происхождению, владел обойной мастерской. Васгут, после смерти трех сестер, остался единственным ребенком в семье, и с детства работал вместе с Эльимахом. Отец был уверен, что со временем его дело перейдет к сыну, однако сам Бекучик-младший ненавидел работу обойщика, мечтал о карьере музыканта или дирижера, и ссоры по этому поводу все чаще отравляли жизнь в семье Бекучиков. Ираям, мать Васгута, втайне поддерживала его мечту, но будучи примерной

женой и ревностной католичкой не могла выступить открыто против мужа, главы семьи и хозяина дома. Телгир, избавленный от подобных скандалов лишь смертью отца (но по-прежнему сопротивлявшийся желанию матери устроить его будущее так, как она хотела), постоянно подталкивал своего нерешительного друга к сопротивлению.

Они познакомились несколько месяцев назад в инцлской опере, где несколько раз боролись за свободные стоячие места, когда давали горячо любимого ими Ренгава. Оба были страстными поклонниками музыки, хотя Офальд интересовался ей скорее, как инструментом для воздействия на человека, а Васгут мечтал сделать своей профессией. Уже через неделю после знакомства юноши стали очень близки, и виделись, без преувеличения, каждый день. Ведомым в этой паре был Бекучик, который беспрекословно подчинялся всем прихотям Телгира, хоть тот и был младше на год. Они часами бродили по Инцлу и его окрестностям, поднимались на гору Спергтлингоб, забирались в развалины сторожевых башен вокруг города, изучали остатки крепостной стены, гуляли по старому кладбищу, проходя десятки километров в день. Все это время Офальд мог говорить без остановки, делаясь с другом множеством проектов, возникавших у него по мере взросления и изучения жизни Инцла, проблем, сложностей, недостатков, присущих каждому мало-мальски большому городу. Столичные жители, неавцы, презрительно бы сморщились, назови кто-то при них Инцл с его ста тысяча-

ми населения большим городом, однако для Телгира с внимавшим ему Бекучиком здесь простиралось невероятное поле для самых смелых экспериментов. Город будущего давно был спроектирован и даже возведен – мысленно, разумеется. Два безусых юнца, ежедневно без усталости стаптывавшие крепкие ботинки, всерьез обсуждали строительство нового моста через Науйд, расширение здания муниципального совета, перенос двух домов, закрывавших вид на реку, с главной площади. Офальд горячо отстаивал свой план сноса старого городского театра, и строительства современного концертного зала на его месте: оба поклонника музыки страдали от плохой акустики в старом здании. Он даже нарисовал неуклюжий чертеж чего-то монументального, с колоннами и ложами между ними, балюстрадой со статуями и большим куполом с плавными линиями для улучшенной акустики. Еще одной идеей Телгира была реставрация инцлского собора, красивого сооружения со шпилем, который в дань уважения перед главным столичным собором в Неаве занизили на четыре метра. Васгут не мешал приятелю предаваться этим донкихотовским планам, поддакивал и поддерживал Офальда, соглашаясь, что, если бы Инцл строился по его проектам, город стал бы жемчужиной не только Ивстаяра, но и всей Поверы.

– Ты не должен повиноваться ему, – отрывисто проговорил Офальд, расправляя воротник своего потертого крапчатого пиджака, и по-прежнему глядя в сторону моста. – Хо-

чешь быть дирижером – будь им. Просто иди по тому пути, который выбираешь сам, и не сворачивай с него, потакая чув- жим желаниям.

Васгут, привыкший к высокопарным сентенциям приятеля, уныло кивнул и встряхнул головой.

– Она еще не проезжала? – спросил он, меняя тему.

– Стали бы мы здесь стоять, – фыркнул Офальд. – Что тут еще делать? Смотреть на этих развязных болванов?

Он кивнул на двух лейтенантов, шелкавших каблуками перед группкой смеющихся девушек, и поджал губы. Беку- чик прекрасно понимал раздражение своего друга. Донель- зя уверенный в себе Офальд, с его грандиозными планами, горящим взглядом и невероятным красноречием уже много дней не мог признаться в своих чувствах понравившейся ему девушке.

Впервые Телгир рассказал Васгуту о своей любви май- ским вечером, когда они шли по Шенстрандалс после дли- тельной прогулки по холмам за рекой. Офальд говорил о своем очередном проекте – тотальной реорганизации транс- портной системы города, включавшей в себя перенос вок- зала за черту города, прокладывание подземных железнодоро- жных путей и перестройку порта – когда внезапно он оста- новился на полуслове, схватил друга за руку и сдавленно проговорил:

– Видишь ту девушку в кремовой шляпке? Ту, блондинку, которая идет под руку с матерью? Как она тебе?

Васгут пробормотал, что-то, но Телгир его не слушал, пожирая глазами неспешно прогуливавшуюся пару.

– Знай, что я люблю ее.

Стройную блондинку в кремовой шляпке звали Нифстеан Каси, она была дочерью умершего несколько лет назад чиновника и жила с матерью и младшим братом в хорошем доме за рекой, в Фаруре. Вдова получала очень приличную пенсию, давала прекрасное образование обоим детям, и семья ни в чем себе не отказывала. Нифстеан училась в престижной школе для девочек, уже была зачислена в инцлскую академию, и прошлой зимой начала появляться на городских балах. Она хорошо танцевала, была очень красива и сердце ее было свободно. Все это, за исключением имени, выяснил для Офальда Васгут, знакомый с одним виолончелистом по имени Тереп, другом брата Нифстеан. Сам Телгир ни разу не заговорил с предметом своего обожания, но регулярно появлялся на Шенстрандалс, где мать и дочь прогуливались рука об руку каждый день после пяти вечера. Иногда Нифстеан замечала своего молчаливого бледного поклонника и одаривала его улыбкой, но чаще всего просто проходила мимо.

– Скажи, Глусть, что мне делать? – нервно спросил Офальд, когда очередной офицер ловко взял под руку очаровательную пухлую барышню с кружевным зонтом и мелкими светлыми кудряшками над гладким лбом. Глуستم называл Васгута только он. – Мне кажется, в последнее время она меня не замечает.

– Как она тебя может заметить, если ты к ней даже не подходишь? – резонно заметил Бекучик.

– Я не могу, – мрачно сказал Телгир. – Как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Подойди к двум дамам, сними шляпу, представься матери полным именем, попроси разрешения обратиться к ее дочери и сопровождать их во время прогулки.

– И как же я представлюсь? Матери наверняка захочется узнать, чем я занимаюсь. Я могу сказать: Офальд Телгир, художник. Но я же еще не художник, и не имею права представляться так, пока не стану им, а матерям профессия гораздо важнее имени.

– Тогда ты должен пойти на ближайший бал и станцевать с ней. Во время танца матери с ней уж точно не будет.

Офальд воззрился на друга с ужасом и отвращением, будто тот неожиданно превратился в огромную змею.

– Я?! Станцевать?! Нет, нет, и еще раз нет!

– Но Нифстеан любит танцевать, и делает это хорошо, по крайней мере если верить словам Терепе...

– Она танцует только потому, что эту глупую привычку навязывает ей общество, – надменно отрезал Офальд, глядя на Бекучика в упор. – Она все еще слишком зависит от его мнения, но когда Нифстеан станет моей женой, у нее пропадет желание танцевать!

– Вон они! – воскликнул Васгут, мгновенно погасив на-

чавшуюся было ссору. Было начало шестого. Девушка в сшитом точно по фигуре темно-фиолетовом платье шла, как обычно, вместе с матерью, невысокой худощавой брюнеткой с маленькими руками и ногами, затянутыми в лайковые перчатки и аккуратные велюровые сапожки. Они уже отошли от моста и неспешно поворачивали на Шенстрандалс. Офальд застыл, вытянув шею, и робко улыбнулся. Его глаза горели, на бледных щеках проступили пятна румянца. Проходя мимо, Нифстеан исподлобья посмотрела в его сторону, слегка улыбнулась и тут же повернулась к матери, отвечая на какой-то ее вопрос. Телгир, не шевелясь, смотрел ей вслед, пока Васгут, в тысячный раз наблюдавший подобную сцену, едва заметно качал головой. Неожиданно к женщинам подошел бравый офицер и почтительно что-то сказал, обращаясь к матери. Лаковый козырек его высокой фуражки, золоченый темляк на эфесе сабли и два ряда начищенных до блеска пуговиц ярко блестели, перчатки были безупречно белоснежны, а лихо подкрученные песочные усы воинственно топорщились. Друзья увидели, как мать благосклонно улыбнулась, затем офицер громко щелкнул каблуками, слегка поклонился девушке и пошел рядом с женщинами, оживленно о чем-то рассказывая.

– Пошли отсюда! – бросил Офальд и потянул безропотного Васгута за рукав.

Они прошли в полном молчании несколько кварталов, когда Телгир остановился и убежденно проговорил, глядя под

ноги:

– Нифстеан подождет, пока я не стану художником, а потом я женюсь на ней.

И, помолчав, добавил:

– Давай, Глусть, увидимся завтра.

Офальд быстро растаял в сгущающихся сумерках, оставив Васгута одного на пустой инцлской улице.

* * *

Сильнейший приступ кашля, донесшийся из маленькой комнаты, заставил замолчать Ралку Телгир и Васгута Беучика, сидевших у изящного столика с гнутыми ножками и пивших кофе. Собеседники переглянулись, и фрау Телгир сказала:

– Иди, Васгут, повидайся с ним. Он спрашивает о тебе с самого утра.

В начале лета Ралка продала изрядно потерявший в цене дом в Диноглене и переехала в Инцл, где сняла квартирку на третьем этаже в неприметном четырехэтажном доме на улице Тмульбогд, 31 в южной части города. Денег, полученных за дом, и вдовьей пенсии наверное хватило бы на что-то более приличное, но фрау Телгир была бережлива, с тревогой смотрела в будущее и хотела оставить хорошее наследство детям. Крошечная кухонька с темно-зеленой мебелью и окном во двор соседствовала со средних размеров спальней,

два окна которой выходили на улицу. Здесь стояли кровати девятилетней Улапы и Ралки. Рядом помещался небольшой чуланчик с топчаном и письменным столом для Офальда. Несмотря на эту спартанскую обстановку, Телгиры были счастливы оказаться в оживленном Ингле, с его библиотеками, театрами, музеями, променадами и набережной. Им всем надоел тихий патриархальный Диноглен с его постными жителями.

Васгут послушно встал и отправился в комнатку своего друга, где тот лежал, бледный и исхудавший, мучимый жестокой легочной болезнью с кровохарканиями и приступами кашля. Врачи говорили о слабых легких, наследственной хвори, доставшейся Телгиру-младшему от отца, но Бекучик прекрасно понимал, что у болезни Офальда, помимо медицинских причин, есть и другие корни. У его друга был серьезный нервный срыв, вызванный сразу несколькими обстоятельствами. Страх потерять Нифстеан и еще больший страх открыться перед ней сильно волновали Телгира, однако к кризису привела не любовь к девушке. Офальд метался между нежеланием идти по пути, намеченному для него Ралкой, и уважением к ней. В конце концов, эта борьба доконала его.

Февральский табель с его несколькими "неудами" сильно встревожил фрау Телгир. После нескольких многочасовых разговоров мать и сын остались каждый при своем мнении, но Офальд, скрепя сердце, пообещал исправить оценки

в трайшской гимназии и получить приличный аттестат зрелости. Юноша, которому недавно исполнилось шестнадцать, жил раздираемый внутренними противоречиями. Когда был жив отец, мальчик учился, выполняя его приказ. Сейчас он вынужден был остаться в школе, которую называл "адским местом", из любви и уважения к матери. Офальд старался как можно бережней относиться к Ралке, которая и без того пережила слишком много ударов судьбы, но его упрямый характер, несдержанность и властность, унаследованные от Илосы, не давали склониться перед настойчивым желанием матери сделать его чиновником. Впрочем, плохие отметки в полугодовом аттестате не нуждались в дополнительных объяснениях. Фрау Телгир видела, что с такими результатами сын никогда не поступит в высшее учебное заведение. Долгими часами она упрашивала, требовала, доказывала, объясняла, приводила примеры из жизни общих знакомых – но не преуспела. Мечты Ралки увидеть, как Офальд, блестяще закончив гимназию, поступает в высшее ивстаряское кадетское училище (обучение бесплатное, лучшим студентам полагается солидная стипендия и вспомоществование на съем жилья), разбивалась об утесы несносного характера сына. Его уверенность в том, что он станет великим художником, несколько поколебалась после посещения нескольких музеев и прохладных отзывов парочки владельцев городских галерей, но сама мысль о возможности провести свою жизнь в какой-нибудь государственной конторе на посту чиновника

вызывала в Телгире-младшем сильнейшее отвращение. Он даже попросил мать запретить Леагне приводить в дом на Тмульбогд ее мужа, презираемого им служащего налогового управления – и она выполнила эту просьбу. К осени Офальд сумел исправить оценки, получив "удовлетворительно" даже по ненавистным ему математике, химии с физикой и геометрии (после пересдачи). Но после этих относительных успехов Телгир слег.

– Ну, Глусть, – нетерпеливо сказал больной и приподнялся на локте. – Что она?

Васгут прикрыл за собой дверь и сел на низкий табурет, стоявший у изголовья топчана. На время болезни Офальда он обзавелся новой ролью: ему следовало ежевечерне ходить на Шенстрандалс, ждать там Нифстеан, а на следующее утро докладывать Телгиру как она выглядела, в чем была одета и с кем разговаривала во время своей обычной прогулки. Именно поэтому Офальд с таким нетерпением ждал прихода своего друга, а Ралка, ничего не зная об увлечении сына, умилялась такой преданности товарища.

Бекучик отбарабанил привычный утренний отчет, и Телгир с счастливой улыбкой откинулся на подушку.

– Она дождетя меня!

Его друг промолчал. В такие минуты бесполезно было говорить, что Нифстеан, скорее всего, не подозревает о существовании Телгира, и даже не заметила его многодневного отсутствия, а если и заметила, это ее не настолько взволно-

вало, чтобы она подошла и спросила Васгута, куда пропал его бледный молчаливый друг.

– Смотри, – возбужденно сказал Офальд и вытащил из-за изголовья кровати свернутый в трубку чертеж. – Я нарисовал виллу, которую построю для нас с Нифстеан. Вот здесь будет камин, тут музыкальная комната – она наверняка прекрасно поет, – а здесь...

Васгут кивал, восхищался, поддакивал. Наученный горьким опытом, он уже не спрашивал Офальда, где тот возьмет деньги для очередного из его бесконечных проектов.

– К черту деньги! – говорил обычно Телгир, и продолжал витать в облаках.

Наконец, обсудив количество комнат и место, где должна располагаться вилла (Бекучик предложил Алияти, но Офальд твердо отрезал, что это должна быть только Римнагея), друзья распрощались.

* * *

Назавтра лечащий врач Телгира сообщил Ралке, что ее сыну противопоказана какая бы то ни было работа в конторе, и рекомендовал забрать его из гимназии хотя бы на год. В итоге, пять лет борьбы сначала с отцом, а затем с матерью завершились для Офальда его полной победой, и карьера чиновника, висевшая над ним дамокловым мечом, больше не угрожала его планам на будущее. В начале октября Рал-

ка Телгир забрала его из школы со свидетельством о среднем образовании, и разрешила на будущий год поступить в Академию Искусств в Неаве. Пока же, для поправки здоровья, Телгир отправился к родственникам матери в деревушку Тишапль, в ста километрах к северо-востоку от Инцла. Здесь Офальд пил молоко, гулял по окрестным полям, много рисовал, писал стихи и рассказы, с удовольствием наблюдал за тяжелым крестьянским трудом родственников, ни разу не вызвавшись помочь. Перед отъездом он взял с Васгута слово писать ему о Нифстеан как можно чаще, и друг не подводил, отправляя свои отчеты чуть ли не каждый день.

Три месяца спустя, окрепший и возмужавший Офальд, выросший из своего старого пальто, с усиками, пробивавшимися над верхней губой, вернулся в Инцл, и неспешно начал готовиться к отъезду в Неав.

Глава шестая. 17 лет

Неав – Инцл, Ивстаяр. Май – январь

Утреннее майское солнце ласково гладило брусчатку Скраллапца, одной из главных площадей Неава. Блестящая столица тридцатинациональной империи в самом центре Поверы, будто сотканной из множества лоскутков державы, где жило больше 45 миллионов человек, как мотыльков на яркий свет манила к себе самых разных людей, от музыкантов до торговцев, от аристократов до наемников. Множество горожан деловито сновали из одного конца площади в другой, ловко лавируя между приезжими, которых было очень легко распознать: если человек стоял, разинув рот, перед монументальным зданием Скралкехир, католической церкви с двумя колоннами и огромным куполом, значит, он точно не местный.

Именно так выглядел худощавый молодой человек, с лихорадочно горевшими голубыми глазами и сжатыми в волнении кулаками, не отрываясь смотревший на величественный собор, построенный 170 лет назад. Тогда, во время страшной эпидемии чумы, набожный император Ларк Шестой Грубгабс дал указание возвести церковь в честь небесного избавителя от смертельной болезни, святого Робромое. Архитекторы дали волю как воображению, так и поклонению перед своим правителем, в результате чего появился огромный и

экзотичный даже по пышным меркам католичества храм, к которому помимо античной колоннады на входе добавились две высокие (больше тридцати метров) триумфальные колонны, утопленные в фасад. По замыслу зодчих, они были призваны символизировать величие Грубгабсов и их притязания на мировое господство, в частности, на корону Исинаяпа (две колонны – два столпа Бартигларского пролива). Кроме того, Скралкехир мог похвастаться атийскими (золоченые драконы), абарскими (навершия в виде минаретов), яцигерскими (портик с колоннадой) и алиятскими (большой вытянутые купол) мотивами.

Офальд, с благоговением разглядывавший этот грандиозный образчик неавской архитектуры, прекрасно знал историю и с большим презрением относился к дряхлой и немощной династии Грубгабсов, по-прежнему правившей Ивстаром. Поэтому, восхищаясь великолепным зданием, он вместе с тем с удовольствием думал о судьбе заказавшего его возведение Ларка Шестого, настоящего неудачника, претендовавшего на исинаяпскую корону и огромные территории, оставшиеся после раздела Пьолаша, ввязавшегося в ненужную ему войну против Уцирята и потерявшего земли, союзы и уважение многих поверских правителей. Насмотревшись вдоволь, Телгир достал из глубокого кармана отутюженных брюк дешевый коричневый блокнот с карандашом и быстро набросал силуэт Скралкехира, особое внимание уделив портику с двумя скульптурами ангелов по бокам и фрон-

тону. Закончив набросок, Телгир огляделся и направился с стоявшему поодаль лоточнику, торговавшему открытками с видами Неава. Пересчитав монеты, Офальд купил сразу три аккуратно завернутых в папиросную бумагу открытки: фотографию части интерьера Неавской придворной оперы, вид здания той же оперы снаружи и самую дорогую, в виде триптиха, с площадью Скраллапц и храмом посередине. Спрятав покупки в карман пиджака, юноша зашел в церковь, где особенно заинтересовался конструкцией высокого купола, на которую, если верить представительному экскурсоводу, сопровождавшему трех дебелых дам из высшего общества, господ архитекторов вдохновил купол знаменитого собора святого Велапа в Винатаке. Немного послушав скучную лекцию об эспрессивной, динамичной манере росписи купола с ярким цветовым решением в подражании Ольеплоту и поймав неприязненный взгляд гида, не желавшего бесплатно делиться своими познаниями с каким-то бледным просто одетым студентом, Офальд отошел к боковой капелле. Он мысленно заспорил с важным экскурсоводом, считая, что ивстаярский живописец Трайторм, работавший над куполом Скралкехира, никак не мог подражать алиятцу Ольеплоту, который стал известен за пределами Алияти лет через десять после смерти Трайторма. Одержав убедительную победу в мысленном споре с надменным соперником, Телгир изучил овальный зал церкви и величественный алтарь в обрамлении мраморных колонн.

В отличие от крайне религиозной матери, Офальд относился к церкви со смешанным чувством. В семь лет, учась в махбалской школе при монастыре бенедиктинов, он помогал священнику во время мессы, пел в хоре мальчиков и даже говорил с Ралкой о том, что в будущем он не прочь посвятить себя церкви. Впрочем, это желание у него быстро прошло. Илоса всегда высказывался о религии довольно критично, и несмотря на многочисленные разногласия с отцом, Офальд частично перенял у него подобное отношение. Он по-прежнему верил в бога, два года назад прошел обряд конфирмации в Инцле и продолжал регулярно посещать воскресные мессы с матерью и сестрой, однако делал это скорее из необходимости, чем по убеждениям. Бог Офальда Телгира был воплощением силы, могущества и милосердия, однако не имел ничего общего с тысячами великолепных зданий, возведенных в его честь по всему миру, миллионами молящихся и жертвующих на строительство очередного храма, пастырями в вызывающе великолепных одеждах и словами бесчисленных молитв. Поэтому в Скралкехире Телгир провел больше двух часов не из религиозного рвения, а из желания изучить получше фрески и статуи, о которых много читал.

Покинув Скраллапц, Офальд отправился на улицу Грерюк, где, отстояв солидную очередь в почтовом отделении, отправил две небрежно подписанные открытки Васгуту. В Неаве юноша пробыл уже неделю, посетив городской театр,

несколько музеев и оперу. На сегодня у него был запланирован спектакль в театре имени юбилея Цфарна Фиоси – то еще название! – а в последующие два дня его ждали оперы Ренгава: "Нитраст" и "Летучий ладлонгец". Об этом Телгир и написал Глустью, не забыв передать привет родителям друга и высказать свои соображения об интерьере Неавской оперы – он показался ему чересчур перегруженным золотом и бархатом, и лишь великолепная акустика заставляла забыть обо всем и погружала зрителя в настоящее волшебство, которое вызывает только великая музыка. Офальд вышел из почтового отделения, сверился с карманной картой и быстрыми шагами пошел на восток, к улице Ратнейморк, на которой находился тарепиормский склеп, Фейтругзарк. Юноша обожал составлять свои маршруты передвижений по Неаву – только пешие, поскольку 14 геллеров на трамвай пробили бы серьезную брешь в его скудном бюджете – с определенной иронией. Осмотрев Скралкехир, построенный Ларком Шестым, Офальд шел к его могиле в семейном склепе Грубгабсов.

Телгир восхищался столицей Ивстаяра, но вместе с этим восхищением росла его неуверенность перед будущим. Самоуверенный с Васгутом, матерью, некоторыми одноклассниками, дерзкий с учителями, красноречивый, хоть нередко и робевший высказываться публично, внешне непоколебимый в своих убеждениях, переполненный фантастическими мечтами и проектами юноша был ошеломлен открывшим-

ся перед ним великим городом, настоящей сокровищницей мирового искусства. Всего несколько месяцев назад он убедил мать, что выбрал правильный путь, и, казалось, навсегда избавился от вечных домашних споров о том, кем ему следует стать. Однако, приехав в Неав, молодой человек вновь оказался во власти внутренних метаний – очевидно, тех самых, что раз за разом срывали с насиженного места его отца. Он был уверен, что его место – здесь, в настоящем современном Новилаве, сосредоточии всего поверского величия, но он не мог до конца понять, в каком качестве ему следует здесь остаться. Собственные работы казались Телгиру неловкими, бездушными, тусклыми, грандиозные проекты по перестройке провинциального Инцла – смешными, а сам он терялся среди стройных красивых улиц, давивших своим величием на мрачного молодого человека в потертом пиджаке и немодной шляпе. Офальд, приехавший в Неав для того, чтобы готовиться к поступлению в Академию Искусств, впервые всерьез задумался о своем решении стать художником. Каждый зал очередного музея, каждая галерея, каждая фреска возвращали его на землю, грызли его самолюбие, отвешивали полновесного пинка полудетским грезам и валяли в уличной грязи. Выйдя на улицу и попав под очарование столицы, Офальд без устали отмахивал километр за километром, буквально поедая город своим горящим взглядом. Но возвращаясь в крошечную комнатку, которую снимал у скаредного толстого йерева, дравшего даже за подоб-

ное убожество втридорога, юноша попадал под власть собственных сомнений. Он одновременно желал остаться в Неаве и скучал по Нифстеан, видел себя принятым в Академию Искусств и снова спорил с матерью о своем будущем, загонял себя в очередные ненавистные рамки учебы и оставался свободным инцлским бродягой. Телгир, и без того старавшийся есть лишь раз в день – из экономии – похудел еще больше, под глазами залегли черные тени, губы были постоянно сжаты. При этом его неприкрытое восхищение перед великим городом ничуть не уменьшилось – наоборот, оно росло день ото дня.

После Фейтругзарка Офальд съел овощной суп в дешевом заведении у капуцинского монастыря, прихватив с собой краюху хлеба, завернутую в носовой платок. Он практически не ел мяса, охладев к нему после давнего апрельского случая с бельчонком – да оно было юноше и не по карману. Деньги на поездку в Неав Телгир частично взял у матери, частично у тетки Ганиноа, а частично – у своего опекуна, почтенного крестьянина из Диноглена по фамилии Реймахфор, распорядившегося небольшим наследством, оставшимся Офальду от Илосы. Ралка не могла дать очень большой суммы – семья существовала на пенсию в 120 крон плюс проценты от положенной в банк суммы от продажи дома, Реймахфор тоже не собирался открывать отцовскую кубышку, пока мать лично не попросила его помочь сыну Илосы с поездкой, которая должна была решить его будущее. В итоге,

Офальд взял денег у обоих, добавил к ним свой подарок ко дню рождения от Ганиноа, выданный ему в звонкой монете, и отправился в столицу с довольно приличной суммой, но тратился исключительно на комнату, билеты в музеи, театры и оперу, игнорировал свои потребности в еде и не пользовался никаким городским транспортом. Поев, Телгир направился в свое скромное временное обиталище, чтобы успеть переодеться перед вечерним походом в театр. Его путь лежал на северо-запад, мимо дворца Фугброх и Народного парка, городской ратуши и строгой Витовкехир в готическом стиле. Офальд жадно смотрел по сторонам, иногда быстро что-то зарисовывал или отмечал на карте понравившееся ему место, чтобы вернуться к нему позднее. Неав завладел им, жадно опутывая своими блестящими сетями великолепных фасадов, роскошных залов, невероятных оркестров, музейных сокровищ и идеально ухоженных парков.

* * *

Ралка, сидевшая у окна и бездумно смотревшая на улицу, вздрогнула от резкого звонка в дверь. Ее осунувшееся, быстро постаревшее после смерти мужа лицо на секунду застыло и тут же вновь расслабилось. Шаркая домашними туфлями, фрау Телгир отправилась открывать, и вернулась на кухню вместе с Васгутом Бекучиком. Она любила этого тихого скромного юношу, лучшего, и, фактически, единственного

друга ее сына.

– Ты пришел к Офальду? – спросила она негромко, садясь на прежнее место у окна.

– Да, фрау Телгир, – ответил Васгут и осторожно присел на краешек стула.

– Его нет, – сказала Ралка, и коротко посмотрела на Беучика, тут же отвернувшись. – Я думала, он с тобой.

Молодой человек поерзал на стуле и хотел было встать и откланяться, но женщина повернулась к нему и быстро заговорила, не повышая при этом голос, как будто ее силы уже в самом начале разговора были на исходе.

– Знаешь, Васгут, я волнуюсь за Офальда. Он совсем меня не слушает, я не понимаю его образ мыслей, мы отдаляемся друг от друга. Я знаю, я вижу, что он не такой, как мы. Но от этого мне не легче, понимаешь?

Глуть нерешительно кивнул.

– Я очень рада, что вы дружите, – продолжала Ралка, – мне кажется, ты хорошо на него влияешь и помогаешь ему найти себя, ведь так?

Молчаливый собеседник фрау Телгир вновь кивнул.

– Но вы совсем разные, Васгут, – Ралка вздохнула. – Ты тоже увлечен своей легкомысленной музыкой, совсем как Офальд рисованием, однако ты, по крайней мере, сдал экзамен на звание подмастерья, у тебя есть профессия в руках. Ты всегда можешь заработать на кусок хлеба, ты не зависишь от смычка, струн или клавиш. Как же мне убедить Офаль-

да, что ему нужна нормальная, обычная работа? Что это за занятие – рисовать? Кем он собирается стать – ярмарочным мазилой?

– Фрау Телгир, но ведь у Офальда большое будущее, – нарочито бодро воскликнул Васгут. – На следующий год он будет поступать в Академию в Неаве – это очень престижное учебное заведение!

– Я знаю, что ты готов его поддержать во всем, – махнула рукой Ралка и сгорбилась на своем стуле, глядя в окно. – Я просто очень волнуюсь за его будущее.

– Не переживайте, – неубедительно сказал Бекучик, вставая. – Все будет хорошо, вы увидите.

Он ушел, поспешно попрощавшись и захлопнув за собой дверь. Телгир, снедаемый очередным приступом депрессии, вновь отправился бродить по лесам вокруг Инцла, не предупредив и не взяв со собой друга. Васгут не понимал, что происходит с его приятелем: тот был явно рад, когда они наконец встречались, но отмахивался в ответ на любые расспросы. Они по-прежнему ходили на Шестрандалс, чтобы встретиться с Нифстеан, однако недавняя поездка сильно изменила Телгира.

Офальд вернулся в Инцл через полтора месяца после поспешного отъезда в столицу, уже влюбленный в Неав, но не желающий впрягаться в ярмо учебы в Академии. Молодой человек выбрал еще один год свободы. Он заверил Бекучика и мать, что поедет поступать следующим летом, а по-

ка как следует подготовиться к экзаменам. Впрочем, вместо систематической подготовки Офальд вновь заполнял свои дни шатаниями по Инцлу и его окрестностям, чтением газет, журналов и книг по истории и древнеримнагской мифологии, разработкой архитектурных проектов. Один из них, касающийся перестройки здания концертного зала, юноша, находясь под впечатлением неавских театров, даже отправил в городской совет, не получив никакого ответа. Телгир записался в инцлскую библиотеку, брал уроки игры на фортепиано, ходил в кинотеатр. В нем копилась нерастроченная энергия, которую он пока не мог направить в правильное, нужное русло, поскольку он сам не понимал, как его отыскать. Офальд стал более раздражительным, его мучили приступы тяжелого гнева, а по ночам стали сниться кошмары. Чувства к Нифстеан, нежелание огорчать мать, презрение к рамкам и условностям учебы в Академии, страх перед грядущими экзаменами, уверенность в своей исключительности, категорическое отвращение к какой бы то ни было работе смешались в юноше. Этот тугой горячий комок давил и распирали его изнутри. В течение нескольких месяцев Телгир, внешне казавшийся свободным, был накрепко заперт в своей собственной внутренней тюрьме. Его кипучая энергия сменялась апатией, пешие прогулки становились все дольше, но физические упражнения не помогали ему избавиться от противоречивых чувств, ощущений и желаний, растаскивавших на части эту мятущуюся душу. Однажды он признался Васгуту, что по-

думывает о двойном самоубийстве – ведь как было бы прекрасно броситься вместе с Нифстеан с моста через Науйд в черную пучину вечности! В другой раз, встав рано утром, он шел быстрыми шагами восемь часов подряд без передышки, в конце концов упав на мерзлую – дело было в конце ноября – землю, не в силах даже вздохнуть, и только чудом к нему не вернулась легочная болезнь, от которой Офальд с таким трудом избавился чуть больше года назад. Но после этого кризиса Телгир пошел на поправку.

В начале зимы он уже вновь стал видеться с Бекучиком каждый день, любовался издали Нифстеан, уверенно говоря, что она его дождетя из Неава, стал чаще и охотнее говорить с матерью и Улапой, которых раньше избегал. Офальд убедительно говорил о своем будущем, о желании учиться в Академии и стать хорошим художником. Иногда при этих беседах присутствовал Васгут, который поддерживал друга перед его семьей, заряжая постоянно волновавшуюся о будущем сына фрау Телгир. Еще в сентябре Ралка переехала в небольшой, но уютный домик в Фаруре, на улице Селюбестанг, 9, где заняла трехкомнатную квартиру на втором этаже. Хозяйка дома была хорошей приятельницей семьи Илосы Телгира, и как только прежние жильцы освободили лучшую квартиру в доме, она сообщила об этом Ралке и уговорила ее переехать. Здесь у Офальда была большая комната, в которую мать (не без помощи Ганиноа, обожавшей племянника) купила фортепиано и чертежный столик. Улапа пошла в хоро-

шую школу недалеко от дома. Всего в десяти кварталах отсюда жила Нифстеан с матерью и братом.

Эти безмятежные дни и недели омрачались для Офальда только волнениями из-за неуклонно ухудшающееся самочувствия матери. Фрау Телгир сильно сдала после смерти мужа. Ей едва исполнилось сорок шесть, но светлые, когда-то горевшие, как у сына, глаза, давно потускнели, лицо избородили глубокие морщины, спина горбилась, руки безвольно обвисли, и вся она стала похожа на пыльную оплывшую свечу, забытую на полке в кладовой. Ралке часто нездоровилось, ее беспокоили боли в груди, и в январе хирург Нураб сделал ей операцию.

В истории болезни значился диагноз: саркома малой грудной мышцы.

Глава седьмая. 18 лет

Неав – Фарур, Ивстаяр. Сентябрь – декабрь

Квартира в грязно-сером доме на неавской улице Геспашемтурс, 31 (подъезд 2 во флигеле, второй этаж, дверь номер 17) выходила окнами во двор, и пасмурное сентябрьское утро с трудом рассеивало полумрак в небольшой спартански обставленной комнате с полосатыми обоями. Тощая стопка книг на массивном столе соседствовала с раскрытой потертой кожаной папкой, из которой выглядывала кипа рисунков. Офальд нетерпеливо мерил комнату шагами. Его глаза горели, губы были раздвинуты в улыбке, лихорадочное дыхание с громкими всхлипами вырывалось из груди. Он встал очень рано, снедаемый нетерпением, но его квартирная хозяйка, фрау Искарц, бесцветная худенькая женщина лет пятидесяти, уже хлопотала на кухне. Жилец почти неделю без умолку твердил о том, насколько важен для него этот день, и женщина, уважавшая сына государственного служащего, без пяти минут студента, пообещала ему приготовить обильный завтрак и сварить чуть ли не целую кастрюлю кофе. Телгир перестал, наконец, метаться по комнате, тщательно оделся и вышел к столу. Его переполняла нервная энергия, требовавшая выхода, но усилием воли юноша заставил себя успокоиться, поесть, выпить кофе и обменяться несколькими ничего не значащими фразами с фрау Искарц. Наконец, не в си-

лах больше терпеть, Офальд отрывисто поблагодарил хозяйку, слегка поклонился в ответ на пожелание удачи, подхватил папку с рисунками и вылетел из квартиры. На больших напольных часах в салоне стрелки едва перевалили за семь утра, экзамен был назначен на половину девятого, а идти от Геспашемтурс до Цилшлерлап, на которой располагалось монументальное четырехэтажное здание Академии, было не больше тридцати минут. Но Телгир, снедаемый нетерпением, больше не мог оставаться в четырех стенах, и решил как следует проветрить голову. В своем успехе он, впрочем, не сомневался.

Во второй раз Офальд приехал в Неав в конце августа, после того как Ралка заверила, что чувствует себя гораздо лучше, и вполне может позаботиться о себе и об Улапе. Восемнадцатилетний юноша с одной стороны тяготился своей ролью нахлебника, сидевшего на шее матери – хотя при этом не собирался работать, – с другой, он устал от бесплодности своих чувств к Нифстеан и считал, что вдали от нее будет лучше справляться с собой. Кроме того, ему не терпелось услышать мнение о своем даровании от профессоров неавской Академии. Мимолетные страхи перед поступлением и сомнения в собственном таланте, возникшие у юноши во время походов по столичным музеям, уже улетучились. Телгир много рисовал, был уверен, что сильно улучшил свою технику рисунка, и даже взял несколько частных уроков у лучшего инцлского художника – к которому, при этом, от-

носился довольно презрительно, постоянно вспоминая работы столичных живописцев, виденных им в неавских галереях. Денежный вопрос снова решился как нельзя лучше: Офальд съездил в Диноглен, вооружившись письмом от Ралки, и поговорил с опекуном, убедив его, что часть отцовского наследства должна пойти на его образование. Реймахфор, тщетно пытавшийся уговорить своего строптивного подопечного поступить в ученики к местному пекарю, скрепя сердце выделил юноше 50 крон, еще 25 дала племяннику Ганиноа, а мать должна была отправлять сыну по 20 крон ежемесячно. Таким образом, Телгир не должен был бедствовать даже в таком дорогом городе, как Неав: комната в получасе ходьбы от центра обходилась юноше всего в десять крон в месяц. Еще одним ярким противником планов Офальда был Еол Аурлабь, муж Леагны. Он приходил к Ралке когда молодого человека не было дома и пытался убедить ее запретить юноше уезжать в столицу, упирая на то, что профессия художника не прокормит Телгира. Леагна не смела выступать против мнения супруга и предпочла занять нейтральную позицию. Об этих визитах Офальду рассказала Улапа, после чего случился страшный скандал. Молодой человек в ярости бросился в дом сестры, наговорил Еолу дерзостей, упомянув его страсть к азартным играм и медленное продвижение по служебной лестнице, после чего запретил ему появляться у Телгиров, угрожая спустить с лестницы. Аурлабь был трусоват и перестал сопровождать жену, которая навещала мачеху

раз в неделю. Больше препятствий на пути Телгира в Неав не оставалось. В день отъезда Ралка, Улапа и Офальд плакали, обнявшись, сидя на софе в салоне, но на вокзал Телгира по его просьбе провожал один лишь Васгут. Больше всего Офальд не любил демонстрировать свои чувства на людях и знал, что в момент прощания с матерью не удержится от слез.

До Академии Искусств на Цилшлерлап юноша добирался кружным путем, через район Регтеманар, но все равно оказался у нужного здания всего через сорок пять минут. У входа уже толпились несколько десятков юношей с мечтательными, одухотворенными лицами, и в это небольшое людское озерцо поминутно вливались все новые ручейки. Большинство соискателей выглядели взволнованными, и с тревогой переглядывались друг с другом, изредка вступая в тихие разговоры. Телгир внимательно осмотрел присутствующих, отметив, что большинство из них довольно дорого одеты, успел заметить несколько красивых экипажей и автомобилей, из которых выходили расфранченные юноши, и поспешил повернуть за угол, не желая стоять рядом с соперниками. Оставшееся до экзамена время он провел у подножия памятника великому римнагскому поэту Илшерлу, стоявшему в небольшом сквере напротив Академии. Он бездумно смотрел по сторонам, считал арочные окна красивого величественного здания, куда так стремился попасть, и мысленно считал от одного до шестидесяти, каждый раз начиная сна-

чала. Услышав зычный голос, призывающий экзаменуемых собраться у южного входа, Офальд встрепенулся и порысил к Академии, куда уже начали заходить соискатели.

Всего в тот день на вступительных экзаменах между собой соревновались 113 абитуриентов. Полный высокий мужчина средних лет с пышными бакенбардами и неожиданно высоким голосом объявил, что кандидатов на поступление в неавскую Академию Искусств ждут два основных этапа отбора. В первый и второй дни абитуриенты должны были сдавать экзамен по композиции. Лишь те, кто успешно выдержал это испытание могли предоставить принесенные с собой работы на суд приемной комиссии, которая решала, достоин ли кандидат обучаться в Академии. Юношей быстро разделили на несколько классов и дали им список из 24 тем ("Охота", "Весна", "Изгнание из рая", "Пастухи", "Расставание"), из которых следовало выбрать две. Телгир, не любивший рисовать людей и никогда не прибегавший в своих работах к религиозным мотивам, остановился на темах "Лунная ночь" и "Зима". На выполнение каждого из заданий отводилось три часа. Экзаменатором Офальда был приземистый человек с одутловатым лицом нездорового желтого цвета, который представился как профессор Фрольду Берах. Он тихонько покашливал в платок, которым то и дело вытирал пот со лба, его тонкие редкие волосы взмокли на загривке, а воротничок выглядел несвежим. "Йерев," – подумал Телгир и мысленно поморщился. Профессор Берах коротко позвонил

в колокольчик и негромко предложил абитуриентам начать работу.

Шесть часов спустя Офальд вышел из величественного здания на Цилшлерлап окрыленным и не чувствовавшим усталости. Герр Берах благосклонно отнесся и к "Лунной ночи", и к "Зиме", сделав несколько несущественных замечаний. На второй день первого этапа соискатели вновь выбирали из более чем двух десятков тем, заметно более сложных, чем вчерашние. Телгир отмел слишком неосязаемые "Музыку", "Молитву", "Мир" и "Ночь", не привлекли его и "Нищие", "Солдаты", "Рыбаки". Поколебавшись, он все же решил поработать над темами "Несчастный случай" и "Прогулка", решив сосредоточиться на внешних деталях и уделить меньше внимания человеческим фигурам. Экзаменатором был все тот же покашливающий Фрольдунг Берах, который и объявил Офальду по окончании экзамена, что тот успешно прошел первый этап и приглашается на завтра на четверть десятого утра представить свои работы приемной комиссии, возглавляемой ректором Академии – тем самым полным мужчиной с высоким голосом, которого звали Гмузнид Намлаль. Телгир дождался, пока плюгавый человечек с жиденькой бородкой не вывесил списки прошедших на второй этап и с удовлетворением отметил, что строгий отбор не прошли 33 кандидата.

Тем вечером Офальд был невероятно оживлен, с большим аппетитом ел приготовленный фрау Искарц по случаю ве-

ликого дня ужин – по правде говоря, такой же блеклый и пресный, как и она сама, но оплаченный Телгиром отдельно – много говорил и даже позволил себе сделать глоток вина, первый с памятной пирушки в деревенском трактире под Трайшем. Перед сном он вновь перебрал свои рисунки, убедился, что действительно привез из Инцла только лучшие работы, и лег спать со счастливым вздохом. Завтра он станет студентом неавской Академии Искусств, блестяще закончит ее, вернется в Инцл за Нифстеан и увезет ее с собой. Ему даже не приходило в голову, что девушка и не подозревает о его чувствах к ней, не знает его имени и не представляет себе, какие планы бродят в голове ее молчаливого поклонника. Перед отъездом в Неав Телгир отправил любимой письмо, где написал, что уезжает в столицу поступать в Академию, и что она должна терпеливо ждать, когда он вернется и женится на ней. Письмо было без подписи: Офальд был уверен, что Нифстеан и без того знает, от кого оно. Переполюняемый волнующими мыслями, заснул юноша далеко за полночь.

* * *

– Этот фарисей, этот выродок, ублюдочный сын жалкой суки, он... он... – кричал, заикаясь, Офальд, вцепившись тонкими пальцами в дверной косяк. С него лило ручьями, будто прежде, чем ворваться в мастерскую Бекучиков он окунулся в темную воду Науйда прямо в одежде. – Этот гни-

лой, мерзкий йерев заявил, что это неизлечимо! – выплюнул наконец он слово, которым давился, не в силах его произнести.

Васгут стоял, остолбенев, чувствуя, как холодеет спина вдоль позвоночника.

– Он хочет сказать, что в сорок семь лет человек уже может быть неизлечим? Да он просто не может ее вылечить, бездарность! – Телгир сделал шаг вперед и голос его осекся. – Вонючий йерев, – проговорил он уже без прежнего запала.

– О ком ты?

– О докторе Хлобе, о ком же еще, – устало сказал Офальд и потер мраморно-белый лоб. – Я только что от него.

Доктор Рудэад Хлоб был известным в городе врачом, услугами которого семья Телгиринов пользовалась уже два года.

– Мне написала Леагна. Ей скоро рожать, и она уже не может ухаживать за матерью, а той стало хуже. Я приехал сегодня днем и сразу пошел к Хлобу, – глаза Офальда засверкали. – А этот мерзкий докторишка заявил мне своим гнусавым голосом, что она неизлечима! Ей всего сорок семь, Глусть. Всего сорок семь!

Он вытащил правую руку из кармана промокнутого насквозь пальто и сжал пальцы в кулак.

– Он сказал, что советовал ей лечь в больницу в мае и в сентябре, когда ей становилось хуже. Но она каждый раз от-

казывалась и запрещала Улапе и Леагне писать мне. А теперь она даже не может встать с кровати, – пальцы разжались, на белой ладони остались красные следы от ногтей. – Ладно, теперь уже не о чем говорить.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спросил его Бекучик, нарушив повисшее в комнате, заваленной обрезками материи и уставленной разномастной мебелью в различных стадиях готовности, тяжелое липкое молчание.

– Чем ты мне можешь помочь, Глусть? – одним уголком рта усмехнулся Телгир.

– Но что ты собираешься делать?

– Буду помогать матери здесь, в Фаруре, – отрезал Офальд и, стремительно развернувшись, вышел на улицу, где бушевал сильный ноябрьский дождь. Васгут бросился за ним, прихватив два старых плаща, свой и отцовский, висевшие на сломанной вешалке в виде оленьей головы.

Друзья редко переписывались после отъезда Телгира в Неав. Отец Бекучика загрузил того работой в мастерской, а в свободное время юноша играл в симфоническом оркестре, поэтому времени на пространные эпистолярные упражнения у него не оставалось. Офальд тоже писал редко и скупо, ни слова не говоря о том, что делает в Неаве, и лишь спрашивая о Нифстеан. Он не привык к поражениям и уж тем более не хотел делиться их горечью с другими, но два прошедших месяца были одними из худших за все восемнадцать лет его жизни.

В тот ясный сентябрьский день он явился в Академию к четверти десятого и предстал перед приемной комиссией, в которую входили его экзаменатор Фрольду Берах, руководитель отделения общей живописи Нитахирс Грекерниплъ и сам ректор Гмузнид Намлалъ. Офальд подал трем профессорам объемистую папку со своими рисунками и вышел за дверь ждать вердикта. Его позвали через десять минут. Говорил, в основном, Берах, подчеркнувший, что юноша с честью прошел первый этап отбора, но его работы, предоставленные комиссии на втором этапе, довольно однообразны.

– Вы совсем не пишете портретов, – негромко сказал Берах. – Ваши пейзажи неплохи, городские зарисовки даже можно назвать превосходными, мы все обратили внимание на отличную прорисовку деталей улиц и очень уверенное владение перспективой и композицией в изображении зданий. Но ваши работы безжизненны, на них практически нет ни людей, ни животных, а любой редкий человек, встречающийся на ваших рисунках, выглядит, словно застывший в витрине лавки портного манекен. Посмотрите, вот здесь у вас гуляющая по набережной пара. Вы могли бы сделать ее центральным объектом вашей работы, но предпочли вот этот угол дома, мост, тротуар, береговую линию. А мужчина и женщина изображены настолько небрежно и схематично, как будто это они являются декорацией, а не все то, что я только что перечислил.

Грекерниплъ и Намлалъ степенно кивали.

– В общем, юноша, – заключил Фрольду Берах, – я вынужден с сожалением сообщить вам, что вы не приняты в неавскую Академию Искусств.

Оглушенный, раздавленный, окаменевший до звона в ушах Офальд не мог вымолвить ни слова.

– Послушайте, Телгир, – заговорил ректор Намлаль. – Ваши здания выглядят очень неплохо. Мы считаем, что ваши способности применятся наилучшим образом в школе архитектуры, а не в школе живописи. Позвольте порекомендовать вам подать документы именно в архитектурную школу. Нам кажется, что именно в этой области вы найдете свое призвание.

Он протянул папку Офальду и попрощался.

Через несколько дней молодого человека ждал новый удар. Для того, чтобы поступить в архитектурную школу студентам требовалось пройти обучение в строительном техникуме, куда не принимали без аттестата об окончании гимназии. Телгир, сознательно отказавшийся продолжать обучение в средней школе и оставшийся без столь нужного ему диплома, был вынужден оставить мысли о поступлении в Академию Искусств. Офальд никому ничего не сообщил, и вместо того, чтобы вернуться в Инцл, остался в Неаве, целыми днями слоняясь по улицам и тратя деньги матери на музеи и театры. Сорваться с места его вынудило только письмо Леагны.

Вернувшись в Фарур, чтобы ухаживать за больной матерью, Телгир из самолюбивого вспыльчивого дерзкого юноши в мгновение ока превратился в образцовую сиделку. Он мыл полы, готовил, стирал белье и с неослабным вниманием следил за учебой Улапы, которая поклялась перед кроватью больной исправить все свои неудовлетворительные оценки. Брат с сестрой на глазах у матери держались друг с другом с большой теплотой, нередко брались за руки или обнимали друг друга, но едва оказавшись за дверью комнаты фрау Телгир тут же расходились в разные стороны. Офальда тяготили его обязанности по отношению к Улапе, которая казалась ему слишком инфантильной для своего возраста, и, к тому же, была по его мнения явно глуповата. Сестра, в свою очередь, недолюбливала старшего брата, от которого еще два-три года назад нередко получала затрещины и тумачи, и о котором Леагна отзывалась как о лентяе, сидящем на шее больной матери. Но сама Ралка ничего не замечала. Она была счастлива и с удовольствием принимала заботу сына о себе. По утрам они советовались, что стоит приготовить на обед, а по вечерам вся семья собиралась в комнате больной и часами беседовала о событиях прошедшего дня, планах на завтра и прочих нередко пустяковых вещах.

Несмотря на невероятную заботу волшебным образом

преобразившегося Телгира, Ралке становилось все хуже. Если в первые две недели после приезда Офальда она еще могла встать с кровати, сделать несколько неуверенных шагов по комнате или перебраться в кресло у окна, то к середине декабря фрау Телгир совсем сдала. Ее мучали постоянные боли, она плакала и кричала по ночам, и морфий, инъекции которого делал ей ассистент доктора Хлоба, участливый плохо одетый человек по фамилии Нейшт, уже не помогал. Офальд терпеливо сносил все тяготы своего положения, лишь на пару часов в день позволяя сиделке взять на себя заботу о матери. Ралка оставалась в сознании до самого конца, и беспрестанно благодарила сына за заботу, заклиная его позаботиться о своем будущем.

– Ради меня, дорогой, ради Улапы, и ради себя самого, – еле слышно шептала она. – Я должна быть спокойна за вас.

– Все будет хорошо, мама, обещаю, – спокойно отвечал сын, пожимая бледную, похожую на птичью лапу руку, и по истончившимся губам больной пробежала мимолетная улыбка.

За три дня до Рождества фрау Телгир умерла.

Офальд отказался от помощи родителей Бекучика, мать которого очень сочувствовала "бедному сироте", и взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами. Последним желанием Ралки было упокоение на диногленском кладбище, рядом с мужем, поэтому Телгир назначил церемонию на девять часов утра накануне сочельника, чтобы потом перевез-

ти тело матери в Диноглен. Офальд встречался с владельцем похоронного бюро герром Рабуэ, договаривался об аренде экипажей, ездил в типографию, чтобы отпечатать извещение о смерти и сосредоточенно занимался множеством других неизбежных вещей, сопровождающих уход близкого человека. Он не плакал, ничего не ел и почти не спал, сухие глаза припухли, рот был сжат в узкую короткую линию, обычно ухоженные ногти обгрызены до мяса. В разосланном родственникам и близким извещении говорилось:

В день похорон потеплело, выпавший несколько дней назад снег начал таять, а с реки поднялся клочковатый тяжелый туман. В дом на улице Селюбестанг пришли десятка полтора человек: Васгут с родителями, соседи по дому и несколько инцлских знакомых Ралки. Из Тишапля приехали сестры усопшей, Ганиноа и Зиреяте. Одиннадцатилетняя Улапа рыдала, не переставая, Офальд по-прежнему не плакал. Священник благословил покойную, тело уложили в гроб и спустили вниз, поставив на катафалк. За гробом рядом с Телгиром, похожим на белое привидение, облаченное в черное пальто, перчатки и цилиндр, шли Еол Аурлабь и Улапа, меся темную грязно-снежную кашу под ногами. Леагна, которая была на девятом месяце беременности, ехала в закрытом экипаже позади процессии, с ней была Ганиноа. После отпевания в небольшой церкви на улице Гурсетапшаст кортеж двинулся по главной улице Фарура в сторону моста через На-

уйд. Звон колоколов сопровождал печальную процессию, и одно из окон на втором этаже красивого пепельно-жемчужного дома открылось. Прямо на Офальда смотрела Нифстеан. На мгновение их взгляды встретились, девушка сочувственно кивнула, но Телгир уже отвернулся, глядя прямо перед собой. У моста кортеж ждал второй экипаж, в который сели Улапа и Офальд. Еол присоединился к жене и ее тетке. Процессия отправилась в Диноглен, где тело Ралки Телгир, урожденной Льепцль, было предано земле.

На следующий день в осиротевшем доме Телгиров между Еолом и Офальдом состоялся тяжелый разговор. Зять сообщил шурина (оба презирали друг друга в равной степени), что Улапа поселится в семье Аурлабь. Ее брату чиновник явно дал понять, что ему в их доме места не найдется. Офальд, тут же уловивший этот более, чем прозрачный намек, мрачно сообщил, что даже не рассчитывал на подобную милость, и что он уедет в Неав, как только уладит все дела, связанные с наследством. Паузу, повисшую после этого заявления, не хотел прерывать ни один из собеседников, сидевших у разных концов большого тяжелого стола. Наконец, Еол поднялся и взялся за шляпу. На холодное приглашение разделить с Еолом и Леагной рождественский ужин юноша ответил грубым отказом, и, выругавшись сквозь зубы, герр Аурлабь вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Через одиннадцать дней Леагна родила девочку Ликагену.

Глава восьмая. 19 лет

Неав, Ивстаяр. Июль

Офальда разбудили звуки рояля. Васгут, встававший ни свет, ни заря, перед уходом в консерваторию решил немного попрактиковаться. Телгир со стоном натянул на голову одеяло и повернулся к стене, но его друг не сбился, с точностью метронома выводя затейливую мелодию Революционного этюда Ношепа в до миноре. Лишь доиграв до последних нот и сыграв их, как и было предписано в листе, "аппассионато", Глусть встал, залпом допил молоко из стеклянной бутылки, стоявшей на столе, схватил половину булки с маслом, и, жуя, вышел из комнаты. Офальд тщетно жмурился под колючим одеялом, пытаясь вернуть безвозвратно потерянный сон, но, поняв бессмысленность этих попыток, приподнялся на локте и вяло оглядел десятки тысяч раз виденную картину: большой рояль у окна, гардероб, рукомойник, две кровати, два стула, стопки книг вдоль стен, буфет и стол, заваленный блокнотами, эскизами, набросками и карандашами с красками. На небольшом островке посреди всего этого стояла пустая бутылка и лежал телгиров завтрак: половина булки, щедро намазанная маслом. Рядом стояла полная кружка молока – Васгут никогда не позволил бы себе доесть или допить последнее. Друзья уже пятый месяц жили на квартире у фрау Искарц, снимая пополам за 20 крон большую комна-

ту, в которой раньше жила сама хозяйка. Бекучик учился в неавской консерватории и давал частные уроки, Офальд, так и не рассказавший приятелю, что не поступил в Академию Искусств, был предоставлен сам себе.

В январе, вскоре после смерти матери, Телгир поехал к своему опекуну Реймахфору, где вместе с ним составил прошение в королевское управление финансов от лица Офальда и Улапы, сирот служащего императорской таможни, с просьбой о назначении им пенсии. Согласно ивстаярским законам, дети государственных служащих младше 24 лет в случае смерти обоих родителей могли получать ежемесячное пособие, размер которого составлял немногим меньше половины вдовьей пенсии. Уже через две недели благодаря хлопотам Реймахфора, простого диногленского крестьянина, который очень сочувствовал брату с сестрой, прошение удовлетворили. Офальд и Улапа теперь получали от государства по 25 крон каждый месяц. Наследство, оставшееся от отца, давало юноше еще 48 крон ежемесячно в течение полугода. Похороны матери Телгир оплатил из ее сбережений, заказав самый дорогой гроб из всех, что были у герра Рабуэ, и покрыв услуги доктора Хлоба, с которым, несмотря на вспышку гнева сразу после приезда из Неава, он очень сблизился за несколько недель, ухаживая за матерью. Оставшиеся деньги Офальд разделил с Улапой. Его доля составила триста крон. Помимо этих денег, у брата с сестрой была довольно внушительная сумма в банке, составлявшая больше

двух тысяч крон. Досталась она им так.

Среди родственников матери, живших в Тишапле, к которым Офальд ездил оправляться после легочной болезни, была Грубьлава Телгир, крестьянка, вышедшая замуж за трудолюбивого фермера, нажившая неплохое состояние и скончавшаяся два года назад, пережив мужа на десять лет. Детей у пары не было, поэтому все свое имущество двоюродная бабушка Офальда и Улапы завещала своей сестре Ганиноа, а в случае ее смерти наследство следовало разделить между тремя племянницами Грубьлавы: Ралкой, Ганиноа, названной в честь матери, и Зиеряте. Мать Ралки умерла всего год назад, и солидное наследство ее сестры, согласно завещанию, было разделено на три части. Таким образом, после смерти Ралки Офальд и Улапа получили еще и эти деньги, оставшиеся лежать в банке в качестве вклада под проценты, составлявшие около ста десяти крон в год.

В начале февраля Офальд ехал в Неав довольно обеспеченным молодым человеком с тремястами кронами в кармане и ежемесячным доходом в 75 крон (учитель гимназии с десятилетним стажем получал примерно столько же). За комнату Телгир платил десять крон в месяц, а остальные деньги тратил так, как ему хотелось. Васгуту, приехавшему к Офальду через две недели и поселившемуся с ним в одной комнате, приятель о своем финансовом положении не рассказывал, с удовольствием уписывал домашние продукты, которые фрау Бекучик посылала сыну раз в месяц, и зав-

тракал скромно: хлебом с маслом, иногда с сыром или ветчиной, пил молоко. Друг Телгира получал от родителей тридцать крон в месяц, из которых двадцать отдавал за комнату и аренду рояля, а на остальные жил, пробиваясь частными уроками и подработкой в различных оркестрах, уверенный, что Офальд живет едва ли не скромнее его. Тот же редко себе в чем-то отказывал. Он по-прежнему практически не пользовался городским транспортом, предпочитая ходить по столице пешком, но раз или два в неделю позволял себе пообедать в хорошем ресторане, тогда как Бекучек питался исключительно в муниципальных столовых, покупал одежду, книги, газеты, с удовольствием посещал оперу, кинотеатры, выставки, городские театры и музеи. Неудивительно, что деньги у Телгира таяли с невероятной скоростью, и дня за три до поступления очередных выплат он оставался на мели, действительно живя чуть ли не впроголодь. В мае юноше пришлось опустошить свою часть банковского счета: он не желал пропускать ни одной оперы, продолжал хорошо одеваться, а кроме того на протяжении полутора месяцев платил довольно большие деньги за частные уроки.

Несмотря на такую внешне беспорядочную жизнь, Офальд много, хоть и непоследовательно, работал над собой. Сразу после приезда, вооружившись рекомендательным письмом от хозяйки фарурской квартиры на Селюбестанг, он отправился к профессору Лерролу, известному йеревскому театральному художнику, преподававшему в Неавской

школе художественных промыслов. Тот посмотрел рисунки молодого человека, сделал несколько ценных замечаний, и направил его к скульптору Порельнахцу, прекрасному педагогу, у которого юноша несколько недель брал уроки искусства. Порельнахц исправлял работы Телгира, помогал ему с выбором цвета и композиции, учил изображать людей и работать над абстрактными понятиями в живописи. Он также заметил у молодого человека тягу к архитектуре, и рекомендовал ему как следует подумать, не стоит ли в дальнейшем связать свою жизнь именно с этой областью искусства. Офальду и самому казалось, что он нашел наконец свое призвание. Помимо учебы у скульптора Телгир очень много читал, писал пьесы и новеллы, самостоятельно учил ненавистный когда-то рифаянцкий, интересовался политикой и старался не пропускать утренних газет.

Юноша встал с кровати, лениво потянулся и пошлепал умываться. Надоевшее молоко он выплеснул за окно, лениво пожевал булку и принялся одеваться, тщательно, как всегда. Сегодня он собирался на утреннее заседание парламента, к которым пристрастился еще прошлой осенью, когда после провала в Академии бродил по городу и случайно оказался на верхней галерее для публики. Постепенно Телгир выучил порядок заседаний, начал узнавать особенно активных депутатов и проникся большим презрением к законодательной власти в огромной Ивстаярско-Гиравенской империи. Министры сидели с надутым и скучающим видом за спинами у

без остановки работавших подвижными пальцами стенографистов, председатель парламента, по мнению Офальда, редкий болван, невпопад звонил в свой колокольчик, а депутаты между прениями предпочитали пить кофе и читать газеты в фойе. Во время заседаний звучала ехчская, римнагская, алиятская, гирявенская, пьолашская речь, причем ораторов не слишком заботило, понимают ли их слушатели. Во время прений депутаты орали во все горло, хлопали крышками пюпитров и не обращали никакого внимания на звон колокольчика председателя.

Телгир вышел на Геспашемтурс и повернул на улицу Фохцльшам, по которой деловито сновали неавцы, торопившиеся по своим делам. Это были, в основном, рабочие и студенты: до самых красивых улиц центра ивстаярской столицы от этого довольно дешевого района надо было добираться минут двадцать. Офальд ускорил шаг, решив вернуться по дороге в кофейню на улице Герсикесахн, где подавали великолепные пироги с маком и удивительно ароматный кофе, шагнул за угол и резко остановился как вкопанный. За перекрестком, у универсама "Рогсгрэнс", стоял лоточник, из восточных йеревов, в своем длинном кафтане и сапогах. На его широком деревянном лотке, висевшем на шее, были разложены пуговицы, подтяжки, шнурки, булавки и прочие мелкие товары. Около йерева стояло несколько праздных зевак, громко и лениво обсуждавших жалкий ассортимент торговца. По ивстаярским законам лоточникам запре-

щалось просить подавание, однако этот мужчина, с длинной полуседой бородой и в большой шляпе, из-под которой виднелись мокрые от пота редкие волосы, стоял с протянутой рукой. Какая-то сердобольная горожанка в элегантном желтом платье и кружевным зонтиком того же оттенка только что подала попрошайке несколько мелких монет и неспешно продолжила свой моцион, тот униженно закланялся, благодаря, но вдруг выпрямился и застыл: со стороны площади Шнибезтрен к нему быстрыми шагами направлялся полицейский в темно-зеленом мундире с желтым аксельбантом. Пышные усы этого плотного невысокого мужчины лет сорока воинственно топорщились, смазанные маслом португепя, сапоги и подсумок с гербом империи блестели на солнце. Завороженный предстоящим зрелищем Офальд подошел поближе, краем глаза заметив, что двое зевак удалились быстрыми шагами, а несколько студентов, стоявших поодаль, наоборот, придвинулись к лоточнику. Монеты давно исчезли в одном из объемистых карманов долгополого кафтана, но зоркий страж закона, прекрасно рассмотрев издали протянутую руку торговца, уже требовал от того документы, удостоверяющие личность и разрешение на торговлю. Бумаги у йерева оказались в порядке, он плакал и повторял, что живет только продажей своего товара. Тогда полицейский брезгливо взял его под руку и спросил хриплым низким голосом у собравшейся вокруг кучки людей человек в десять:

– Кто видел, как вот этот господин просил милостыню на

улице великого Неава?

Офальда, обычно уклонявшегося от всеобщего внимания, как будто что-то толкнуло в спину.

– Я, герр полицейский, – сказал он, сделав шаг вперед и прикоснувшись к полям шляпы. На йерева Телгир не смотрел.

Тот благосклонно оглядел аккуратно одетого худощавого юношу с ухоженными черными усами.

– Соблаговолите проследовать за нами в участок, чтобы засвидетельствовать ваши показания. Это недалеко, всего три квартала, и не займет много времени.

Офальд кивнул, и полицейский размашистыми шагами отправился вниз по улице, крепко ухватив лоточника за локоть. Прежде, чем юноша отправился вслед за ним, кто-то из зевак одобрительно похлопал молодого человека по плечу, а другой презрительно сказал вслед удаляющейся парочке:

– И это великий римнагский Неав? Вы молодец, юноша!

В участке с Офальдом обращались почтительно, предложив на выбор воду, кофе или чай. Немолодой дежурный офицер быстро взял у него свидетельские показания и попросил присутствовать на досмотре торговца. В кафтане лоточника нашли тысячу крон, зашитых под подкладку. Телгир вышел из участка в глубокой задумчивости. Он уже опоздал к началу заседания парламента, да ему и не хотелось сейчас находиться в шумном людном месте. Юноша развернулся и направился на юго-запад, к своей излюбленной ска-

мейке в укромном уголке великолепного парка Нунбрэнш, где располагалась резиденция императора. Офальду было, о чем подумать.

* * *

Завтра Васгуту предстояло отправиться в Инцл, где он собирался погостить у родителей до осени, а затем его ждали восьминедельные военные сборы. Повестка пришла ему прямо на Геспашемтурс, что сильно встревожило Телгира, не желавшего и думать о том, чтобы служить презираемым им Грубгабсам в ивстаярской армии. Он даже уговаривал Васгута разорвать повестку и бежать от призыва в Римнагею, но тот отверг подобный план, ставивший крест на его музыкальной карьере. Посоветовавшись с родителями, Бекучик решил, что служба – это меньшее из зол, и покорно явился на призывной пункт, пройдя медицинское освидетельствование и заполнив все необходимые бумаги. Вскоре Бекучика зачислили в резерв ивстаярской армии, куда, согласно императорскому указу двадцатилетней давности, должен был угодить и Офальд – только, будучи младше своего друга, через год. Они часто говорили об этом, и Телгир не раз повторял, что служить дряхлым импотентам Грубгабсам, защищая их грязную лоскутную империю – позор для настоящего римнагца, которым юноша себя считал с детства. После смерти матери Офальд стал более раздражительным, на него часто на-

ходили приступы неконтролируемого гнева, во время которых он мог наорать на Васгута, швырнуть в стену книгу или стопку бумаг, изо всех сил хлопнуть дверью. Однажды, разозлившись из-за шумевшей на улице компании подвыпивших ехчей, оравших какую-то песню на своем языке, Телгир сломал свою любимую трость, которую покупал еще в Ингле. Бекучик во время подобных вспышек своего друга вел себя тихо, отмалчиваясь или миролюбиво переводя разговор в другое русло. Иногда это помогало, иногда бесило Офальда еще больше.

Проведя в Нунбренше почти полдня и перекусив яблочным пирогом с кофе, Телгир отправился домой, чтобы переодеться к вечернему спектаклю в городском театре и поговорить с Васгутом о предстоящей разлуке. Накануне друзья обсудили все детали с фрау Искарц. Бекучик уезжал в Ингл, вернув арендованный рояль в магазин музыкальных инструментов на улице Есилнигеанс, но обещал аккуратно платить свою часть квартирной платы все время, что он будет в отъезде. Вернуться в Неав Васгут должен был во второй половине ноября. Сама хозяйка тоже собиралась уехать на неделю-другую к родственникам, а затем должен был настать черед Офальда, который собирался в Тишапль, с двумя целями: озвученной – навестить родственников матери, и тайной – попросить денег у тетушки Ганиноа, больной диабетом горбатой сестры Ралки, слишком любившей племянника, чтобы оставить его в беде. Фрау Искарц очень обрадова-

лась, что не потеряет таких идеальных со всех точек зрения жильцов: молодые люди, в отличие от многих других студентов (хозяйка считала Офальда студентом) не пили, не курили, не водили в дом девушек и выглядели очень сосредоточенными на своей учебе. Звуки рояля глуховатой фрау Искарц не мешали. Друзья тоже не собирались лишаться удобной квартиры, главным достоинством которой была ее дешевизна, а на главные недостатки – сильный запах керосина и клопов в мебели – они старались не обращать внимания.

Вернувшись домой после шести, измотанный двумя уроками подряд с туповатой уроженкой Верхнего Ялисеиза Бекучик обнаружил на редкость благодушно настроенного Офальда, сидевшего за их коченогим столом, на котором было непривычно пусто, и читавшего толстенный том с золоченым тиснением на темно-бордовой обложке. Это была одна из любимых книг Телгира, "Римнагские мифы и легенды", кропотливое исследование профессора Кояба Ребве, с великолепными иллюстрациями и пространными рассуждениями о взаимосвязи прошлого и будущего в развитии нации. Васгут снял шляпу, бережно поставил в угол футляр с альбомом, на котором играл в оркестре при консерватории, и упал на ближайший стул, с удивлением глядя на столешницу, с которой пропали многочисленные эскизы, наброски, заметки и прочие бумаги, которыми Офальд захламлял комнату. Вместо этого на столе появились хлеб, масло, небрежно порезанные сыр и колбаса, несколько кусков пирога с маком,

фрукты и пыльная открытая бутылка дорогого с виду вина.

– Привет, Глусть! – весело воскликнул Телгир, с шумом захлопнув книгу и бросая ее на свою кровать. – Я тебя уже заждался!

– Привет, – отозвался тот и шумно сглотнул слюну: постный гороховый суп, съеденный несколько часов назад, желудок, казалось, и не заметил. – А по какому поводу торжество?

– Глусть, ну какой ты тюфяк. Мы же завтра расстаемся на целых четыре месяца, не забыл? Это стоит отметить, да так, чтобы было, о чем вспомнить! А потом мы напьемся, ты мне сыграешь, я тебе прочту Илшерла, – это наша ночь, Глусть!

Васгут ничего не понимал. Телгир при нем никогда не оживлялся при виде еды, или, тем более, выпивки. Его могли раззадорить разговоры о политике, судьбе Ивстаяра и Римнагеи, неавской архитектуре, опере Ренгава, картине Нофталя или книге Мрига, но чревоугодие в число тем, волнующих Офальда, никогда не входило. Голод быстро взял верх над удивлением, и Бекучик набросился на хлеб с колбасой.

– Проголодался? – хитро прищурился Телгир. – Ешь, ешь, у меня еще есть.

– Откуда? – проговорил Васгут с набитым ртом. – Ты же вроде на мели?

– Да вот, разжился тут кое-какими деньгами, – неопределенно ответил Офальд. – К черту их, это все неважно.

Он разлил вино по стаканам, и друзья чокнулись.

– Давай выпьем за нашу будущую встречу, – предложил Васгут, с удовольствием глядя на очередной бутерброд, ждавший его на тарелке. – Я почти уверен, что мне удастся получить ангажемент в Неавском симфоническом оркестре на будущий год, так что с деньгами у нас все будет хорошо.

Офальд не ответил. Он задумчиво смотрел на рубиновую жидкость в своем стакане. Слабый луч света керосиновой лампы – в их комнате было полутемно даже днем – проходя через вино бросал на бледное, немного вытянутое лицо Телгира тень цвета крови, отчего он казался персонажем античной трагедии. В неавских театрах на театральные фонари накидывали пурпурную ткань в сценах смерти, окрашивая сцену в цвета, подобный тому, что лежал сейчас на лице Офальда, смотревшего невидящими глазами сквозь вино.

– Эй, ты меня слышишь? – тихо позвал Васгут. Его друг встрепенулся, заморгал и залпом осушил свой стакан.

– Конечно слышу, Глусть. Мы пьем за нашу встречу в ноябре, ведь так? Давай-ка, пей, и не забывай закусывать, а не то уснешь прямо за столом, слабак!

Утром полусонные Офальд и Васгут распрощались на платформе вокзала Станвохбеф, пообещав друг другу писать если не часто, то обстоятельно. Бекучик запрыгнул в вагон и в последний раз оглянулся на прямую спину Телгира, пробиравшегося через толпу.

Он видел своего друга в последний раз.

Глава девятая. 19 лет. Продолжение

Неав, Ивстаяр. Июль – октябрь

Через две недели с этого же вокзала Офальд отправился в Тишапль, на встречу с тетушкой Ганиноа, которая привыкла проводить лето у самой зажиточной из трех сестер Льепцль – Зиеряте, в замужестве Дшимт. В переписке с тишапльскими родственниками Телгир осторожно выяснил, что ни Леагна, ни Улапа в гости к ним не собираются – и только после этого отправился в кассу за билетами. Отношения с сестрами у Офальда окончательно испортились. Леагна еще до его отъезда в Неав потребовала, чтобы юноша нашел себе в столице работу и отказался от причитавшейся ему части сиротской пенсии в пользу Улапы. Работать Телгир не собирался, рассчитывая, что денег ему хватит до поступления в неавскую академию, а там уже выручит стипендия (около 800 крон в год). После обмена несколькими гневными письмами общение с инцлскими родственниками прекратилось окончательно. Тетя Ганиноа, жившая вместе с Леагной, продолжала жалеть племянника и заняла его сторону в этом конфликте, но чета Аурьяб и даже Улапа больше не написали ему ни строчки. Телгир не слишком переживал по этому поводу.

Пока поезд с умеренной скоростью нес молодого человека на северо-запад, он изучал политическую брошюру, которую

Офальду в вокзальной суете сунул прямо в руку какой-то немолодой неавец, с клочковатой бородой, светлыми прищуренными глазами и в пиджаке с сильно истрепавшимися обшлагами. Он что-то бормотал себе под нос, подчеркнуто вежливо раскланивался с римнагцами, не обращал внимания на ехчей и пьялощцев, с преувеличенным презрением шараялся от йеревов. Двое полицейских, призванных следить за порядком, лениво посматривали в сторону этого маленького винтика в огромной машине пропаганды партии бургомистра Неава, Ларка Рэюгела. Общенациональные выборы в неавский парламент должны были состояться только в феврале, но подготовка к ним (как и к торжествам по поводу очередного юбилея стареющего императора), началась еще в мае. Ивстаярская столица, несмотря на весь свой космополитизм и всеобщее признание истинным центром искусств Поверы, была чрезвычайно политизированным городом. Демонстрации, стачки, публичные речи лидеров разного калибра, стихийные митинги и прочие приметы беспокойного времени для многонациональной империи, чуть ли не ежедневно сотрясали Неав. Телгир живо интересовался политикой и с большим интересом читал газеты, изучал воззвания, слушал речи и быстро составил свое мнение обо всем происходящем в Ивстаяре.

Брошюра, попавшая к нему в руки, была сборником высказываний известных членов популярной в стране Католико-Социалистической партии, широко представленной в

парламенте. Офальду нравились некоторые идеи католик-социалистов и их лидера Рэюгела: они отлично умели вести за собой народ, объединив крестьян, ремесленников, рабочих, и выступали за тотальную национализацию и решение с ее помощью множества экономических проблем. Они искренне верили, что процветанию Ивстаяра мешает засилие мирового капитализма, яркими представителями которого, по их мнению, были йеревы, сосредоточившие в своих руках огромные деньги и угнетавшие чуть ли не все слои населения. Они боролись против "продажных и подкупных либералов" и открыто поддерживали создание профсоюзов для ремесленников и рабочих. Сам бургомистр в одной из своих речей призвал посадить всех неавских йеревов на корабль, вывезти в открытое море и утопить, после чего сторонники вынесли его из зала на руках. Однако, на вкус молодого человека, Рэюгелу не хватало радикального взвешенного подхода к сложностям, возникающим из-за многонациональности империи, политик был против объединения Ивстаяра и Римнагеи, чего искренне желал Офальд, да и религия, в качестве объединяющего фактора, не слишком привлекала Телгира.

Ему были ближе идеи панримнагцев, крошечной партии, идеологом которой был Рогег Ершнере, политический наставник Рэюгела, от которого, впрочем, будущий бургомистр быстро отмежевался. Эти люди с крайне радикальными взглядами пошли еще дальше в антийеревской риторике, заявляя, что "свинство в природе этой расы" и предла-

гая запретить йеревскую иммиграцию в Ивстаяр, установить особые законы для йеревов, уже проживающих в империи и назвав идею антийеревства главной опорой национальной идеи. Сторонников йеревов предлагалось считать предателями народа и дезертирами римнагской нации. Почитатели Ершнере ратовали за введение в Ивстаярско-Гирявенской империи единого государственного римнагского языка, с понижением статуса прочих языков до "местных диалектов", презрительно относились к религии, считая ее инструментом для оболванивания народа и пропагандировали культ древнеримнагских богов, считая свою нацию прямыми их потомками. Высшей целью партии было объединение Римнагеи и Ивстаяра в единую римнагскую державу. Сам Ершнере обожал великого композитора Ренгава, которым восхищался Телгир, и неоднократно подчеркивал, что римнагское искусство должно "объединиться против искажения и обйеревывания". Но именно радикализм панримнагцев привел к тому, что партия захирела, и была вынуждена влиться с еще несколькими объединениями в Велико-римнагскую народную партию. Офальд чувствовал, что, если бы Ершнере был более настойчив, гибок, уделял больше времени строительству мощного партийного аппарата и воинственной антийеревской пропаганде (к примеру, одним из громких лозунгов Рогера был "через чистоту – к единству" – чем не идеология?), его идеи нашли бы больший отклик в массах.

Юноша считал, что Римнагская империя, соседствовав-

шая с Ивстаяром, совершает огромную ошибку, поддерживая и сохраняя власть Грубгабсов в непрочно сшитом многонациональном государстве. С его точки зрения Римнагее давно стоило принять в свой состав все десять миллионов ивстаярских римнагцев и навсегда очистить эту нацию от прочих, слишком тесно сплетавшихся с ней в дряхлеющей империи Грубгабсов. Союз Римнагеи и Ивстаяра по мнению Офальда был искусственным, неживым и насквозь фальшивым, таким же, как блеск неестественно белых зубов между раздвинутых в улыбке губ императора Цфарна Фиоси, когда он два раза в день проезжал по неавской улице Фаельхириарм, утром направляясь из Нунбрэнша в город по государственным делам, а вечером возвращаясь обратно. Телгир не понимал, как римнагцы в обеих империях не осознают истинного положения вещей и считал их слепыми воронами, не замечающими, что ветка, на которой они так уютно устроились, насквозь прогнила и вскоре сломается.

Таким образом, идеальным с точки зрения молодого человека политическим объединением была бы партия, соединявшая идеи Ершнере и Рэюгела. Но первый уже фактически отошел от политики, а второй, несмотря на большую популярность, был не готов к радикальной расовой революции в Ивстаяре. Офальд зашелестел дешевой желтоватой бумагой, на которой католик-социалисты печатали высказывания своих лидеров и поморщился. Эта крестьянская партия просто не уважает своих лучших людей. Пробежав глазами

парламентскую речь Ригенха Ори, активно критиковавшего правительство за отсутствие внятных реформ, Телгир покивал. Он понимал популярность подобной риторики. В конце речи Ори обрушился на "систему привилегий для славянских народов и дискриминацию римнагцев": "Никогда раньше права римнагцев в том, что касается допуска на государственную службу и продвижения по служебной лестнице, не ущемлялись настолько сильно в пользу славян, и никогда еще требование римнагского народа вести в римнагских областях делопроизводство только на римнагском и допускать к рассмотрению дел в суде только римнагских судей не отодвигали в сторону так презрительно и непристойно".

Офальд, задумавшись, рассеянно посмотрел в окно. Ори был в чем-то прав: правительство Ивстаяра крайне (чересчур, по мнению многих) щепетильно относилось к национальному вопросу. К примеру, одной из претензий партии Рэюгела был закон о назначении на государственные посты в областях, где проживали ехчи, только представителей ехчской национальности. Более того, соискатели должны были в совершенстве знать их квохчущий язык, и даже сдавали специальный экзамен. Получается, что раз подобные меры не принимаются в римнагских областях тарепиормии, налицо явная дискриминация римнагцев, у которых уж точно должно быть побольше прав, чем у каких-то ехчей! Телгир прочел окончание речи: "Нашим героям войн и в страшном сне не могло присниться, что оплот свободы, в борьбе за который они про-

водили годы в застенках, проливали кровь, рисковали жизнью и свободой, окажется таким слабым и чахлым, каким он стал сегодня. Ивстаяру угрожает абсолютное главенство васлянов, а римнагцы будут играть роль рабов, платящих налоги". Высказывания перемежались цитатами из Писания, внизу на каждой странице брошюры петитом было отпечатано: "Вы не прочтете этого в неавской йеревской прессе!"

Квартирка Офальда и Бекучика на Геспашемтурс располагалась совсем рядом с типографией панримнагской газеты "Лойчадесь Благтабт", выходившей небольшим тиражом и существовавшей благодаря скудной партийной кассе и пожертвованиям сочувствующих. Здесь печатали без сокращений речи политиков, давали рецензии на новые оперы и спектакли, публиковали многочисленные карикатуры, была и литературная страничка. Офальд как-то даже отнес в газету свою новеллу, посвященную древнеримнагскому мифу о спасении красавицы принцессы могучим рыцарем, но ее забраковали. Заголовки газеты не отличались изобретательностью: "Наглость йеревов", "Зачем нам ехчское будущее", "Прислужники славян". Подобные заметки были написаны хлестким развязным языком, от которого коробило даже разделявшего взгляды редакции Телгира. Год назад бывший директор неавской оперы йерев Релам, ставивший оперы с Лерролом, которому Офальд когда-то показывал свои рисунки, перебрался за океан, в Маарике. Новый директор, панримнагец Нарвейтнерг, тут же уволил многих протеже

Релама, следил за тем, чтобы йеревы не получали ангажмента и сократил прежние постановки Леррола, из-за чего прямо во время спектаклей случались скандалы. Так, например, "Лойчадесь Благтабт" описывала столкновение йеревов, недовольных сокращением партитуры одной из опер Ренгава, с римнагскими студентами: "Кривоносые судари, славные дурачки (тупицы), премиленько украшенные черной шерстью, решили, что могут устроить шумную демонстрацию. Но эти чертовы отродья просчитались: едва они раскрыли пасть и начали рычать, как тут же схлопотали пару смачных оплеух от питомцев муз, телесные силы которых весьма развиты благодаря занятиям фехтованием. За несколько минут бравые студенты разукрасили все йеревские лица и выкинули за дверь прилагающиеся к ним кости; все прошло так гладко, что даже дирижер Бехкер ничего не заподозрил и принял удары распаленных гневом студентов по непочтенным йеревским лицам за аплодисменты толпы, восхищенной гением Ренгава".

Подобная разухабистость претила Телгиру, однако он с большим вниманием изучал всю печатную продукцию, выходящую из немногочисленных панримнагских типографий, и кое-что даже конспектировал, используя потом в своих пространных рассуждениях, когда ночами напролет втолковывал бессловесному Бекучику, как стоит изменить Ивстаяр и Неав, чтобы жизнь простого народа переменилась к лучшему.

Поезд замедлил ход и Офальд встал, подхватив саквояж и оставив брошюру валяться на грязном полу вагона, куда она соскользнула, пока юноша пребывал в глубокой задумчивости. Он вышел из поезда, прошел через широкое низкое здание вокзала, оказался на крошечной площади, обрамленной маленькими одноэтажными домами, и осмотрелся. Из ближайшего кафе одуряюще сильно пахло кофе и свежими булочками. От вокзала небольшого городка Гнюдм юноше предстояло прошагать по проселочным дорогам не меньше двадцати километров до Тишапля: последние деньги ушли на оплату комнаты и билета на поезд, и Телгир ничего не ел со вчерашнего дня, если не считать засохшей корки хлеба, которую он обнаружил утром в буфете. Оставалось лишь надеяться, что, как это уже не раз бывало, его подвезет какой-нибудь крестьянин на своей телеге, запряженной волами. Офальд вздохнул, перехватил поудобнее ручку потертого саквояжа (пара смен белья, два костюма, альбом для этюдов, несколько книг), с тоской взглянул на кофейню и решительно зашагал по узкой улочке на юго-запад.

Крестьянин, неспешно двигавшийся в нужном направлении, встретился ему только через два часа.

* * *

Хмурым сентябрьским утром Офальд Телгир вновь стоял перед знакомым монументальным зданием на Цилшлерлап.

Вокруг снова гомонили соискатели с одухотворенными лицами, из нарядных экипажей выходили богато одетые юноши, а зычный голос призывал кандидатов на поступление в неавскую Академию Искусств заходить внутрь. Здесь молодых людей (барышни в этот храм не допускались) привычно распределили по классам. Экзаменатором Офальда на этот раз был руководитель отделения общей живописи Нитахирс Грекернипл, который прекрасно помнил Телгира.

– А, – сказал он приветливо, подходя к мольберту, – это вы, архитектор? Снова к нам? – и отошел, посмеиваясь в пышные усы.

Телгир едва ответил, поглощенный работой. Порельнахц посоветовал выбрать на экзамене по композиции темы, где можно раскрыть не только умение Офальда рисовать здания, улицы и пейзажи. Поэтому сейчас юноша трудился над сюжетом из Писания о Всемирном потопе, а впереди его ждала "Женщина, рассказывающая сказку". Но шесть часов спустя экзаменатор огорошил молодого человека.

– Простите, юноша, – говорил Грекернипл, сочувственно глядя на яркие неровные пятна румянца, выступившие на бледных впалых щеках соискателя. – Мы не можем принять вас в этом году. Кажется, ректор Намлаль рекомендовал вам год назад подумать об архитектуре? Мне остается только повторить вам эту рекомендацию. Вы изображаете людей безжизненными, это не божьи создания, а пустые куклы. Когда я смотрю на ваши работы, я не верю, что эти куклы могут

жить, двигаться, говорить, и уж тем более что-то чувствовать. Вы неплохо освоили техническую сторону живописи, но ваши рисунки мертвы, холодны, они похожи на безликие дагерротипы.

Увидев крупные капли пота на лбу Офальда, старый профессор перегнулся через стол и похлопал его по руке.

– Юноша, вы действительно можете стать неплохим архитектором. Вам ничего не мешает прямо сегодня отправиться к герру Краиснелту и поговорить с ним о требованиях для зачисления в школу архитектуры.

– Да-да, – выдавил из себя Телгир и вымученно улыбнулся. – Спасибо, герр Грекернипль.

Он резко развернулся, подхватив пухлую папку со своими работами, который должен был представить на суд комиссии во втором туре, если бы – если бы! – прошел во второй тур, и вышел из красивой комнаты в коридор огромного здания, куда мечтал попасть три долгих года. Дорога в архитектурную школу по-прежнему лежала через строительные курсы, где по-прежнему требовался аттестат зрелости, которого у Телгира по-прежнему не было. Большие деньги, потраченные на уроки Порельнахца, оказались потраченными впустую, выплаты отцовского наследства прекратились, поскольку закончилось само это наследство, от материнского капитала осталось только воспоминание. Тетушка не отказалась помочь племяннику, дав ему в долг 924 кроны – но оба понимали, что этот долг никогда не будет возвращен.

Соискатель-неудачник вылетел из Академии и быстро зашагал по направлению к Университетской библиотеке, рядом с которой в муниципальной столовой можно было получить тарелку горячего супа буквально за копейки. Из-за сильного волнения юноша не чувствовал голода, но знал, что, если сейчас не поест, вечером может упасть в голодный обморок: такое уже случилось. В висках в такт шагам стучало: "Ты-не-станешь-художником! Ты-не-станешь-художником!" Глотая густую чечевичную похлебку, щедро сдобренную чесноком (в недавние времена ресторанов и ежедневных походов в театры Телгир бы даже не прикоснулся к подобному вареву), юноша мрачно смотрел перед собой. Что делать дальше? Как и чем жить? Будущее представлялось Офальду одним черным расплывчатым пятном, без намека на просвет в вязком душном болоте, в которое грозили окунуться его дни, недели и месяцы. Но постепенно, бешеный ход его мыслей успокаивался, пока не принял, наконец, одно, более-менее спокойное и ровное направление. Юноша пришел к решению, которое давно искал.

Офальд Телгир, сидя в убогой столовой, пропахшей чесноком и потом, говорил сам себе, уставившись невидящими глазами в стену напротив, сначала мысленно, потом, забывшись, начал бормотать вслух: "Неав, эта столица империи, великий город искусств, один из центров мира, предал меня. Весь гнилой и дряхлый режим Грубгабсов с помощью нескольких сотен импотентов, заседавших в так на-

зываемом парламенте, сделал все, чтобы унижить, растоптать, уничтожить меня, простого человека, посмевшего – нет, просто попытавшегося! – дотянуться до своей мечты. За этим ослепляющим блеском роскошных фасадов, несметных сокровищ в музейных залах, десятками пудов золота, которым украшены тысячи потолков, набриолиненными макушками изысканных кавалеров в оперных ложах, брильянтовыми булавками в галстуках йеревских дельцов и банкиров слишком плохо маскируется другая, настоящая, истинная жизнь. Здесь рождаются, барахтаются в нищете, торгуют своим телом, теряют зубы, волосы, ногти, плодятся идохнут в дерьме, клопах, вшах и грязи сотни тысяч маленьких, простых людей, на сифилитичных, исхудавших, морщинистых телах которых, как на глинянных ногах колосса, покоится Ивстаярско-Гирявенская империя. Их вытаскивают из небытия только политические стервятники, обогатившиеся за счет их же страданий, чтобы организовать очередную демонстрацию, стачку, митинг, достичь своих целей и затем снова ввергнуть их в пучину страданий. Здесь растет все: цены, налоги, безработица, бесконечные поборы на армию, количество депутатов в парламенте, не растет только благосостояние простого народа. Что ж, Неав, я принимаю правила твоей игры. Я любил тебя, восхищался тобой, но ты оказался химерой, красивым миражом, нарядной повязкой на гниющей ране, в которой копошатся черви. Отныне я знаю тебя, Неав!"

Последние слова Телгир почти прокричал, дрожа всем телом от возбуждения и не обращая внимания на недоуменные взгляды остальных посетителей убогой столовой. Мотнув головой, Офальд вскочил, опрокинув легкий стул, и, не доев, вышел на улицу, с наслаждением вдохнув полной грудью прохладный осенний воздух. Погода окончательно испортилась, моросил легкий дождь, но молодой человек не обращал на него никакого внимания. Он отправился на Геспашемтурс, попросил у недавно вернувшейся из очередной поездки к родственникам фрау Искарц иголку с ниткой и, тщательно пересчитав купюры, зашил большую часть доставшихся от Ганиноа денег за подкладку пиджака. Пришло время жесткой экономии. В ближайшие две недели Телгир распродал большую часть своих любимых книг, уничтожил целую кипу набросков и эскизов, и даже попытался всучить йеревскому старьевщику свой цилиндр – но в итоге просто обменял его на стопку писчей бумаги и чернила в соседней лавке.

Бекучик еще в августе выслал свою часть платы за комнату, как и было оговорено до его отъезда. Офальд оставался в их пропахшем керосином обиталище до конца октября, рассчитался с опечаленной квартирной хозяйкой, сетовавшей, что ей уже никогда не найти таких приличных молодых людей в качестве жильцов, и съехал, не оставив другу ни письма, ни нового адреса: он не желал сообщать Глустью (а через него и своей семье) о провале на вступительных экзаменах,

чтобы не вызвать очередную волну упреков и просьб найти себе работу и отказаться от сиротской пенсии. Молодой человек перебрался в район вокзала Станвохбеф, где за восемь крон в месяц (цены в столице постоянно росли) снял койку в квартире номер 16 дома 22 по улице Расельфешбретс. Это был четырехэтажный дом муниципальной застройки, которые одиннадцать лет назад начали вырастать в Неаве то тут, то там, благодаря стараниям бургомистра Рэюгела. В небольшой, но неплохо обставленной комнате с добротной удобной мебелью, помимо Офальда, жили еще два студента-медика откуда-то из Верхнего Ивстаяра, вечно сонные, с припухшими веками, в первой половине дня с головой погруженные в свою учебу, а во второй – в развлечения, которые Неав с удовольствием предоставлял многотысячной студенческой армии.

К этому же племени отнес себя и Телгир, отрекомендовавшись хозяйке квартиры, благообразной старушке по имени Елнеах Ильдр, в качестве студента Академии Искусств Неава. Пока у него оставались тетушкины деньги и пенсия, Офальд мог вести практически прежний образ жизни, ограничив себя в еде и походах в оперный театр, но не заботясь о поиске работы. В муниципальной столовой он, будучи девятнадцатилетним юнцом, с детства ощущавшим свое особое предназначение, принял решение, которому собирался неукоснительно следовать всю оставшуюся жизнь.

Офальд Телгир собирался заняться самообразованием.

Глава десятая. 21 год

Неав, Ивстаяр. Июнь

В просторном зале для некурящих читальни мужского общежития на улице Мьенделнам, 27, было, как и обычно в обеденное время, тихо. Офальд, сидевший за письменным столом темного дерева у самого окна, где летнее солнце давало самый яркий свет, сосредоточенно рисовал акварельными красками. Перед его глазами, укрепленная на специальной маленькой подставке, прибитой к настольному мольберту, была небольшая открытка с видом на неавскую ратушу. Ее Телгир и перерисовывал, тщательно выписывая детали на небольшом холсте. Из двух десятков столов заняты были всего четыре. Помимо Офальда, здесь трудились Иамоих Дьешнел, йерев средних лет из Гириявена, который слыл одним из лучших переписчиков нот во всем Неаве, Мильвельг Ньяка, студент из Аровияма, учившийся с грехом пополам на инженера и подрабатывавший каллиграфией, и тридцатилетний Негрю Галн из Ялисеиза, чахоточного вида ехч, занимавшийся изготовлением открыток. Еще несколько обитателей общежития, расположившись в удобных креслах вдоль стен, читали книги и журналы. Из зала для курящих доносился гул голосов – там было ненамного больше народа (днем подавляющее большинство жителей мьенделнамского муравейника были на работе), но какая-то тема вызвала горячее обсуж-

дение, в которое включились все присутствующие. Офальд прислушался. Общий неровный шум то и дело взрезал резкий визгливый голос Сулака Цульше, задиристого маленького йерева, бывшего при этом римнагским националистом, и постоянно нападавшего на ехчей, которых особенно не любил. Вот и сейчас, при обсуждении новостей об очередном смягчении политики империи в отношении ехчского большинства в Аровияме и Емигоябе, Цульше не сдержался.

– Государство в пределах своих границ должно стремиться к созданию единого общества! – визжал он так, что его голос проникал, вибрируя, в соседний зал. – Ивстаяр не может себе позволить и дальше разбрасываться гуманностью и демократией. Нам нужна железная воля, железный кулак, иначе...

Его заглушили нестройные возражения, которых в зале для некурящих было уже не разобрать. Дьешнел, не отрываясь от работы, усмехнулся.

– Эк его разбирает, – сказал он хриплым низким голосом. – Как бы пуп не сорвал.

В ответ раздалось несколько смешков. Офальд нахмурился.

– По сути, он прав, – сказал юноша, отложив кисть и пристально посмотрев на Иамоиха. – Без железной руки и жестких мер по объединению множества наций в одну никакое государство долго не выстоит. Примеров в истории множество.

Дьешнел пожал плечами.

– По мне, так это не нашего ума дело, юноша.

– А чьего же? – резко спросил Телгир. – Желаете оставить империю на откуп меньшинствам, только ослабляющим ее влияние в Повере? Над Ивстаряром и так уже смеются в некоторых странах. Это недопустимо!

– Послушайте, молодой человек, – вмешался Галн, неприязненно посмотрев на собеседников, – давайте отложим политическую дискуссию до вечера. Хотите поспорить – отправляйтесь в соседний зал. А здесь вы мешаете, у меня срочный заказ.

Ньяка одобрительно хмыкнул, Дьешнел ухмыльнулся и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом и отдельными выкриками из соседнего зала. Офальд набылчился и повернулся к своей акварели. Он презирал этих мягкотелых вялых и никчемных людей, которых интересовало лишь сколько крон им заплатят за работу, да когда в пивную напротив завезут свежее пиво. Телгир с удовольствием присоединился бы к дискуссии в зале для курящих, но ему нужно было закончить картину: Хайдрольн Шинах несколько раз повторил, что заказ срочный. Со вздохом Офальд вернулся к готической башне ратуши, сосредоточенно обрисовывая черный циферблат часов с белыми цифрами.

С Шинахом Телгир познакомился в самый мрачный период своей, пока еще короткой жизни. Весной прошлого года хозяйка квартиры на Расельфешбретс умерла, а ее сын тут же поднял плату за койку до двенадцати крон. Деньги, выданные Ганиноа, закончились к осени, а сиротской пенсии не хватало и на еду, и на жилье. В больнице милосердных сестер неподалеку от улицы Геспашемтурс, где Офальд прожил с Бекучиком несколько месяцев, давали бесплатный суп. Однажды, стоя в очереди за водянистой похлебкой, Телгир увидел на другой стороне улицы фрау Искарц, семенившую куда-то по делам. Она также заметила юношу, и не сдержала тихого вскрика. Когда-то аккуратный и хорошо одетый бывший жилец выглядел не лучшим образом. Костюм истрепался, башмаки потрескались, волосы и усы неряшливо отросли. Юноша кивком головы поприветствовал бывшую хозяйку и быстро отвернулся.

В сентябре Офальду пришлось съехать из комнаты, когда он не смог внести плату за следующий месяц. Несколько вечеров, пока у него оставалось еще пара крон, он провел в дешевой кофейне на Шактайзресерс, а потом ему пришлось ночевать на скамейках в парке, откуда юношу постоянно гоняли полицейские. На четвертый день голод вынудил его просить милостыню, но первый же хорошо одетый

господин, у которого Офальд попросил несколько геллеров на еду, ударил его тростью по руке, пригрозив вызвать полицию, если тот немедленно не уберется прочь. Рука распухла и болела неделю. Наконец, Телгир, которому один старый нищий предложил попытать счастья в приюте для бездомных, оказался в неавском районе Лимданг, где за год до того столичные власти под предводительством бургомистра Ларка Рэюгела открыли огромный приют, который мог одновременно принять тысячу бездомных – хоть это и была капля в море, поскольку в блестящем Неаве, четвертом по величине городе мира, на улице ночевали десятки тысяч оборванцев. Лимдангский приют был желанным пристанищем для любого из них. В первую же зиму перед входом в массивное здание собирались очереди до полутора тысяч человек. Работники приюта почти каждое утро находили на ступенях крыльца один-два трупа: те, кому не хватило места, засыпали прямо у входа в вожделенный чертог и замерзали насмерть. Город обычно игнорировал подобные случаи, а газеты разражались гневно-скорбными статьями только когда среди замерзших был ребенок – то есть не больше двух-трех раз в месяц.

Порядки в лимдангском приюте были строгими. На входе каждого из новоприбывших встречали два дюжих мужчины, выдававших бездомным пропуска в помещение для дезинфекции и мытья. Пока те мылись, одежду тщательно обрабатывали средством от насекомых, из-за чего уже по-

сле нескольких таких процедур она становилась мягкой и скользкой на ощупь, теряя первоначальный цвет. Темно-синий в полоску костюм Телгира всего за два месяца бродяжничества превратился в одноцветный лиловый. После мытья больным оказывали врачебную помощь, а все остальные получали тарелку горячего супа и кусок хлеба. Поев, новые обитатели приюта получали пропуск на ночлег и отправлялись в спальни, забитые двухэтажными нарами и открывавшиеся по удару колокола ровно в восемь вечера. Утром здание следовало покинуть не позднее, чем в девять утра. Бесплатно в ночлежке можно было находиться не больше недели.

В спальнях лимдангского приюта, помимо сна, можно было купить табак, водку, мыло, бритвенные принадлежности, за небольшую плату починить одежду и обувь или составить официальное прошение. Более опытные бездомные обучали новичков, где и как просить милостыню, куда обращаться за бесплатной едой, в каком еще приюте переночевать или у кого подработать день-другой. Самым ходовым товаром в Лимданге были пропуска на ночлег, которыми прямо в очереди у входа приторговывали особо ловкие субъекты, занимавшие очередь в приют, но ночевавшие при этом в другом месте. Именно в такой многолюдной очереди Телгир и повстречал Хайдрольна Шинаха, бродягу из небольшого городка в Емигоябе, который представлялся то художником, то лакеем, то торговцем, и предпочитал называться Рифцем Ретавлем из

Вальгрюнда. Молодые люди (Шинах был старше Телгира на три года) быстро сблизились. Хайдрольн обладал располагающей к себе внешностью, ухитрялся выглядеть более-менее прилично, тратя немалую часть скудных заработков на то, чтобы костюм, шляпа и прическа выглядели опрятно, а также говорил на инбрелском диалекте, вследствие чего его принимали за уроженца столицы Римнагеи – и относились с уважением. Позже выяснилось, что Шинах действительно провел какое-то время в Инбреле – отсидев в тюрьме девять месяцев за подделку документов и кражу.

Офальд и Хайдрольн решили объединиться в борьбе за выживание в неприветливом Неаве, собирая сведения обо всех местах, где можно было получить бесплатный обед или ужин, посещая благотворительные мероприятия, на которых богатые неавцы (в основном, йеревы) раздавали еду и одежду, и перебираясь из приюта в приют.

– Главное, – говорил Шинах, – не попасть под землю.

Телгир кивал, соглашаясь. В то время в канализации Неава жили не меньше восьми тысяч человек, обитая в основном в каналах под Гастрешринс, улицей, построенной на месте старой крепостной стены ивстарянской столицы. Они, словно крысы в лохмотьях и струпьях, предпочитали не показываться на глаза жителям города, влача жалкое существование в постоянном полумраке.

Еще одной большой категорией бездомных были "кирпичники", получившие свое прозвище из-за места их обита-

ния – большого заброшенного кирпичного завода на окраине города, который местные власти собирались снести уже лет десять. Здесь, в зависимости от времени года, жили от одной до двух тысяч человек. Они спали в грязи, подложив под голову два кирпича, накрытых шляпой, и раздевшись до пояса, чтобы спастись от вездесущих вшей.

Во всех приютах Неава действовало железное правило: бездомные не могли оставаться здесь больше недели, и должны были ежедневно покидать ночлежку не позже девяти утра. Офальд и Хайдрольн, выйдя из очередного приюта, посвящали свои дни поискам работы. Несмотря на красноречие и приличный вид Шинаха, приятелям редко удавалось заработать хотя бы несколько крон. Телгир, бледный и истухавший, со сбитыми ногами и ввалившимися глазами выглядел словно призрак. Он попытался устроиться на стройку, но бригадир презрительно плюнул, завидев такого задохлика в очереди желающих подработать. Хайдрольна взяли на несколько дней на рытье траншей, пока Офальд работал носильщиком на вокзале Станвохбеф, где всего шестнадцать месяцев назад навсегда распрощался с Бекучиком. С наступлением зимы Шинах нанялся чистить снег, но Телгир, у которого не было зимнего пальто, кашлял так сильно, что не справлялся и с этой работой. В середине декабря, когда друзья стояли в очереди в лимдангский приют, Офальда окликнул проходивший мимо студент.

– Эй, Телгир! Как дела, дружище?

Это был один из двух медиков, с которыми юноша делил комнату на Расельфешбретс. Не обращая внимания на гримасу, искажившую лицо Офальда, студент, бывший явно навеселе, продолжал тараторить:

– Ты как, Телгир? Все рисуешь? Мы с Нюгтером давно съехали от этого держиморды Ильдра, снимаем сейчас отличную квартирку на Серштранофте, совсем рядом с тем милым кафе, куда так часто ходили обедать цыпочки из консерватории – ну, ты меня понимаешь! – Он залился дурацким смехом и подмигнул. – Да и хозяйка смотрит сквозь пальцы, если мы возвращаемся домой не одни!

Телгир с досадой глядел на этого балабола, покрасневшего, довольного собой и думал, как бы его спровадить, но студент, до которого, наконец, дошло, почему его бывший сосед дрожит от холода, стоя в потрепанном костюме в очереди у приюта для бездомных, скис и быстро ретировался. Офальд повернулся к Шинаху вне себя от злости.

– Ненавижу это! – выпалил он, клацая зубами. – Я этого вертопраха не знаю и знать не хочу, а он лезет ко мне как репей к дворовой собаке!

– Так ты рисуешь? – задумчиво спросил Шинах, пропустив мимо ушей гневную тираду своего друга. – Я хочу сказать, действительно умеешь рисовать?

Офальд смешался.

– Ну да, умею, – мрачно ответил он после паузы.

– Слушай, так может тебе рисовать открытки с видами

Неава? Они будут отлично расходиться в гостиницах и на рынках, я сам видел, как такие вещи охотно раскупаются в столице!

– Нет-нет, – запротестовал Телгир. – Этого делать я не буду.

– Боишься, что мастерства не хватит? – прищурился Хайдрольн.

– Причем тут мастерство? – ощерился, тут же клюнув на провокацию, Офальд. – Посмотри на меня, кто купит открытку у такого оборванца? И где мне взять разрешение на торговлю? Меня же сразу сцапает полиция.

– Что ж, эту проблему могу решить я, – самодовольно погладил себя по холеным усикам Шинах.

– Ты? И как же, позвошь спросить?

– Я буду продавать все, что ты нарисуешь. А прибыль поделим пополам. Годится?

– Звучит отлично, но мне нужны деньги на бумагу, краски и эстампы для образцов. Пенсию мы проели еще неделю назад, и до января поступлений не предвидится.

– Хм, – промычал Хайдрольн, лихорадочно обдумывая новую проблему. – Быстро я столько не заработаю, а с твоим кашлем не стоит и пытаться наниматься на физическую работу, все равно не возьмут. Тебе совсем не у кого попросить или занять немного денег?

– Совсем не у кого. Разве что...

– Разве что?

– У тетушки Ганиноа. Она помогла мне прошлым летом и может быть у нее получится что-то подкинуть мне и сейчас. Но у меня нет ни почтовой бумаги, ни чернил, чтобы написать ей.

– Об этом не волнуйся. На такое письмо несколько геллеров мы наскребем.

Уже через неделю Телгир получил перевод из Шитапля. Ганиноа послала племяннику пятьдесят крон. Половину Офальд потратил на принадлежности для рисования, еще тринадцать крон – на еду, а на оставшиеся деньги купил себе зимнее пальто в государственном ломбарде. Уже через два месяца самый страшный период в жизни Телгира закончился. Друзья переехали в мужское общежитие на Мьенделнам, 27.

* * *

Представительное шестиэтажное здание, выкрашенное в белый цвет, было гордостью столичных властей, содержащих общежитие вместе с благотворительными фондами богатых неавских йеревов. Оно располагалось в одном из промышленных районов Неава, и распахнуло свои двери для молодых холостых постояльцев, работавших на окрестных предприятиях, за пять лет до того, как Офальд и Хайдрольн впервые переступили его порог. Здесь получали вполне сносный кров и приличную пищу, как материальную, так и

духовную, 544 человека, и на места в общежитии всегда была очередь: никто не хотел покидать это гостеприимное здание, выгодно отличавшееся от каких-нибудь забитых квартир, где рабочий снимал койку в тесной комнате.

Войдя в массивную дверь общежития, посетитель попал в роскошный вестибюль с мраморным полом и массивной деревянной стойкой с самым настоящим портье. На первом этаже располагалась столовая с облицованными бледно-зеленым кафелем стенами. Готовили здесь простую, но сытную пищу: супы, котлеты и сосиски, свиное жаркое с гарнирами. Цены были значительно ниже средних по городу. Так, комплексный обед обходился постояльцу в полкроны, суп с хлебом можно было поесть всего за десять геллеров (билет на трамвай стоил в полтора раза дороже). Таким образом, обитатели общежития могли обойтись сорока кронами в месяц, получив комфортабельный ночлег и хороший стол. Тем, кто хотел готовить самостоятельно, предоставлялись в аренду газовые плиты. Телгир, едва переехав, решил попробовать сделать верхнеивстаярский суп по материнскому рецепту, но Шинах, едва попробовав варево, решительно отставил свою тарелку. На этом кулинарные эксперименты Офальда закончились, и друзья питались исключительно приготовленной поварами Мьенделнама едой. На том же этаже была и гордость коменданта общежития – читальня, разделенная на два зала, для курящих и для некурящих, где можно было почитать свежую прессу, журналы, ху-

дожественную литературу. Здесь стояли письменные столы со стульями и удобные кресла, у одной из стен на небольшом возвышении расположился недурной рояль. За читальней в маленькой комнатке всех желающих принимал врач, причем лечение было бесплатным. В подвале можно было почистить или починить одежду и обувь, оставить велосипед или вещи на хранение. На втором этаже жили комендант общежития и обслуживающий персонал, а на этажах с третьего по шестой были спальни жильцов.

Плата за одно спальное место на Мьенделнам составляла всего две с половиной кроны в неделю (желающие остановиться здесь на одну ночь платили 60 геллеров), при этом постоялец получал в свое распоряжение не койку и не место на нарах, а небольшую спаленку площадью полтора на два метра, в которую искусно втискивались кровать, вешалка, крошечный столик и зеркало. Комнатка запиралась на замок, так что постояльцы могли без боязни оставлять в ней ценные вещи, а постельное белье постоянным жильцам меняли раз в неделю. Освещение было электрическим, отопление – паровым. Офальд впервые в жизни поселился в комнату, которую можно было освещать поворотом электрического выключателя, и вскоре каждый свободный дюйм поверхности его спальни заполнили книги – их он читал в основном по ночам.

Телгир с Шинахом оказались в этом "чуде красоты и дешевизны", как расписывали мьенделнамское общежитие

газеты, через два месяца после получения денег от Ганиноа, прождав в очереди на получение вождеденной комнаты семнадцать дней. Купив принадлежности для рисования, Офальд погрузился в работу, рисуя открытки в кофейнях (в забитых полутемных приютах и ночлежках это было невозможно), а Хайдрольн целыми днями рыскал по городу, успешно пристраивая свой товар. Постепенно он оброс связями, и приятелям стали поступать серьезные заказы на тот или иной столичный вид, копии известных картин или открыток. После переезда в общежитие Шинах, увидев хороший потенциал в их маленьком бизнесе, пытался заставить Телгира рисовать больше, но тот не собирался перетруждаться, выдавая по одной картине в два-три дня. Все остальное время Офальд посвящал чтению газет, самообразованию, прогулкам и участию в горячих дискуссиях, постоянно вспыхивавших в читальне по вечерам и выходным. Он держался в стороне от пирушек и совместных развлечений, по-прежнему практически не употреблял алкоголь и не курил, и тратил все деньги на книги, принадлежности для рисования и еду. На обувь и одежду выручки не хватало, поэтому Телгир, в отличие от Шинаха, выглядел крайне непрезентабельно.

* * *

Покончив с центральной башней ратуши, Офальд решил

сделать перерыв и открыл книгу о "весне народов" доктора Храбстуга Меркшевса, которую начал читать накануне, конспектируя самые интересные места – подчеркивать и делать заметки на полях в книгах, принадлежащих общежитию, строго воспрещалось. Телгир обладал фотографической памятью, умел запоминать огромные куски текста, цитируя их чуть ли не дословно, и чаще всего вовсе не нуждался в конспектах, делая их скорее для того, чтобы занять руки механической работой, пока новая информация усваивалась и обрабатывалась в голове. Помимо книг, напрямую или косвенно связанных с политикой, мифологией, национальным самосознанием и даже психологией, Офальд ежедневно глотал, практически не пережевывая, все газеты, до которых только мог добраться, а также брошюры, воззвания и листовки большинства партий и сообществ, существовавших в Ивстаяре. Он поглощал это огромное море информации, непрерывно отсеивая все ненужное и складывая остальное, будто мозаику, в свою собственную картину, в свое видение окружающего мира, его славного прошлого, ненавистного настоящего и будущего, которое, по его мнению, следовало строить железной рукой.

В читальню влетел Хайдрольн, отвесил общий полушутливый поклон, сорвав с головы щегольскую шляпу, и, не дожидаясь ответных кивков, быстрыми шагами направился к Офальду.

– Закончил? – не размениваясь на приветствия спросил он

отрывисто, заглянул за мольберт и помрачнел. Телгир раздраженно захлопнул книгу.

– Нет, – резко ответил он. – Я что, кули?

– Мы договаривались на сегодня. Обойщик с Зайрека обещал тридцать пять крон за эту акварель, если заказ будет выполнен сегодня. А ты, вместо того, чтобы рисовать, почитываешь свои книжки!

– Хватит меня подгонять! – взвился Телгир. Его ноздри раздувались, глаза метали молнии. – Я закончу, когда сочту нужным, а пока катись к черту со своим обойщиком и не мешай мне учиться!

После этого в читальне наступила гробовая тишина, нарушаемая взрывами хохота из соседнего зала, где политическая дискуссия перешла в дружескую беседу. Дьешнел, Ньяка и Галн с преувеличенным вниманием склонились над своей работой, не глядя на ссорившихся партнеров. Шинах зло смотрел на Офальда и мял в руках свою великолепную шляпу, превращая ее в бесформенное воронье гнездо.

– И когда же ты закончишь учиться? – спросил Хайдрольн, издевательски выделив последнее слово.

– Когда сочту нужным, – более спокойным голосом ответил Офальд, поджав губы. – У меня много незаконченных дел.

Шинах стиснул челюсти, его желваки ходили взад-вперед. Посверлив приятеля надменным взглядом еще с полминуты, Телгир демонстративно отвернулся и снова открыл книгу,

бросив через плечо:

– Ты еще здесь? Я сообщу тебе, когда закончу ратушу. Завтра к вечеру, скорее всего.

Хайдрольн резко развернулся на каблуках и пошел к выходу, но замер, когда Офальд окликнул его.

– На следующей неделе меня не будет. Мы с Езфоем хотим отдохнуть от работы.

Не сказав ни слова, Шинах вышел из зала для некурящих, громко хлопнув дверью.

Глава одиннадцатая.

21 год. Продолжение

Неав, Ивстаяр. Июнь – апрель

Езфой Майнон родился на одиннадцать лет раньше Телгира в утопающем в зелени и виноградниках городке Асефул, Нижний Ивстаяр. Этот низкорослый плотный йерев с маленькими черными глазками, округлым брюшком и окладистой бородой по профессии был чистильщиком меди, а по призванию – уличным торговцем. Он поселился в общежитии на Мьенделнам еще в январе, и, едва познакомившись, Офальд быстро сблизился с Езфоем на почве общих интересов: оба любили Римнагею, терпеть не могли Грубгабсов и вместо постоянной работы предпочитали споры о политике и будущем отечества. Кроме того, Майнон, благодаря своим связям с многими торговцами Неава, иногда продавал картины Телгира, беря за посредничество всего двадцать пять процентов, против пятидесяти, что приходилось отстегивать Шинаху. Правда, последнему удавалось назначить за работы Офальда лучшую цену, зато Езфой никогда не подгонял Телгира, не упрашивал его рисовать больше и поддерживал во всем, что бы тот не делал. Неудивительно, что уже к лету отношения между Хайдрольном и Офальдом испортились. Шинах ревновал приятеля к его новому другу, его раздражало, что он вынужден конкурировать с каким-то йеревом

за внимание и, что было гораздо важнее, картины Телгира, которые долгое время были для всех троих единственным источником дохода.

После ссоры в читальне Хайдрольн и Офальд не виделись целых десять дней. Картину с ратушей Езфой продал за двадцать крон одному неавскому рамочнику, йереву Грантебелю, женившемуся на католической девушке, и открывшему несколько магазинов, торговавших произведениями искусства и рамами для картин, после чего Майнон и Телгир уехали в Шитапль, навестить прихварывавшую тетушку Ганиноа, в очередной раз спасающую племянника от нищеты. Она сильно страдала от диабета, и чувствовала себя настолько неважно, что Офальд на обратном пути в Неав признался Езфой: – Я не верю, что мы еще когда-нибудь свидимся.

Через три недели после возвращения из Шитапля Майнон, давно уже собиравшийся покинуть Ивстаяр, отправился в Римнагею. Он звал с собой и Телгира, призывая того исполнить его мечту и воссоединиться с римнагской нацией на ее земле. Особенно Езфой напирал на вполне осязаемую вероятность, что Офальда могут призвать в ивстаярскую армию, чего тот сильно опасался, но страх срываться с едва насиженного места и менять только что устоявшийся уклад жизни на новый пересилил. Друзья расстались, обещав друг другу писать по мере возможности. На прощание Майнон познакомил Телгира с продавцом открыток пожилым йере-

вом Дрифзигом Ферлефлом, недавно поселившимся в общежитии и пообещавшим помощь в продаже картин и открыток.

Именно этот новый партнер Офальда, хорошо знавший и Шинаха, с которым они неоднократно пересекались у неавских торговцев, сообщил Телгиру, что его бывший друг самостоятельно занялся производством гравюр и картин, продавая их с переменным успехом. Мало того, рамочник, заказавший картину с ратушей, передал Офальду через Хайдрольна новый заказ, на модные тогда в столице силуэты из золотой фольги на стекле, который Шинах присвоил себе. Телгир закатил бывшему партнеру страшный скандал, в результате которого тот съехал из общежития, прихватив с собой две картины Офальда, которые не успел продать.

* * *

– Что нового в общежитии?

В начале августа Ферлефл случайно повстречал Хайдрольна в магазине Грантебеля. Первый продавал хозяину работы Офальда, второй – свои. Покончив с делами, конкуренты вышли на улицу, и Шинах решил завязать дружескую беседу, но получил яростный отпор.

– Ничего нового. Все по-прежнему обсуждают, как некий Рифц Ретавль обокрал Офальда Телгира.

– Что-о-о? – возмутился Хайдрольн, которого в Мьендел-

наме действительно знали исключительно под вымышленным именем. – Что за бредни ты несешь?

– Какие бредни? – презрительно скривил рот Дрифзиг и сплюнул через редкие черные зубы прямо под ноги собеседнику. – Каждая собака в Неаве знает, что ты украл у Телгира две картины и продал их крон за сорок. Разве не так?

– Послушай, ты, – Шинах схватил своего визави за грудки и как следует встряхнул щуплое тело, так, что с непомерно большой головы Ферлефла слетела вытертая до дыр шляпа мышинового оттенка. – Я не посмотрю, что ты уже старик, и как следует отгаскаю тебя за бороду, если ты не прекратишь пороть чушь про воровство и Офальда, понял?

Но Дрифзиг, которому в трущобах Неава не раз ломали нос, ребра, выбили несколько зубов и навсегда нарушили работу почек, не испугался.

– Вор! – кричал он на всю улицу. – Ты обокрал сироту!

Хайдрольн, не помня себя от ярости, наотмашь ударил Ферлефла, который повалился на колени.

– Заткнись, ты, грязный йерев! Этого не было, вы все только и делаете, что слушаете сказки этого бездарного мазила, картины которого еле покупают за сущие копейки. Да ты и сам это знаешь! Сколько лавок в день ты обходишь, чтобы продать хотя бы одну его акварель?

Дрифзиг с трудом поднялся на ноги и попытался оттолкнуть Шинаха.

– Если бы картины Офальда были так плохи, ты бы не

присосался к нему, чтобы торговать его рисунками по всему Неаву!

Хайдрольн легко увернулся от слабых худых рук Ферлефла и размахнулся.

– Стоять! – послышался грубый голос. Противники разом обернулись. К ним быстрыми шагами подходил полицейский.

В участке выяснилось, что у Шинаха нет при себе документов, и его задержали до выяснения личности. После запроса в неавский отдел регистрации в распоряжении полиции оказалась выписка, согласно которой в середине июля в мужском общежитии на улице Цервулисегас зарегистрировался Рифц Ретавль. Когда Хайдрольна спросили, зачем он воспользовался чужим именем, он с великолепным апломбом заявил, что, зная о лености и вспыльчивости Офальда, боялся, что того выгонят из Мьенделнама, он найдет Шинаха и тут же сядет на шею, свесив ноги. На вопрос, зачем, в таком случае, Хайдрольн воспользовался вымышленным именем, прекрасно известным Телгиру, допрашиваемый ответить не смог.

Тем временем Ферлефл, все еще кипевший от негодования, написал на Шинаха официальное заявление. В полицейском протоколе значилось: "Дрифзиг Ферлефл, торговый агент иногородней фирмы, проживающий по адресу Мьенделнам, 27, сообщает: От одного художника в мужском общежитии я узнал, что задержанный продал его картины и

присвоил себе деньги. Я не знаю имени художника, знаю его только по мужскому общежитию, где он всегда появлялся в компании задержанного".

Дрифзиг не хотел, чтобы в полиции стало известно о его тесных – прежде всего, деловых – связях с Офальдом, поэтому он притворился, что знает о происшествии с картинами чуть ли не понаслышке.

На следующий день Телгир явился в районный комиссариат и дал показания, бесстрастно зафиксированные в очередном протоколе. "Офальд Телгир, живописец, род. в Анубару, свидетельство уроженца Инцла, католик, холост, проживающий по адресу Мьенделнам, 27, сообщает: Это неправда, что я посоветовал Шинаху зарегистрироваться под именем Рифц Ретавль, я и знал его только как Рифца Ретавля. У него не было средств к существованию, и я давал ему свои картины, чтобы он их продавал. От выручки он всегда получал пятьдесят процентов. Вот уже около трех недель Шинах не появляется в общежитии, присвоив себе мою картину "Парламент" стоимостью 50 крон и акварельный рисунок стоимостью 9 крон. Единственный документ, который я у него видел, – это не вызывающая доверия трудовая книжка на имя Рифца Ретавля. Я знаком с Шинахом по приюту в Линдамге, где я его однажды встретил".

Хайдрольн в свое оправдание заявил, что расценки, названные Офальдом, смехотворны. Картину с изображением ивстаярского парламента он якобы продал всего за 12 крон

– имени покупателя Шинах так и не назвал – и половину тут же отдал Телгиру. Что же касается второго рисунка, то он, по словам обвиняемого, существовал разве что в воображении Офальда. После недолгого разбирательства Шинаха приговорили к недельному заключению и незначительному штрафу, с которым тот легко справился.

Позже Ферлефл выяснил, что покупателем обеих картин Телгира был рамочник Нарейр. Хайдрольн отказался называть его имя, поскольку Нарейр сразу после покупки сделал большой заказ на полтора десятка рисунков, доставшийся не Телгиру, а Шинаху.

После допроса в комиссариате Офальд окончательно решил, что настало время продавать свои работы самому, чтобы не делиться ни с кем прибылью и не попадать в неприятные истории, тем более такие, когда его имя упоминается в официальных документах. Этого Телгир, по-прежнему боявшийся призыва в ивстаярскую армию, старался избегать всеми возможными способами, что удавалось ему как нельзя лучше на протяжении осени и зимы. Офальд рисовал и продавал картины, преодолевая робость и лишь изредка пользуясь услугами Ферлефла, однако цену ему предлагали невысокую, а торговаться или настаивать на прибавке он не решался. Дочь Грантебеля, бойкая четырнадцатилетняя девочка по имени Деаль, однажды, не стесняясь неряшливого и постоянно смотрящего в пол молодого человека с нестриженными усами и бородой, громко сказала одному из приятелей,

что картины Телгира – это самые дешевые из всех их товаров, которыми интересуются только туристы, высматривающие грошовые неавские сувениры. Подавив вспышку гнева – Грантебель был одним из немногих постоянных его покупателей – Офальд выбежал из магазина, но уже через три дня вернулся, чтобы продать хозяину картину с изображением очередной неавской церкви.

Телгир никогда не рисовал с натуры, предпочитая делать копии с эстампов, гравюр, открыток или просто иллюстраций в альбомах с видами Неава. Несколько таких альбомов ему по дешевке продали в лавке старьевщика, еще один или два стояли на полке в читальне общежития. Офальд рисовал свои копии аккуратно и старательно, однако художественной ценности они практически не представляли и расходились по цене всего в два-три кроны за штуку.

* * *

Благодаря инфляции и стремительному росту цен в Ивстаяре, обитатели мьенделнамского общежития в качестве рождественских подарков получили уведомление о повышении недельной платы за ночлег. За право обладать крошечной спальenkой с дверным замком и электрическим освещением теперь полагалось платить три с половиной кроны. После взрыва возмущения и нескольких весьма оживленных митингов в обоих залах читальни, постояльцы смирились.

Из более, чем пятиста жильцов, съехали всего пятнадцать, и их места пустовали недолго. Телгир вместе с остальными протестовал против увеличения квартплаты с десяти до четырнадцати крон в месяц, и вместе со всеми смирился с ним. После июньской поездки в Шитапль, где он провел шесть дней у постели хворавшей тети Ганиноа, та время от времени посылала ему по 30–40 крон. Вместе с сиротской пенсией и деньгами за картины (пусть и небольшими после августовских событий) выходила сумма, достаточная для хорошего трехразового питания в мьенделнамской столовой (где цены тоже заметно подросли), покупки книг и принадлежностей для рисования.

А потом наступил март.

Еще в начале месяца Телгир получил письмо от второй его тетушки, Зиреяте, сообщавшей, что Ганиноа совсем плох. Она уже несколько недель не могла вставать с постели, мучилась постоянными болями и не обходилась без услуг сиделки, на оплату услуг которой уходили все ее сбережения. Офальд написал пространный ответ с извинениями, что никак не может вырваться в Шитапль, поскольку последний год учебы в Академии отнимает все его время – Телгир так и не сообщил родственникам, что дважды провалился на экзаменах и вовсе не является студентом Неавской Академии искусств. На самом деле, помимо немаленькой суммы, требовавшейся на дорогу, Офальд просто не мог себе позволить появиться перед тетушками в тех обносках, в которые пре-

вратились его одежда и обувь, полинявшие и расползавшиеся от бесконечных стирок и дезинфекций. Денег на то, чтобы приодеться, у него не было.

В конце марта Ганиноа скончалась, завещав жалкие остатки наследства, которое три сестры когда-то получили от матери, Леагне и Улапе. Телгир искренне горевал о еще совсем молодой тетушке – ей не было и сорока девяти – но на похороны выезжать даже не собирался, все по тем же причинам. Однако, вскоре его ждал еще один удар, гораздо более чувствительный, чем потеря родственницы, и даже чем потеря ее нередких денежных подарков.

Двадцатисемилетняя Леагна, к тому времени овдовевшая (Офальд узнал о смерти Еола через третьи руки и тут же выкинул эту новость из головы), на крайне скромную чиновничью пенсию была вынуждена растить трех своих детей и содержать сводную сестру, Улапу, которой уже исполнилось пятнадцать лет. Девочка училась в индском лицее и в свободное время подрабатывала помощницей секретаря в страховой конторе. Преждевременно состарившаяся фрау Аурлабь, получив крошечную сумму в наследство, изучила расходные книги Ганиноа и обнаружила многочисленные денежные переводы Офальду, вот уже три года не желавшему общаться с сестрами. Рассвирепев, Леагна немедленно обратилась к опекуну детей Илосы Телгира, Реймахфору, и потребовала прекратить высылать Офальду его сиротскую пенсию, после чего обратилась в имперско-королевский суд

Инцла с прошением передать в распоряжение Улапы Телгир всю ежемесячную пенсию, до этого делившуюся между братом и сестрой. На первом же заседании судом было установлено, что "Офальд Телгир с целью изучения искусства живописи получал от своей тети Ганиноа Льепцль крупные суммы, таким образом оказываясь в более выгодном положении, нежели его сестра." Легенда о студенчестве проникла и в судебный протокол.

После некоторых проволочек, занявших почти месяц, Телгира вызвали в неавский окружной суд, где состоялся обстоятельный допрос, по итогам которого в Инцл направился официально составленный по всем правилам документ. В нем черным по белому было написано: "Я, нижеподписавшийся Офальд Телгир, могу содержать себя самостоятельно и согласен на передачу сиротской пенсии сестре Улапе в полном объеме". Уже через несколько дней Леагна, Улапа и Реймахфор получили официальное решение инцлского суда. Сиротская пенсия в полном объеме выплачивалась пятнадцатилетней Улапе Телгир. Кроме того, опекуну надлежало "использовать удержанные до данного момента ежемесячные выплаты по пенсии Офальда Телгира в пользу его сестры".

Сразу после оглашения судебного решения Улапа отправила брату поздравительную открытку и приложила к ней письмо, в котором просила о примирении, предлагала приехать повидаться и писала, что очень хотела бы возобновить

общение. Офальд выбросил письмо сестры, не читая.

На следующий день ему исполнилось двадцать два года.

Глава двенадцатая. 23 года

Неав, Ивстаяр. Май – апрель

Дрожа от холода, Офальд быстро шагал по скупому освещенной редкими фонарями улице Ташдранрессон, сжимая в кулаке несколько монет, только что полученных им от дочери Грантебеля за три открытки и небольшую акварель. Май в Неаве выдался на редкость холодным, и ледяной воздух беспрепятственно пробирал Телгира до самых костей, ничуть не сдерживаемый преградой в виде прохудившегося дырявого пальто, накинутаго прямо на голое тело. Ноги промокли насквозь, в горле саднило, и Офальд уныло думал, что простыл окончательно. Завтра ему предстояло внести оплату за ночлег, после чего денег на еду не оставалось вовсе. Это означало, что отлежаться в постели – больным в общежитии разрешалось находиться в спальнях и днем – у Телгира не получится: надо было рисовать очередную картину, чтобы заработать хотя бы на ужин. Офальд ускорил шаг, чувствуя ломоту во всем теле. Нет, он определенно заболел. Оставалось лишь надеяться, что Нохиш не откажется напоить его горячим чаем и поможет с едой, чтобы Телгир смог поболеть один день. Только один день, без красок, кистей, опостылевшего стола в читальне, унижений перед торговцами, назначившими смехотворные цены за его работы и без этого собачьего холода, когда в начале мая в зеленеющем Неаве вы-

пал самый настоящий снег. Телгир хлопнул носом и закашлялся, подходя к общежитию. Решено: он подарит себе этот день. И плевать на все остальное. Офальд решительно вошел в большое здание и, споткнувшись, растянулся на мраморном полу вестибюля. От его правого башмака отлетела подошва, обнажив костлявую ступню в мокром дырявом носке.

* * *

После потери сиротской пенсии и отъезда из Мьеделнама его верного помощника Ферлефла (он отправился на родину помочь семье и вернулся в Неав лишь через полтора года) Офальд несколько месяцев жил впроголодь, с трудом перебиваясь мизерными заработками от продажи картин и открыток, пока не познакомился с соседом по общежитию Ларком Нохишем, другом Мильвельга Ньяки из Аровияма, который был на два года младше Офальда и работал конторщиком. Нохиш представил Телгира нескольким знакомым торговцам-ехчам, и тем самым сильно расширил круг его потенциальных покупателей. Цены на работы Офальда немного повысились, и он, рисуя по картине в день, мог худо-бедно обеспечивать себя самым необходимым. Однако с одеждой и обувью у молодого человека по-прежнему было туго. Даже если бы у Телгира были свободные деньги, ни в музей, ни в театр, ни, тем более, в оперу его бы попросту не пустили. Целыми днями он сидел в читальне, закутанный с голо-

вы до ног в серо-желтую накидку, в старой мягкой шляпе без ленты, и перерисовывал иллюстрации из книги "60 лет Неава", которую несколько лет назад мэрия разослала во все школы, приюты и общежития по случаю юбилея императора Цфарна Фиоси. Этот богато иллюстрированный изображением самых известных зданий и видов ивстаярской столицы фолиант на долгие месяцы стал главным источником дохода Телгира, который переносил изображения одно за другим на свои холсты. Рукава пальто и штанины брюк Офальда украшали огромные прорехи, волосы доходили до самых плеч, усы срослись с неухоженной спутанной бородой, дыры на подошвах перевязанных веревкой башмаков были заклеены кусками картона. В помещении, даже сильно натопленном, он никогда не снимал пальто или накидку. Когда Нохиш однажды его спросил, почему Телгир не хочет раздеться, тот признался, что у него нет рубашки. Мильвельг и Ларк, сами жившие крайне небогато, нередко делились с Офальдом кусками хлеба и обрезками жира с ветчины, которые среди самых бедных обитателей Мьеделнама считались чуть ли не деликатесом.

Через три месяца после двадцатитрехлетия к физическим страданиям Телгира добавились нравственные. В общежитии вновь появился Хайдрольн Шинах, продолжавший заниматься тем же, что и Офальд – то есть, рисовать картины и открытки, продавая их торговцам по всему Неаву. Бывшие приятели часто пересекались в читальне. Лишь завидя один

другого, соперники невольно распрямляли спины, их лица принимали злобное выражение, руки сами собой сжимались в кулаки. Телгир быстро закрывал или переворачивал незаконченные работы, если видел, что к нему приближался Шинах. Сам Хайдрольн не упускал случая громко обсудить со всеми желающими художественные достоинства собственных картин, постоянно сравнивая их с "другими, откровенно слабыми поделками". Вражда усугублялась тем, что главным клиентом обоих по-прежнему оставался Грантебель, в магазинах которого конкуренты пересекались с пугающей регулярностью.

Шинах никак не мог забыть историю с полицией, когда Телгир и Ферефл фактически отправили его в тюрьму. Офальд жаловался Нохишу, что он подозревает Хайдрольна в подготовке какой-то интриги против него, и просил друга по возможности избегать конкурента и любого общения с ним. Ларк успокаивал Офальда, хоть и был уверен, что его впечатлительный приятель, отличавшийся повышенной возбудимостью и частой сменой настроений, попросту накручивает себя на пустом месте.

– Вот скажи мне, – говорил Нохиш другу, сидя за пустым чаем в столовой. – Что этот паяц может тебе сделать?

Офальд, нахохлившись, упрямо мотал головой.

– Ты его не знаешь. Я чувствую, что он готовит мне какую-то пакость.

– Не переоценивай старину Хайдрольна, – беззаботно ма-

хал рукой Нохиш. – Все прекрасно знают: единственное, что у него работает сносно – это его неплохо подвешенный язык. А вот все остальное явно дает сбой.

Но Телгир не собирался поддерживать игривый тон приятеля, кутался в свою накидку и беспокойно щипал себя за бороду, то и дело оглядываясь по сторонам, будто ежеминутно ждал нападения коварного Шинаха. Ларк смотрел на него с улыбкой и переводил разговор на другую тему.

Однако вскоре Нохишу стало не до смеха. Дождливим октябрьским утром в его спальню ворвался Офальд с зажатой в кулаке бумагой официального вида. Его лицо было перекошено, длинные нечесанные волосы спадали на лицо, губы дрожали.

– Видишь! – закричал он, переполошив весь этаж, – я был прав! Это Шинах, это точно он, как я тебе и говорил!

Он упал на узкую кровать и затрясся всем телом. Нохиш привстал, с трудом разжал пальцы приятеля и взял сильно измятый лист. Это была повестка в районный аксмосириат.

– Я не пойду, – бормотал Телгир, поправляя волосы. – Сейчас дождь, а у меня даже нет подходящей обуви. Я не пойду.

– Послушай, Офи, – увещающим тоном заговорил Ларк, протирая заспанные глаза. – Тебе нечего волноваться. Ты ничего не украл, не нарушил, ты просто художник, рисующий картины. Наверняка от тебя просто попросят какого-нибудь свидетельства или чего-то в этом роде.

– Нет-нет, – запальчиво возразил Офальд, – вот смотри: тут приказано явиться для дальнейших разбирательств по поводу заявления – заявления! Кто-то написал на меня донос, и этот кто-то – точно Шинах!

– Но в чем тебя могут обвинить? Ты ни в чем не виноват. Сходи и оправдай себя, что бы про тебя там не написали.

– Я не пойду, – заявил Телгир и порывисто вскочил. – У меня есть веская причина не идти, и я не пойду!

Он схватил повестку и бросился вон из комнатки. Нохиш, привыкший к порывистости товарища, пожал плечами и снова лег спать: до колокола, возвещавшего, что обитателям общежития надлежит покинуть спальни, оставалось еще целых два часа.

Через три дня к Офальду, сидевшему на своем обычном месте в зале для некурящих в читальне, подошел помощник управляющего Дарфнем, унылый сутулый немолодой человек с нервным тиком и заиканием.

– Офальд Т-т-телгир, управляющий п-п-просит вас к себе.

Юноша затравленно оглянулся на Мильвельга, сидевшего за соседним столом, и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он встал, поправил свою накидку и отправился вслед за Дарфнемом в уютный кабинет герра Рубеха, управляющего мьеделнамского общежития. Это был круглый небольшого роста человечек с очаровательными ямочками на щеках и аккуратной бородкой, чрезвычайно

доброжелательно относившийся к своим постояльцам. Ходили слухи, что подобное отношение к молодым жильцам в мужском общежитии имеет под собой весьма неприглядные основания, довольно распространенные в некоторых порочных кругах Неава, но ни желавших о чем-либо рассказать свидетелей, ни доказательств каких-либо неблагоприятных поступков Рубеха не существовало. Войдя в хорошо обставленную комнату, Офальд стянул с головы шляпу и поклонился. Управляющий, сидевший за массивным столом темного дерева, ответил на приветствие Телгира коротким кивком. Он выглядел опечаленным. По другую сторону в большом кресле сидел молодой полицейский. В руках у него был какой-то документ.

– Добрый день, Офальд, – сказал герр Рубех своим высоким голосом, над которым посмеивалось все общежитие. – Я попросил вас зайти, поскольку в полиции лежит заявление с обвинениями в ваш адрес.

Полицейский мрачно кивнул, не сказав ни слова. Его голубые глаза смотрели на неряшливо одетого Телгира холодно и твердо, тяжелая нижняя челюсть с выбритым до синевы подбородком едва заметно ходила из стороны в сторону.

– Господин полицейский утверждает, что вы получили повестку с просьбой явиться в комиссариат для допроса, но проигнорировали ее.

– Прошу прощения, герр Рубех, – хрипло сказал Офальд и откашлялся, – дело в том, что у меня не было подходящей

обуви, чтобы выйти на улицу в такой дождь.

Полицейский встал, продемонстрировав во всей красе свой огромный рост, широкие плечи и выпуклую грудь, перетянутую блестящей португеей. Глядя на Телгира сверху вниз с едва скрываемым презрением, он вынул из кожаной папки с гербом, которую держал в руках, какой-то документ.

– Герр Офальд Телгир, – начал он звучным голосом. – На вас поступило анонимное заявление, где говорится, что вы самовольно присвоили себе звание выпускника Неавской Академии искусств, где даже не учились. Представляясь подобным образом, вы нарушаете закон Ивстаяра. Доношу до вашего сведения, что, если подобное произойдет вновь, вам грозит наказание в виде штрафа или, за неимением средств для выплаты такового, заключение в тюрьму на срок, который определит суд. Все ли вам ясно?

Офальд кивнул. Рубех с сочувствием посмотрел на него и сказал:

– Вы прекрасно можете рисовать свои картины и без ложных званий, Офальд.

Полицейский нахмурился.

– В мои обязанности не входит давать вам советы, молодой человек, но все же примите один. Найдите себе нормальную работу, хотя бы для того, чтобы купить себе хорошую обувь. А живописью можно заниматься и по вечерам, в свободное время. Распишитесь вот здесь.

Телгир поставил свою подпись под каким-то документом,

который даже не прочитал: в глазах у него было темно от злости. Он выдавил из себя пожелание доброго дня полицейскому с управляющим, и поспешил покинуть уютный кабинет. Офальд точно не знал, кто написал на него заявление, но все знавшие историю его с Шинахом взаимоотношений были уверены: Хайдрольн мстит за историю с похищенной картиной. К счастью, через полтора месяца после Рождества Шинах в очередной раз съехал из общежития. Ходили слухи, что он вообще покинул Неав. К тому времени Телгир, который уже на протяжении нескольких лет не мог обходиться без преданного компаньона, охладел к Нохишу (с ним он, правда, продолжал поддерживать хорошие отношения) и сблизился с новым другом.

* * *

У Офальда Телгира и Лорьфуда Слейхора было много общего. Оба родились в семьях таможенных чиновников с деспотичными властными отцами и тихими, обожавшими их матерями, и не окончили школу, перебиваясь случайными заработками. Но если Илоса Телгир умер, когда его сыну не исполнилось и четырнадцати, то Слейхор-старший благополучно здравствовал, чтобы увидеть, как его лоботряса-отпрыска вышибли из школы за хулиганские выходки, от которых уставали как учителя, так и товарищи Лорьфуда. В день восемнадцатилетия герр Слейхор выгнал непутево-

го сына из дому, заявив, что ему достаточно четверых детей, радовавших отцовское сердце: старший брат Лорьфуда учился в Университете и жил в съемной комнате, чтобы находиться поближе к университетской библиотеке, младшие братья и сестра были отличниками в лицее и гимназии. Мать Слейхора-младшего, Даи, все еще красивая пятидесятилетняя женщина из семьи ивстаярских аристократов, жалела сына и приглашала его в дом каждый раз, когда отец отлучался по делам. Она кормила и одевала Лорьфуда, собирала ему огромные продуктовые посылки с собой в общежитие и снабжала деньгами.

Офальд познакомился с этим несуразным хулиганом, носившим пенсне и говорившим с сильным неавским акцентом, в читальне мьенделнамского общежития, через несколько дней после того, как тот заселился в одну из спален на пятом этаже. Лорьфуд поступил в обучение к аптекарю в нескольких кварталах от улицы Мьенделнам, 27, и вечера коротал за чтением книг в зале для некурящих. Девятнадцатилетний ученик аптекаря и двадцатитрехлетний художник быстро подружились, и уже через неделю Слейхор пригласил Телгира на ужин в отчий дом, красивый особняк на улице Зермогесамс – откуда как раз на два дня уехал отец семейства. Лорьфуд одолжил другу свои ботинки, которые немилосердно жали, и ссудил двумя кронами на баню и бритье со стрижкой, так что перед Даи Офальд предстал во всей красе, выглядя вполне прилично в одолженном у Нохи-

ша пиджаке и в белоснежной рубашке, без спроса взятой у Мильвельга. Во время обильного ужина в великолепно обставленной гостиной Телгир старался есть без жадности, хотя уже много месяцев не сидел за таким великолепным столом. Он велеречиво рассуждал об архитектуре, живописи, музыке, похвалил одну оперу и пожурил другую, окончательно очаровав фрау Слейхор, решившую, что ее непутевому сыну пойдет на пользу дружба с таким благовоспитанным и тонким молодым человеком.

С тех пор Офальд стал частым гостем в доме Даи, хотя они с Лорьфудом появлялись там исключительно в тех случаях, когда отец семейства был в отъезде. Хозяйка дома с удовольствием перенесла часть своей заботы с сына на его товарища, и с тех пор оба никогда не голодали, с удовольствием поедая многочисленные блюда, заботливо приготовленные и упакованные Даи "мальчикам с собой". На карманные деньги Лорьфуда приятели ходили в оперу, где Телгир познакомил своего молодого товарища с музыкой Ренгава, посещали театры и музеи. Офальд по-прежнему ходил в одежде с чужого плеча, но он привел в порядок прическу, снова был сыт и наслаждался своей ролью наставника при Слейхоре-младшем, для которого стал непререкаемым авторитетом и чуть ли не заменил отца, несмотря на небольшую разницу в возрасте. Приятели старались проводить вместе все свободное время, и все чаще Телгир заговаривал об отъезде из Неава, о котором грезил уже не первый месяц. Он убежденно говорил, что

настоящие римнагцы, даже если они и родились в Ивстаяре, должны жить только в великой Римнагее, сплоченным и единым народом. И коль скоро лоскутная империя Грубгабсов решила окончательно себя уничтожить смешением многих рас, душащих главную, римнагскую, не стоит ждать ее неминуемого падения.

Подобные речи Офальд вел не только наедине со Слейхором: он часто присоединялся к горячим дискуссиям в читальне мьенделнамского общежития, где со временем даже образовалось что-то вроде небольшого кружка его почитателей. В него входили Нохиш, Мильвелъг, Лорьфуд и даже ехч Негрю Галн, разделявший неприязнь Телгира к Грубгабсам, а также недавно вернувшийся в общежитие Ферлефл. Главным оппонентом Офальда во время вечерних жарких споров в читальне был Сулак Цульше, ратовавший прежде всего за реформы, соглашавшийся с необходимостью перемен, но категорически не признававший идей объединения Ивстаяра с Римнагеей или насильственного отделения разных рас и национальностей друг от друга. Телгир и Цульше порой спорили до хрипоты, отстаивая каждый свою точку зрения, и большинство слушателей было неизменно на стороне Сулака, хотя все присутствовавшие в читальне и признавали, что Офальд мог быть чертовски убедительным, когда, вскочив на рояль, так и сыпал аргументами в пользу своей точки зрения, раскачиваясь с пятки на носок и рассекая воздух резкими движениями рук. Даже сам Цульше, обессиленный

после очередного жаркого противостояния, нередко хлопал Телгира по спине и высказывал ему свое восхищение. Лорьфуд, гордый своей ролью оруженосца при столь великолепном ораторе, во всех красках описывал эти словесные баталии за обеденным столом в семье Слейхор, и фрау Даи благосклонно улыбалась воодушевленному сыну и его скромному приятелю, никогда не распространявшемуся о собственных заслугах. Но не только мать семейства посматривала на Телгира. Еще одна пара карих глаз, обрамленных длинными пушистыми ресницами, не могла оторваться от бледного лица Офальда с аккуратно подстриженными усами и непокорной прядью волос, картинно спадавшей на лоб.

Семнадцатилетняя Лимил Слейхор, невысокая румяная девушка с каштановыми пышными волосами быстро влюбилась в интересного друга старшего брата, и украдкой забрасывала его знаками внимания, от пылких стихов на надушенных открытках, до носовых платков с вышитыми ей инициалами предмета обожания. Телгир всегда боялся и сторонился женщин. При этом, по иронии судьбы, он обычно действовал на представительниц противоположного пола как магнит (конечно, когда был прилично одет и причесан). Из-за этого своего мужского обаяния он терпеть не мог проходить через "красные кварталы" Неава, где проститутки вешались на него гроздьями. Другой юноша возраста Телгира был бы только счастлив получать подобное внимание, щедро сдобренное искусными ласками, однако Офальд оставал-

ся неуступчив и недвижим, словно камень. Еще во времена дружбы с Бекучиком он презрительно отзывался о порочном Неаве, его бьющей через край похоти и женщинах, продающих себя под звуки волшебной музыки, звучащей на каждом углу в блестящей столице Ивстаяра. На самом же деле Телгир под маской презрения и холодности скрывал свой страх перед женщинами. Платоническая любовь к Нифстеан по-прежнему оставалась главным событием его интимной жизни.

Теперь же молодой человек попал под прицел очаровательной сестры лучшего друга. Офальд старательно игнорировал порывы юной девушки, но отказываться от посещения гостеприимного дома (а в особенности от вкусных и сытных обедов) он не собирался, и Лимил, соблюдая осторожность, чтобы не попасться матери, становилась все настойчивей. В начале апреля, когда Лорьфуд уже прошел в гостиную, а Офальд мешкал в прихожей, сняв пальто и расправляя пиджак так, чтобы закрыть его полкой пятно на брюках, откуда-то из-за портьеры возникла Лимил, решительно подлетела к молодому человеку и на секунду накрыла его губы своими, сунув в руку оторопевшему Телгиру очередной надушенный конверт, а затем, тихонько взвизгнув от страха, также стремительно исчезла. Через секунду в прихожей показалась фрау Слейхор, осведомившаяся, почему дорогой гость так мешкает. Офальд, с пылающими щеками и затрудненным дыханием отправился вслед за хозяйкой, и весь ве-

чер провел в молчании, отделяваясь от вопросов Даи односложными репликами и подолгу замирая, впериw невидящий взгляд в противоположную стену. Лимил к гостям так и не вышла.

В конце концов, Телгир улучил момент, когда Даи с Лорьфудом отправились на кухню собирать очередную продуктовую посылку, и быстро направился к комнате сестер Слейхор. Тихо постучав, он дождался ответа (Лимил дрожащим голосом разрешила войти) и осторожно заглянул внутрь. Девушка была одна. Она сидела у ночного столика в воздушном кружевном платье и не смотрела в сторону двери. Офальд вошел и торопливо заговорил тихим голосом – он хотел поскорее покончить с объяснениями и ретироваться, чтобы не придавать ситуации, когда юноша и девушка остаются наедине, оттенка двусмысленности:

– Дорогая Лимил, позвольте с вами объясниться начистоту.

Она вспыхнула и посмотрела на Телгира, но тут же отвернулась.

– Мне несказанно льстит ваше... ммм... внимание, я польщен и уж наверняка недостоин его...

Девушка сделала протестующий жест, но Офальд продолжал, будто не заметив.

– Вы необыкновенно прелестны, хорошо воспитанны и ваш избранник будет счастливейшим из людей, но я должен, обязан вам сказать, что быть этим избранником я никак не

смогу.

Лимил подняла голову и посмотрела на юношу, на ее чудесных ресницах заблестели искорки слез.

– Дело в том, милая Лимил, что вы, сестра моего обожаемого друга Лорьфуда, сами мне как сестра, и я никак не смогу воспринимать вас иначе, ведь в Инцле меня ждет невеста, Нифстеан.

Офальд и сам не мог бы сказать, из каких глубин памяти вынырнуло это, давно полузабытое имя девушки, о которой он ничего не слышал четыре года. Он даже не собирался говорить о невесте, а просто хотел дать девушке понять, что между ними ничего быть не может, однако ложь о предполагаемой женитьбе уже слетела с его губ, повисла в комнате, и Лимил беспомощно склонила хорошенькую головку с тяжелой короной каштановых волос, а слезы капали на кружево ее платья.

– Простите меня, Лимил, – почти беззвучно прошептал Телгир, – вы еще полюбите достойного человека и обязательно будете счастливы.

Он поспешил выйти из девичьей комнаты и в самых смешанных чувствах вернулся в гостиную. Только тогда Лимил, так и не сказавшая ни слова, упала на колени перед своей кроватью и горько зарыдала.

Через несколько дней двадцатитрехлетний Офальд лишился невинности с прокуренной проституткой, оставшейся очарованной невероятной застенчивостью, сочетавшейся

с мужским магнетизмом ее необычного клиента.

Глава тринадцатая. 24 года

Неав, Ивстаяр – Хенниом, Римнагея. Май – февраль

За большим столом, заваленным книгами, эскизами, конспектами, чертежами и газетами сидел молодой человек, облаченный в мягкий домашний халат, подбитый ватой, и теплые шерстяные брюки с толстыми носками. В комнате, слабо освещенной керосиновой лампой, было прохладно, несмотря на веселое потрескивание дров в небольшой переносной печурке. Молодой человек, закусив нижнюю губу, сосредоточенно писал письмо, старательно выводя буквы, которые все равно получались угловатыми и размашистыми. Строчки изломанными сороконожками ложились на лист. Закончив, молодой человек перечитал написанное, порывисто вздохнул и, сложив лист вчетверо слегка подрагивающими от волнения руками, запечатал уже надписанный конверт. С узкой кровати, стоявшей у противоположной от стола стены, донесся раздраженный голос:

– Офи, ну сколько же можно? Давай гаси эту чертову лампу!

– Заткнись и не мешай! – огрызнулся молодой человек, не отрывая глаз от конверта. Он еще немного посверлил письмо пронзительным взглядом голубых глаз, сверкавших отражениями язычка пламени в стеклянной колбе лампы, затем прикрутил фитиль и лег на свою кровать в отчаянной

попытке уснуть. В голове мелькали строчки из письма, которое должно было определить дальнейшую судьбу молодого человека.

"Невзирая на отчаянную нужду и в высшей степени сомнительное окружение, я сохранил свое доброе имя, остался совершенно чист перед законом и собственной совестью, за исключением этого случая неявки на военную службу, о необходимости которой я ничего не знал. Я направляю Вам это письмо вне зависимости от подписанного мною сегодня в консульстве протокола. Я прошу Вас также направлять все дальнейшие указания в мой адрес через консульство и заверяю, что не премину в точности выполнить их. Что касается данных о моем положении, то они подтверждаются консульством. Сотрудники консульства были достаточно благосклонны ко мне и породили во мне надежду, что достаточно будет явиться для прохождения комиссий в Рузьблагц. Хотя и не смею надеяться, но прошу все же не осложнять мою ситуацию понапрасну. Покорнейше прошу Вас принять это письмо к сведению и остаюсь искренне преданный Вам. Офальд Телгир, художник".

* * *

Вторая платформа столичного вокзала Станвохбеф была заполнена элегантными пассажирами и не менее блестящими провожающими их неавцами. Через четверть часа отсюда

отправлялся поезд на Хенньюм, столицу королевского Вабаяри, входившего в состав Римнагской империи. Составу предстояло преодолеть четыреста километров строго на запад, по живописным местам приграничных областей двух великих государств. Среди обычной вокзальной суматохи ничем к себе не прилекала внимание группка молодых людей. Двое из них, невысокий юноша в добротном темном костюме и пенсне с толстыми стеклами, и франтоватый темноволосый молодой человек с напомаженными усами, явно собирались покинуть Неав. У ног первого стояли два больших потрепанных чемодана, второй ограничился выдавшим виды дорожным саквояжем. Трое остальных, в костюмах разной степени засаленности, были провожающими. Франт, с тросточкой и в великолепной коричневой паре в светлую полоску был необычайно оживлен и весел. Спутники посматривали на него с добродушным удивлением – в Мьеделнаме привыкли к всегдашней мрачной серьезности Офальда, резко менявшегося только во время дискуссий и споров о политике, истории или будущем Ивстаяра и Римнагеи. Но сейчас на вокзальной платформе стоял хорошо одетый, чисто выбритый и аккуратно причесанный молодой человек, с аристократичной бледностью и искрами в светлых глазах, на которого то и дело кокетливо оглядывались проходившие мимо барышни. Телгир покидал Неав, в котором провел шесть долгих нелегких лет, сделавших из амбициозного мальчика не менее амбициозного мужчину. Офальд прошел весь путь от

восхищения и поклонения ивстаярской столицей до самой глубокой неприязни к ней, и его необычное оживление было вызвано отъездом из этого "расового муравейника", как он неизменно называл Неав последние два года. Он с удовольствием думал, что оставляет позади худшие годы своей жизни, чтобы вновь попытаться стать дипломированным архитектором. Телгир искренне верил, что в Хеннюме, этой колыбели римнагского искусства и великолепном образчике строгой, но изысканной архитектуры, он сможет получить наконец аттестат зрелости и устроиться чертежником в какую-нибудь большую строительную фирму, специализирующуюся на строительстве театров и концертных залов. В этом намерении его убедил опубликованный в газетах проект здания Инбрелской оперы: Офальд, с присущей ему самоуверенностью, был уверен, что его собственный чертеж, сделанный по следам предполагаемой перестройки инцлского театра, был гораздо лучше.

Перемена, произошедшая с молодым человеком, который из плохо одетого неряшливого поденщика с кистями и красками превратился в настоящего франта с горделивой осанкой и победительным блеском в глазах объяснялась просто. В апреле Телгиру исполнилось 24, и по ивстаярским законам он стал совершеннолетним. Уже на следующий день в Инцл отправилось прошение от "художника Офальда Телгира, проживающего в Неаве, Мьенделман" с просьбой выплатить его долю отцовского наследства переводом по по-

чете. Имперско-королевский суд Инцла удовлетворил прошение, и молодой человек получил внушительную сумму в 820 крон: наследство Илосы выросло на одну пятую благодаря процентам за 10 лет. Офальд тут же бросился тратить свои деньги, купив фрак, несколько костюмов, пальто, рубашки, белье. Вся одежда была хорошего качества и Телгир стал выглядеть совсем по-другому. Всего через неделю после получения наследства Офальд и Лорьфуд отправились к фрау Слейхор на прощальный обед.

Телгир в течение нескольких дней уговаривал друга отправиться с ним в Римнагею, а когда заручился его согласием, убедил Даи отпустить сына с ним. Женщина, безмерно уважавшая старшего друга Лорьфуда, не противилась их совместному желанию, убежденная, что мальчик быстрее повзрослеет и остепенится вдали от отчего дома, куда и так он вынужден был приходить украдкой, а также под влиянием такого рассудительного, мудрого и образованного наставника. Благодаря невероятной памяти и привычке читать книгу за книгой, отсеивая всю нужную информацию и укладывая ее в закрома своего интеллектуального развития, Офальд действительно производил впечатление великолепно развитого молодого человека с высшим образованием, хотя на деле не закончил даже среднюю школу. Он неукоснительно следовал принятому несколько лет назад решению выучиться самостоятельно, и к двадцати четырем годам мог похвастаться обширными знаниями по истории, мифологии, со-

циологии, политологии, философии, избавился от грамматических ошибок, которые смешили Бекучика, когда им было по восемнадцать, а также самостоятельно выучил рифаянцкий и ланиягский, причем, если разговаривать на этих языках ему было нелегко, то читать на них он мог довольно бегло. Привычка ежедневно проглатывать все газеты, которые попадали в его поле зрения, и аналитический склад ума позволяли Телгиру рассуждать о политике так, будто он был умудренным годами старцем, который не один десяток лет провел в удобном кресле какой-нибудь парламентской фракции. При этом, суждения Офальда часто были неоправданно резкими, а выводы однобокими, его мнение о происходящем в Неаве и Ивстаяре шло вразрез с мнением большинства, но слушать его многословные речи было интересно даже оппонентам.

Фрау Слейхор, умная женщина передовых взглядов, по достоинству ценила пылкого молодого человека и с легким сердцем дала согласие на отъезд Лорьфуда в Хенниум. Ясным субботним днем друзья снялись с регистрационного учета в Неаве и отправились на прощальный обед в дом Слейхоров, благо глава семейства в очередной раз отсутствовал. Даи щедро снабдила обоих "мальчиков" едой, постельным бельем и устроила настоящий пир, на котором присутствовали все братья и сестры Лорьфуда. Лимил сидела за столом молча, с покрасневшими от слез глазами, но на прощание выдавила из себя улыбку и подала Телгиру руку, которую тот

галантно поцеловал. На следующий день приятели в сопровождении Нохиша, Мильвельга и Ферефла отправились на вокзал. Офальд покидал Неав, как он надеялся, навсегда.

* * *

В Хенньюме приятели поселились на улице Слейшармяйх, 34, в светлом безликом четырехэтажном доме, сняв комнату с отдельным входом в квартире портного с солидной клиентурой Езфоя Оппа, открытого веселого человека средних лет, в молодости работавшего в нескольких рижапских ателье, и сообщавшего об этом всем и каждому. Хозяин наметанным взглядом оценил приличный гардероб новых жильцов и сдал им комнату без лишних разговоров. Ему очень понравились молодые люди, с которыми с первого же дня он начал общаться запросто, без лишних церемоний. В понедельник Лорьфуд и Офальд отправились в полицию, чтобы зарегистрироваться по новому месту жительства, однако Телгир, написавший напротив слова "профессия" "художник", не предоставил никаких данных о своем гражданстве, заявив, что нужные документы утеряны. Это был тщательно продуманный и осознанный шаг: Офальд по-прежнему опасался, что его призовут в ивстаярскую армию и не хотел, чтобы сведения о его пребывании в римнагском Хенньюме оказались в соседней Ивстаярско-Гирявенской империи ведь тогда ему пришлось бы отвечать за многолетние уклонение от

военной службы.

Неожиданной поддержкой его острого нежелания служить в Ивстаяре послужил громкий скандал, о котором как раз в те дни захлеб писали все газеты обеих империй. Один из высших ивстаярских военных чинов, начальник штаба Восьмого корпуса полковник Фреладь Дерль, бывший контрразведчик, застрелился в Неаве за день до отъезда Лорьфуда и Офальда в Хенньюм. Выяснилось, что Дерля много лет назад завербовала сясиорская разведка, обнаружившая его гомосексуальные наклонности и использовавшая эту информацию для шантажа полковника. Он последовательно передавал в Сясиор ивстаярские военные планы, включая разработку вторжения в Бесияр, а также сообщал командованию неверные сведения о сясиорских войсках, намеренно занижая их мощь и боеспособность. После одиннадцати лет непрерывной работы на два фронта Фреладя разоблачили его же бывшие сослуживцы. Произошло это из-за инкрустированных драгоценными камнями ножен от перочинного ножа, которые шпион обронил в такси, когда сбивал со следа идущих по его пятам агентов. В итоге, контрразведчики допросили шофера, выяснили, в какую гостиницу тот отвез пассажира, и, удобно устроившись в вестибюле, попросили руководство отеля объявить гостям, что найдены потерянные ножны. Через очень короткое время перед агентами появился ни о чем не подозревавший Дерль. После короткого допроса фельдмаршал ивстаярско-гиравенской армии при-

казал выдать предателю заряженный револьвер и оставить его одного. Полковник застрелился.

Телгир и Слейхор с присоединившимися к ним Оппом и его женой Аблетэзи посвятили не один вечер обсуждению этих невероятных событий, причем Офальд не уставал повторять:

– И вы хотите сказать, что я должен служить в *такой* армии? *Piscis primum a capite foetat*, друзья мои. Рыба гниет с головы, и этот полковник, предатель родины и гомосексуал, был в самой голове имперского войска!

Слушатели соглашались. Несмотря на частое общение с четой Опп на самые различные темы, в основном касавшиеся повестки дня, Телгир по своей всегдашней привычке не распространялся ни о своем происхождении, ни о семье, ни об образовании, предпочитая держать дистанцию. Даже его друг Слейхор чувствовал, что приятель никогда не раскрывается перед ним полностью. Кроме того, Лорьфуда стали раздражать бесконечные вечерние монологи Телгира о политике, а его привычка читать толстые книги при свете керосиновой лампы до двух-трех часов ночи нередко перерастала в настоящие ссоры. Но до поры до времени друзья продолжали жить вместе.

Отцовское наследство и материнские деньги быстро кончились, и Офальд с Лорьфудом вынуждены были вновь начать работать. Они начали с табличек, ценников и вывесок для ближайших лавок, а затем первый вернулся к видовым

открыткам и акварелям, а второй помогал их продавать и иногда подрабатывал рамочником. В Хенньюме, в отличие от избалованного уличными художниками Неава, картины Телгира стоили дороже, и расходились они по 5–6 марок (одна марка была лишь ненамного дешевле одной кроны). При этом, цены в римнагском городе были заметно ниже ивстарярских. Хорошие обед и ужин обходились друзьям всего в две марки, по одной на каждого, при этом Офальд, работая по несколько часов в день, получал в месяц около ста. Телгир старался не тратить деньги на газеты, чуть ли не единственное, что было в Хенньюме дороже, чем в Неаве, и читал их в кафе за куском пирога с кофе. Ему очень нравилась это спокойная, почти богемная жизнь в Римнагее, позволявшая ему обедать в ресторанах, поддерживать опрятный внешний вид и общаться с приличными представителями среднего класса, обсуждавшими последние новости в хенньюмских кофейнях. Но в самом начале января этой размеренной жизни пришел конец. До Офальда дотянулись длинные руки ивстарярской армии.

* * *

Сначала официальные лица искали Телгира в Неаве, но потерпели неудачу. Однако на запрос регистрационного управления Инцла, жителем которого по-прежнему числился Телгир, в полицию Хенньюма, где объявлялся в розыск "ху-

дожник Офальд Телгир, уроженец Анубару 24 лет, выбывший в мае сего года из Неава в Хенньюм", римнагцы ответили одиннадцать дней спустя, что "указанное лицо проживает по адресу Слейшармяйх, 34 в доме квартировладельца Оппа". Колесики чиновничьих машин двух империй вертелись со всей возможной скоростью, и уже через неделю потрясенный Офальд держал в руках повестку от хенньюмской уголовной полиции с предписанием явиться в течение трех дней в Инцл на призывную комиссию. За неявку предполагался штраф в размере 2000 крон и тюремный срок до года. Через день на пороге комнаты Телгира появились два дюжих полицейских, которые сопроводили молодого человека в ивстарское консульство для составления протокола. Офальд был готов к этому визиту, и перед чиновниками предстал бледный плохо выбритый худощавый юноша в старом костюме, измазанном краской, который сильно сутулился и рассказывал о легочной болезни, то и дело кашляя в несвежий платок. Результатом этого не слишком хорошо разыгранного спектакля стало официальное сообщение консульства, в котором говорилось: "По наблюдениям полиции и по личным впечатлениям, изложенные им в прилагаемом оправдательном заявлении данные полностью соответствуют истине. Он также якобы страдает заболеванием, которое делает его непригодным к военной службе. Поскольку Офальд Телгир произвел благоприятное впечатление, мы пока отказались от его принудительной доставки и порекомендовали ему непременно

явиться через пятнадцать дней в Инцл на призывную комиссию. Таким образом, Телгир выедет в Инцл, если магистрат не сочтет нужным учесть изложенные обстоятельства дела и его бедность, и не даст согласие на проведение призывной комиссии в Рузьблагце".

Поздно ночью Офальд закончил составлять свое крайне вежливое, почти униженное письмо в магистрат Инцла. От ответа ивстаярских чиновников зависело, успеет ли он должным образом подготовиться к прохождению комиссии. Кроме того, Телгиру не хотелось возвращаться в Инцл, где существовал риск наткнуться на сестер, бывшего опекуна или Бекучика и его семью, поэтому он, ссылаясь на крайнюю нужду, просил об отсрочке и направлении в Рузьблагц, который был на сто километров ближе к Хенньюму. К письму прилагалась налоговая декларация с обозначенным годовым доходом в 1200 марок. В приписке к ней Телгир сообщал, что зарабатывает, как свободный художник, чтобы получить дальнейшее образование, причем не может тратить много времени на рисование картин, поскольку уже в данный момент учится архитектуре. Кроме того, молодой человек утверждал, что годовой доход, указанный в декларации, является несколько завышенным, так как не каждый месяц у него получается заработать целых сто марок.

Через шесть дней Офальд получил положительный ответ. Твердокаменных чиновников магистрата разжалобила нелегкая судьба молодого человека, сироты, живущего впро-

голодь, страдающего от легочной болезни и всеми силами тянувшегося к знаниям, несмотря на его бедственное положение. Телгир победоносно зачитал официальное письмо из Инцла Лорьфуду, сидя на кровати в их комнате. Приятель слушал невнимательно, смотрел в сторону, слегка нахмурившись, и думал о чем-то своем, однако тепло поздравил соседа и пожелал удачи. На подготовку к комиссии у Офальда оставалось больше недели.

Молодой человек немедленно перестал есть, отказавшись от ежедневных обедов и ужинов с Лорьфудом, а также от своих посиделок в кафе со сладкими пирогами. Он пил только воду и изредка позволял себе съесть небольшой кусочек хлебного мякиша. После наступления темноты Офальд выходил на улицу в одной рубашке и ложился прямо на крепкий февральский снег у входа в его комнату, а вернувшись обратно не давал себе спать бесконечным чтением, доводя Слейхора до белого каления. В итоге, вооружившись письмом из консульства, в Рузьблагц поехал исхудавший иссиня-бледный молодой человек с огромными темными кругами под глазами и душераздирающим кашлем. Призывная комиссия вынесла свой вердикт мгновенно. "Офальд Телгир, родившийся в Анубару и постоянно прописанный в Инцле, земля Верхний Ивстаяр, сын Илосы и Ралки, урожденной Льепцль, проходящий по списку призывников 3-й возрастной категории, признан негодным к строевой и вспомогательной службе, ввиду слабого телосложения и освобожден

от военной службы".

Офальд победил. Но вернувшись с триумфом в Хенниом, он обнаружил свою комнату пустой: Лорьфуд Слейхор съехал с квартиры Оппа, не выдержав совместной жизни с Телгиром.

Часть II. Воевать

Глава четырнадцатая. 25 лет

Хенном, Римнагея – Рип, Егильяб. Июнь – декабрь

Привалившись к глинистой земляной стене окопа, укрепленной потемневшими деревянными подпорками, закутанный в шерстяное одеяло поверх шинели молодой мужчина с пышными усами с подкрученными вверх кончиками писал письмо, положив лист плотной бумаги на кожаный планшет, и чуть щурясь от неровного света переносной лампы с козырьком затемнения. Он иногда притоптывал ногами в только что вычищенных сапогах, дышал на руки и тер покрасневший от декабрьского морозного воздуха кончик носа. Из блиндажа с замаскированной под ствол гнилого дерева печной трубой высунулся невысокий, улыбочивый и круглолицый юноша с нежным пушком на щеках и такой же, как и у молодого мужчины трехполосной орденой ленточкой во второй сверху пуговичной петле.

– Офальд, ты чего здесь, на холоде? – весело, но негромко спросил он. – Иди в штаб, погреешься!

– Нет, спасибо, – ответил мужчина и рассеянно улыбнулся. – Допишу письмо и приду.

– Ну, как знаешь. Шнапс тебе все равно можно не пред-

лагать, но печку мы потихонечку топим. Замерзнешь – приходи.

Круглолицый солдат скрылся в блиндаже, а ефрейтор 1-й роты 16-го Вабаярийского пехотного полка имени Тилса, посыльный штаба Офальд Телгир продолжил писать свое письмо.

"...и вчера я все-таки получил Бронзовый стяг. Это был самый счастливый день в моей жизни. Почти все мои товарищи, которые тоже заслужили его, погибли. Прошу Вас, дорогой господин Опп, сохранить газету, где написано о награждении. Мне хотелось бы, если Господь Бог оставит меня в живых, сохранить ее на память".

Телгир любовно погладил свою ленточку и мечтательно посмотрел на темное небо, обложенное низкими непроницаемыми тучами. Свет луны не пробивался через это плотное покрывало, звезд тоже не было видно, и мужчина с сожалением вернулся к своему письму, понимая, что еще немного, и он вконец продрогнет. Сильно передернувшись от холода, Офальд быстро дописал: "Я часто вспоминаю о Хенниоме и особенно о Вас, дорогой господин Опп... Иногда я так тоскую по дому. Буду заканчивать письмо и прошу прощения, дорогой господин Опп, что так долго не писал. Всею виной мой Бронзовый стяг". Телгир встал и с удовольствием потянулся, расправляя затекшие от долгого неподвижного сидения мышцы. Он чувствовал себя героем.

Теплым июньским вечером Офальд ворвался в гостиную Оппов, где Аблетэзи музицировала с младшей дочерью, играя простенький этюд Ричне в четыре руки, а Езфой с обоими сыновьями увлеченно клеил модель испанского фрегата.

– Вы слышали? – закричал Телгир с порога, забыв поздороваться, и быстро прошел в комнату. – Ивстаярского наследника престола Цфарна Дафирненда убили в Бесияре!

Все присутствующие замерли, глядя на молодого человека в мгновенно наступившей тишине. Даже дети не произнесли ни звука, видя в каком страшном возбуждении находился Телгир. Первым опомнился Езфой.

– Вы уверены, Офальд? Кто убил? Как? Это точно не несчастный случай?

Телгир резко мотнул головой. Из его груди вырывалось частое дыхание, глаза вылезли из орбит и немного косили, руки находились в постоянном движении.

– Я не знаю никаких подробностей. Но это точно убийство! – выпалил Офальд с нервическим смешком. – Я сейчас же бегу в кафе за вечерней газетой.

Он бросился к двери и обернулся.

– Попомните мои слова, герр Опп, это наверняка сделали несчастные римнагские студенты, которым осточертела эта мягкая отеческая рука, гладившая по шерстке всех славян

моей несчастной родины. Они взяли в руки оружие и освободили римнагский народ от его внутреннего врага, который только и ждет удобного момента, чтобы окончательно задуть нашу нацию!

Езфой открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Телгир уже скрылся за дверью. Семейство Оппов осталось сидеть в тишине, обмениваясь полными ужаса взглядами. Наконец, Езфой встал, взял с вешалки шляпу и отправился вслед за постояльцем.

Через несколько дней выяснилась подоплека зверского убийства, от которого содрогнулась вся Повера. Пятидесятилетнего наследника вместе с его женой Фояси застрелили в самом центре бесиярской столицы, и Офальд долго разглагольствовал о высшем суде и неотвратимости возмездия.

– Это был удар, удар богини вечной справедливости и неизбежного воздаяния, присудившей смертельному врагу ивстаярских римнагцев гибель от пуль, которые он сам помогал отливать. Под его патронатом осуществлялась и навязывалась сверху славянизация Ивстаяра, принудительное удушение римнагцев – и что же? Вот она, месть непредсказуемой судьбы! Самый большой друг славян погиб под пулями славянских фанатиков!

Оппы кивали, соглашаясь. В течение месяца Телгир лихорадочно прочитывал все газеты, почти забросив работу, с удовольствием ходил на митинги и собрания, на которых многочисленные ораторы призывали к войне и сам не пере-

ставал говорить о грядущем противостоянии великих поверских держав, которое, судя по всему, должно было начаться с открытого конфликта между Ивстаярско-Гирявенской империей и Бесияром. Еще в начале июля Римнагея подтвердила, что будет поддерживать Ивстаяр всеми возможными способами. За Бесияром стоял могучий Сясиор, сильно проигрывавший союзу двух империй по количеству тяжелых орудий, но обладавший большой армией, ненамного уступавшей объединенному римнагско-ивстаярскому войску. Через месяц после убийства Ивстаяр, подталкиваемый Римнагеей, официально обвинил Бесияр в смерти Цфарна Дафирненда, и выдвинул заведомо невыполнимый ультиматум. В тот же день бесиярцы начали всеобщую мобилизацию, три дня спустя войска мобилизовал Ивстаяр, а в последний день июля – Сясиор. На сторону последнего встали Рифаянц и Ланияг.

Повера готовилась к Великой войне, и Телгир с огромным воодушевлением ждал ее, утверждая в многочисленных страстных монологах перед семейством Оппов и в любимом кафе, что пришла пора покончить с блоковой политикой, в результате которой великая Римнагея приковала себя к двойному труп, Ивстаяро-Гирявенской империи, и этот неподъемный груз вскоре утащит весь начавший гнить союз на дно. В войне Офальд видел неминуемый распад соседнего государства и спасение Римнагеи от бессмысленных обязательств перед дряхлым Ивстаяром и управляющими им Грубгабсами, поборниками разлагающей римнагцев

многонациональности и смешения крови. Телгир с пеной у рта доказывал, что лишь очищение огнем и мечом позволит Римнагской империи сбросить с себя оковы никому не нужного союза и ступить на чистый путь развития и величия, став главной державой Поверы и всего мира. Жертвы, неизбежные при таком повороте событий, он называл искупительными и спасительными. Слушателей обычно удивляла и забавляла горячность, с которой молодой человек высказывал свои идеи, размахивая руками и брызгая слюной. Длинная прядь темных волос намокала от пота над покатым лбом, усы воинственно топорщились, глаза горели, на бледных щеках проступали пятна лихорадочного румянца. Чета Оппов, привыкшая к подобному зрелищу, относилась к монологам Телгира, которые он нередко произносил в их гостиной, спокойно. Супруги редко спорили со своим эмоциональным жильцом, довольно часто соглашались с его тезисами, но воспринимали горячечные речи Офальда скорее, как развлечение, призванное скоротать тягучие летние вечера. Неподготовленные зрители в кафе бывало ввязывались с Телгиром в споры, однако его напор, невероятная убежденность в собственной правоте и настоящее умение опрокидывать оппонентов гигантским объемом информации, гипнотизируя их взглядом лихорадочно блестящих голубых глаз, сводили на нет все разгорающиеся дискуссии. Правда, чаще всего никто не рисковал задевать этого худощавого порывистого молодого человека, которого некоторые постоянные

посетители кафе на углу улиц Слейшармяйх и Зетенире за глаза называли "психопатом" и "фанатиком" – проще было отвернуться и не слушать.

Римнагея вступила в Великую войну во второй день августа. Толпа, собравшаяся на хенньюмской площади Неслоапцод, горячо приветствовала офицера, зачитывавшего с монументальной лоджии в алиятском стиле официальное сообщение правительства страны об объявлении войны. Был там и Офальд, стоявший не в гуще толпы напротив возвышения между двумя львами, на котором стоял раскрасневшийся от крика офицер, а с правого края, у входа в церковь Нетирета, которую за два с половиной столетия до того построил предок нынешнего правителя Вабаяри Игдюлва Третьего, набожный католик, тезка убитого наследника престола по имени Дафирненд Яриме. Сейчас тысячи воодушевленных хенньюмцев, как и сотни тысяч их соплеменников по всей Римнагее приветствовали начало войны. Войны, как все они искренне верили, призванной смести с лица земли все существующие в старой Повере порядки и перекроить континент по-новому, возвеличить их тарепиормию и вознести ее на небывалые до того высоты, не снисшиеся даже великому некралцу Скимарбу, собравшему разрозненные римнагские земли в единую державу четыре десятилетия назад. Офальд стоял среди этого людского моря, сорвав с головы шляпу, и кричал вместе со всеми, приветствуя каждое слово срывающего голос офицера. Он был невероятно счастлив, но

смог облечь свои чувства в слова много позже, когда перед сном вышел из своей комнаты к Езфою Оппу, курившему трубку на скамеечке у дома.

– Вы знаете, сегодня великий день, – сказал осипшим от криков голосом Телгир после продолжительного молчания, когда они с квартирным хозяином долго смотрели в чистое звездное ночное небо, наслаждаясь тихим хенньюским августовским вечером. – Не хочется огорчать вас, дорогой Езфой, но в ближайшие дни мне придется съехать из вашего чудесного дома.

Портной пристально посмотрел на молодого человека, однако ничего не сказал, и принялся разжигать потухшую трубку. После нескольких затяжек Опп спросил:

– Я так понимаю, вы собираетесь на войну, юноша?

– Да! – твердо ответил Телгир. – Весь последний месяц я только и мечтал об этом.

– Вы кажетесь очень уверенным в своем решении, однако я должен вас предостеречь. Война – это не только громкое бряцание хорошо начищенным и смазанным оружием. Война – это кровь, пот, слезы и боль, это огонь, который пожирает все живое без разбору, а в конце оказывается, что даже победители становятся проигравшими.

– Я понимаю, о чем вы, герр Опп, – нетерпеливо перебил Офальд. – Я готов ко всем лишениям и страданиям, которые могут выпасть на долю солдата, но я не могу, не имею права оставаться в стороне, когда вся Повера смотрит на начало из-

бавления римнагской нации от нелепых союзнических оков и душащих ее народов, которым потворствуют наши грязные продавшиеся политики, а народ все еще слишком слеп, чтобы видеть, к чему могло бы привести дальнейшее погружение в эту трясику изворотливости и хитрости Грубгабсов, губящих свое государство и тянущих в болото вслед за ним и наше.

– Наше? – спросил Опп без малейшей иронии, но Телгир понял намек и вскочил на ноги.

– Я покинул Ивстаяр, в котором родился по божьей воле или прихоти, называйте как хотите, вполне осознанно, чтобы воссоединиться со своим народом и олицетворяющей его империей. Живя последний год здесь, в Хенньюме, я был несказанно счастлив, но сейчас, когда началась борьба, я должен действовать по своим убеждениям. Я не стыжусь признаться, что сегодня, услышав о вступлении Римнагеи в войну, я был в таком восторге, что упал на колени и от всего сердца возблагодарил небеса за то, что мне даровано счастье жить в такое время. Это не Ивстаяр защищает свои интересы в Бесияре, это Римнагея борется за свое существование, а римнагский народ – за свое выживание, свободу и будущее!

Езфой тоже встал и протянул Офальду руку.

– Вы настоящий патриот, юноша. Идите на войну и возвращайтесь с победой. Да пребудет с вами Бог.

* * *

На следующий день Телгир подал прошение на имя Игдюлва Третьего, короля Вабаяри, в котором, как гражданин Ивстаяра, просил позволения вступить в ряды вабаярийской армии. Ответ пришел удивительно быстро. Канцелярия кабинета министров уведомляла уроженца Анубару Офальда Телгира, что он может записаться в один из вабаярийских полков. Молодой человек выбрал 16-й резервный пехотный полк, и через две недели явился в распоряжение 6-го рекрутского запасного батальона. Здесь после довольно поверхностного обучения, занявшего семь недель, он дал присягу сначала королю Игдюлву Третьему, а потом и своему императору Цфарну Фиоси Грубгабсу, хоть и убеждал себя, что воевать будет не за Ивстаяр и его дряхлого правителя, и даже не за Игдюлва с его Вабаяри, а за весь римнагский народ и будущую великую поверскую державу. В 16-м пехотном полку было много студентов, и Телгир совершенно слился с ними, старательно изучая новую для него воинскую премудрость. В середине октября полк Офальда отправился на фронт.

Первое боевое крещение 16-й пехотный полк получил в двух днях похода от рифаянцкого города Беур. После массированного обстрела в первый же день погиб полковник Тилс, после чего командование присвоило полку его имя. От Беура армия продвигалась вдоль границы Рифаянца и Егильяба осторожно, с частыми остановками из-за разрушенных мостов и развинченных железнодорожных путей. Несколько раз полк давал дорогу обозам и кавалерии, двигавшихся на юго-запад по направлению к линии фронта. Там шли бои с рифаянцскими и прибывшими им на подмогу ланиягскими солдатами. Перед привалами полк разделялся на роты, и каждая оборудовала себе укрытие от самолетов, но почти каждую ночь солдат поднимали по тревоге и гнали маршем вперед. Наконец, в первый день ноября после трехчасового ночного перехода 16-й полк имени Тилса вышел к позициям ланиягцев, окопавшихся в траншеях на западной оконечности огромного луга между двумя молодыми лесками. За траншеями стоял большой хутор, от которого шла широкая проселочная дорога, петлявшая между другими хуторами, сплошь занятыми неприятельскими солдатами.

Разбившись на взводы, полк Офальда засел в больших окопах, над которыми артиллерийская команда ночью врыла четыре орудия. Под свист шрапнели, срезавшей верхушки

деревьев, Телгир вместе с остальными солдатами ждал команды "в атаку". Он сидел, пригнувшись, смотря прямо перед собой, с тупой покорностью ожидая, когда его пошлют на смерть, под часто стрекотавшие пулеметы ланиягцев. Страх ни у него, ни у его товарищей не было. Загрохотали орудия с обеих сторон, и передние траншеи на противоположной стороне луга заволокло дымом. Наконец офицеры дали команду "вперед!", и рассыпавшийся цепью полк бросился в атаку, не обращая внимания на свист пуль и разрывы шрапнели. Уже через несколько десятков шагов солдаты слева и справа от Офальда начали падать, пораженные неприятельским огнем, но он не замечал этого. Бежать, залечь в канаву, ползти, вскочить, бежать, залечь... Римнагцы четко выполняли команды командиров, приближаясь к траншеям. Наконец, Телгир, бежавший одним из первых не от излишней храбрости, а просто по инерции, спрыгнул с края длинной траншеи вниз, но ноги мягко спружинили, и Офальд, тело которого приготовилось было к долгому прыжку и твердому приземлению, упал, не удержав равновесие. Дно траншеи было устлано телами ланиягцев в мундирах цвета глины с темно-бордовыми пятнами в местах, куда попали осколки и пули. Несколько солдат из ребтегвюрмского полка, наступавшего правее и добравшегося до окопов раньше, деловито добивали раненых. У некоторых ланиягцев были оторваны руки и ноги, кто-то обезглавлен, а прямо у лица упавшего навзничь Офальда лежал солдат лет восемнадцати. Полуприкрытые глаза с века-

ми в красных брызгах смотрели куда-то вниз, мундир сверху донизу пропитался кровью, а живот был распорот осколком снаряда так, что наружу вывалились внутренности. Кишечник и мочевой пузырь ланиягца опорожнились после непровольного сокращения мышц, от его подбитых ватой штанов и огромной раны пахло как из выгребной ямы, и Телгира вырвало прямо на эти красно-розовые петли, лохмотья кожи и темные комки внутренних органов, еще дымившихся в стылом осеннем воздухе. Он встал, пошатываясь от спазмов в желудке и утирая рот грязным после передвижения ползком по канаве рукавом, и тут же получил сильный тычок прикладом в спину, от которого упал на колени.

– Пригнись, олух! – зашипел унтер-офицер, рыжий детина с водянистыми глазами навывкате и огромным треугольным кадыком по имени Пепз. – Хочешь, чтобы тебя подстрелили как этих молодчиков?

Он кивнул на горы трупов в траншее.

– Будешь еще блевать – делай это сидя.

Пепз отвернулся и заорал, чтобы все приготовились к новой атаке: солдатам 16-го полка предстояло занять следующую линию окопов метрах в трехстах от их траншеи, над которой не прекращался настоящий железный град из пуль и шрапнели. Наконец, когда пушки римнагцев начали бить одна за другой прямо по окопам, а из них выскочили несколько десятков ланиягцев, взвод Офальда вместе с остальными вновь пошел в атаку, которая быстро превратилась в ру-

копашную. Тех солдат неприятеля, кто отказывался поднять руки и сдаться добровольно, римнагцы тут же приканчивали. После захвата четырех траншей, сдавшихся в плен согнали в кучу. Редит Цхе, поджарый, тонкокостный, аристократического вида майор лет сорока, руководивший атакой, внимательно осмотрел своих солдат острыми маленькими глазками, что-то прикинул, пошевелил огромными пшеничными усами и негромко сказал окружавшим его офицерам:

– Расстреляйте всех. Я не буду выделять солдат для конвоя.

Неруты быстро выстроили в каре своих лучших стрелков и через несколько минут все было кончено. Трупы римнагцы свалили в только что занятую траншею. Поредевший 16-й полк выбрался на большую дорогу и начал продвижение вперед, поминутно припадая к земле в придорожных канавах и отвечая огнем на частую стрельбу из окрестных хуторов, занятых ланиягцами. Выстрелы сливались в один бесконечный гул и римнагцы вынуждены были отступить в небольшую придорожную рощу. Майор отправил нескольких солдат за подкреплением, и в их число попал и Офальд. Они бежали, пригибаясь, к большому хутору за лугом, где оставался большой отряд ребтегвюрмгцев. По дороге Телгиру выстрелом оторвало рукав, а двух его товарищей ранило. Когда Офальд вернулся в рощицу с подкреплением, Цхе уже лежал на земле с простреленной грудью, вокруг лежало несколько десятков трупов, а уцелевшие солдаты, пригнувшись, укры-

вались за поваленными стволами деревьев. Офальд едва не споткнулся о тело унтер-офицера Пепза, которому осколком снаряда перебило шею и изуродовало лицо. Правый глаз Пепза вытек, порванная щека обнажила два ряда больших желтоватых зубов, на рыжих волосах запеклась кровь. На этот раз Телгиру удалось сдержать тошноту: за последние несколько часов он видел слишком много смертей, чтобы его потрясла еще одна. Офальд отвернулся от мертвого Пепза и ползком перебрался к левому краю рожицы, где командовал уцелевшими солдатами и прибывшим подкреплением невысокий тонкий молодой человек с тонкими усиками и звучным голосом, с наскоро перебинтованным плечом и глубокой царапиной на лбу.

Это был лейтенант Палито, правая рука Цхе, который взял на себя командование и повел римнагцев в атаку на хутора в обход открытого пространства, пройдя через лесок слева от дороги. Лишь после третьего штурма солдатам удалось опрокинуть неприятеля и занять первое здание. Через четыре часа измотанный 16-й полк, продвинувшись на сто метров, окопался у самой дороги и получил приказ удерживать позицию, ограничиваясь неожиданными для врага вылазками. Взвод Телгира, постоянно находившийся на линии атаки, потерял две трети состава, но общие потери полка были, по выражению Палито, "терпимыми": новоявленный командир не досчитался каждого десятого своего солдата.

Так проходила первая битва при егильябском городке

Рипе, которую римнагские газеты позже назвали "Рипской резней младенцев": за первые двадцать дней здесь погибли больше сорока тысяч человек, большинство из которых были студентами. Все они попали на фронт в составе девяти только что образованных пехотных дивизий. Общие потери обеих сторон в гигантской человеческой мясорубке при Рипе доходили до 250 тысяч человек, а битва, продолжавшаяся чуть больше месяца, так и не выявила победителя. В конце ноября войска с обеих сторон окопались на занятых ими рубежах. Маневренная война стала позиционной.

Через три дня после своего первого боя перегруппировавшиеся римнагцы полка имени Тилса под командованием только что назначенного подполковника Тадрельгэнха выбили ланиягцев из окрестных хуторов и укреплений. С тех пор полк, негласно считавшийся у римнагского командования приносящим удачу, не покидал передовую. Сразу после сражения Офальда произвели в ефрейторы и назначили посыльным при штабе 16-го пехотного полка.

Глава пятнадцатая.

25 лет. Продолжение

Рип, Егильяб. Декабрь

Войдя в блиндаж, где действительно было гораздо теплее, чем в окопе, Телгир устроился на своем привычном месте в углу и открыл кожаный планшет. Вооружившись огрызком карандаша, мужчина продолжил зарисовку, начатую им накануне, и изображавшую полуразрушенную церковь, виденную им в пригороде Рипа три дня назад. Офальд уже набросал контуры здания, а сейчас перешел к деталям, тщательно прорисовывая обгоревшие балки, торчащие из рам осколки витражей и обломанный ствол дерева у входа в церковь. Остальные солдаты практически не обращали внимания на всегда нелюдимого, предпочитавшего держаться особняком художника, никогда не жаловавшегося на тяготы военной службы, не ругавшего холод, грязь, вшей, бестолковое командование и отсутствие шоколада в пайках. Телгир с удовольствием менялся с ними полагавшимся ему табаком, получая взамен запаянные жестянки с джемом, рисовал по их просьбе открытки и участвовал в оживленных разговорах о будущем Римнагеи и предполагаемом исходе Великой войны, однако большую часть времени проводил в одиночестве, сидя в своем углу, рисуя, читая или просто размышляя. Товарищи посмеивались над его страстными высказываниями

в те редкие моменты, когда речь заходила о политике, но чаще всего в солдатском кругу обсуждались победы над женщинами и во всех подробностях смаковались их стати – тема, явно противная Офальду, над чем тоже не раз смеялись его однополчане. Телгир, с его большими усами с воинственно подкрученными вверх кончиками, бледным вытянутым лицом и оловянным взглядом напоминал персонажа анекдотов о тупом служаке-римнагце, особенно, когда стоял в строю, вытянувшись во фрунт, или сидел в своему углу, уставившись в стену в глубокой задумчивости. Правда, стоило Офальду заговорить, впечатление сразу менялось: он оказывался совсем неглупым, речь его была правильной, а мысли – острыми. Кроме того, никто не мог отрицать, что нелюдимый ефрейтор был едва ли не самым дисциплинированным, мужественным и хладнокровным солдатом во всей роте. Представивший его к Бронзовому стягу второго класса начальник штаба Бутеф писал в сопроводительном письме: "Он неутомим в службе, всегда готов прийти на помощь. Не было такой ситуации, чтобы он не вызвался добровольцем на самое трудное и опасное дело, демонстрируя постоянную готовность пожертвовать своей жизнью ради других и ради покоя родины. Я восхищаюсь его беспримерной любовью к родине, порядочностью и честностью во взглядах".

Закончив набросок церкви Офальд отправился спать, с удовольствием растянувшись на жесткой походной койке в тесном темном помещении за штабом, где сильно пахло та-

баком, ламповым маслом и сыростью.

* * *

Над старинным городом плывут редкие облака, ненадолго закрывая ласковое майское солнце. По красивым чистым улицам идут люди с открытыми, радостными, счастливыми лицами. Они одеты в праздничную одежду, некоторые из них несут флаги и плакаты, другие просто шагают, улыбаясь, с пустыми руками. Быстрая тень стального самолета будто гладит идущих по головам, и люди обращают лица вверх, приветственно кричат и машут гигантской птице, пролетающей над их городом. Они ускоряют шаг, и людские ручейки, текущие с разных концов города, вливаются в одно большое, живое, колышущееся море, едва касающееся кромки летного поля. Самолет легко приземляется, и с невысокого трапа сходит Он, оставив позади немногочисленную свиту. Люди с восторгом встречают Его криками, улыбками и приветственными жестами. Все тянутся за рукопожатиями, которые тут же получают, матери протягивают к Нему грудных детей, и забирают их, осчастливленные Его поцелуем на лбах их чад, дети постарше восторженно визжат, стараясь подставить голову, чтобы Его рука коснулась их волос. Море взволнованно дышит, подернутое рябью, но нет излишней суматохи, нет давки, и никто не пытается протиснуться к Нему без очереди: все знают, Его хватит на всех, кто Его достоин.

Наконец Он доходит до своего автомобиля, вновь поворачивается к счастливым от одного Его присутствия людям, говорит своим звучным голосом, при первых звуках которого над морем повисает тишина, несколько приветственных слов, благодарит за теплую встречу и признается в любви жителям города и всей страны. Он садится в автомобиль, и тогда над людским морем нарастает волна аплодисментов, будто миллиарды крупных капель барабанят по бескрайней поверхности воды. Его машина трогается с места, провожаемая этими овациями, и Он машет толпе из открытого окна, одарив ее последней улыбкой.

* * *

Телгиру редко снились красочные связные сны. Несмотря на вялый, кажущийся со стороны почти богемным образ жизни, который он вел последние годы, мозг Офальда был в постоянном напряжении, запоминая, сравнивая, сопоставляя, сортируя и отбрасывая за ненужностью невероятный объем данных из газет, журналов, книг, брошюр, речей и выступлений. Молодой человек привык работать по ночам и обходиться несколькими часами отдыха, когда его сознание отключалось практически полностью, получая насущную передышку. Но на войне все изменилось. Поток информации, неизменно питавший деятельное сознание Телгира, практически иссяк, и он все чаще погружался в себя, перебирая

и анализируя свой богатый интеллектуальный архив, накопленный за несколько лет и сохранившийся в целости благодаря невероятной памяти Офальда. Теперь во время привалов, ожидания команды к выступлению, передышек между штабными заданиями он кирпичик за кирпичиком выстраивал собственную концепцию мира, основываясь на богатом багаже знаний и выводов, собранных им за последние годы. Эта мозговая деятельность была менее утомительной, чем довоенная, и поэтому, несмотря на постоянную физическую усталость и частый недосып, Телгир стал видеть сны, нередко путавшиеся с реальностью, особенно когда их взвод поднимали ночью по тревоге – настолько достоверными были картины, возникавшие в мозгу спящего ефрейтора. Он с удивлением и недоверием относился к этим вывертам собственного сознания, которые тем более пугали его, что, в отличие от синематографа, который Офальд очень любил, были слишком реальными: цветными, с запахами, вкусами и, главное, звуками.

Несколько раз он даже рассказывал об этих видениях одному из немногих однополчан, с которым он поддерживал отношения, похожие на приятельские. Это был фельдфебель Камс Наман, уроженец Хеннюма на два года младше Телгира, работавший до призыва в армию в магазине отца. Круглолицый улыбчивый Камс находил общий язык со всеми однополчанами, и с удовольствием выслушивал пространные рассуждения Телгира, которому, как и в случае с Бекучиком

или Лорьфудом нужна была такая отдушина, чтобы как следует выговориться. К концу декабря, когда между противоборствующими сторонами наступило Рождественское перемирие, Наман и Офальд окончательно сблизились на почве сильного неприятия этого неофициального прекращения боевых действий. Ланиягцы и римнагцы украсили окопы свечами и еловыми гирляндами и пели во все горло рождественские песни, поздравляя друг друга с праздником. На нейтральной полосе между двумя линиями траншей в районе Рипа даже произошел обмен подарками: взамен шнапса римнагцы получили виски, а ланиягцы унесли с собой колбасу, оставив неприятелю традиционный пудинг. Солдаты обменивались открытками, рисунками и даже пуговицами с мундиров. Телгир был в ярости от всего происходящего.

– Эти молодчики шпигуют вас свинцом, – раздраженно выговаривал он пирующим на Сочельник товарищам, – а вы пьете их виски, курите их табак и едите их отвратительное месиво из хлеба и сала. Мы на войне, а не на благотворительном международном балу!

– Подождите, они вскоре поздравят вас огнем из пушек и шрапнелью, – вторил Офальду Наман. – Вы братаетесь с лживыми трусливыми ублюдками!

Приятели не прикоснулись к еде, которую передали для римнагцев их враги, и ели только то, что получили в посылках к празднику: Камсу собрала множество деликатесов мать, а Телгиру небольшую продуктовую посылку отправила

Аблетэзи Опп. В ответ он послал несколько собственноручно сделанных открыток для каждого из Оппов, включая детей, которым часто покупал сладости, когда жил в квартире портного в Хеннюме.

– Это черт-те что, – шипел Офальд, хмуро поедая нежно-розовую ветчину из посылки фрау Наман, – это не укладывается ни в какие рамки. Когда это война за наше отечество успела превратиться в прогулку учеников воскресной школы на лужайке? Вместо того, чтобы как можно быстрее рассчитаться с этими бандитами, чего бы это ни стоило, они меняются с ними подарками к Рождеству!

Камс Наман соглашался с ним во всем.

* * *

Старинный город просыпается на рассвете, радостно искрясь под первыми лучами солнца: Он прибыл. Горожане встречают новый день улыбками, готовясь к торжественному и волнующему событию. В этот день кафе, магазины и мастерские открываются всего на пару утренних часов: никто не хочет пропустить самого главного. Люди собираются на улицах, приветствуют друг друга, обнимаются и обмениваются улыбками. Они начинают стягиваться в городской парк, специально расчищенный от деревьев и клумб, задолго до начала великой церемонии, но ожидание никого не тяготит. Это часть великого праздника Его присутствия, когда

все горожане на несколько дней становятся единомышленниками и братаются в едином порыве. Наконец, когда людское море заполняет до отказа отведенное ему пространство в виде правильных четырехугольников на огромной территории, появляется Он. Воздух дрожит, наэлектризованный невероятными эмоциями всех собравшихся. Его соратники ведут свои речи, пока Он скромно стоит позади, оглядывая гигантскую толпу, и каждый человек в этой толпе чувствует на себе это взгляд, от которого на секунду замирает сердце, и по всему телу проходит мгновенная теплая волна. После нее становится легче и слаще дышать, а глаза начинают гореть, различая даже мельчайшие черточки Его лица.

Когда Его соратники заканчивают говорить, все присутствующие уже дышат в унисон, получив свой заряд Его взгляда. Он делает два шага вперед, останавливается у края трибуны, и десятки тысяч человек замирают в тишине. Ни одно Его слово не будет пропущено. Ни один звук, вылетевший из Его рта, не останется неслышанным. Он коротко улыбается, и толпа одновременно вздрагивает от возбуждения, как только Он начинает свою речь. На протяжении всего времени Его выступления горожане остаются в тишине. Но вот Он, тяжело дышащий, с каплями пота на лбу и усталой полуулыбкой отступает назад. Речь окончена, и в самом центре толпы начинается клочкотание, мгновенно охватывающее все бескрайнее людское море, и взрывающееся овациями, будто невиданное извержение вулкана. Шум оглушает

Его соратников, едва не сбивая их с ног своей силой и неожиданностью, но Он даже не покачнулся, с отеческой улыбкой глядя на гигантское скопление людей, бьющееся в истерике от обожания. Он поднимает руку вверх и удостоивается еще одной вспышки ликования. Это Его город. Это Его страна. Это Его дети.

* * *

Серое подслеповатое утро накрыло траншею пластами густого тумана, стелившегося вдоль рощи, за которой неприятель разместил артиллерийскую батарею. Промозглый холод пробирался через зимнее обмундирование, но Офальд не двигался с места, презрительно оглядывая венки из еловых ветвей, который кто-то из его товарищей украсил картинками с жестяных ланиягских спичечных коробков и повесил у входа в блиндаж. Его коробило от любого проявления доброй воли к врагу, которого следовало побеждать с оружием в руках, а не с добрыми намерениями в сердце.

– Эй, Офи! – окликнул его кто-то. – Ты чего здесь? Мы выдвигаемся через десять минут.

Телгир обернулся. К нему подходил, оскальзываясь на мерзлой утоптанной земле Ральбатаз Бандреймар, каменщик из Верхнего Вабаяри, в паре с которым они чаще всего выполняли штабные поручения. Обычно веселое лицо Ральбатаза было мрачно, высокий лоб с ранними залысынами пе-

перезаляли глубокие морщины, усы печально обвисли. Он подошел к Офальду и тоже уставился на венок, но мысли его были явно далеко от этих неуклюже украшенных еловых лап.

– Скажи, Телгир, – сказал Бандреймар сипло, и закурил. – А ты любил когда-нибудь?

– Я и сейчас люблю, – спокойно ответил Офальд. – Я люблю свою родину и свой народ, за которые сражаюсь на этой войне.

– Да я не об этом, – махнул рукой Бандреймар, давно привыкший к высокопарным высказываниям товарища по оружию. – Ты когда-нибудь любил женщину?

– Послушай, у меня никогда не было времени на подобные глупости, и я уверен, что и в будущем оно вряд ли появится.

– Да, – хмуро согласился Ральбатаз, глубоко затягиваясь, – ты прав. Это глупости и ничего больше. Я получил письмо из дому, которое отлично это доказывает. Моя Рамта оказалась... А, тебе не понять!

Офальд почти не слушал его, как всегда пропуская мимо ушей все, что касалось противоположного пола и погрузившись в свои мысли, но тут из блиндажа выглянул Наман.

– Офи, Рали, давайте сюда. Пакеты готовы.

При штабе состояло от восьми до десяти посыльных, состав которых в случае необходимости (другими словами, ранении или смерти) постоянно обновлялся. В середине ноября во время особенно жестокого боя с рифаянцами трое посыльных погибли и один был тяжело ранен. Телгир лишь

оцарапал лицо и руки, пробираясь через густой кустарник, чтобы доставить срочную депешу. Но даже сейчас, во время относительного затишья, была велика вероятность наткнуться на вражескую засаду или снайпера, поэтому особенно важные послания копировались и доставлялись двумя разными посыльными, чтобы пакет с документами дошел до адресата даже в случае потери одного из отправленных штабом солдат. Телгир и Бандреймар не один раз доставляли послания подобным образом, и всегда возвращались в свою роту вдвоем, целые и невредимые.

Получив от полковника Нитапса, нетерпеливого чернобрового старика с прокуренными желтыми зубами и впалыми щеками с кустистыми бакенбардами плотно запечатанные пакеты, посыльные отправились в путь, как всегда, разными маршрутами. Им предстояло преодолеть около шести километров до временной штаб-квартиры командующего полевым генеральным штабом, и западным фронтом в частности, бывшего министра Айканфенхля. Ходили слухи, что сам командующий вот-вот должен был прибыть в Егильяб, чтобы лично перепроверить первые результаты позиционной войны, но, по мнению многих, это была всего лишь дезинформация для доверчивых ланиягцев. Путь посыльных частично пролегал по открытой местности, и лишь небольшой отрезок его проходил в непосредственной близости от неприятельских позиций, однако в округе рыскали разведывательные отряды обеих сторон, то тут, то там были разбро-

саны наблюдательные пункты, и угроза оказаться в руках вражеских солдат была вполне реальна.

Телгир быстро передвигался на юго-восток под прикрытием густого пролеска, а затем, когда деревья закончились, круто повернул на запад, укрываясь в придорожной канаве. Разведчики докладывали, что неприятель устроил наблюдательный пункт в разбитом крестьянском подворье, поэтому Офальд обогнул опасный участок, сделав большой крюк, и снова сменил направление, устремившись прямо к крошечной деревушке Нитс-Лойе, за которой и была штаб-квартира командования фронтом. Миновав несколько постов с часовыми и успешно выполнив свою задачу, продрогший Телгир уселся с кружкой горячего чая в небольшой комнатке деревенского дома, выполнявшей роль приемной при штабе, дожидаясь Ральбатаза: если командование не решит, что донесение из 16-го полка требует немедленного ответа, обратно товарищи должны были вернуться вместе. Но когда Бандреймар не появился в приемной и через час, Офальд отправился обратно, решив пройти той же дорогой, которой должен был добраться до Нитс-Лойе второй посыльный, несмотря на возможную засаду.

Всего в километре от римнагских позиций Телгир нашел тело Ральбатаза, лежащее на боку в овраге на слое подернутой инеем слежавшейся листвы. Темная кровь, вытекшая из раны в груди, почти сливалась по цвету с коричневыми листьями. Офальд, случайно заметивший Бандремайра благо-

даря его светлым волосам – фуражка Рали откатилась в сторону – быстро осмотрел тело, настороженно поглядывая по сторонам. Крови было немного: пуля попала прямо в сердце. Нахмурившись, Телгир похлопал Ральбатаза по мундиру и вытащил нетронутый пакет с донесением. Офальд привстал, вновь внимательно осмотрел окрестности и склонился над трупом, аккуратно перевернув его на спину. Рядом с правой рукой Бандремайра лежал его пистолет марки Зейред, от дула сильно пахло порохом. В кулаке левой потрясенный Телгир нашел крепко зажатый клочок бумаги, на котором неровным прыгающим почерком было написано: "Не могу больше. Простите".

Офальд, забыв об осторожности, отпрыгнул от тела Рали, на его лице читалось нескрываемое отвращение. Самоубийство? Из-за какого-то письма, полученного из дому? Из-за... девки?! Телгир стоял, стиснув челюсти, пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, мысли лихорадочно металась в голове. Он не мог себе представить, что кто-то из его товарищей способен покрыть себя таким несмываемым позором, не выполнив важного задания и попросту застрелившись, как последний трус, вместо того, чтобы сражаться за свою родину, очищая ее от внешних и внутренних врагов. Лишь когда начало смеркаться Офальд встрепенулся и принялся действовать с невероятным хладнокровием. Он вынул из специально сшитого бокового кармана трофейный лани-ягский револьвер Луэби, который наряду со своим Герюлом

всегда носил с собой, отошел на несколько шагов и несколько раз выстрелил Бандремайру в ногу, руку и голову, поставившись чиркнуть пулей по лбу по касательной. Взяв пакет с донесением, Телгир провел им по ранам, испачкав в густой тягучей крови, и сунул за пазуху, расстрелял все патроны, которые нашел у Рали, а затем взвалил тело Ральбатаза на плечи и понес, сгибаясь под его тяжестью, по направлению к штабу полка.

В донесении на имя Нитапса Офальд описал героическую гибель ефрейтора Ральбатаза Бандремайра, наткнувшегося на вражеский разведывательный отряд и отстреливавшегося до последнего патрона, будучи несколько раз раненым. Судя по следам, обнаруженным Телгиром, Бандреймару удалось обратить неприятеля в бегство до того, как он потерял сознание и умер от тяжелейших ран, сохранив в неприкосновенности пакет с важнейшим донесением. В личной беседе с полковником Офальд выразил уверенность в победе Римнагеи, обладающей такими храбрыми солдатами, как героически павший в неравном бою посыльный штаба 16-го пехотного Вабаярийского полка Ральбатаз Бандремайр.

Глава шестнадцатая. 27 лет

Монпер – Равнев, Рифаянц. Апрель – июнь

– Может, ты все же сможешь рассказать о себе немного больше?

Роталашт грациозно изогнулась на высокой крестьянской кровати и посмотрела на Офальда с обольстительной улыбкой. Ее темные кудрявые волосы, придававшие ей сходство с цыганкой, разметались по подушке с желтоватой наволочкой, большие карие глаза смотрели озорно, губы, которые обольстительница время от времени покусывала, налились кровью. Роталашт была полностью обнажена и наслаждалась смущением Телгира, смотревшего на ее смуглое, немного чересчур округлое тело лишь искоса. Ефрейтор сидел на стуле в кальсонах и нательной рубашке, и выглядел слишком смущенным для мужчины, которому только что исполнилось двадцать семь, и который неплохо проявил себя в постели, хоть и готовился к любви не без странностей: заставил плотно закрыть ставни и погасить свет в мансарде, и отказался полностью раздеться. Только когда все было кончено строптивый любовник позволил ей зажечь лампу, но по-прежнему дичился той, с кем только что делил ложе. Роталашт сменила позу на еще более вызывающую, согнув совершенной формы правую ножку в колене и чуть отставив в сторону левую, чтобы даже у самых робких взглядов ее кавалера был шанс оце-

нить абсолютно все ее прелести, без остатка. Офальд заерзал на своем стуле и, кажется, покраснел. На макушке его темные, чуть более длинные, чем положено по уставу, волосы встопорщились, образовав очаровательный хохолок, очень шедший его голубым глазам и длинному носу, делая солдата похожим на щегла. По мнению Роталашт, его аристократичное лицо портили только эти ужасные большие усы, и она дала себе обещание уговорить любовника сбрить их – а уговаривать она, несмотря на довольно юный возраст, умела превосходно.

Девушка быстро привстала и пригладила Телгиру хохолок. Ее полные груди слегка мазнули трефойера по лицу, от чего тот отшатнулся так резко, что чуть не опрокинулся вместе со стулом. Роталашт упала на кровать и залилась хохотом.

– Неужели ты меня настолько стесняешься, глупый? – спросила она, отсмеявшись. – Или их? – она приподняла груди обеими руками так, что торчащие темные соски уставились Офальду в лицо.

– Прикройся, – проговорил Телгир голосом, в котором слышались стальные нотки, и набросил на девушку одеяло, лежавшее в изножке кровати. – Я не люблю подобные разговоры и подобные шутки.

Роталашт молча укуталась в одеяло. В ее взгляде не было и тени обиды, скорее, в нем читалось уважение и любопытство.

– Так все же, – сказала она, помолчав. – Расскажи мне о себе хоть чуточку. Я о тебе совсем ничего не знаю.

– Что же ты хочешь узнать? – спросил Офальд. Когда девушка прикрыла свою наготу, он явно расслабился и готов был поддержать разговор.

– А что ты хочешь, чтобы я узнала? – вопросом на вопрос ответила Роталашт. – Говори обо всем, что сам считаешь нужным, я люблю слушать.

В доказательство своих слов она приняла полусидячее положение, не забыв придержать одеяло так, чтобы не обнажились даже плечи, оперлась спиной о спинку кровати и заинтересованно посмотрела прямо в глаза Телгиру. Тот пересел со стула на край постели, не делая, однако, ни малейшей попытки дотронуться до девушки.

– Я родился в маленьком городке на границе Ивстаяра и Римнагеи, – начал он размеренным голосом. – Отец был государственным чиновником, мать занималась домашним хозяйством и делила свою заботу и любовь между всеми детьми. – Офальд помрачнел. – Их обоих давно нет в живых.

– А твои братья и сестры? Что с ними?

– Они в порядке, – уклончиво ответил Телгир. – Не перебивай, коль скоро ты любишь слушать.

Роталашт премилым жестом накрыла сочный рот узкой ладонью, словно напрашиваясь на поцелуй, который сдвинул бы эту пгерраду с красиво очерченных губ, но Офальд даже не посмотрел в ее сторону.

– В детстве мы часто переезжали из-за службы отца, а когда осели на одном месте, и я пошел в школу, мне стало ясно, что я могу быть только художником.

– Ты умеешь рисовать? – воскликнула девушка и тут же прикусила язык.

– Отец был против, – рассказчик никак не отреагировал на ее реплику, – и мы с ним не раз отчаянно спорили по этому поводу: ведь он хотел видеть меня чиновником. Так продолжалось несколько лет, пока он, еще крепкий и нестарый человек, внезапно не умер от удара. Я закончил гимназию и, совсем как отец за 50 лет до этого, уехал в Неав, чтобы учиться там на художника.

Офальд замолчал, погружившись в свои мысли, но Роталашт услышала достаточно.

– Офи, – сказала она просительно. – А ты можешь меня нарисовать?

* * *

Семнадцатилетняя Роталашт Жалубо (через три недели ей должно было исполниться 18) приехала в небольшой городок Монпер, ставший тыловой базой римнагской армии, расположенный в сорока километрах к востоку от линии фронта, погостить у родственников. Она родилась в деревушке Рекюсбон в семье мясника Илу, и воспитывалась родителями в довольно странном для рифаянцских крестьян

антирелигиозном духе. С детства ей была предоставлена полная свобода действий, из-за чего в родной деревне Роталашт прослыла сорвиголовой, а став немного постарше, всю принялась пользоваться женскими чарами, благо приятные округлости ее фигура приобрела очень рано, да и привлекательностью природа девушку не обделила. В результате, уже к шестнадцати годам дочь Илу Жалубо познала радости плотской любви – что, в общем-то, было не редкостью в терпимом к общепринятым нормам морали Рифаянце – а также не чуралась выпивки, причем, исключительно в мужской компании. Родители забеспокоились слишком поздно, когда их попытки повлиять на сорвавшуюся с цепи дочь были уже бесполезны. Роталашт много помогала матери по дому, не отказывалась от тяжелой работы у отца, но досуг свой проводила с размахом, прежде невиданным в провинциальном Рекюсбоне. В Монпер она поехала от скуки, поскольку по всей округе разнеслась весть, что там остановился резервный полк римнагцев, прибывший на месячный постой.

Многие рифаянцские и егильябские женщины не имели ничего против отношений с вражескими солдатами. Во время наступления римнагцев все деревни и городки эвакуировали, но спустя месяц-другой жители возвращались в свои дома, и нередко налаживали дружеские (а противоположный пол и романтические) отношения с неприятельскими войсками. Римнагцы квартировали в крестьянских усадьбах, с удовольствием гуляли по окрестностям, знакомились с мест-

ными жителями и, истосковавшись по женскому теплу, готовы были красиво ухаживать и хорошо платить – в зависимости от того, какой тип женщин им попадался. Большая часть съехавшихся в Монпер девушек была проститутками, но среди этого очаровательного десанта находились и просто искательницы приключений, одной из которых оказалась Роталашт.

С Телгиром девушка познакомилась в доме своих родственников, где, согласно договоренностям с местным управлением, столовались трое посыльных штаба полка. В те дни, когда солдаты находились в глубоком тылу и служба не отнимала много времени, Офальд, пересевший к тому времени на велосипед, купил переносной мольберт и с удовольствием колесил по окрестностям, делал множество зарисовок, сопровождал штабных офицеров на охоте и нередко беседовал с местными жителями на неплохом рифаянцском. Он даже нарисовал несколько портретов, в том числе двух женщин, любовниц солдат его полка, которым потом и подарил эти картины.

Увидев за обедом смешливую Роталашт, очаровывавшую мужчин своей пышной женственностью, Офальд мгновенно воспылал к ней страстью. Его опыт с женщинами по-прежнему был крайне скуден и ограничивался платонической любовью к Нифстеан, потерей девственности с неавской проституткой и не слишком удачной связью с одной официанткой из Хеннюма. Телгир терпеть не мог обычных солдатских раз-

говоров о победах на амурных фронтах, достоинствах и ста-
тях всех виденных ими женщин и прочих пошлостей. Его ни-
когда не видели с противоположным полом, он с отвращени-
ем отказывался от предложений продажной любви и нетер-
пеливо переводил разговор на другую тему, едва кто-то спра-
шивал у него о его девушке, невесте или жене. Из-за все-
го этого товарищи нередко называли его монахом, а те, кто
его недолюбливал, утверждали, будто он и вовсе гомосексу-
алист. Офальд не был ни тем, ни другим, но иногда он и сам
не понимал, что заставляет его раз за разом отстраняться от
всего, связанного с противоположным полом. Ему нравилась
плотская любовь, однако общее отношение к женскому полу
по-прежнему оставалось крайне неоднозначным. Из-за силь-
ной любви к матери, которая постепенно превратилась в об-
щее отношение ко всем женщинам, Телгир много лет вос-
принимал всех виденных им девушек, даже очень красивых,
отстраненно, будто членов собственной семьи, и вожделения
к ним испытывать не мог просто физически. Со временем,
когда зов плоти стал невыносимым, Офальд воспользовался
услугами проститутки, о чем никогда и никому не расска-
зывал. Телгир не хотел разбираться в сложной смеси испы-
танного тогда отвращения и наслаждения, и вновь замкнул-
ся в своем монашеском нежелании иметь хоть какие-то сно-
шения с женщинами, пока уже в Хеннюме в одном из сво-
их любимых кафе не встретил официантку по имени Ела-
хен и не уступил ее более, чем настойчивым притязанием

на его мужские достоинства. Эта бурная, но краткая связь на фоне всеобщего воодушевления перед началом Великой войны оставила у Офальда стойкое ощущение гадливости: официантка была груба, патологически алчна, цинична и не слишком умна. Наслаждение от постельных утех сменялось отвращением, и Телгир быстро порвал с Елахен, а вскоре и вовсе ушел добровольцем в армию.

Однако в этот раз все было по-другому. Трефойер буквально пожирал глазами смуглую кудрявую девушку, сидевшую напротив, хотя всегда выступал против отношений римнагских солдат с рифаянцскими женщинами, и с изрядной долей смущения чувствовал напряжение в чреслах. Он участвовал в оживленном разговоре, заставляя себя говорить легко и непринужденно, и даже заставил собеседницу несколько раз рассмеяться, хотя никогда не умел шутить, и вообще плохо понимал юмор.

После трапезы Телгир робко попробовал поухаживать за Роталашт, и к своему крайнему удивлению в тот же вечер обнаружил себя вместе с ней в постели на втором этаже крестьянского дома, в котором квартировал. Девушка отдалась Офальду с таким страстным пылом, что тот поначалу едва не сгорел от смущения. Роталашт, угадав его состояние, превратилась в очень мягкую и нежную любовницу. Каждое ее движение, каждый жест, каждое слово или звук, были для Телгира чем-то новым, доселе неизведанным и постыдным, однако удивительно сладким и приятным. Он вступил на но-

вый для себя путь, с каждым шагом открывая все новые и новые горизонты, удивляясь, как много в себе скрывает такая, как ему раньше казалось, пошлая малость, как телесная близость между мужчиной и женщиной.

* * *

– Так что же, Офи? – не сдавалась Роталашт. – Когда ты меня будешь рисовать?

В тот первый раз он ей отказал, несмело предложив другое, более интересное занятие, после чего одеяло мгновенно полетело на пол, а вокруг его шеи обвились две полные смуглые руки. Но с тех пор прошла уже неделя, а Телгир все еще не решался приступить к портрету, о котором просила девушка. Она предложила с десятков вариантов (два были совсем неприличными), и от них он отказался, однако сейчас, кажется, собиралась всерьез обидеться. Наконец, чтобы не расстраивать Роталашт, он пообещал приступить к работе уже завтра, после чего, едва успев затушить лампу, получил свою порцию пылкой благодарности.

Офальд изобразил любовницу в образе крестьянки с вилами за спиной, накинув ей на голову красный платок с белым узором (ему никогда не давались волосы на портретах), отбрасывающий тень на лицо. Роталашт была в белой расстегнутой блузке, открывающей обнаженную грудь, и лукаво смотрела прямо на художника с приоткрытым в полуулыбке

ртом.

Портрет Телгир с большой помпой преподнес девушке в день ее восемнадцатилетия, когда они отправились в Режюсбон на праздничный обед в дом Илу и Арим Жалубо. Родителям Роталашт понравился избранник дочери, хотя они и не были в восторге от того, что это римнагский солдат. Но Офальд умел быть приятным собеседником и казаться образованным человеком. Он расположил к себе родителей Роталашт, и через день уже покидал их дом, будучи принятым в семейный круг. Девушка вернулась в Монпер вместе с ним и ждала возлюбленного каждый раз, когда его отправляли с какими-то служебными поручениями, из-за которых он, бывало, отсутствовал по два-три дня кряду.

В июне полк Телгира перебросили на сто километров в северо-западном направлении, в когда-то красивый и ухоженный, а теперь сильно потрепанный войной городок Равнев, с начала боевых действий трижды переходивший из рук в руки, и лишь прошлой зимой окончательно оставшийся в распоряжении римнагцев. Линия фронта проходила на восемь километров севернее, через город Лермлофь, и со дня на день 16-й пехотный полк должен был выдвинуться на позиции и занять укрепления, по праву считавшиеся чудом римнагской военной мысли. Пока же он был в резерве, однако находился в состоянии полной боевой готовности. Роталашт отправилась в Равнев вслед за Телгиром. Здесь штаб полка располагался в огромной дорогой вилле, принадлежавшей

рифаянцскому врачу Лекапу, бывшему на фронте. В многокомнатном доме, помимо римнагских офицеров и слуг жила только жена доктора.

Посыльные при штабе всегда обустроивались чуть ли не с офицерским комфортом, несмотря на то, что оставались нижними чинами, и отношение к ним было особым. Они чаще получали отпуска, пользовались большей свободой, чем обычные солдаты, и, живя вблизи командования, отлично питались. Вот и в Равневе Офальд поселился не в трехэтажном доме на главной площади, приспособленном под римнагские казармы, а отдельно от остальных, в одной из многочисленных пристроек к вилле доктора Лекапа, на которую практически не распространялся офицерский надзор, и Роталашт переехала к нему в первый же день. Она так часто бывала в доме Лекапа, что в городке ее стали воспринимать как родственницу жены доктора. Почти все время, когда Телгир не был занят на службе, он проводил с любовницей – хотя в Равневе этого свободного времени у посыльного штаба почти не оставалось. Близость фронта и ожидание скорого выступления, несмотря на довольно вялые боевые действия в окрестностях городка Лермлофь, заставляли командование давать Офальду различные поручения и днем, и ночью, почти без передышки. Он разъезжал по округе на своем велосипеде, и возвращался домой уставший, весь в пыли, если была ясная погода, или в грязи, когда шел дождь. Роталашт, как примерная спутница жизни, ухаживала за любов-

ником, стирала его одежду, кормила и старалась не приста-
вать к нему с глупостями. Улучив свободный часок, они гу-
ляли по окрестностям, и Роталашт терпеливо ждала, пока
Офальд делал очередной набросок, или оставались в уют-
ной комнате, где трефойер произносил страстные монологи
о будущем Римнагеи – ему всегда нужен был хотя бы один
внимательный слушатель – и тогда девушка сидела тихо, как
мышь, не отрывая внимательного заинтересованного взгля-
да от его лица. Если Телгир хотел почитать, Роталашт устра-
ивалась рядом и вышивала, тихонько напевая про себя. У
нее был довольно красивый голос и неплохой музыкальный
слух, однако репертуар, на вкус Телгира, любившего только
классическую оперу, никуда не годился. Товарищи Офаль-
да добродушно подтрунивали над ним, с преувеличенно се-
рьезным видом сообщая друг другу в его присутствии, что
"монах сложил с себя сан", однако эти шутки никогда не бы-
ли особенно злыми, да и многие однополчане Телгира также
не отказывали себе в женской ласке, будь это проститутки,
которых даже вблизи от линии фронта было предостаточно,
или "постоянные" полевые подруги жизни.

Но в начале июля идиллия закончилась. 16-й полк имени
Тилса отправился на передовую в Лермлофь, а Роталашт пе-
реехала в деревеньку Нурф, где заняла комнату в небольшом
крестьянском доме. Здесь она ждала известий об Офальде и
его будущем местопребывании и неумело молилась, чтобы
он уцелел даже в самом жестоком бою.

Глава семнадцатая.

27 лет. Продолжение

Лермлофь, Рифаянц – Елецби, Хенном, Римнагея. Июль – декабрь

Утро выдалось сырым и пасмурным. Два дня назад прошел сильный дождь, по слухам, отложивший готовившееся наступление совместных ланиягских и ривятасалских сил на римнагские позиции у рифаянцкого городка Лермлофь, в пятнадцати километрах от егильябской границы. Строительство укреплений продолжалось здесь добрую половину прошлого года, и сейчас солдаты 6-й Вабаярийской резервной дивизии, окопавшиеся на небольшой лермлофьской возвышенности, чувствовали себя вполне защищенными. На участке фронта в семь километров за полями проволочных заграждений были выстроены 75 укреплений с замаскированными бетонными пулеметными гнездами и двумя траншеями, передней, с орудиями и обслуживающими их солдатами, и задней, где люди могли укрыться от артиллерийского огня с позиций неприятеля. Кроме того, эти две артерии пересекали в разных направлениях несколько сосудов поменьше. Это были траншеи связи, по которым на любой участок обороняемой территории можно было быстро доставить сообщение от командования. Вся эта сложная конструкция передней линии обороны поддерживалась дополнительной ли-

нией, отстоящей от первой на два километра, вне досягаемости вражеской артиллерии. Таким образом, в случае прорыва передней линии солдаты должны были просто отойти назад, заняв резервные укрепления, которые послужили бы плацдармом для контратак, как лобовых, так и фланговых.

Еще ночью летучие разведотряды римнагцев сообщили, что проволока на правом фланге и в центре обороны осталась нетронутой, поэтому с самого начала обстрела возвышенности ривятасалской артиллерией римнагцы приготовились к контрударам на левом фланге, где им удалось взорвать склад боеприпасов и ранить немалое количество артиллеристов. В послеобеденное время неприятель попробовал прорваться справа, но пехотинцы попали под огонь римнагских пулеметов. Быстро высланное подкрепление достигло было первой линии укреплений, однако пулеметчики атаковали с флангов, а затем несколько ударов по захваченному было району нанесла артиллерия. Атака ланиягцев по центру имела несколько больший успех, хотя солдаты, уничтожив проволочные заграждения, наткнулись на ложные укрепления в виде канав, заполненных водой, по которым велся прицельный огонь. Несмотря на это, в ходе прорыва в плен было захвачено несколько десятков римнагцев, несколько сотен погибли от артиллерийского огня и около километра линии фронта оказалось в руках союзников. К вечеру командующему ланиягскими силами доложили об успехах в центре и на правом фланге, после чего он, не перепроверив эти данные,

и не посоветовавшись с ривятасалским союзником, запросил у него поддержку и направил в бой еще несколько батальонов. В итоге, произошло то, что предвидели римнагские тактики: с наступлением темноты большая группа союзных войск оказалась на широкой полосе между двумя линиями укреплений, и вместо того, чтобы вернуться к первой и окопаться на ней, продолжала раз за разом атаковать вторую, подставляясь под фланговый огонь пулеметов и артиллерийские обстрелы. Римнагцы обошли незадачливых противников с флангов, снова заняли свою первую линию и отрезали ривятасалцев с ланиягцами от основных войск. К утру обе стороны заключили перемирие, чтобы раненые могли получить необходимую помощь, и "худшие двадцать четыре часа в нашей истории", как позже назвали эту атаку газеты Ривятасала, подошли к концу

Офальд, весь в грязи, полуоглохший от частых взрывов, в промокшем насквозь мундире метался чуть ли не по всей линии фронта, используя траншеи связи, и доставляя срочные донесения и приказы практически на все участки, где кипели бои. Прикомандированный к правому флангу, Телгир, будучи самым опытным из штабных связных, вскоре оказался на левом, где погибли сразу двое посыльных. Усатого худощавого ефрейтора видели то у пулеметных гнезд, куда он доставил сообщение о прорыве в центре, то среди артиллеристов, которым он принес последние данные о корректировке огня, то на передовой, откуда срочно требовалось от-

водить головной контратакующий отряд. Офальд практически не отдыхал, раз за разом отправляясь на самые сложные задания. После боя он был настолько истощен, что не мог удержать ложку, и Наману пришлось насильно влить ему в горло полстакана шнапса и скормить несколько кусков ветчины, после чего Телгир тут же уснул, проспав двенадцать часов подряд: штабное начальство распорядилось не трогать лучшего связного при штабе полка.

В бою при Лермлофе римнагцы потеряли полторы тысячи человек, ланиягцы и ривятасалцы – больше семи тысяч. Уже через два дня после этого 16-й полк имени Тилса отправился к месту основных боевых действий при рифаянцской реке Масом, где союзные войска еще с начала июля проводили невероятно масштабное наступление на римнагскую армию. Роталашт осталась в Нурфе, куда Телгир приезжал при каждой возможности.

Через три месяца Офальда, выполнявшего очередное штабное задание во время боя у местечка Гюрбар, ранило в бедро осколком гранаты, разорвавшейся в нескольких метрах от группы солдат, двое из которых были убиты на месте. После краткого пребывания в полевом госпитале раненого ефрейтора отправили лечиться в городок Елецби в пятидесяти километрах от Инбрела. Телгир не был в Римнагее два долгих года.

В елецбийском госпитале Офальду предстояло пережить первое из многих потрясений, ждавших его во время этого вынужденного отпуска. Он неохотно вступал в разговоры с другими пациентами, предпочитая читать газеты или книги из неплохой больничной библиотеки, собранной благодаря пожертвованиям окрестных жителей, однако прекрасно улавливал настроение большинства солдат, лежавших вместе с ним в общей палате, и оно приводило Телгира в ужас. Римнагцы по крови, удостоившиеся чести жить во времена, когда можно было послужить родине, и, если нужно, пожертвовать жизнью ради нее, вовсе не горели желанием участвовать в войне. Они ругали правительство, командование, фронтовую жизнь, саму войну, снабжение, ивстаярских союзников и открыто обсуждали способы, как можно причинить себе минимальный вред, чтобы не слишком страдать, но попасть при этом в госпиталь и сбежать таким образом с фронта. Один сержант, румяный и крупный молодчик из Ребтегвюрма, области на юге Римнагеи, предложил остроумный способ, с восторгом принятый его собеседниками. На многочасовом привале или перед отбоем следовало обложить тыльную часть стопы толченым чесноком, крепко обмотать несколькими слоями материи и дать этой смеси сделать свою работу. Процедура была менее болезненной, чем

если плеснуть на ногу кипящим маслом, а результат давала превосходный: кожа отслаивалась, под ней скапливалась жидкость, и нога выглядела сильно обожженной. Ни о какой строевой службе при этом речи быть не могло.

– Самый приятный момент в этом всем, – весело разглагольствовал снатжер, – это возможность ухудшать свое состояние по мере излечения. Просто пару раз добавьте чесночку под повязку, оставьте на несколько часов, и ваш отпуск быстро увеличится.

Его слушали с восторгом, хлопали по плечам и обещали при случае воспользоваться великолепным рецептом. Телгир скрипел зубами от злости и несколько раз порывался резко высказаться в адрес сержанта и его почитателей, но сумел совладать с собой. Любые слова здесь были бесполезны.

Правда, один раз Офальд все же произнес страстную речь перед больными в елецбийском госпитале. Это произошло накануне выписки целой группы солдат, уезжавших в резервный полк на восточном фронте. После прощальных речей, подпольно пронесенной выпивки и братания, кто-то шутки ради предложил нелюдимому и вечно мрачному Телгиру, отказавшемуся от алкоголя, сказать тост. Неожиданно для всех он согласился, и произнес монолог о патриотизме и священном долге перед родиной, вызвавший улыбки и смешки подогретых шнапсом пациентов.

– Мы – оплот цивилизации в невежественной, многонациональной и местами даже полудикой Повере, – говорил

Офальд, вскочив на свою койку. – Наша цель священна и наша война праведна. Вскоре все мы вновь покинем Римнагею, чтобы сражаться вдалеке от нашей земли, но я от всего сердца желаю, и чтобы те из нас, кому повезет снова вернуться на родину, увидели ее очищенной от всякой иноземщины, чтобы благодаря тем жертвам и страданиям, которые сотни тысяч из нас испытывают каждый день, и тем рекам крови, которые проливаются в борьбе с международным заговором врагов, мы не только разбили внешних врагов Римнагеи, но, чтобы рухнул и внутренний интернационализм.

Странный тост не вызвал никакого энтузиазма у слушателей, которые быстро выпили и вернулись к прерванным разговорам о женщинах, грубоватым шуткам и нехитрой закуске, принесенной за небольшую мзду стоворчивой санитаркой. Ни на кого не глядя, Офальд поспешил выйти из палаты.

* * *

Рана Телгира оказалась неопасной, но восстановление после нее растянулось на два месяца, в течение которых Офальд с удовольствием гулял по Инбрелу, знакомясь с римнагской столицей. Он несколько дней подряд приходил в Национальную галерею, был в опере, открытой и во время войны, посетил несколько галерей и даже делал наброски с видами Инбрела. Он писал Роталашт по два коротких письма в неделю, обещая вернуться в Рифаянц сразу же, как

только сможет. Но вдали от девушки разлука ощущалась не так остро, как можно было бы предположить. Она несколько раз переезжала вслед за полком Офальда, останавливаясь в крестьянских домах в тылу, и он вырывался к ней при любой возможности, однако за неделю до его ранения Роталашт вернулась в Рекюсбон, где собиралась пробыть до Рождества. Планы влюбленных изменило ранение Телгира, хотя и легкое, и теперь они обменивались короткими письмами: Офальд писал мало, потому что ему тяжело было одевать свои тяжеловесные мысли в легкую одежду рифаянцкого языка, а Роталашт просто не знала, о чем писать, да еще к тому же стеснялась своих ошибок в правописании, которые допускала довольно часто.

В декабре Телгир отправился в Хенниом в распоряжение запасного батальона 2-го пехотного полка, но тут же получил полагающийся ему десятидневный отпуск. Он провел два дня у приютившего его Оппа, а потом прожил неделю у адвоката Стрэна Пехпа, с которым сблизился еще до войны, обсуждая будущее Римнагеи в хенниомском кафе, и состоял в постоянной переписке. В главном городе Вабаяри Офальда ждало очередное потрясение. Хенниом сильно изменился, по мнению Телгира, далеко не в лучшую сторону.

– Постоянные гнев, проклятия, недовольство всем происходящим, – жаловался он, сидя в уютной гостиной Пехпов за чашкой ароматного чая. – Все смотрят с подозрением, лица злые, глаза бегают, губы поджаты. Куда подевался мой люби-

мый Хенньюм с его радостным энтузиазмом перед великим будущим?

Жители Вабаяри, как это было принято по всей римнагской империи, винили в быстрых темпах инфляции, дефиците продовольствия и неудачах на фронте соседний Сяспиру, где были убеждены, что именно вабаярийские снобизм и лень мешают Римнагее развиваться, побеждать и продвигаться на всех фронтах семимильными шагами. Единственное, в чем соглашались вабаярийцы и сяспируйцы – что Ребтегвюрм уж точно хуже кого бы то ни было в империи.

Помимо всеобщей озлобленности и упаднического настроения Телгира неприятно поразило количество йеревов, занимавших, как ему показалось, все возможные и невозможные должности в военных канцеляриях.

– Кажется, каждый писарь – йерев, и каждый йерев – писарь, – говорил он Пехпу. – Они должны быть на фронте и воевать за нашу страну, а не отсиживаться в уютных конторах, набивая брюхо.

Подобные высказывания слышались в Хенньюме повсюду, поэтому Стрэн согласно кивал, разделяя негодование Офальда, два года воевавшего за Римнагею. На улицах города все чаще можно было увидеть дома, на стенах которых появлялись оскорбительные для йеревов надписи, некоторые газеты не переставали публиковать карикатуры с гротескными носатыми толстяками, забирающими тарелки с горячим обедом прямо из-под носа голодных тощих рабочих,

но это по-прежнему были отдельные голоса, никак не желавшие складываться в один мощный хор.

Однажды, когда адвокат угощал приятеля завтраком в их любимом кафе, Телгир увидел проезжавший мимо шикарный автомобиль, из окна которого со скучающим видом смотрел на город толстый йерев, банкир, судя по внешнему виду. Офальд в ярости швырнул вилку на стол и громко заговорил, обращаясь ко всем посетителям:

– Пока наши братья дерутся с наглыми захватчиками по всей Повере, защищая родину от иноземной швали, некоторые кровососы отлично устроились в тихом тылу! Их троны покоятся на костях погибших, а их миллионы политы кровью честных солдат!

Люди заоборачивались на оратора, который вскочил, комкая в руках накрахмаленную салфетку.

– Они набивают кошелек, пока мы страдаем! Они живут в свое удовольствие, пока мы проливаем кровь, чтобы защитить их богатые, набитые золотом и серебром дома! Они контролируют прессу, которая по их заказу клеветает лживые статейки, принижающие наши победы и умаляющие силу и мощь нашей нации! Их алчность делает Римнагею ненавистной для всего мира, и пока они богатеют на военных заказах и поставках мы вынуждены терпеть постоянный рост цен!

Йеревская семья из четырех человек, мирно завтракавшая за два столика от Телгира, поспешила покинуть кафе, бросив официанту несколько купюр. Остальные посетители

смотрели на Офальда с несколько пренебрежительным интересом, как на зарвавшегося клоуна, плоско пошутившего в промежутке между номерами во время представления шапито.

– Вся наша промышленность контролируется финансистами йеревами, – уже почти кричал Телгир, отмахиваясь от дергавшего его за рукав Стрэна, – которые только и мечтают об уничтожении свободной Римнагеи и установлении своей ксармистской власти!

Последователи учения Ларка Ксарма, конечно, не были поголовно йеревами, но определенная прослойка йеревской интеллигенции живо интересовалась трудами этого философа и соавтора манифеста коммунистов, ратовавших за равенство, общественную собственность и победу рабочего класса над капиталистическим меньшинством. Офальд с тревогой наблюдал, как теории Ксарма вместе с их символом, красным знаменем, завоевывают все больше сторонников, видя в последователях его учения опасность для единой великой римнагской империи.

К разбушевавшемуся солдату направились два дюжих официанта, и Пехп, извинившись перед присутствующими за своего вспльчивого друга, ветерана войны, утащил за собой Офальда, оставив щедрые чаевые.

– Я вас не узнаю, Телгир, – выговаривал он ему, быстро шагая по обдуваемой поземкой мостовой и зябко передергивая плечами. – Можно понять и даже разделить ваше волне-

ние, но мы с вами не на стачке и не на митинге, дорогой мой.

– Простите, – мрачно сказал Офальд, глядя перед собой. – Я не сдержался, а после слишком увлекся.

Он взял адвоката за рукав и остановился, глядя ему в глаза.

– Стрэн, мне действительно очень тяжело находиться в Хенньюме. Он изменился в худшую сторону, и эти изменения пугают меня.

– Не волнуйтесь, друг мой, – мягко сказал Пехп. – Военное время не может не быть испытанием для любой, даже самой сильной нации, но мы-то с вами знаем, что римнагцы с честью выдержат и его, достойно преодолеют все препятствия и станут еще сильнее и сплоченнее, чем были до того.

Телгир кивнул, однако лицо его не прояснилось.

– Я боюсь, – медленно сказал он, – что главные испытания ждут нас впереди, и они никак не будут связаны с этой войной. Слишком тугий и сложный узел стягивает сейчас нашу родину, чтобы его можно было просто перерубить мечом и пойти дальше. Иногда мне кажется, что я предвижу будущее, и оно меня пугает гораздо сильнее, чем восхищает. Наша несчастная Римнагея, с ее обязательствами перед Ивстярром, топтанием на западе, боязливыми вылазками на восток и туманом на юге пока еще стоит крепко, но змеи уже показались из воды, чтобы опутать этого Ноалоока и задушить в смертельных объятиях.

– Не будьте столь мрачны, Офальд. Наслаждайтесь по-

следними днями перед возвращением в армию и продолжайте защищать нас, скромных труженников тыла. Мы обязательно победим и выстроим, как вы сами всегда говорили, величайшую поверскую державу, до которой не дотянуться будет ни Ланиягу, ни Рифаянцу, ни уж тем более этому полудикому Сясиору, правитель которого думает, что войну можно выиграть если отправить во все бреши как можно больше солдат. Римнагея станет главной страной континента, я в этом уверен!

– Бог да услышит вас, Стрэн, – печально сказал Телгир. – Но мое лечение и без того слишком затянулось. Я сегодня же отправлю прошение о возвращении на фронт. Нашей родине нужен каждый ее солдат.

Пехп молча пожал Офальду руку и в порыве чувств обнял его. Уже через два дня Телгир оказался в запасном батальоне 2-го пехотного полка в Хеннюме, и после оживленной переписки с лейтенантом Манедивом из штаба полка имени Тилса, у которого просил помощи и содействия, добился разрешения на перевод. В феврале он воссоединился с Роталашт, а в марте вернулся на передовую в составе своего 16-го пехотного Вабарийского полка.

Глава восемнадцатая. 29 лет

Смейр и Никам, Рифаянц – Грербнион и Квезапаль, Римнагея. Июль – ноябрь

Два года спустя даже самым несведущим в военных вопросах римнагцам было ясно, что Великая война, в которую оказались вовлечены 38 стран и 70 миллионов человек, для Римнагеи проиграна. Несмотря на мимолетный успех первой фазы весеннего наступления, целью которого было окружить и уничтожить ланиягские войска, чтобы прорваться вглубь территории Рифаянца, не пересекаясь при этом с основной частью рифаянцской армии, дальнейшие действия римнагских войск оставляли желать лучшего.

Командование торопилось провести операцию, поскольку к месту боевых действий на помощь союзникам начали прибывать из-за океана маарикенские войска – Маарике объявил войну Римнагее еще в прошлом апреле – и к концу лета численный перевес союзной армии был бы совсем угрожающим. Но нынешней весной ситуация казалась благоприятной для римнагского командования. За полгода до этого в Сясиоре произошла очередная революция, после которой он тут же вышел из войны на крайне неблагоприятных для себя условиях. Римнагцы перебросили войска с восточного фронта на западный и начали лихорадочную подготовку к наступлению.

За шестнадцать дней в марте и апреле армия продвинулась вглубь Рифаянца почти на 90 километров, однако ей так и не удалось достигнуть своей основной цели и разделить союзников, окружив ланиягские войска. А затем быстрый темп продвижения снизился из-за плохой логистики, что привело к проблемам со снабжением и отсутствию свежих резервов, тогда как неприятель на треть обновил состав своей армии за счет своевременной переброски солдат в зону боевых действий. Вторая и третья фазы наступления также не принесли желаемого результата, несмотря на артиллерийские обстрелы дальним огнем рифаянцской столицы, Рижапа, и захваченные римнагцами 50 тысяч пленных и 800 орудий. Таким образом, в середине июля начальник штаба римнагских войск генерал Хэри Дрефлонюд, бессменный помощник и заместитель главнокомандующего Упаля Бнергнуигода, предпринял попытку масштабной атаки на две группы рифаянцских войск, к западу и к востоку от старинного города Смейр, в надежде отвлечь основные силы ланиягцев, успешно оборонявшихся в Егильябе, и ударить по их позициям оставшейся частью армии.

На помощь рифаянцам пришли маарикенские дивизии, недавно сформированный 22-й ланиягский корпус и алиятийские войска (Алияти поначалу был на стороне Римнагеи и Ивстаяра, хоть и не участвовал в боевых действиях, но меньше чем через год после начала войны переметнулся на сторону союзников). Всего в битве при реке Ранме принима-

ли участие два с половиной миллиона человек. Наступление римнагцев захлебнулось уже через три дня после его начала, и союзники перешли в контратаку.

В последний день июля заместитель командующего полка имени Тилса Дигон одобрил рекомендацию лейтенанта Огху Намтума о награждении посыльных штаба Офальда Телгира и Стрэна Дшимта Бронзовым стягом первой степени. Во время особенно тяжелого боя, когда произошел обрыв телефонной линии, лейтенант отправил посыльных из штаб-квартиры командования на передовую с важной депешей, пообещав представить к награде того, кто доставит сообщение. Под шквальным огнем оба посыльных сумели добраться до адресата и вернуться в расположение штаба. По иронии судьбы, свою главную военную награду Офальд получил благодаря йереву.

* * *

К тому времени прошло чуть меньше года с того раза, как Телгир в последний раз видел Роталашт. Его полк расквартировали в егильябской деревушке Орайде в конце мая, и он поселился у местного крестьянина Езфоя Суглата, в доме неподалеку от старинной церкви святого Тирнама, которую Офальд с удовольствием нарисовал. Роталашт поселилась вместе с любовником, но в начале июля полк вновь направили к линии фронта у городка Лермлофь. Девушка поначалу

перебралась в Нурф, куда Телгир приезжал еще несколько раз, а месяц спустя уехала в деревушку Неклес, в дом своих старых знакомых Ризеде и Леднам Акби, крестьянской четы, жившей в большой усадьбе. Офальд отправил ей несколько писем, но к концу сентября окончательно выкинул из головы Роталашт, уехав в восемнадцатидневный отпуск в Тишапль, к тете по материнской линии Зиреяте.

Причина подобного поведения Телгира была проста и банальна: в июле Роталашт обнаружила, что она беременна. Однако Офальд в минуту необычной для него откровенности признался Стрэну, что сильно сомневается, его ли это ребенок: он искренне считал себя бесплодным и полагал, что это особое подтверждение пока до конца неизвестного, но, без сомнения, высшего его предназначения. Правда, последней мыслью ефрейтор не делился ни с кем. Кроме того, поверхностная и недалекая девушка начала надоедать Телгиру. Она вполне устраивала его в качестве покорного слушателя, которых он искал для себя всю жизнь, а постельные утехи подняли самооценку Офальда, несмотря на то, что он осознавал примитивность подобного самоутверждения. Пока она моталась вслед за его полком по тыловым квартирам и ждала его после ранения, он еще не чувствовал себя связанным какими-то обязательствами, и даже воспользовался услугами проститутки в Хеннюме, ища выход скопившейся в нем негативной энергии. Однако ребенок должен был изменить всю их жизнь, и к подобным изменениям Офальд го-

тов никак не был.

В Тишапле Телгир наслаждался заслуженным отдыхом, ни разу не вспомнив о Роталашт. Он нарисовал несколько пейзажей, много спал, и по три раза в день поглощал еду огромными порциями, без разбора впихивая в себя все, что было на столе, за исключением мяса, которое ел очень редко еще с тринадцати лет. Ему нравился большой богатый дом Зиреяте, самой зажиточной из трех сестер, удачно вышедшей замуж за рачительного крестьянина. Тетушка не приставала к нему с лишними расспросами, с удовольствием слушала фронтовые байки и ни словом не обмолвилась о его сестрах, Леагне и Улапе, а сам Офальд ни разу о них не спросил. За весь отпуск он только один раз покинул Шитапль, съездив в очаровательный городок Арвайт в четырех километрах от деревни, с его монументальным замком, старинной пивоварней и остатками крепостной стены. Отсюда Телгир отправил открытки полковым товарищам Стрэну, Камсу и еще одному посыльному штаба, Дюльфолу Лофттресрехаку, вместе с которым был ранен и лежал в госпитале в Елецби. В своих коротких письмах он с восторгом описал ивстаярскую природу (в том году выдался необычайно теплый октябрь, практически без дождей), приветливых местных жителей, с большим уважением относившихся к римнагскому солдату, и подчеркнул, что именно за такое мирное существование римнагской нации они и воюют.

Вернувшись в полк, Офальд вновь оказался в тылу, в кро-

хотной деревушке Тетай, в пятнадцати километрах к югу от города Сарар, где еще весной велись кровопролитные бои, в которых союзники потеряли больше 150 тысяч солдат, в основном из-за провала рифаянцкого наступления, плохо согласованного с ланиягским. Теперь до самой битвы при Ранме полк имени Тилса большую часть времени проводил в резерве, лишь изредка попадая на передовую линию укреплений. Телгир практически не бывал в боевых действиях, превратившись в настоящую штабную крысу, как всех посыльных презрительно (а часто и с завистью) называли солдаты, практически не вылезавшие из окопов.

Дюльфол, поддерживавший связь с Роталашт, с которой сдружился еще в начале года, вернувшись в полк после ранения на месяц раньше Офальда, несколько раз пытался завести с ним разговор о девушке, но наткнулся на жесткий, порой даже грубый отпор. Телгир не желал слышать о бывшей любовнице, ее беременности и самочувствии, и вскоре Лофтресрехак понял, что говорить о ней с упрямым ефрейтором бесполезно. Роталашт навсегда исчезла из жизни Телгира.

* * *

В конце августа, через двадцать дней после получения Бронзового стяга первой степени, Офальда отправили в недельную служебную командировку в Грербнюн, вабаярийский город в 170 километрах от Хенньюма. Здесь Телгир, по-

что год не бывший в Римнагее, впервые столкнулся с тем, о чем на фронте ходили слухи уже не первый месяц. После эйфории вызванной первыми успехами весеннего наступления, римнагцы окончательно потеряли терпение, и открыто протестовали против войны, уже не первый год разрушавшей их страну. Офальд слышал, что на некоторых фронтах бунтовали и солдаты, недовольные ухудшившимся питанием (из пайков пропало сладкое и урезались нормы выдачи табака), но в полку имени Тилса подобных настроений пока не было. Однако Грербнюн, как весь Вабаяри, бушевал. Рабочих, солдат и небогатых горожан активно и успешно агитировали не подчиняться существующей власти, ведущей Римнагею к гибели. Император Мильвельг Второй, кричали на площадях и в парках, и его правительство толстосумов, богатеющее на страданиях трудового народа, развалило великую державу, втянув ее в разорительную войну. Ораторы призывали к миру любой ценой, чтобы спасти империю, оказавшуюся на краю огромной пропасти, откуда возврата уже не будет.

За протестами в римнагских городах стояла отколовшийся годом ранее от крупнейшей в стране Социал-Демократической партии левая ячейка независимых социал-демократов, утверждавших на всех углах, что римнагский народ больше не заинтересован в войне, которую поддерживают лишь император и крупнейшие капиталисты державы. Офальда доводили до белого каления безапелляционные вы-

сказывания многочисленных ораторов, заявлявших о том, что "армия всецело поддерживает народ, мечтающий сбросить с себя оковы империи и освободиться от бессмысленной, уничтожающей страну войны". Сидя в душных классах на курсах повышения военной квалификации, Телгир слушал нудные лекции вполуха, произнося огромные мысленные монологи об истинных настроениях в солдатской среде, где римнагцы шли на смерть с боевым кличем "Римнагея превыше всего", и проливали кровь за тот самый народ, который, якобы, поддерживали в его травоядном стремлении к миру любой ценой. Социал-демократы, как и коммунисты, были для него жалкой бандой обманщиков, шайкой тыловых героев, лишь по стечению обстоятельств и с помощью пропаганды союзников (ланиягцы и рифаянцы буквально наводняли Римнагею листовками с лозунгами, вроде "Победа союзников близка, страна стоит перед революцией") получившие возможность как следует промыть мозги простому народу. Рабочие, ведомые этими горлопанам, организовывали забастовки на заводах, горожане все чаще собирались в парках и на площадях на митинги, и даже некоторые солдаты подвергались этой заразе, пока еще не бросая оружие и не протестуя открыто, но обсуждая весьма крамольные вещи на привалах и в тылу. Они кивали на Сясиор, где в феврале прошлого года революция свергла императора Инайлока Второго, правившего без малого 23 года двоюродного брата римнагского Мильвельга, а полгода спустя новое вооружен-

ное восстание превратило огромную страну в коммунистическую державу, поспешившую заключить крайне выгодный для увязшей на востоке Римнагеи мир – что, впрочем, по мнению агитаторов лишь продлило агонию империи.

Офальду казалось, что социал-демократы приносят римнагский народ в жертву собственным политическим и сластолюбивым амбициям, стремясь развалить страну, чтобы захватить власть и набить собственные карманы. Он ясно видел за их речами гибель Римнагеи, и ощущал огромную поддержку этих обманщиков. Его возмущало, что умами и настроениями народа овладевают тыловые горлопаны, не нюхавшие пороха в те дни, когда любой здоровый римнагец должен был защищать свою страну с оружием в руках. В свободные от учебы часы Телгир бродил по старинному городу, возрадившему в свое время великого художника Ердюра, с отвращением обходил подалее многочисленные митинги, безразлично скользил пустым взглядом по великолепным зданиям площади Крахматпут и даже не зашел в огромный Римнагский национальный музей: мысли его были далеки от искусства. Грербнюн остался в памяти Офальда одним расплывчатым дрожащим пятном, без четких контуров и границ, которые невозможно было бы разглядеть мутными от ярости и бессилия глазами двадцатидевятилетнего ефрейтора, смертельно боявшегося за будущее своей страны.

Телгир вернулся в полк, где его ждало новое потрясение. В сентябре состав изрядно потрепанного 16-го пехот-

ного полка имени Тилса пополнился многочисленными новобранцами, ленивыми, расхристанными и плохо подготовленными солдатами, которые к ужасу Офальда тут же завели речь о бесполезной войне, слабом императоре, его жадном окружении и обедневшем, выжатом досуха римнагском народе, уставшем от грабителей в правительстве и идиотов в высшем командовании. Телгир даже не пытался возражать: бунтовщиков было явное большинство, да и некоторые из старых солдат все внимательнее прислушивались к этим крамольным высказываниям. До открытых призывов сложить оружие дело пока не дошло, но армия все больше напоминала пороховую бочку с длинным и уже подоженным фитилем. В последний день сентября правительство Римнагеи подало в отставку, и через три дня у страны появился новый канцлер, Иснимакамил, который тут же попытался договориться (не поставив об этом в известность никого из своих противников в Повере) с Маарике о начале мирных переговоров на унижительных для Римнагеи условиях. Известие об этом шаге стало очередным ударом по моральному состоянию как солдат на фронте, так и жителей страны в тылу. Обращение римнагского канцлера к главе Маарике Дорву Новсилю, еще в январе сформировавшему перечень условий, которые должна выполнить Римнагея для начала мирных переговоров (настолько же невыполнимых, как и те, что были перечислены в ультиматуме Ивстаяра, давшем формальный повод для начала Великой войны), было фактическим при-

знанием римнагского поражения. Мало того, Новсиль долгое время тянул с ответом, поставив императора и канцлера в унижительное положение. В итоге, боевые действия продолжались с прежней интенсивностью.

Ланиягцы наступали по всему западному фронту, атакуя цеплявшихся за свои укрепления римнагцев. Ожесточенные бои шли и у границы Егильяба и Рифаянца, под деревушкой Никам. В этих местах полк Телгнира воевал осенью четыре года назад, здесь же штурмовал позиции ланиягцев прошлым летом и сюда же вернулся опять, теснимый армией союзников. Это четырехлетнее топтание на относительно узкой полосе западного фронта выматывало обе противоборствующие стороны, однако старые римнагские солдаты, в третий раз вернувшиеся на то же поле боя, были подавлены едва ли не сильнее остальных. В середине октября наступавшие ланиягцы начали обстреливать позиции римнагцев, укрепившихся на небольшом холме к югу от Никама, газовыми снарядами, содержащими печально известный горчичный газ, прозванный на фронтах Великой войны "желтой смертью". Обстрел продолжался с вечера до утра. С первыми лучами рассвета Офальд, отправившийся со срочной депешей из штаба к укреплениям на левом фланге, услышал сильный хлопок, пробегая по траншее связи. В то же мгновение он почувствовал теплую упругую волну, которая, как мягкий кулак, отбросила его назад. В ушах немедленно зазвенело, во рту появился привкус крови, бывшей почему-то

жгуче-горькой, волной нахлынула тошнота, а глаза мгновенно заволокло слезами. В следующие секунды Телгир почувствовал страшную резь под крепко зажмуренными веками. Он закричал от боли, и кто-то потащил его прочь, зажав ему рот пахнувшей оружейным маслом рукой. Трефойер почувствовал, как его тело перевалили через какое-то ограждение, протащили несколько десятков метров по земле, а затем довольно бесцеремонно спустили в траншею и поставили на ноги.

– Идти можешь? – услышал Офальд чей-то деловитый голос сквозь сильный звон в ушах.

– Да, – проскрипел он чужим голосом, попробовав сделать неуверенный шаг. Глаза его по-прежнему были плотно закрыты, по лицу струились слезы вперемешку с кровью.

– Тогда иди прямо, держись за стенку окопа, только ноги переставляй аккуратно. Через пару сотен метров выйдешь на санитарный пункт. И пригнись давай, тут шрапнелью зацепить может.

Нелепо изогнувшись, Телгир заковылял в указанном направлении, несколько раз споткнувшись и чуть не упав. В тот же день его с сильным отравлением горчичным газом отправили в полевой госпиталь в егильябский Даренадо, а через неделю перевезли в городок Квезапаль в северной Римнагее для дальнейшего лечения. К тому времени Офальд полностью ослеп.

Глава девятнадцатая.

29 лет. Продолжение

Квезапаль – Хенниом, Римнагея. Ноябрь – март

Госпиталь в Квезапале был на хорошем счету у солдат и офицеров. Персонал здесь был участливым, питание вполне сносным, койки удобными, и в палатах пахло чистотой и карболкой, а не гниющими ранами и протухшей кислой капустой. Телгира, который лишь через неделю после поступления сюда начал смутно различать очертания предметов, но все еще страдал от невыносимой боли в глазах, угнетала его беспомощность в те самые дни, когда решалась судьба Римнагеи. Он не мог читать газет, а желающих читать вслух ослепшему воину (его недавно повысили до капрала) с пропитанной раствором солей натрия повязкой, закрывавшей поллица, не нашлось. Офальду приходилось ориентироваться в сложившейся в стране ситуации лишь по разговорам других больных, которые не слишком разбирались в политике и лишь ругали плохо проваренное мясо за обедом, травили байки о своих фронтовых подвигах и обсуждали победы над женским полом. Но даже обрывочные сведения, доходившие до Телгира, повергали его в ужас. На флоте начались масштабные возмущения, стачки в некоторых городах переросли в вооруженные столкновения со множеством раненых, солдаты на фронте начали демонстративно бросать

оружие.

В начале ноября к лазарету подкатили два грузовых автомобиля с матросами, которые, стоя в кузове за самодельной трибуной, призывали к революции. Офальд в панике вернулся в палату и заговорил с одним из вабаярийцев, лежавших с ним в госпитале. Он снова и снова спрашивал, думает ли тот, что готовящаяся измена Римнагее – это местное явление, или она, словно пожар, охватит всю страну? К разговору подключились еще несколько уроженцев Вабаяри, и все они сошлись в уверенности, что злая воля нескольких дерущих горло ксармистов-йеревчиков не сможет побороть врожденную преданность к королю Игдюлву Третьему и всей его династии. Этим солдатам казалось, что так называемая революция в Римнагее ограничится несколькими днями путча на флоте, после чего истинно римнагское благоразумие возьмет верх над коммунистской риторикой и лживыми ксармистскими обещаниями, кружившими голову йеревской молодежи. Однако вести, ежедневно приходившие со всей страны и с фронта, становились все более тревожными. Слова "капитуляция" и "революция" склонялись и повторялись на все лады, и от страха перед пучиной, в которую погружалась Римнагея, Офальд практически перестал спать. Вабаярийцы, сдружившиеся с Телгиром, зачитывали ему вслух последние новости, а вскоре он и сам начал разбирать заголовки и заметки, набранные крупным шрифтом. Врачи пообещали Офальду, что зрение к нему вскоре вер-

нется практически в полной мере, хотя и сомневались, что он сможет учиться архитектуре и рисовать. Поглощенный судьбой страны, которую он давно считал родной, Телгир практически не обратил внимания на эти мрачные прогнозы.

Развязка наступила в середине второй недели ноября. Промозглым серым утром в палату Офальда, где лежали еще три десятка человек, вошел священник, служивший при лазарете, сухонький маленький старик с дрожащими в волнении белыми губами. Надтреснутым голосом он пригласил всех ходячих раненых в зал для собраний, который заполнился до отказа в считанные минуты. В гробовой тишине священник произнес короткую прочувствованную речь. Римнагея перестала быть империей и стала республикой – то есть государством, где органы государственной власти избираются лишь на определенный срок, и граждане наделяются политическими правами. Мильвельг отрекся от престола и бежал в Диланоляг, а Иснимакамил передал свои полномочия лидеру социал-демократов Дирфирху Тэберу. Старик напомнил о заслугах императорского дома перед Римнагеей и призвал молиться Всевышнему, чтобы он "ниспослал благословение на все эти перемены" и "не оставил наш народ в будущие времена". В зале по-прежнему было тихо, хотя многие раненые глотали слезы, пораженные этим страшным известием – хотя, казалось, события последних дней должны были подготовить самых упрямых и несообразительных римнагцев к подобному потрясению. Офальд, видевший свя-

щенника в белесой мути, сидел как громом пораженный, чувствуя, как смертельный холод расплзается от мучительно сжавшегося сердца по всему телу. Старик, смахнув слезу, продолжал говорить.

– Римнагея вынуждена прекратить войну. Наше отечество сдается на милость победителей, и результат перемирия будет целиком и полностью зависеть от великодушия наших бывших противников. Мирный договор, без сомнения, станет еще одним тяжелым испытанием, которое, с Божьей помощью, наш народ пройдет с честью и достоинством, как делал это в самые смутные времена своей истории. Да не оставит нас Господь в эту тяжкую годину.

На этих словах Телгир, не выдержав, бросился вон из зала. Голова его пылала, в висках, словно молоточками, стучали последние слова священника, глаза вновь перестали видеть. Ощупью добравшись до своей койки, Офальд зарылся лицом в подушку и залился слезами, немилосердно резавшими воспаленные веки и кожу вокруг глаз. Однако физическая боль его не занимала: боль душевная казалась ему во сто крат сильнее. Он чувствовал стыд за Римнагею, так позорно завершившую военную кампанию, ненависть к йеревским и коммунистским предателям, хитростью и обманом запудривших мозги простым римнагцам, он оплакивал сотни тысяч братьев по оружию, напрасно погибших за свою бедную, одуроченную, сдавшуюся красным ксармистским тряпкам страну. Его снедал страх перед собственным будущим: ко-

му нужен ветеран проигранной войны, с гражданством другой страны, без образования, семьи, богатых покровителей и профессии в руках в нищей республике? Он даже не мог продавать рисунки, сделанные им во время войны: его объемистые папки со всеми работами украли год назад во время очередной передислокации полка.

На протяжении нескольких дней Телгир почти не ел и не спал, лихорадочно читал все попадавшие в госпиталь газеты, не обращая внимания на боль в глазах, и записывал отрывочные мысли на подвернувшихся под руку клочках бумаги. Наконец, через четыре дня после речи священника в зале собраний, он принял свое очередное судьбоносное решение. Десять лет назад девятнадцатилетний юноша, сидевший в убогой муниципальной столовой в Неаве, решил учиться самостоятельно, чтобы, не закончив и средней школы, оказаться не менее образованным, чем его сверстники, выпускники университетов. Сейчас двадцатидевятилетний мужчина, оправлявшийся после ранения в госпитале Квезапаля, понял наконец, для чего нужны были два выученных языка, десятки тысяч прочитанных и проанализированных страниц, многочисленные конспекты, дискуссии, речи и монологи.

Он будет политиком.

В тот же день Офальд попросил о выписке и направлении во 2-й Вабаярийский пехотный полк в Хеннюме, в первый запасной батальон которого и был направлен неделю спустя.

В главном городе Вабаяри Телгир в первый же день повстречал старого фронтового товарища Стрэна Дшимта, бок о бок с которым прослужил много месяцев при штабе полка имени Тилса. Приятели тут же поклялись не разлучаться и вместе противостоять всем сложностям, которых Хенниом припас для них в большом количестве.

За две недели до прибытия Офальда в Вабаяри здесь произошла быстрая бескровная революция, предводителем которой был импозантный коренастый йерев Трук Ресэйн, уроженец Инбрела, известный каждому жителю Хенниума своей окладистой седой бородой, пенсне и огромной черной шляпой, неизменными атрибутами всех политических карикатур на Трука. Этот бывший редактор газеты "Вертфорс", журналист, критик и выходец из Социал-Демократической партии участвовал в хенниомских забастовках еще в январе, едва избежал тюрьмы по обвинению в государственной измене, и в начале ноября с несколькими сотнями горожан без единого выстрела занял здание парламента Вабаяри, провозгласил падение королевского режима Игдюлва Третьего, который, как и император всей Римнагеи, сбежал за границу, и образование Вабаярийской Социалистической республики. Он с самого начала заявил, что не собирается превращать свою область Римнагеи во второй Сясиор, ставший Сясиор-

ской Советской республикой, где коммунисты объявили о грядущем упразднении частной собственности и всеобщем равенстве. Ресэйн выступал за защиту частной собственности и быстро нажил себе множество врагов, как в крайне правом лагере, считавшем его отъявленным коммунистом и презиравшем его как йерева, так и в крайне левом, недовольном слишком поверхностными социалистскими воззрениями Трука.

Телгиру и Дшимту объявили в казарме о распоряжении бывшего вабаярийского короля, которому Офальд присягал каких-то четыре года назад, считать все обязательства перед старой властью недействительными. Чиновникам, солдатам и офицерам предлагалось действовать дальше без оглядки на данную им присягу. Уже на следующий день после захвата Ресэйном парламента командующий вабаярийскими войсками генерал Лайпешдь заявил, что офицерский корпус с радостью переходит на службу народному государству. Ни солдаты, ни полицейские, ни чиновники не возражали против смены власти, быстро приспособившись к новому порядку вещей. Никто не решился обнажить оружие в защиту королевского дома, да и просто возмущаться свершившейся революцией в Хеннюме люди, кажется, не собирались. В армии командовали солдатские советы, и Вабаяри вскоре охватил настоящий хаос.

– Это какая-то крысиная возня! – горячо говорил Офальд Стрэну, когда они поневоле вынуждены были остаться в ка-

зарме полка и их привлекли к караульной службе. – Тарепи-орм Мильвельг протянул руку примирения вождям ксармизма, но у этих негодяев нет и не было чести. Уже держа руку императора в своей руке, они нащупывали кинжал другой, чтобы выполнить свою миссию. Их единой целью является уничтожение Римнагеи и римнагского народа, который они успешно пачкают в своих красных тряпках, приспособливают к собственному ничтожеству и в конце концов растворяют в ордах себе подобных чужаков. Никакое примирение с этими йеревами невозможно. Должен быть однозначный выбор: либо мы, либо они!

Дшимт кивал, соглашаясь, довольствуясь столь любимой Телгиром ролью всеодобряющего молчаливого слушателя. Помимо несения караула приятели решили записаться на сортировку военного обмундирования, где рассчитывали немного подзаработать: с деньгами в стремительно нищающей стране было совсем туго. Инфляция съедала жалкое военное жалование со всеми надбавками за выслугу лет, награды и ранения. Несмотря на постоянную занятость, Офальд вернулся к самообразованию, много читал, с удовольствием изучал брошюры и листовки Римнагского Национального союза с их крайне антийеревской риторикой и в любое свободное время проговаривал многочасовые страстные монологи о своем отношении к окружающей его действительности, хотя единственным его слушателем по-прежнему был лишь Стрэн Дшимт.

В начале февраля, через две недели после того, как на выборах в парламент Вабаяри независимые социал-демократы получили меньше 3% голосов (а победила на них Католическая Вабаярийская народная партия), что означало отставку правительства, первому запасному батальону объявили о наборе добровольцев в охрану лагеря для военнопленных в Шартуйнанте, красивом городе в гористой местности в ста километрах к юго-востоку от Хенньюма. Телгир тут же записался, уговорив сделать это и Дшимта. Обоим хотелось сменить обстановку: они устали от однообразной тупой работы на сортировке и бессмысленных караулов, кроме того, охранникам лагеря полагались различные льготы и поблажки. Через неделю приятели в числе еще двух десятков солдат из 2-го пехотного полка прибыли в Шартуйнантский лагерь, где содержались пленные из Рифаянца и Сясиора, которых нередко использовали для работ в городе и его окрестностях. Офальд и Стрэн поселились в чистых симпатичных домиках, оставшихся от прежних охранников, распущенных по домам стариков из ополчения, и приступили к своим не слишком обременительным обязанностям.

Всего девять дней спустя в Хенньюме произошло громкое убийство. Племянник того самого Лайпешдя, который сразу же после смены власти объявил о лояльности войск народному правительству, Нотан Коар Ливэл, застрелил Трука Ресэйна, направлявшегося в парламент, чтобы официально сложить с себя полномочия главы Вабаяри. Выяснилось,

что убийца возненавидел Ресэйна за то, что он был ксармистом, йеревом, уроженцем Инбрела и пацифистом. Особенный гнев Нотана и стоявших за ним ультраправых вабаярийцев вызывали публикации документов под эгидой Трука, в которых римнагское руководство прямо обвинялось в агрессии и развязывании разрушительной Великой войны. Убийство Ресэйна повлекло за собой перестрелку в парламенте, где один из коммунистов тяжело ранил председателя вабаярийского отделения Социал-Демократической партии и убил одного из референтов. Хенньюм бурлил, и атмосфера в главном городе Вабаяри мало чем отличалась от кипящего котла, в который уже превращался в декабре Инбрел, где пытались свергнуть правительство, на улицах воздвигались баррикады и происходили вооруженные столкновения.

В начале марта лагерь в Шартуйнанте ликвидировали, после чего Телгир и Дшимт были вынуждены вернуться в беспокойный Хенньюм. Офальд заразился всеобщим беспокойством, он с трудом выдерживал вынужденное бездействие, когда вокруг происходили политические события, на которые он, ивстаярец без имени, денег и образования, никак не мог повлиять.

– Ты даже не представляешь себе, – горячо говорил он Стрэну, – какое количество планов рождаются, проживают свою короткую жизнь и умирают в моей голове каждый день. Мы на пороге невероятных, судьбоносных изменений в наших судьбах и в судьбе нашей страны. Бог видит, я бы хотел

принимать самое деятельное участие в этих изменениях!

– Но ты можешь вступить хотя бы в Союз защиты и борьбы римнагского народа, – замечал Дшимт. – Ты ведь, кажется, разделяешь их взгляды.

Одна из листовок этого Союза, украшенная сактвиасом, висела над койкой Телгира в казарме и призывала разрушить планы мирового йеревского господства, выслать всех йеревов подальше и казнить спекулянтов и коммунистских агитаторов.

– Нет, дорогой друг, я не могу присоединиться к этому полуаморфному еле живому телу, – задумчиво отвечал Телгир. – Надо признаться самому себе: не имея хоть какого-то имени, я не располагаю ни малейшими предпосылками для какой-нибудь целенаправленной деятельности. Но мое время придет, я в этом не сомневаюсь.

Сактвиас, символ, известный еще с глубокой древности, Офальд впервые встретил в трудах Довига Тилса, ивстаярского поэта и оккультиста, сторонника Ершнере и Реюгэла, одним из первых высказавшего идею о божественном происхождении римнагского народа, который, по его мнению, принадлежал к высшей ацеирской расе, зародившейся среди северных льдов много сотен лет назад и заселившей Римнагею. В статьях и книгах Тилса честные и духовно богатые ацеиры, светловолосые голубоглазые гиганты с правильными чертами лица, выгодно отличались от приземистых, носатых, черноволосых, подлых и хитрых йеревов. Первые, с их символом

сактвиасом, напоминавшем крест с перпендикулярными ответвлениями на его концах, были образцом для подражания и квинтэссенцией всего того лучшего, что можно было найти в человечестве. Вторые, с их звездой, составленной из двух треугольников, становились воплощением всех людских пороков. Несмотря на явный примитивизм подобного сравнения, у него в Римнагее было множество сторонников, как среди политиков и общественных деятелей, так и среди простого народа. Сактвиас избирали своим символом ячейки панримнагцев в Ивстаяре, а теперь сразу несколько небольших объединений в самой Римнагее украшали им свои брошюры, листовки и воззвания. Телгир, верный своему принципу собирать по крупицам все, что могло бы ему пригодиться в его предполагаемой карьере политика, отмечал для себя строгую привлекательность и общее выражение силы, таящиеся в сактвиасе. Его мозаика из множества сведений об истории, психологии, политике, оккультизме, антропологии и мифологии становилась все более полной, благодаря невероятной памяти этого самоучки и умению сопоставлять и анализировать факты, тщательно отбирать и соединять самые разнообразные знания. Он и сам не знал, что пригодится ему впоследствии, но рачительно собирал знания о символизме сактвиаса у Тилса, коротком и хлестком приветствии ершнерианцев "айльх", идеях тотального избавления от чужеземцев Рэюгела и предложении Ори метить всех бродяг татуировкой с номером на предплечье. При этом Офальд

прекрасно осознавал, что он и на этом пути так и останется всего лишь копировальщиком, точно таким же ремесленником, каким он был, перерисовывая открытки в Неаве. Он сознательно выбрал этот путь, накапливая знания, внимательно отслеживая реакцию различных групп населения на все происходящее в Хеннюме, аккумулируя все увиденное, услышанное и прочитанное в своих мысленных конспектах, вырывавшихся наружу в виде монологов, бессменным слушателем которых оставался Стрэн Дшимт. Телгир искренне ненавидел всех смоткинумских ораторов и агитаторов, перевернувших всю Римнагею за каких-то несколько месяцев, откровенно и не скрываясь называя их кучкой йеревских негодяев, однако втайне понимал, что, если он хочет стать по-настоящему успешным политиком, он должен пойти их дорогой и повторить их успех с шумными обещаниями, логическими выводами, построенными на отлично продуманной идеологии, убедительной риторикой, красивой символикой, хлесткими злыми тезисами и великолепной уверенностью в себе и своих утверждениях. Политические платформы "негодяев" и Телгира были диаметрально противоположными, однако средства для достижения их целей не должны были отличаться практически ни в чем.

Офальд по-прежнему, как и в Неаве, старался быть в курсе всего происходившего в Вабаяри, Римнагее и вообще во всей Повере. Он читал множество газет и журналов, в свободное от дежурств время присутствовал на митингах, вни-

мательно прислушивался к дискуссиям и спорам, увлеченно проглатывал любые печатные издания, от скверных от-тисков воззваний к истинным патриотам Римнагеи за авторством малочисленных ультраправых вабаярийских диссидентов, до многостраничных брошюр на глянцевой бумаге, издававшихся на деньги йеревских финансистов, поддерживавших ксармистскую риторику.

Бурная политическая жизнь в Хеннюме, за которой пристально наблюдал Телгир, к концу марта превратилась в настоящий парад недовольства и неуверенности, которые выказывали абсолютно все партии и политические течения Вабаяри, от Крестьянского союза до социал-демократов. В конце концов, по следам Гириявена, отделившегося от Ивстаяра еще прошлой осенью и ставшем коммунистическим в марте, так называемые "народные представители" после выступления нескольких сясиорцев, прибывших в Хеннюм поддержать коммунистов, в начале апреля объявили Вабаяри советской республикой. Произошедший неделю спустя путч, во время которого несколько десятков бойцов из оккультного общества Лету, названных по имени легендарной северной страны, откуда, как они верили, произошли ацеиры, попытались сместить действующую вотескую власть, потерпел неудачу. Нелепой Вабаярийской коммунистической республике неожиданно помогло военизированное крыло независимых социал-демократов, после чего Хеннюм вновь объявил себя красным. У города появился комендант, матрос

Трук Форьхелэге, ставленник сясиорских коммунистов, которому едва исполнился 21 год.

* * *

На следующий день после путча Офальд и Стрэн после дежурства отправились в пивную неподалеку от площади Лацпирамен, где традиционно собирались члены Лету, правые активисты и другие противники ксармистов и коммунистов. Когда приятели вошли в полутемный просторный зал с длинными деревянными столами, в самом разгаре был стихийный митинг. Сев за один из столов неподалеку от вызвышения для ораторов, Телгир и Дшимт огляделись. Выступавшего молодого человека, плохо выбритого невысокого хеннюмца с редкими зубами и высоким лбом, слушали невнимательно. Молодой человек часто повторялся, суетливо потирал потные руки, говорил с сильным инбрелским акцентом, передергивал плечами и вообще, как довольно громко сказал Офальду и Стрэну их сосед, плотный мужчина средних лет с красным лицом и сизым носом, "жевал кашу из своего же дерьма". Оратор приступил было к особенно заковыристому пассажи, запутался, замекал, и слушатели застучали кружками по столам, требуя, чтобы тот замолчал и ушел с трибуны. Дшимт повернулся к приятелю и вдруг увидел, как тот подобрался, словно пантера перед прыжком. Губы Телгира сжались в тонкую линию, глаза загорелись, усы

встопорщились черной щеточкой. Он вскочил, смахнув на пол фуражку, и, даже не заметив этого, вылетел на трибуну.

Публика встретила нового оратора прохладно, но это не смутило Офальда, заложившего левую руку за спину, и начавшего говорить размеренными короткими фразами, отсекая каждый свой тезис сжатой в кулак правой рукой. Голос Телгира менялся, переходя от вкрадчивого почти мурлыкающего баритона к хриплому пронзительному тенору. Уже через минуту все присутствовавшие в пивной обратились в слух, а речь говорившего полилась более плавно, но от этого не менее страстно.

– Убийство Ресэйна, – говорил Офальд, – лишь ускорило течение событий. Вместо плавного выдавливания с политической сцены Вабаяри этого недоправительства слабых социал-демократов, которое несомненно исчезло бы с лица земли с течением времени, мы получили советскую диктатуру, вернее сказать, засилье красных йеревов. Организаторы этой гнусности называют себя патриотами – хотя на самом деле они столкнули с рельсов лишь набравший ход поезд настоящей римнагской власти. Где мы оказались сейчас? В переполненном ксармистским отродьем Хенньюме, опоганенной красными вырожденками колыбели римнагской цивилизации. Они уже празднуют свою йеревскую победу, они запрещают нам выходить на улицы после восьми вечера, забирают у хенньюмских детей молоко, чтобы отдать его своим коммунистским солдатам, они под ярлыком конфискации на

нужды республики обворовывают самых богатых и добропорядочных римнагцев, чтобы нацепить на своих прокуренных шлюх с их красными платками на головах наши фамильные драгоценности, веками передававшиеся от матери к дочери и от сына к отцу. Они надпечатывают свои символы на наших старых банкнотах и не понимают, что вся эта советская грязь – не более чем крошечная надпечатка на одном-единственном листе многотомной истории великой римнагской нации, которая вот-вот сметет их без остатка, не оставив даже пепла от их красных знамен и звука от их напыщенных лживых речей!

Телгир говорил больше сорока минут, и его не прервали ни разу. Когда он закончил, все полсотни человек, находившиеся в пивной, вскочили на ноги и зааплодировали. Среди них был изумленный Стрэн Дшимт, впервые видевший своего старого боевого товарища во время публичного – да еще и такого успешного! – выступления. Офальд сошел с трибуны под несмолкаемые грохот аплодисментов. Его лицо порозовело, губы растягивались в блаженной улыбке, глаза чуть-чуть косили. Собравшиеся в пивной сгрудились вокруг оратора, хлопали его по плечу, пожимали руку, предлагали угостить пивом, и никто из них не заметил, как быстро выскользнул за дверь невысокий стройный молодой человек с аккуратным пробором и тонкими светлыми усиками, слушавший Телгира с большим вниманием и сидевший в самом дальнем углу пивной.

Глава двадцатая. 30 лет

Хенниом, Римнагея. Апрель – июль

Через неделю после своего тридцатилетия, ясным воскресным утром Офальд проснулся от грубого стука в дверь казармы. Он снова работал допоздна, читая интереснейший с его точки зрения труд некоего герра Фрусхина о предполагаемом влиянии ацеирской крови на потомство чужеземцев и конспектируя самые острые места. Эту книгу, изданную благодаря сбору средств, организованному обществом Лету, передал Телгиру один из слушавших его в пивной две недели назад вабаярийцев, отставной военный по имени Стентор, зазывавший Офальда и Стрэна немедленно присоединиться к обществу. Книгу Телгир взял, но связывать себя каким бы то ни было обязательствами пока не спешил. Он неожиданно для себя обрел пару десятков единомышленников, разделявших его взгляды, среди которых даже были три-четыре его горячих поклонника. Теперь Офальд точно знал, что он способен убеждать и вести за собой людей, пусть это пока еще всего лишь двадцать завсегдатаев небольшой пивной в центре Хенниума. Однако, как и куда приложить свои новообретенные умения Телгир все еще не решил. В Вабаяри дело дошло уже до открытых столкновений между коммунистами и правительственными войсками, посланными Инбрелом с целью уничтожить советскую власть. Офальд должен

был выждать, чтобы окончательно убедиться, как действовать дальше.

Стук повторился, и Телгир быстро вскочил со своей койки. Просторная казарма с низким потолком была пуста: воскресные дни солдаты, которым не надо было дежурить в части, старались проводить в городе, а Стрэн демобилизовался еще в начале апреля, и теперь подрабатывал рисовальщиком вывесок. В одних кальсонах Офальд добежал до двери.

– Кто? – хриплым со сна голосом спросил он.

– Открывайте, – донеслось из-за массивной створки, – советская власть.

Телгир стремительно ринулся к своему шкафчику, крикнув на ходу:

– Одну секунду!

Он мгновенно напялил на себя выгоревшую рубашку военного образца с красной повязкой на рукаве и темно-зеленые штаны свободного покроя, метнулся к общему письменному столу, где с ночи лежала книга Фрускина, затолкал ее вместе со своим блокнотом под чью-то кровать и вытащил из бокового ящика клеенчатую тетрадь и пухлый потрепанный том. В дверь заколотили с удвоенной силой, кажется, прикладом. Офальд раскрыл книгу, бросил на столешницу тетрадь и бросился открывать. В комнату ворвались три небритых матроса с винтовками. От всех троих несло кислым духом невымытых тел и перегаром, на форменных фуражках пла-

менели красные кокарды, напомаженные чубы лихо топорщились над лбами. Старший матрос, конопатый детина с самокруткой в зубах, оглядел Телгира с головы до ног.

– Что так долго? Прятал чего?

Офальд робко улыбнулся.

– Нет, просто не мог же я открывать в одном белье. Заходите, товарищи.

Матросы переглянулись и заржали. Самый низкий из них, с короткими ногами и рыжей бородой зацокал языком:

– Эка невидаль! Ты думаешь, мы мало вас, червей-товарищей, в одном белье видели?

Он хотел было добавить еще что-то, но старший поднял руку и внимательно посмотрел Телгиру в глаза. Смех стих.

– Имя, звание, должность? – процедил он.

– Стрэн Дшимт, доброволец из второго пехотного ваба-ярийского полка, четвертой роты. Выполняю ответственное поручение товарища Форьхелэге, веду просветительскую работу в армии.

– Ты – и поручение товарища коменданта? – презрительно спросил старший. – Какую такую работу?

– Вот, вчера до трех часов ночи готовил речь по Руфэртской программе товарища Тикасуйка, – с готовностью показал Телгир на письменный стол, – с пояснениями касательно нынешнего положения дел в Хеннюме.

Матросы лениво подошли, посмотрели, полистали. Старший смачно харкнул на пол.

– Грязно у тебя тут, доброволец. Покажи удостоверение.

Офальд поспешно полез в нагрудный карман рубашки и протянул документы матросу. Тот небрежно посмотрел, поковырял ногтем чернильные завитушки, и бросил удостоверение на стол.

– Скажи-ка, Стрэн, – деловито сказал он. – А нет ли тут у вас в казарме такого мерзкого капиталистского ублюдка по фамилии Телгир? Волосы темные, усы, примерно как у тебя, рост средний? Он, знаешь ли, воду мутит, власть ругает, указы новые предлагает игнорировать. Не слышал?

– Никак нет! – по-военному вытянулся Телгир. – У нас таких негодяев не было.

Коротконогий опять заржал, ткнув приятеля, крепкого мрачного парня с глубоким шрамом через правую щеку, локтем в бок.

– Ишь, глянь: никак нет! Солдатики-касатики!

Мрачный растянул губы в улыбке, да и старший матрос усмехнулся.

– Значит, точно нет такого?

– Нет, – подтвердил Офальд, – но сам я тут недавно совсем. Может, этот ваш Тел... как его там? Телриг? перевелся куда?

– Может, и перевелся, – задумчиво протянул старший. – Ладно, агитатор, агитируй за советскую власть. Сам видишь, какие дела делаются. Со всех сторон капиталисты Хенниом обложили. Тут тебе и церковь, и офицеры-белоручки, и сту-

денческая шантрапа – все на нас поперли. Ничего, раздавим
вшей. И заживем. – Он снова сплюнул, закурил свою само-
крутку и повернулся к своим. – Пошли отсюда.

Матросы отправились к двери. Коротконогий с мрачным
уже скрылся за массивной створкой, когда старший обер-
нулся и внимательно посмотрел на Телгира горящими чер-
ными глазами.

– Если вдруг появится этот, с волосами и усами, ты же нам
сообщишь, товарищ?

– Так точно! – гаркнул Офальд, выпучив глаза.

– Точно, точно, – вздохнул старший, и вышел, сильно
хлопнув дверью.

На негнущихся ногах Телгир подошел к своей койке и
рухнул на нее, не почувствовав боли в ушибленном о желез-
ную ножку мизинце. По его шее катились крупные капли по-
та, хриплое дыхание участилось. Он вытер взмокший лоб,
откинув назад непокорную челку, провел ладонью по щекам,
ощутив утреннюю щетину и громко, всласть, выругался. От-
тирая плевки старшего матроса и морщась от отвращения,
Офальд еще раз ощутил, как же чертовски ему повезло.

* * *

Они со Стрэном вернулись в пивную, свидетельницу его
триумфа, через три дня после памятного выступления. За-
всегда и приветствовали Телгира приветственными возгла-

сами, кто-то принес ему полную кружку темного пива, к которой он так и не притронулся, кто-то спросил о его дальнейших планах в это "гнусное время". Офальд держался учтиво, старательно гася горделивый блеск в глазах и оставаясь одинаково приветливым со всеми подошедшими, хоть и посчитал добрую половину из них туповатыми ни к чему непригодными приказчиками, блеющими, словно стадо баранов, оставшееся без пастуха. Пасти подобных личностей ему не слишком хотелось. Но были среди этой публики и люди весьма полезные. Один из них, входивший в число тех самых трех-четырех горячих поклонников Телгира, весьма вероятно спас ему жизнь.

– Послушайте Офальд, – мягко сказал этот немолодой интеллигентного вида хеннюмец в недорогом, однако приличном костюме. – Вам следует побережться с такой откровенностью.

К тому времени посетители пивной расселись по разным столам, и рядом с Дшимтом и Телгиром остались только два-три человека.

– Сейчас в Хеннюме развелось слишком много красной сволочи, – продолжал говоривший. – С виду обычные горожане, вот только в головах сплошной Ксарм и коммунистическое светлое будущее. Эти идейные даже без всякой вербовки и спецзаданий готовы сдать советской власти любого инакомыслящего, особенно такого громко говорящего, как вы.

Телгир с беспокойством смотрел на немолодого мужчину.

– Не волнуйтесь, я не двойной агент. Вот эти господа, – он указал на своих соседей, – подтвердят вам, что я люблю ксармистских горлопанов не больше вашего. Знакомьтесь, это Стентор, бывший военный, а это Тарним, он был когда-то одним из лучших хенньюмских портных, но проиграл конкуренцию йеревскому ателье. Меня зовут Фрамден Рекел, и у меня остались неплохие связи в некоторых кругах, чтобы помочь вам избежать красной опасности.

Офальд представил Стрэна и мужчины некоторое время обменивались ничего незначащими фразами, обычными при знакомстве, пока Рекел не возобновил разговор об угрозе каждому, кто осмелится свободно и громко высказывать свои мысли в Вабаярийской Советской республике.

– Вы должны быть крайне осторожны, – поучал он Телгира. – Притворитесь агитатором, заведите себе соответствующую коммунистскую одежду, напишите конспект какого-нибудь кошмарного ксармистского фолианта и всем интересующимся показывайте, что готовитесь к очередной речи во славу коммунистов и иже с ними. Поверьте, подобные предосторожности в наше время лишними не будут. Все, кому надо, будут знать, кто вы на самом деле, и какие идеи исповедуете. А остальным об этом докладывать необязательно. Остерегайтесь, Офальд. В Хенньюме даже у стен уши давно покраснели.

Через несколько дней, когда Стрэн демобилизовался и по-

кинул казарму, к Телгиру пришли Фрамден и Тарним с книгами, одеждой и неожиданным вопросом.

– Скажите, а ваш приятель, Дшимт, он хеннюмец?

– Нет, – удивленно ответил Офальд. – Он родился в семье мельника на севере Римнагеи, и, насколько я знаю, родни в Хенньюме и вообще в Вабаяри у него нет.

– Прекрасно, – отчего-то обрадовался Рекел. – Вы оба темноволосые, худощавые, среднего роста и носите усы. Это замечательно.

Через день Телгир впридачу к объемистому труду Тикасуйка и гимнастерке с красной повязкой получил удостоверение на имя Стрэна Дшимта. Своему приятелю он об этом сообщить не удосужился.

* * *

В конце апреля правительственные войска начали штурмовать Хенньюм. Комендант города Форьхелэге, за две недели до этого приказавший всем жителям города сдать оружие под угрозой расстрела, с тревогой наблюдал, как на стенах городских зданий словно по мановению волшебной палочки появляются листовки, призывавшие вабаярийцев вступать в добровольное народное ополчение. Воззвание подписывали представители большинства партий и церкви, однако хенньюмцы не спешили рисковать жизнью, предпочитая выждать и посмотреть, какая из сторон одержит победу. В Вабаяри

началась настоящая гражданская война. Наступавшие расстреливали всех попавшихся под руку римнагцев и сясиорцев, встретившихся им с оружием в руках, а представители советской власти убили десятерых членов общества Лету. Военно-полевые суды с обеих сторон штамповали самые невероятные приговоры целыми пачками, и тут же, на месте, приводили их в исполнение.

Наконец, когда противники красных уже заняли окраины города, Форьхелэге обратился к хенньюмскому гарнизону, по-прежнему сохранявшему нейтралитет, с призывом взять в руки оружие и вместе с частями сясиорской армии, пришедшей на подмогу братьям-коммунистам, защитить город от капиталистских прохиндеев. Некоторые части, которые никак не могли решиться, на чью сторону встать, решили провести голосование среди личного состава. На общем собрании в казарме Телгира фельдфебель Серсюлш, краснолицый плотный мужчина с луженой глоткой и огромными седыми усами, предметом восторгов окрестных дам среднего возраста, выступил с короткой речью, в которой предлагал их части соблюсти нейтралитет и не ввязываться в сомнительное побоище. Когда Серсюлш замолчал, солдаты по-прежнему не могли прийти к общему решению. Тогда на стул вскочил Офальд.

– Братья! – горячо заговорил он, и гул солдатских голосов тут же стих: все, включая фельдфебеля с удивлением смотрели на обычно молчаливого и мрачного капрала. – Мы с ва-

ми не революционная гвардия для сбежавшихся со всего Ва-
баяри йеревов, и не полицейская охрана коммунистического
митинга. Послушайте фельдфебеля Серсюлша, мы должны
сохранять нейтралитет.

Телгир спрыгнул со стула и понял, что этого короткого вы-
ступления оказалось достаточно, чтобы удержать его товари-
щей от военных действий на стороне Форьхелэге с его совет-
ской властью. Офальд вовсе не был самым популярным сол-
датом в батальоне (скорее, наоборот), и не пользовался осо-
бым уважением со стороны однополчан. Он просто коротко
и точно выразил мнение большинства, вовремя поддержав
Серсюлша.

Всего через несколько дней советская власть пала, и ад-
министративная власть в Хеннюме оказалась в руках воен-
ных. Легенда о принадлежности к коммунистским агитато-
рам сыграла с Офальдом злую шутку: его быстро арестовали
вошедшие в город солдаты. Правда, уже на следующий день
в комендатуру явились несколько офицеров из хеннюмского
гарнизона, подтвердивших, что капрал Телгир даже не по-
мышлял об измене Римнагее и Вабаяри. Под их давлением (а
во многом, благодаря хаосу и неразберихе, царившим в Хен-
нюме в те дни) Офальда тут же отпустили, посмотрев сквозь
пальцы даже на использование подложных документов.

Через три дня вездесущий Рекел сообщил Телгиру, что
его кандидатуру всерьез рассматривают для членства в ко-
миссии по расследованию революционных событий, прико-

мандированной ко второму пехотному полку. У Фрамдена были невероятные связи в среде всевозможных канцеляристов, поэтому Офальд ни на секунду не усомнился, что его сведения верны.

– Что вы мне посоветуете? – с тревогой спросил он у своего старшего друга. – Соглашаться? Это может иметь не слишком приятные последствия: шпииков и доносителей никто не любит.

– Даже не сомневайтесь, Офальд, – рассудительно говорил Рекел. – За вас поручились ваши же офицеры, и в ваших интересах поскорее предать забвению этот нелепый арест, который пусть и не имел под собой никаких оснований, но тем не менее остался в вашей биографии.

– Вы правы, Фрамден. От таких предложений не отказываются.

Назавтра Телгира вызвали в штаб полка, где он быстро согласился с предложенной работой и рьяно принялся за дело. Одной из главных его задач было выявление унтер-офицеров и солдат, сотрудничавших с советской властью и стоявших на стороне коммунистов. Некоторую часть необходимых сведений добывал для него Рекел, со всем остальным Офальд справлялся сам. В пивной неподалеку от Лацпирамен он рассказывал о своей деятельности напыщенно:

– Я готовлю обвинительные документы, которые проливают ясный свет на невообразимую гнусность предательских действий йеревской диктатуры в Хеннюме.

В действительности вабаярийские суды не могли поручить Телгиру составление хоть каких-то документов, поскольку у него не было юридического образования. Однако он работал усердно и был на хорошем счету у начальства, которое в начале июня направило Офальда на недельные курсы повышения квалификации.

Ясным солнечным днем, стоя у огромной арочной двери Хенньюмского университета на Тиратсезесешнер, Телгир вытащил из кожаного портфеля направление на курсы и в десятый раз прочел: "Под защитой молодой армии должны быть проведены в жизнь разумные основы внутривнутриполитического устройства нашей родины. Лишь после того, как государство вновь станет хозяином в собственном доме, станет возможным улучшение внешнеполитической ситуации. Таким образом, армия – это краеугольный камень, на котором зиждутся остатки и начала нашего экономического и государственного права на самоопределение. Следовательно, возникает необходимость пробудить в армии, с одной стороны, усиленное чувство ответственности и самоотверженности, а с другой – понимание политических принципов и национальное самосознание. Политическое просвещение в войсках должно стоять над партиями, оно должно быть народным, но в то же время научно доказательным".

Поправив фуражку, капрал Офальд Телгир толкнул тяжелую дверь.

Впервые за последние четырнадцать лет Телгир получал пусть краткосрочное, но системное и невероятно интенсивное образование. Курсы, оплачиваемые инбрелским военным командованием и частными пожертвованиями римнагских патриотов (слушатели каждую лекцию начинали аплодисментами в их адрес), включали в себя следующие лекции и семинары: Римнагская история последних четырех столетий, Политическая история войн, Теория и практика социализма, Экономическая ситуация в Римнагее и условия мирного договора, Взаимосвязь внутренней и внешней политики. Лекторами были профессора, доктора наук и писатели, и Офальд, с его невероятным багажом знаний и великолепной памятью, будучи, к тому же, одним из старших в своей группе, в первый же день стал признанным лидером, с удовольствием разбирая, поясняя и комментируя только что пройденный материал сразу после того, как лектор замолчал и выходил из класса. Вокруг капрала немедленно собирались восхищенные слушатели, задавая вопросы и поражаясь, насколько быстро и доходчиво Телгир разъяснял самые сложные моменты только что прослушанной лекции, снабжая их исключительно точными и ясными комментариями. Через несколько недель практически тем же составом группа встретилась на новых курсах, где подавались уже более

сложные темы: от значения армии для экономики государства и места Вабаяри в составе единой Римнагеи до ценовой политики в народном хозяйстве и экономике при диктатуре коммунистов. Офальд впервые столкнулся с проблемой международного биржевого и ссудного капитализма, а также углубился в изучение финансовых вопросов – темы, которую он при всей своей тяге к самообразованию всегда избегал. Однако преподаватели излагали свой материал вполне доходчиво, и Телгир чувствовал, что его смутные догадки облекаются в обоснованные тезисы, а вопросы, которые он оставлял за неимением профильных знаний действительно получают научно-доказательные ответы.

Наиболее активные участники курсов во время обсуждения пройденного материала не раз и не два высказывали идею о том, что Римнагея, обсуждающая унижительные условия мира после позорного поражения в Великой войне, не может быть спасена партиями, участвовавшими в революционных столкновениях в прошлом ноябре, центристами, беспомощно болтавшимися между враждующими сторонами, или крестьянскими и религиозными течениями, оказавшимися бесполезными в условиях настоящего кризиса. Эти молодые люди, пережившие за несколько лет большую войну, предательство властей, несколько смен государственного строя, серьезные политические и экономические кризисы жаждали изменений. Офальд, бывший неизменным центром этих обсуждений, соглашался с мнением большинства:

Римнагее нужна партия с социал-революционным направлением, которая должна была дать народу ожидание чего-то принципиально нового.

Профессор Рюмлел, читавший на курсах лекции о римнагской истории и политической подоплеке войн, заметил ораторский талант Телгира, разъяснявшего слушателям основные тезисы лектора. В конце июля по его рекомендации в только что образованную агитационную команду для военного лагеря в Дельхефле, куда поступали возвращавшиеся из плена солдаты, под номером 17 был включен капрал Офальд Телгир из 2-го хенньюмского пехотного полка.

Глава двадцать первая.

30 лет. Продолжение

Хенниом, Римнагея. Июль – сентябрь

Усталый немолодой человек в военной форме потер красные глаза и покрутил головой, разминая шею. Кисти рук у него были небольшие, красивой формы, но пальцы пожелтели от табака, а ногти были обкусаны чуть ли не до мяса. Встряхнувшись, человек прищурился на тусклый свет настольной лампы, практически не разгонявшей сумрак в углах большого прокуренного кабинета с обшарпанными стенами и новенькой заваленной бумагами мебелью, и продолжил диктовать референту:

– Рассчитывать на регулярное поступление в пересыльный лагерь Дельхефль... записали? возвращающихся из плена военнослужащих. Обстановка в лагере в настоящий момент вызывает опа... нет, не так, давайте: не совсем благоприятна. Есть?

Референт, долговязый юноша с ярким, почти лиловым румянцем на щеках, закивал.

– Хорошо... Нам известно, что... Нет, лучше: поступают сведения, что возвращающиеся военнопленные, а также многие гражданские лица, находящиеся в Дельхефле... хотя переправьте-ка "лица" на "служащие", да. Так, находящиеся в Дельхефле, куда имеется свободный доступ, неблагона-

дежны. Записали? Теперь предписание: отправить к имеющейся в лагере охране – напишите-ка "охранной команде" – агитационную группу. В состав этой группы выделить нижепоименованных людей, прошедших обучение на курсах, организованных командованием вабаярийской группировки войск. Есть? Ниже не забудьте добавить список лейтенанта Манлена, он должен быть на вашем столе. Продолжим. Просьба учесть особое значение, придаваемое... нет, просто: учитывая особое значение, придаваемое заботе о бывших военнопленных, а также в интересах римнагской армии следует особо подчеркнуть необходимость и важность их... важность зачеркните, просто: необходимость их откомандирования в лагерь Дельхефль. Записали? Отлично, зачитывайте.

Пока референт зачитывал приказ ломким высоким голосом, майор Гепрар, начальник штаба четвертой римнагской армии, подавлявшей восстание в Хенниуме, расхаживал по своему кабинету. Он не спал больше суток: после ночной поездки в лагерь для военнопленных и утренним многочасовым совещанием в штабе последовала молниеносная командировка в городок Ухада в двадцати километрах от Хенниума, где шло следствие по делу о расстреле красными сорока заложников по прямому указанию Форьхелэге, затем Гепрар отправился в инспекционную поездку по тряской дороге: неподалеку от деревушки Бренштагр силами сясиорских пленников строились новые казармы для местного гарнизона.

Вернувшись в Хеннюм, йомар был вынужден поприсутствовать на приеме в городской администрации, где велеречиво благодарили римнагскую армию за ее "своевременное вмешательство в невообразимо трудные для Вабаяри времена", а потом отправился на новое совещание в штаб. Покончив со всеми этими делами, Гепрар занялся приказом о создании агиткоманды: инбрелское начальство очень беспокоилось об упаднических настроениях, царивших в стане десятков тысяч солдат, возвращавшихся из плена после окончания Великой войны. Только что был подписан унижительный многостраничный Ларвьесский мирный договор, по итогам которого Римнагея теряла колонии, несколько городов и территорий в Повере, обязывалась выплачивать непомерные репарации странам-победительницам, безоговорочно признавала независимость Ивстаяра, с которым неоднократно пыталась объединиться в ходе войны, и, самое главное, признавалась ответственной за развязывание Великой войны.

Гепрар дослушал до конца и утомленно вздохнул.

– Перепечатайте набело и принесите мне на подпись, – махнул он рукой референту. – И прихватите с собой отчеты о снабжении вабаярийских гарнизонов за последние два месяца. До этого времени прошу меня не беспокоить.

Молодой человек выскользнул за дверь и Гепрар опустил-ся в удобное кресло. Он мог подремать целых полчаса.

Свежесозданная агитационная команда была призвана успокоить и вдохнуть новые надежды в потерявших веру в свое отечество деморализованных солдат, однако на деле, помимо этих благородных целей, вливала в них жажду мести и ненависть к врагам, причем от внешних неприятелей агитаторы быстро перешли к внутренним. Капрал Офальд Телгир вдохновенно приступил к своим новым обязанностям и быстро заслужил уважение новых сослуживцев и одобрение начальства. В штаб полетели лестные для эмоционального оратора характеристики: "увлекает слушателей в ходе выступлений и дискуссий", "умеет завладеть вниманием аудитории", "доводит людей до состояния восторга". Вскоре лектор уже разъезжал по гарнизонам Хеннюма и его окрестностей. В своих речах Телгир нередко упирал на проблемы, из-за которых Римнагея, вместо того, чтобы в годы Великой войны сплотиться и уподобиться железному кулаку, бесстрашно громящему противника, была разъята изнутри ржавчиной и погрязла в стачках и революциях, спровоцированных ксармистскими негодьями и йеревскими коммунистами. Кроме того, Офальд всегда носил с собой текст Ларвесского договора с собственными пометками и комментариями, цитируя и анализируя этот позорный для римнагцев документ чуть ли не в каждом своем выступлении. Один из

пунктов особенно наполнял яростью Телгира, и он с бешеным темпераментом заражал негодованием и свою аудиторию, цитируя его наизусть: "Союзнические и примкнувшие к ним правительства заявляют, а Римнагея признает, что Римнагея и ее союзники, начавшие войну, несут ответственность за все потери и ущерб, понесенные союзническими и примкнувшими к ним правительствами вследствие Великой войны, навязанной им в результате агрессии Римнагеи и ее союзников".

После одного из выступлений Офальда, на котором присутствовал офицер штаба Кранф Ренцло, тот отправил донесение на имя Гепрара, в котором говорилось: "Телгир – прирожденный народный трибун, который своим фанатизмом и близостью к народу может побудить аудиторию к внимательному слушанию и размышлению". В распоряжении Офальда было двое солдат, помогавших носить и раздавать листовки, и капрал всего за два месяца агитационной работы стал довольно популярной в Хеннюмских военных кругах личностью, всюду появлявшейся со своей собственной свитой. Мало того, его назначили на пост "ответственного за просвещение", равный офицерскому (из-за чего Телгир тут же стал именовать себя "офицер по пропаганде"), в одном из хеннюмских полков, где он быстро завоевал сердца и умы солдат. Офальд остался жить в своей части, но теперь вместо общей казармы ему и его солдатам выделили отдельное помещение: крошечный покосившийся домик с крытой дра-

кой крышей и следами от пуль и шрапнели на стенах. Стен-тор, Тарним и Рекел были в восторге от нового статуса их кумира.

– Вы становитесь все более известным, Офальд, – говорил, чуть пришепетывая Тарним. – Идите к своей цели, теперь-то вам уже не сможет помешать красная солдатня и ее прихвостни.

– Вы совершенно правы, говоря, что борьба, а, следовательно, и война – это мать всех вещей, – вторил ему Рекел. – Только в результате такой борьбы в римнагском народе сможет родиться победоносное движение, которое вновь возвысит его.

Телгир коротко кивал: его мысли уже были заняты предстоящим выступлением. После обязательных осанны и фи-миама от своих поклонников он проверял на них новые тезисы.

– Во всей вселенной царит один только вечный отбор, в ходе которого сильнейший в конечном итоге приобретает право на жизнь, а слабейший погибает. История доказывает, что целые народы становились слабыми. Отбор всегда устраняет слабейшего, а сильного делает еще сильнее. Таким образом отдельные живые существа получают возможность развития. Это мировой порядок силы и мощи. Не существует мирового порядка слабости и подчинения, есть только судьба, которая заставляет подчиняться. Я убежден, что на позорном поражении в Великой войне не может закончиться

история великого римнагского народа, разве что он сам откажется от своего будущего.

Все речи Офальда были пропитаны темой борьбы, силы, военной философии, победы и выживания. Он был глубоко убежден, что вся мировая история – это лишь квинтэссенция жестоких войн отдельных рас друг против друга, поражений слабейших и возвышений сильнейших из них. Будучи великолепным оратором, Телгир убеждал в этом десятки и сотни своих слушателей в Хеннюме и его окрестностях.

* * *

К сентябрю политическая жизнь в Вабаяри, напуганном недавними кровавыми событиями, была ключом. Только в Хеннюме зарегистрировались около полусотни различных партий и организаций, причем самые сильные и популярные из них исповедовали ультраправый паримнагизм и выступали против йеревов с коммунистами. Общество Лету, в вабаярийском отделении которого насчитывалось около двухсот последователей, титулованных и известных своими правыми взглядами аристократов, в своей программе прямо говорило: "йерев – наш смертельный враг, и с сегодняшнего дня мы начинаем действовать". Богатая организация (у Лету был свой отель, типография, несколько журналов и газет) оказывала содействие всем партиям и обществам, готовым бороться с йеревами. В начале сентября в Хеннюме прошел громкий су-

дебный процесс: на скамье подсудимых оказались красные, организовавшие и осуществлявшие расстрелы заложников в апреле и мае. Активисты Лету организовали несколько митингов с требованием самого жесткого приговора всем обвиняемым, а также написали весьма дерзкое письмо начальнику хеннумской полиции, в котором обещали "беспрецедентные акции по всему городу", если хоть кого-то из членов организации посмеют задержать или арестовать. Приговор, на радость всем всем панримнагцам, вынесли смертный, и на следующий день казнили шестерых обвиняемых.

Из общества Лету, помимо многих прочих, выросла и Римнагская Рабочая партия (РРП), крошечная организация, насчитывавшая не больше трех-четырёх десятков членов. Командование поручило Телгиру, который помимо ораторской деятельности по-прежнему занимался так называемой "сыскной работой" (то есть проверял солдат и офицеров на предмет симпатий и сотрудничества с красными, а также изучал все новые общества, куда вступали римнагские воины) проверить, что из себя представляет РРП. Армию очень интересовали любые новые партии, поскольку революция, прошедшая в Римнагее в прошлом ноябре, дала солдатам право вступать в политические партии, куда опытным агитаторам было несложно завлечь неопытных и наивных новобранцев. Командование завело целый отдел, который неустанно проверял, что происходит на собраниях, засылая туда своих агентов. Одним из них и стал Офальд.

Теплым сентябрьским вечером он переоделся в штатское – серый костюм с мягкой шляпой и тростью – и отправился в пивную на улице Нертерекш, неподалеку от средневековой стены, опоясывавшей старый Хеннюм. Телгир назвал-ся капралом, указал в качестве места жительства адрес, по которому располагалась его часть, и со скучающим видом вошел в темное полуподвальное помещение. Большие арочные окна днем должны были давать достаточно света, но сейчас просторный зал был освещен довольно скудно. За тяжелыми столами сидели с четыре десятка человек, большая часть из которых по виду была ремесленниками. Среди остальных Офальд без труда распознал нескольких студентов, с пяток солдат и некоторых представителей интеллигенции, вроде учителей или врачей. Доклад делал тридцатилетний Фодгирт Дрефе, экономист, хорошо знакомый Телгиру по летним курсам, на которых тот читал лекции о мировых финансах и много говорил о проблеме "процентного ига". По его словам, национальный мировой биржевой и ссудный капитализм являлся попросту переродившимся ростовщичеством. Залогом роста римнагской экономики по мнению Дрефе было полное разделение национального хозяйства, которое ни в коем случае нельзя было давать на откуп иностранцам, и биржевой системы с ее кредитами и процентным рабством. Фодгирт утверждал, что ксармистская идеология готовит почву для полной диктатуры международного финансового консорциума йеревов.

Телгир в целом соглашался с тезисами Дрефе, но слышал их уже неоднократно, и потому практически не следил за его докладом, изучая публику и делая себе мысленные пометки для отчета командованию. Когда Фодгирт закончил говорить, Офальд собрался было уйти, посчитав Римнагскую Рабочую партию очередным мыльным пузырем, возникшим на фоне всеобщего политического ажиотажа, но тут неприметный рабочий с сухим изжелта-серым лицом, при усах и в очках, объявил, что сейчас начнется свободная дискуссия, и пригласил желающих выступить записаться в очередь. Слово взял некий седовласый мужчина довольно представительной внешности, представленный профессором Нуабамом. Скрипучим голосом этот человек начал плести, по мнению Телгира, несусветную чушь об отделении Вабаяри от Римнагеи и создании союза Ивстаяра и Вабаяри. Всего за два дня до этого вечера Офальд, продолжавший внимательно изучать свежую прессу, прочитал об очередном мирном соглашении, предусматривавшем окончательное разделение Ивстаяра и Гиравена, а также новых границах Пьолаша, только что образованного общего государства ехчей и ковалсов Ковалсехча и еще одной новой страны на карте Поверы – Сиюлягаво, – в которой теперь жили бесиярцы, осняивелцы и вартохцы. Каждому из этих новых государств бывшая Ивстаярско-Гиравенская тарепиормия отдала немалый кусок территории. Таким образом, Ивстаяр превратился в небольшую страну, потерявшую весь свой стратегический и промышленный по-

тенциал. То, что профессор Нуабам предлагал Вабаяри соединиться с этим политическим трупом, вывело Телгира из себя, и он тут же записался в число участником дискуссии.

Когда пришло его время говорить, Офальд камня на камне не оставил от ученого мужа, который бежал из пивной еще до окончания страстной речи оратора. Завершив свое выступление и удостоившись настоящих оваций, Телгир направился к выходу. Уже за дверью его догнал один из присутствовавших на собрании рабочих, и впопыхах представившись, сунул Офальду какую-то брошюру. Это был Нотан Скелрерд, хромоногий слесарь, работавший где-то на на железной дороге. Телгир сухо поблагодарил, сунул книжечку в карман и отправился в казарму, где тут же лег спать, решив заняться отчетом о заседании РРП завтрашним утром.

Проснувшись довольно рано, Офальд вспомнил о брошюре, начал читать и, неожиданно для себя, проглотил книжечку, озаглавленную "Мое политическое пробуждение", в один присест. Это были рассуждения скверного писателя, написанные высокопарным, но косным языком, однако мысли, которые пытался выразить автор, оказались близки Телгиру. Скелрерд писал о создании политической партии, опирающейся на рабочий класс, и, в отличие от социал-демократов, избиравшей основной идеологией идеи национализма. Телгир размышлял о подобных вещах еще в Неаве, и проникся невольной симпатией к небольшой партии, идеолог которой рассуждал в правильном, как ему казалось, ключе, хоть и не

умел облечь свои идеи в приемлемую форму. Офальд встал, оделся, за полчаса управился с отчетом и пошел в штаб, где получил задание от ответственного за пропаганду офицера Райма, назвавшего его "многоуважаемым господином Телгиром", подготовить программный документ с его мыслями об отношении к йеревам и национальному вопросу. Этим двум темам капрал посвящал львиную долю своих выступлений. Прямо в штабе окрыленный Офальд сел за работу над документом с кипой собственных заметок и конспектов, которые носил с собой в кожаном портфеле. Он писал: "Если опасность, которую йеревство представляет сегодня для нашего народа, выльется в его недвусмысленное отрицание со стороны большей части нашего народа, то причину этого отрицания следует искать не в ясном понимании осознанного или неосознанного планомерного пагубного влияния йеревов во всей их совокупности на нашу нацию. Благодаря тысячелетнему кровосмешению, часто осуществлявшемся в самом узком кругу, йеревы в целом лучше сохранили свою расу и свои особенности, чем многие другие народы, среди которых они жили. Таким образом, налицо факт, что среди нас живет не римнагская, а чужая раса, которая не хочет и не может пожертвовать своими расовыми особенностями, отказаться от своих чувств, мыслей и стремлений и которая тем не менее имеет в политическом плане те же права, что и мы. Разумный антийеревизм должен привести к планомерной законной борьбе и устранению привилегий для йеревов.

Его конечной целью неизбежно должно стать полное удаление всех йеревов".

Прокорпев над этим заявлением несколько часов, Офальд отдал его Райму, получил несколько весьма лестных комплиментов и, довольный собой, отправился на собрание комитета 41-го батальона. Вернувшись в казарму к вечеру, Телгир с удивлением обнаружил почтовую открытку на свое имя. Руководство РРП извещало капрала Офальда Телгира, что он принят в ряды Римнагской Рабочей партии и приглашало его на ближайшее заседание комитета, которое должно было состояться в пивной на улице Сенхшастрер, 48, в здании гостиницы "Небродаз".

Прочитав текст на открытке, Телгир не знал, смеяться ему или сердиться. Он не собирался вступать ни в какие существующие в Хенньюме партии, поскольку лелеял надежду о создании собственной. Кроме того, несмотря на присутствие всем военным умение беспрекословно подчиняться приказам, он терпеть не мог, когда какие-либо решения, касающиеся лично его, принимались без его непосредственного участия или против воли. В те дни, когда к его мнению прислушивались сотни хенньюмских солдат, а непосредственное начальство ценило и уважало его позицию по многим политическим вопросам, и нередко просило предоставлять краткие конспекты его речей в качестве агитматериалов, Телгир слишком высоко ценил собственный статус и боялся лишиться его из-за какого-нибудь необдуманного по-

ступка, например – вступления в крошечную, никому неизвестную партию. Офальд сел за колченогий стол и начал было составлять язвительный ответ, где называл свое вступление в РРП "самоуверенным и неприемлемым шагом руководства партии", но, написав всего пару строчек, передумал. Телгиру стало любопытно. Он порвал свой недописанный ответ, решив устно высказать, почему у него нет ни малейшего желания вступать в РРП, и в назначенный час вошел в небольшую боковую комнатку за полутемным залом бедно обставленной пивной. За столом при свете газовой лампы сидели четыре человека.

Часть III. Властвовать

Глава двадцать вторая.

30 лет. Окончание

Хенниом, Римнагея. Сентябрь – февраль

– Добро пожаловать в Римнагскую Рабочую партию! – вскочил, приветливо улыбаясь, Нотан Скелрерд, и горячо пожал Офальду руку. – Меня вы уже знаете, я заместитель председателя партии и возглавляю РРП в Вабаяри.

Остальные трое оказались секретарем комитета, казначеем партии (их имен Телгир не запомнил) и главой РРП, журналистом Ларком Рерхаром, который и вел это заседание, больше похожее, по мнению Офальда, на общение членов жалкого кружка по интересам, игравших в политику. Комитет важно выразил вотум доверия секретарю, зачитал протокол последнего собрания, удостоверился, что в партийной кассе по-прежнему осталось семь с половиной марок и единогласно одобрил ответы Рерхара на письма из Инбрела и Лика. Телгир с нарастающим недоверием смотрел на этих плохо одетых людей, на убогую обстановку небольшой комнаты на задворках заштатной пивнушки, следил за тщательно выверенным и запротоколированным порядком заседа-

ния и не понимал, отчего комитет Римнагской Рабочей партии настолько уверен в большом будущем этого движения и в своем великом предназначении.

Возвращаясь домой и с удовольствием вдыхая прохладный ночной хенньюмский воздух, Офальд напряженно думал о своих дальнейших шагах. Стоит ли ему вступать в партию? Какие перспективы у этой жалкой горстки людей стать мощным движением, способным изменить Римнагею? С точки зрения холодной логики и разума он понимал, что шансов на подобное развитие событий у РРП крайне мало. С другой стороны, Телгир уже не сомневался в собственном даре убеждения и ораторском искусстве, он был полон желания действовать и сознавал, что, вступив в столь малочисленную партию на самом раннем этапе ее развития, он почти наверняка сразу станет одним из первых ее лиц, а вскоре и потеснит лидеров, слабого Скелрерда и тяготеющего к оккультной риторике Рерхара. Офальд хотел заниматься политикой, возглавляя мощное националистическое движение. Однако дорога к подобной цели не обещала быть простой, если вообще была проходима. Он не волновался о деньгах: последние месяцы с наблюдениями за обществом Лету научили Телгира, что привлечь на свою сторону богатых единомышленников дело нехитрое. Больше всего он беспокоился о своей безвестности.

– Я по-прежнему принадлежу к безымянной толпе, – с горечью говорил он несколько дней назад Тарниму, заглянув-

шему в казарму, чтобы занести капралу очередную порцию книг. Тот бросился было возражать, но Офальд мрачно остановил его. – Не спорьте, Тарним. Я все еще один из миллиона, чья жизнь или смерть оставляет совершенно равнодушными даже их ближайших соседей.

Телгир остановился на мосту через реку Рази, напротив внушительного здания, которое король Вабаяри заложил семьдесят лет назад, желая построить роскошный университет для одаренных студентов, и задумчиво посмотрел на черную воду ленивой хенньюмской реки. Он был беден, но мог привести в партию нескольких богачей, которые обеспечили бы как его, так и его движение. У него не было образования, но он знал больше многих других благодаря самостоятельной работе над собой. Он не владел никакой профессией, но был переполнен идеями и энергией, готов к самым решительным действиям и не так давно вовсе перестал испытывать страх перед собственным будущим. Офальд повернулся и решительно зашагал к казарме, полный решимости принять предложение Скелрерда и вступить в Римнагскую Рабочую партию. Уже в субботу он получил вместо временного постоянный партийный билет и стал членом комитета РРП, ответственным за пропаганду.

* * *

Комитет Римнагской Рабочей партии, насчитывавший от

шести до восьми человек и по-прежнему напоминавший небольшой дискуссионный клуб, собирался по средам. На субботу или воскресенье назначались собрания сторонников партии. Приглашения на эти вечера писали от руки или печатали на пишущей машинке сами члены комитета, но результаты были довольно жалкими. В начале октября Телгир лично отпечатал и раздал 80 таких приглашений. Собрание началось с задержкой в целый час, однако и тогда в зале, помимо участников комитета РРП, собралось не больше 15 человек. Тогда Офальд предложил потратить партийную кассу на объявление о следующем собрании в местной независимой газете, а также предложил выступить в роли докладчика, впервые после вступления в партию. За первое предложение члены комитета проголосовали единогласно, но со вторым категорически не согласился председатель РРП Ларк Рерхар.

– Я считаю это довольно рискованной затеей, – заявил он. – Первым лектором будет выступать профессор Кранскот, а Офальду, при всех его достоинствах организатора и ответственного за пропаганду, не хватит красноречия и ораторского мастерства, чтобы по-настоящему увлечь за собой публику и заставить ее присоединиться к нам.

– Но Телгир уже доказал своей речью во время дискуссии с герром Нуабамом, что он может заткнуть за пояс любого профессора, – возразил Скелрерд. – В конце концов, он говорит лучше многих из нас, если вообще не всех и каждого!

Вопрос был поставлен на голосование, и предложение

Офальда приняли при одном голосе против и одном воздержавшемся. Субботнее собрание РРП проводила в малом зале старинной хенньюмской пивной "Хайфобосхур" на площади Цлалп, который вмещал около ста тридцати посетителей. Комитету партии это помещение казалось огромным, и ее лидер неоднократно высказал опасение, что полупустой зал произведет крайне невыгодное впечатление на пришедших и отпугнет их от дальнейшего участия в жизни РРП. Телгир, напротив, был уверен в магическом эффекте газетного объявления, и не ошибся. Субботним вечером в Малом зале "Хайфобосхура" собрались сто десять человек, и в семь часов профессор Кранскот начал свой доклад. По регламенту, установленному Рерхаром, он должен был говорить час – и уложился в пятьдесят минут, не успев наскучить публике и сорвав довольно бурные аплодисменты собравшихся. Затем на трибуну поднялся Офальд, которому отвели двадцать минут. Он произнес бурную, однако далекую от сумбура речь, обозначив целых четырнадцать тезисов, характеризовавших идеологию нового националистического движения, которым должна была стать Римнагская Рабочая партия. Главными из них были отказ от парламентарной системы управления с возвышением роли вождя, расовая чистота римнагского народа (здесь Телгир ввернул пассаж о недалеких тугодумах, которых хотят привить мопсам качества борзых), а также отказ от половинчатых мер и правила золотой середины: национализм по словам Офальда должен быть только крайне

радикальным. Объективность докладчик приравнял к слабости и превознес до небес одержимость народных масс, совершивших революции, противопоставив ее научным идеям. В конце он пообещал в самом ближайшем времени переработать свои тезисы в настоящую программу партии.

Телгир говорил вместо двадцати минут больше получаса, и закончил свою речь призывом материально поддержать РРП, после чего, мокрый как крыса, спасавшаяся вплавь с тонущего корабля, сбежал с трибуны под настоящие овации собравшихся. Члены комитета партии восторженно приветствовали Офальда как настоящего героя, и даже Рерхар выдал из себя улыбку и сказал несколько комплиментов оратору. В этот вечер Римнагской Рабочей партии удалось собрать около трехсот золотых марок пожертвований, львиную долю которых Телгир затребовал (и получил) в фонд отдела пропаганды.

Окрыленный успехом, Офальд с удвоенной силой принялся за подготовку следующих собраний. Двое солдат, выделенных ему командованием, с утра до вечера печатали и разносили воззвания РРП, снабжая листовками хенниумские гарнизоны, а сам Телгир нередко рассказывал о партии, как об инструменте спасения римнагского народа и возвращения ему былого величия в своих агит-выступлениях под эгидой армии. В результате в РРП тоненьким ручейком потекли солдаты, кто из уважения к быстро завоевывавшему доверие в военных кругах Офальду, кто убежденный распро-

странявшимися по гарнизонам воззваниями, кто просто из любопытства. Через неделю после выступления Телгира в "Хайфобосхуре" на собрание РРП в пивной "Реблэ" пришло полторы сотни слушателей, еще десять дней спустя в зале ресторана "Империя" в южной части города собралось более двухсот последователей партии.

Офальд настаивал, что партийные собрания в таком большом городе, как Хенньюм, насчитывавшем не меньше семисот тысяч жителей, следует проводить как можно чаще, но столкнулся с ожесточенным сопротивлением в комитете. Ларк Рерхар, тяготевший к оккультизму, проповедовавшемуся в обществе Лету, вообще был против излишней массовости, видя будущее партии в создании ядра из "избранных", к которому сами собой потянется народ. Он первым запротестовал, видя, что Телгир, закусив удила, собирается проводить партийные собрания чуть ли не по два раза в неделю. Второй человек в партии, Склрерд, колебался, не желая предавать своего председателя, хоть и понимал, что путь Офальда приведет их к желанной цели – полноценному масштабному националистическому движению – гораздо быстрее. Остальные члены комитета попросту боялись: почти по всей Римнагее, где коммунисты и ксармисты были еще очень сильны, мало кто рисковал обращаться к народным массам с националистической риторикой, несмотря на большое количество возникавших тут и там ультраправых движений. Любое массовое собрание вполне могло закончиться массовой

дракой. Коммунисты умело запугивали ораторов, после чего те отказывались выступать на собраниях, и комитет РРП опасался, что первое же серьезное столкновение с ксармистами во время очередного партийного заседания настолько отпугнет слушателей, что погибнет все движение. Лишь с огромным трудом и с перевесом в один голос Телгиру удалось убедить комитет продолжать созывать массовые собрания с необходимой ему частотой. У входа в помещение, где проводились эти встречи, всегда дежурили несколько крепких последователей РРП, которым не раз приходилось спускаться с лестницы коммунистов, пытавшихся сорвать собрание.

В середине декабря в главный зал ресторана "Империя", где проходило заседание Римнагской Рабочей партии, пришли больше четырехсот человек. Офальд разработал основную концепцию воззваний и прокламаций, распространявшихся по Хенниому: небольшое количество пунктов, отказ от цветистых оборотов, короткие и жесткие фразы, написанные понятным, чуть ли не площадным языком. У РРП, ставшей первой партией, бравшей плату за вход на собственные собрания, появилось достаточно средств, чтобы печатать собственные плакаты, которые развешивались на городских улицах. Комитет выбрал для них красный цвет, очень возмущавший ксармистов и сторонников левых рабочих движений. Полиция Хенниома нередко срывала плакаты под предлогом "помехи уличному движению", но они появ-

лялись вновь и вновь: одной из главных своих целей партия видела оздоровление нации, и прежде всего многотысячной рабочей среды, "запутавшейся в интригах йеревов и коммунистов", как заявлял на заседаниях комитета Телгир. К концу года к РРП присоединились два новых человека, тут же ставшие верными соратниками Офальда, горячими сторонниками нового движения и мгновенно стали его ключевыми фигурами.

* * *

Быстро полнеющий невысокий капитан Стрэн Мер, радикал с изуродованным шрамами лицом, маленькими, вечно прищуренными глазками и быстро красневшей от любых эмоций бычьей шеей, был чрезвычайно полезен партии из-за своих связей в действующей армии. Он участвовал в боях за освобождение Вабаяри от красных под руководством возглавлявшего добровольческий корпус полковника Цфарна Пэпа, впоследствии переформированный в 21-ю охранную бригаду. Пэпу частично подчинялись полиция, пожарные команды и инженерные войска округа. Мер служил при штабе, был на короткой ноге с Цфарном, и пользовался большим уважением кадровых военных Хенньюма. Вопреки Ларьвесскому договору, согласно которому на Римнагею наложили строгие ограничения по численности действующей армии и количеству вооружений, Стрэн, пользуясь неразберихой по-

сле войны и двух революций, еще в начале осени приступил к созданию вабаярийского вооруженного добровольческого ополчения и строго засекреченных огромных складов оружия, с согласия и под присмотром Пэпа. Мер, несмотря на офицерское звание, был выходцем из низов, и считал, что мощное националистическое римнагское движение может существовать только при безоговорочной поддержке низших классов. Он увлекался политикой, был знаком с многими лидерами ультраправых вабаярийских партий, ненавидел социал-демократов, коммунистов и творцов прошлогодней республиканской революции. Благодаря Стрэну в партию потянулись бывшие военные и бойцы его добровольческого ополчения, а его связи в полиции и даже в вабаярийском правительстве делали РРП практически безнаказанной даже когда ее ораторы на собраниях призывали к свержению республики или вооруженным столкновениям к ксармистами – в Инбреле подобная риторика привела бы к немедленным арестам и уничтожению партии. Мало того, в Хенньюме смотрели сквозь пальцы даже на личную жизнь Стрэна, который практически не скрывал своей гомосексуальности.

Полной противоположностью Меру был эксцентричный Трихид Каркэт, журналист, поэт, активист, рано облысевший высокий человек с безумными глазами и одутловатым от неумеренной любви к спиртному и морфию лицом. Каркэт писал пьесы, которые отказывались ставить римнагские театры (но с удовольствием взяла в работу труппа при пси-

хиатрической больнице, где автор лежал, допившись до белой горячки), штамповал откровенно антийеревские статьи и с удовольствием выступал в богемных винных погребках Хеннюма. Его главными тезисами были превосходство ацетирской расы, ничтожество всех чужеземцев, и особенно йеревов, а также несостоятельность республики как неподходящего для Римнагеи государственного строя. В одной из своих речей Трихид открыто призывал перерезать всех инбелских свиней, заседавших в правительстве страны, в другой – пометить дома хеннюмских йеревов их же собственной кровью. Каркэт соглашался с теми, кто считал, что любое мощное движение – это прежде всего его вождь, и присоединился к РРП как раз в поисках подобного вождя. Безвольного Рерхара и слабого Склрерда Трихид даже не брал в расчет, и сразу сделал ставку на отвечающего за пропаганду Телгира, сказав через неделю после знакомства с ним с трибуны в уютном винном погребе "Сенребнель": "Возглавить нашу организацию должен человек, который бы не испугался пулеметной очереди. Надо нагнать страха на всю эту чернь. Нам не следует использовать военных, поскольку народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы какой-нибудь рабочий, умеющий говорить. Он не должен быть слишком умным. Лучше, если это будет холостяк, тогда нам легче подыскать ему женщин". Каркэт понятия не имел, что Телгир по-прежнему служит в армии, поскольку на партийных собраниях тот появлялся исключительно в штатском.

Он был старше Офальда на двадцать лет, и наряду с Фодгиртом Дрефе быстро стал его политическим, а позже и духовным наставником. Под руководством Каркэта Телгир значительно улучшил свой римнагский, как разговорный, так и письменный, прочел несколько книг по ораторскому искусству, брал уроки актерского мастерства, стал вхож в артистические круги Хенньюма и познакомился с некоторыми состоятельными людьми, которые могли в будущем помочь партии.

Таким образом, к началу января основные решения в РРП принимали глубоко порядочный, но слабый в физическом и моральном плане Рерхар, скверный оратор и не слишком усердный слесарь Скелрерд, военный агитатор без профессии и образования Телгир, штабной офицер и гомосексуалист Мер, теоретик экономики со странными революционными идеями Дрефе, легковозбудимый алкоголик и поэт Каркэт. Несмотря на кажущуюся легкомысленность этой пестрой компании, их слаженные действия сразу на нескольких фронтах всего за четыре месяца превратили дискуссионный кружок по интересам в составе 6–7 человек в заметное хенньюмское движение, привлекавшее внимание самых разных кругов населения, от рабочих и солдат до артистов и аристократов. Разногласия между председателем партии Ларком Рерхаром и ее главным пропагандистом Офальдом Телгиром (первый считал второго неуравновешенным и недалеким солдафоном с манией величия, второй же относился к

своему председателю как к пустому месту) привели к смене руководства РРП. Рерхар добровольно сложил с себя полномочия, и новым главой партии после наскоро проведенных выборов стал Нотан Скелрерд. Телгир отказался от выдвижения собственной кандидатуры, мотивируя это тем, что он не стоял у истоков РРП и очень занят, совмещая службу в армии и пропагандистскую работу на благо партии.

На самом же деле Офальд, которого давно не дергал по службе его непосредственный армейский начальник Райм, подчинявшийся Пэпу, прекрасно понимал, что ему пока рано становиться лидером все еще очень скромного националистического движения, большая часть последователей которого по-прежнему стояла за его основателя Скелрерда, а новички – за Мера, который их и привел в партию. Телгиру не нужна была победа с шатким преимуществом или поражение с почти равным количеством голосов, он хотел стать тем самым вождем, о котором грезил Каркэт и про которого говорил сам Офальд, формулируя идеологию РРП в своей речи. Скелрерд, плохой оратор, мягкий руководитель, не служивший в армии и не умевший принимать быстрые жесткие решения, рано или поздно должен был дискредитировать себя сам. Телгир же пока собирался заниматься тем, что у него получалось лучше всего: организовывать массовые собрания, главного противника которых, Рерхара, больше не было в партии, а также знакомиться с нужными людьми. Он обладал удивительным свойством располагать к себе себе-

седников из самых разных слоев населения, одинаково уверенно чувствуя себя на дорогом ковре в гостиной богатого аристократа (на партийные средства ему пошили приличный костюм) и на наспех сколоченной трибуне в полутемном зале заштатной пивной. Офальд с помощью Каркэта без устали расширял круг своих знакомств, печатал все новые листовки и плакаты, пока, наконец, не выступил в начале февраля на заседании комитета РРП с предложением провести первый в истории партии по-настоящему массовый митинг. Получив одобрение остальных (поддержкой большинства из них Телгир предусмотрительно заручился еще до начала заседания), капрал с неистовым энтузиазмом включился в работу. Собрание назначили на последний вторник февраля.

* * *

На вечерний Хенньюм мягко падали снежинки, кружась в колеблющемся свете газовых фонарей на площади Цлалып. За углом красивого трехэтажного здания с красной черепичной крышей стояла небольшая группка, не обращавшая внимания на февральский холод. Все они то и дело выглядывали из-за угла, внимательно следя за входом в пивную "Хай-фобосхур", куда двигался почти непрерывный поток людей. Трое их них курили, четвертый нервно грыз ногти.

– Я насчитал больше шести сотен! – возбужденно проговорил худой лысеющий мужчина с орлиным носом. – И они

все прибывают!

– Отлично, Нотан! – воскликнул коренастый офицер в небрежно брошенном на мундир пальто и фамильярно хлопнул по плечу невысокого мужчину в пенсне. – Это успех, дорогой друг!

Офальд почти не слышал, как его соратники Дрефе, Мер и Склеррд обмениваются восторгами. Он смотрел на все прибывавших слушателей и лихорадочно что-то обдумывал. Наконец, Телгир вскинул голову к зимнему иссиня-серому вабаярийскому небу, несколько раз кивнул своим мыслям и повернулся к остальным.

– Я должен выступить сегодня, – сказал он ровным голосом, но по тому, как сжались его кулаки после этой фразы стало ясно, насколько он взволнован. Члены комитета переглянулись и Склеррд запротестовал:

– Но Офальд, у нас уже есть оратор, который прекрасным образом представит нашу программу!

Остальные молчали, и Телгир, ободренный этой безмолвной поддержкой, повторил:

– Я должен сегодня выступить перед ними, – он мотнул головой в сторону "Хайфобосхура", – и сам перечислить все пункты программы РРП.

– А как же Флерьгденид? – растерянно спросил Склеррд. Доктор Онигасен Флерьгденид значился в программе митинга как основной докладчик, а в запланированной после его выступления дискуссии должны были принять участие

все члены комитета партии.

– Пусть говорит, – отмахнулся Мер, – но лучше, чем Офи, нашу программу все равно никто не представит.

Дрефе коротко кивнул, и Нотану Скелрерду пришлось нехотя согласиться на выступление Телгира. Через десять минут все четверо вошли в переполненный Большой зал "Хайфобосхура", в отличие от Малого вмещавший не меньше двух тысяч человек, и митинг начался.

Не меньше половины слушателей, пришедших в тот вечер в одну из самых известных вабаярийских пивных, вовсе не были сторонниками РРП. Зал разделился на три неравные части. Поклонники Римнагской рабочей партии составляли примерно половину собравшихся, две трети оставшейся части публики занимали выжидательную позицию и не примыкали ни к одной из существующих в Хенньюме партий, а остальные были коммунистами или социалистами, целью которых был срыв или, по крайней мере, серьезные помехи собранию. Во время беззубого и откровенно вялого доклада Флерьгденида публика вела себя довольно смирно, отмечая усилия оратора лишь слабыми аплодисментами и отдельными выкриками. Онигасен говорил около часа, переливая из пустого в порожнее, и закончил свою речь почти в полной тишине. Но когда на возвышение в торце зала поднялся Телгир в окружении остальных членов комитета РРП, среди слушателей начались волнения. Коммунисты встретили своих противников дружным ревом и свистом, пытаясь сорвать

митинг. Мер кивнул как бы невзначай выстроившимся вдоль стен крепким солдатам из его ополчения, и два десятка человек бросились в гущу толпы наводить порядок. Когда в зале стало относительно тихо, Офальд начал свою речь, прерываемую недовольными выкриками коммунистов. Остальные слушатели настороженно выжидали, не торопясь выказывать оратору свое одобрение.

Но уже через полчаса атмосфера в Большом зале "Хайфобосхура" изменилась. Противники РРП почти перестали кричать, поскольку их быстро утихомиривали дружинники Мера, да и окружающие все чаще шикали на крикунов. Затем Телгиру начали хлопать, сначала неуверенно, потом все более оживленно, а когда он, достаточно разогрев зал, перешел к чтению пунктов программы Римнагской Рабочей партии, публика уже сопровождала оглушительными аплодисментами почти каждый его тезис, совершенно заглушив крики и свист недовольных.

Программу на скорую руку разработали Скелрерд, Дрефе и сам Офальд, которые ориентировались прежде всего на рабочих, солдат и небогатых горожан, стараясь наиболее наглядно и красочно представить слушателям прекрасное будущее римнагского народа, ждущее его сразу же, как только РРП станет мощным общенациональным движением. Общественную сторону программы взял на себя Скелрерд, экономическую – Дрефе, расовую – Телгир. 25 пунктов (см. Приложение 1) были составлены в том же ключе, в каком

Офальд старался писать свои воззвания и плакаты. Это была радикальная и максимально близкая низшим римнагским классам программа, написанная, коротким, звучным, простым языком. Отсутствие богатого политического опыта с соответствующим образованием у ее составителей и нехватка времени на детальную проработку каждого из пунктов сделали программу РРП мишенью для критики, однако своей основной цели ее создатели добились. У партии появилось собственное политическое лицо, достаточно привлекательное для римнагцев, чтобы со временем Римнагская Рабочая партия могла превратиться в мощное движение. Каждый пункт, зачитываемый Офальдом, слушатели, уже и без того заведенные до предела, встречали все более громкими аплодисментами, а конец его выступления потонул в бурных овациях, которым тщетно пытались противостоять смоткинумы, тем более, что ряды их сильно поредели – молодчики Мера попросту выбросили за дверь особенно буйных смутьянов.

Митинг продлился более четырех часов – и завершился уже за полночь. Охрипший, встрепанный, счастливый Телгир, пожавший бесчисленное количество рук, выпивший три кружки пива и отказавшийся от доброй сотни, в сопровождении покачивающегося Каркэта шел к себе в казарму, отклонив предложение доехать до дому на автомобиле. Офальда переполняло ощущение настоящего триумфа, который тем вечером снискали он и его сторонники. Римнагская Ра-

бочая партия провела первый в своей истории массовый митинг, представив на нем программные заявления, воспринятые слушателями с огромным энтузиазмом – и главным двигателем и нервом этого успеха, был он, Офальд Телгир, тридцатилетний уроженец ивстаярского городка Анубару, нашедший, наконец, свое истинное призвание. Телгир приостановился и полной грудью вдохнул морозный февральский воздух. Он одержал свою первую большую победу.

Приложение 1. 25 пунктов РРП

Объединение всех римнагцев, в том числе проживающих на территориях Ковалсехча, Пьолаша и Ивстаяра в Великую Римнагею.

Равноправие для римнагского народа наравне с другими нациями Поверы и всего мира и отмена Ларвьесского договора.

Достаточное количество земель и колоний, необходимых для пропитания и расселения избыточной части римнагского народа.

Гражданином Римнагеи может быть только тот, кто принадлежит к римнагской нации, в чьих жилах течет римнагская кровь, независимо от религиозной принадлежности. Таким образом, ни один йерев не может быть отнесен к римнагской нации, а также являться гражданином Римнагеи.

Тот, кто не является гражданином Римнагеи, может проживать в ней как гость, на правах иностранца. Каждый иностранец обязан соблюдать требования законодательства об иностранцах.

Право занимать посты, связанные законотворчеством, а также управлением государством, может принадлежать исключительно гражданам. Все должности в любой публичной организации, любого уровня должны занимать только граждане государства.

Государство в первую очередь обязуется заботиться о трудоустройстве и жизни граждан Римнагеи. Если невозможно прокормить все население государства, то лица, принадлежащие к чужим нациям (не граждане государства), должны быть высланы из страны.

Вся дальнейшая иммиграция в Римнагею лиц неримнагского происхождения должна быть приостановлена. Все лица неримнагского происхождения, которые иммигрировали в Римнагею после начала Великой войны, должны быть выдворены из государства.

Все граждане государства должны обладать равными правами и обязанностями.

Главная обязанность гражданина Римнагеи – выполнение работы, умственной или физической. Деятельность каждого гражданина не должна расходиться с интересами общества в целом, должна протекать в рамках общества и, следовательно, быть направлена для общей пользы.

Преступления против нации, совершенные ростовщиками, спекулянтами и т.д. должны наказываться смертной казнью, несмотря на расу и убеждения. Нетрудовые и легкие доходы должны быть уничтожены, а процентное рабство – сломлено.

Личное обогащение во время войны является преступлением против нации. Военные прибыли должны быть конфискованы.

Национализация промышленных трестов.

Участие рабочих и служащих в прибылях крупных коммерческих предприятий.

Увеличение пенсионного обеспечения для стариков.

Немедленное изъятие из частной собственности крупных магазинов и сдача их в наем по дешевым ценам мелким производителям, самый строгий учет за тем, чтобы мелкие производители получали бы общественную поддержку на государственном уровне, в землях или общинах.

Проведение земельной реформы в соответствии с интересами римнагской нации, принятие закона о безвозмездной конфискации земли для общественных нужд, аннулирование процентов по закладным, запрещение спекуляций земель.

Безжалостная борьба с преступностью и смертная казнь вредителям интересов государства.

Реформация правовой системы с общепроверской на национальную римнагскую.

Забота государства о всестороннем широком развитии всей системы народного образования. Обучение детей пониманию идеи государства. Получение образования за счет государства особо талантливыми детьми бедных родителей, несмотря на их положение в обществе и род занятий.

Оздоровление нации: защита материнства и детства, запрещение детского труда, улучшение физического состояния населения путем введения обязательных игр и физических упражнений, поддержка клубов, занимающихся физи-

ческим развитием молодежи.

Ликвидация наемного войска и создание народной армии.

Открытая борьба против заведомой политической лжи и ее распространения в прессе: а. Все редакторы и издатели римнагских газет должны быть гражданами Римнагеи; б. Не римнагские газеты должны получать специальное разрешение государства на издание и выходить на римнагском языке; в. Запрет негражданам Римнагеи иметь любой финансовый интерес или влияние на римнагские газеты. В наказание за нарушение последнего закона такая газета должна быть запрещена, а иностранцы немедленно депортированы.

Свобода всем религиозным вероисповеданиям в государстве до тех пор, пока они не представляют угрозы для него и не выступают против морали и чувств римнагской расы. Партия не связана убеждениями с какой-либо конфессией. Она борется с йеревско-материалистическим духом внутри и вне нас и убеждена, что римнагская нация может достигнуть постоянного оздоровления внутри себя только на принципах приоритета общих интересов над частными.

Создание сильной централизованной имперской власти. Непререкаемый авторитет центрального политического парламента на территории всей империи во всех ее организациях. Создание сословных палат и палат по профессиям для осуществления принятых империей общих законов в отдельных федеральных землях. Лидеры партии берут на себя обеспечение выполнения вышеуказанных пунктов любой

ценой, даже жертвуя, в случае необходимости, своими жизнями.

Глава двадцать третья. 31 год

Хенниом, Римнагея. Май – июль

– Мы должны поставить на место этих поганых писак! – возмущенно говорил Лэимь Сорим, молодой статный человек с мелкими, но правильными чертами лица, расхаживая по небольшой комнатке Телгира. – Они окончательно зарвались и ответят за это!

Офальд в теплом халате сидел у письменного стола, задумчиво рассматривая коммунистскую газету, принесенную Соримом. За окном шумел майский Хенниом, солнечный и яркий, но в скромно обставленной комнате Телгира в пятиэтажном доме на Исетарсатш, 41 всегда было значительно прохладней, чем на улице. Сюда Офальд переехал два месяца назад, демобилизовавшись из армии, и решил ничего не менять в спартанской обстановке, включавшей в себя несколько потертых ковриков, стол с тремя стульями, дубовый платяной шкаф, кровать, которая загораживала часть большого окна и две книжных полки с книгами по истории, мемуарами, несколькими детективными романами и богато иллюстрированной "Историей эротического искусства", которую главному пропагандисту партии, сменившей название на НСРРП – Национал-Социалистическая Римнагская Рабочая партия – подарила содержательница элитного борделя фрау Селсвинт. После переезда Телгир неоднократно поль-

зовался услугами проституток, с которыми его даже видели в некоторых хенньюмских заведениях, чем навлекал на себя критику отдельных товарищей по партии, хотя большинство из них относились к подобным увлечениям одного из главных ее ораторов вполне терпимо. В конце концов, Офальд не пил ничего, крепче пива, не курил, был очень скромен в еде, не требовал роскошных хором, а львиная доля партийной кассы была собрана только благодаря его усилиям.

Сорим плюхнулся было на стул, но тут же вскочил, словно подброшенный невидимой пружиной.

– Что ты предлагаешь делать, Офи?

Лэимь был одним из немногих соратников Телгира, с которыми тот был на "ты". Они познакомились еще зимой, быстро сблизились, несмотря на разницу в возрасте, и вскоре Сорим, двадцатитрехлетний ученик часовщика, стал кем-то вроде верного оруженосца при Офальде, выполняя по сути функции личного охранника. Телгир взял со стола газету и внимательно прочитал отчеркнутый красным карандашом абзац. Какой-то коммуняка-журналист побывал на собрании НСРРП и хорошенько прошелся как по партии, так и по ее лидерам. Самого Офальда этот ксармистский репортеришка описал так: "Бесспорно, внешность Телгира не способствует усилению его способности к обольщению. Скошенный безобразный лоб. Прядь волос, вечно падающая на глаза. Маленький рост, непропорциональное сложение, неуклюжесть, плоские и слишком большие ступни, уродливый нос, невы-

разительный рот и усишки над губой придают ему отталкивающий вид. И этот человек с насупленным, сморщенным и асимметричным лицом претендует на роль лидера?" Офальд сжал челюсти, но тут же холодно улыбнулся, бросив скверно отпечатанную на плохой бумаге газетенку на стол.

– Ничего не делай, Лэй. Эти ксармистские черви сами издохнут в куче своего же дерьма. Лучше покажи мне список наших ветеранов из группы порядка.

Недовольно ворча себе что-то под нос, Сорим вытащил из большой папки несколько листков и протянул их Офальду.

– Мер отметил тех, в ком он уверен бесспорно, – сказал он, – а остальных он предлагает держать в ближайшем резерве, пока не мы не проверим их преданность. Я тоже поставил свое имя напротив тех, кого знаю лично и за кого готов ручаться.

– Спасибо, Лэй. Встретимся вечером на собрании.

Сорим коротко кивнул и вышел. Телгир потянулся и встал со стула, небрежно бросив списки на кровать. Его взгляд упал на газету, которую забыл забрать Лэйми, и в приступе внезапного бешенства Офальд схватил газетенку и изорвал в мелкие клочки, страшно ругаясь вполголоса и то и дело закусывая нижнюю губу. Он отлично умел приспособливаться к внешним обстоятельствам, меняя, словно змея кожу, стиль и манеру общения, от развязного солдафонского рубленого красноречия до интеллигентной тонкой оценки происходящих событий, научился держать себя в обществе, не выде-

латься из общей массы в рабочей среде, оставаться хорошим солдатом в армии, интересным и улыбочивым мужчиной рядом с красивыми дамами и практически мимикрировать в любых условиях, но наедине с собой с удовольствием сбрасывал все маски. Даже близкому другу Сориму (к которому Офальд, тем не менее, относился несколько свысока) он не собирался показывать, как его взбесила статейка в заштатной, пачкающей руки типографской краской коммунистской газетенке с жалким тиражом. Из прокушенной нижней губы на подбородок стекла капля темной крови и Телгир брезгливо провел по лицу тыльной стороной ладони. Он никогда не давал оценку своим приступам гнева, не жалел о них, и лишь старался сдерживаться на людях. Всю неукротимую энергию, бушевавшую в нем с самого возвращения с фронта, Офальд отдавал политике, и был по-настоящему неутомим. Он мог не спать несколько ночей подряд, готовясь к очередному митингу, встречаясь параллельно с нужными людьми, мотаясь по Хенньюму и его окрестностям, проверяя, согласовывая, договариваясь, общаясь, и лишь легкая дрожь в левой руке выдавала степень его усталости.

Ранка на губе больше не кровоточила, и Телгир сосредоточился на списках, которые принес Лэимь. Речь шла о наборе в группы порядка, созданные по предложению самого Офальда, которое одобрил комитет и даже осторожный Скелрерд не нашелся, что возразить. Эти формирования должны были поддерживать порядок на митингах НСРРП,

куда продолжали заявляться то независимые социал-демократы, то коммунисты, то просто противники курса партии, и нередко с крайне провокационными целями. Набирались в них демобилизованные солдаты, ветераны Великой войны или добровольцы из вабаярийского ополчения. Однако Телгир при горячей поддержке Мера считал, что группам порядка следует также заниматься митингами противников Национал-Социалистической Римнагской Рабочей партии. Они даже наметили первое собрание, куда должны были явиться группы порядка, чтобы попытаться разогнать его. Несмотря на покровительство Пэпа, который только что сделал Мера начальником отдела пропаганды всего округа вместо Райма, партии следовало соблюдать осторожность, поэтому Офальд предложил проводить сборы этих отрядов под вывеской спортивной секции Рабочей партии, для чего уже был арендован просторный зал, подготовлена вывеска и закуплен кое-какой спортивный инвентарь. Возглавлять группы порядка должен был Лэимь Сорим.

Быстро пройдясь по длинному ряду фамилий Телгир утвердил тех, за кого поручились Сорим и Мер, сделал пометки напротив знакомых имен и отложил списки в сторону. Он все никак не мог забыть об оскорбительной ксармистской статейке, уничижительно отозвавшейся о его внешности и способности быть настоящим вождем. Сбросив халат, Офальд облачился в темно-синий костюм с белым рисунком и отправился на встречу с несколькими представителями об-

щества Лету, обещавшими солидную материальную помощь НСРРП. По дороге он заглянул к Меру, проводившему совещание в одном из штабных помещений, и оставил ему записку, в которой было четыре слова: "Йеревский журналист Тросх Свай".

Через два дня, когда репортер небольшой хенньюмской газеты крайне левого толка поздно вечером возвращался к себе домой, кто-то проломил ему голову тяжелым камнем. Неделю спустя двадцатипятилетний публицист Тросх Свай скончался на руках у молоденькой жены, так и не придя в сознание.

* * *

Теплым субботним вечером в начале июля Телгир произносил очередную речь на собрании в полюбившемся НСРРП Большом зале "Хайфобосхура". Он громил ксармистов, издеваясь над их безуспешными попытками срывать митинги Национальной партии.

– В некоторых областях Римнагеи господа ксармисты привыкли, что даже одна лишь попытка созвать любое не левое собрание рассматривается как провокация по отношению к рабочим. А уж если их вожаки подозревают, что на каком-нибудь митинге заговорят об их собственных грехах и разоблачат их собственную низость и ложь, вся красная печать тут же поднимает неистовый вой. Затем эти прин-

ципиальные противники закона тотчас же бегут к первому попавшемуся полицейскому и нахально заявляют, что пусть лучше полиция сама не допустит до этой "провокации рабочих", иначе-де "будет хуже". С каждым чиновником они говорят в соответственном стиле, учитывая, насколько большим ослом является этот чиновник. Но если в виде исключения они наталкиваются на действительно честного римнагского администратора, а не на жалкую тряпку, и если этот администратор не поддается их шантажу, тогда господа красные опять прибегают к своему испытанному средству: они заявляют, что рабочие не потерпят "провокации", и приглашают своих сторонников в таком-то количестве собраться в таком-то часу, явиться на собрание противников и "при помощи мускулистой руки рабочего положить конец этому неслыханному позору". Одной такой угрозы может быть достаточно, чтобы устроители собрания отказались от самого собрания! Но если собрание и не отменяется, то из трусости его открывают по крайней мере на час позже – вместо 8 часов в 9 часов вечера. В течение этого часа будущий председатель вступает в частные переговоры с явившимися противниками; лебезя перед ними, он делает тридцать три комплимента "господам из оппозиции", распространяется о том, как все устроители собрания рады и счастливы, что оппозиция явилась на собрание (чистейшая ложь!), ибо они уверены-де, что после обмена мнений (а свободу дискуссии он, таким образом, уже заранее конечно гарантировал противни-

кам), быть может, найдется общая почва и, во всяком случае, точки зрения-де сблизятся и т. п. При этом храбрый председатель конечно не перестает божиться, что в задачи устроителей собрания, боже упаси, отнюдь не входит переубедить людей другой партии. Нет, пусть каждый свободно остается при своем мнении и предоставит свободу мнений и другим. Все, о чем председатель просит "господ из оппозиции", так это, чтобы они не прерывали докладчика: к тому же и докладчик будет-де совсем короток, а после него сразу начнутся прения. Неужели же уважаемые граждане хотят, чтобы и это наше собрание явило картину братоубийственной войны в лагере римнагского народа! В этом духе униженно изливается будущий председатель собрания.

В зале раздались смешки и аплодисменты. Около двух тысяч человек, собравшихся в пивной, с удовольствием слушали Офальда: подавляющее большинство из них были верными последователями НСРРП, а крепкие молодцы в темно-серых гимнастерках, стоявшие вдоль стен и у входа в зал внимательно следили за группкой смоткинумов, пришедшей на митинг с целью организовать какую-нибудь провокацию, но сейчас не смеяшую и пикнуть под столь пристальным надзором. Лэимь Сорим и Стрэн Мер стояли за спиной оратора и рассматривали пришедшую на митинг публику. Помимо групп порядка в зале то тут то там рассадили верных Меру добровольцев в обычной одежде, чтобы те могли быстро среагировать в случае любого инцидента. Всего месяц назад во

время выступления Склерреда о трибуну разбилась брошенная кем-то кружка, а в возникшей в самой гуще толпы потасовке сломали руку какому-то отчаянному ксармисту, который успел своротить набок нос одному стороннику НСРРП и выбить два зуба другому. Телгир продолжал говорить:

– Господа друзья слева конечно очень мало трогаются такими увещаниями. Как только докладчик начинает свою речь, его тут же осыпают самыми бешеными ругательствами. В конце концов докладчику приходится собирать свои бумажки и кончать. При этом часто получается впечатление, что сам докладчик облегченно вздыхает, довольный, что мучения его быстро кончились. При неистовых воплях красных покидают эти правые тореадоры арену собрания, а еще чаще просто вылетают с собрания с разбитой головой. Вот почему господа ксармисты по-прежнему так удивляются, видя то, с чем им приходится столкнуться на наших митингах. Они не дождутся униженных просьб председателя дать спокойно выступить нашим ораторам, они не получают право на так называемую "свободную дискуссию". Мы – хозяева наших собраний. Мы предупреждаем заранее, что все права на их проведение принадлежат нам, и за выкрики с мест или попытку срыва митинга нарушители будут безжалостно выброшены из зала. Никакой ответственности за ту судьбу, какая может постигнуть скандалистов, мы на себя не берем. Если останется время и если мы будем считать это полезным, то мы откроем некоторую дискуссию, если же нет, то не откро-

ем.

Аплодисменты сопровождали эти слова Телгира, который, проговорив в том же ключе еще с четверть часа, перешел ко второму, гораздо более важному пункту своей речи.

Два года назад после выписки из госпиталя в Квезапале Офальд проездом побывал в Инбреле, где на две ночи остановился у своего армейского товарища Лофтресрехака, родители которого жили в столице. Гуляя по городу, приятели дошли до парка Гюттерналс, где проходила массовая ксармистская демонстрация, в которой приняли участие больше ста двадцати тысяч человек. Пораженный подобным скоплением народа, желающего разрушить старую Римнагею до самого ее основания, бледный от гнева Телгир бессильно наблюдал за этой огромной толпой, наводнившей почти весь остров, образованный раздваивающимся течением реки Епшер в центре римнагской столицы. Несмотря на всю ненависть к идеологии коммунистов, Офальда поразила эффективность красных флагов, транспарантов, нарукавных повязок, от которых, казалось, воспламенился весь город. К началу нынешнего лета он твердо уверился, что НСРРП нужен свой партийный флаг, а также яркий и легко узнаваемый символ, по которому приверженцы партии смогут легко узнавать друг друга, привлекать в свои ряды новых сторонников и приводить в бешенство недоброжелателей. Высказав эту идею на ближайшем заседании комитета и получив одобрение сторонников, Телгир с головой погрузился в работу,

ненадолго воскресив полузабытый талант живописца.

От черно-красно-золотого знамени ивстаярских римнагцев партия отказалась сразу. Старое имперское сочетание черно-бело-красных цветов, за которые по-прежнему держались центристские и умеренно правые партии, также не подходили для предполагаемого символа новой эры развития римнагского народа, на начало которой надеялись лидеры НСРРП. Офальд отбросил десятки различных проектов. Часть из них он разработал сам, другие присылали члены партии и его соратники по комитету. Большим разнообразием все эти знамена не отличались: на белый, красный и черный цвета в различных вариациях и пропорциях накладывались то перекрестье двух топоров, то меч, палица, молот и другие образчики оружия древних римнагцев. Наконец, во время посещения собрания сторонников партии в небольшом городке под Хенниомом, Склрерд обратил внимание на самодельный флаг, вывешенный зубным врачом Норком над трибуной оратора: белый круг с красной полосой и с черным символом, похожим на сактвиас с одним лишним сгибом, в его центре. Главе партии очень понравилось знамя, которое он прихватил с собой на ближайшее заседание комитета, а комитет одобрил эту концепцию, и после еще нескольких переделок Офальд наконец удовлетворился конечным результатом. Основным фоном знамени стал красный, внутри его остался белый круг, а в центре круга – черный сактвиас. Таким образом, Национал-Социалистическая Римнагская Ра-

бочая партия не отказывалась от старых имперских цветов, но изобрела принципиально новое их прочтение. Точно такими же, как знамя, было решено сделать и нарукавные повязки.

– Перед нами не только сочетание всех красок, которые мы так горячо любили в свое время, и за которые проливали кровь в Великой войне, – вдохновенно говорил Офальд, пока стоявший рядом с ним Скелрерд бережно держал на руках развернутый флаг. У обоих на рукавах красовались новенькие яркие повязки. – Перед нами также яркое олицетворение идеалов и стремлений нашего движения. Красный цвет олицетворяет социалистические идеи, заложенные в нашем движении. Белый цвет – идею национализма. Сактвиас – миссию борьбы за победу ацеиров и вместе с тем за победу творческого труда, который испокон веков был антийеревским и антийеревским и останется. Режим ноябрьского позора падет под нашим натиском!

Последние слова Телгира потонули в шуме бурных оваций. Без малого две тысячи человек вскочили на ноги, приветствуя свои новые символы. Ксармисты, протестующих выкриков которых все равно никто бы не услышал, уныло потянулись к выходу.

С того вечера НСРРП стала организовывать массовые собрания не реже одного-двух раз в неделю, помимо Офальда и Дрефе приглашая на ораторскую трибуну профессоров университета, публицистов, литераторов, разделявших по-

зиции партии. К концу лета сторонники идей Телгира без труда заполняли пятитысячную аудиторию в хеннюмском зале "Днилк": национал-социалисты стали самым популярным ультраправым движением в Вабаяри. Из всех политических течений с ними могли тягаться лишь социал-демократы.

Глава двадцать четвертая.

31 год. Продолжение

Хенном, Римнагея. Декабрь – март

В просторной гостиной представительного дома командующего пехотными войсками 7-го военного округа Цфарна Пэпа царило напряженное молчание. Приглушенный свет изящного светильника, вмонтированного в стену над удобным диваном, выхватывал из наполненного табачным дымом полумрака острый нос и кустистые брови хозяина дома. В двух мягких кожаных креслах напротив полковника сидели свежеиспеченный начальник штаба Стрэн Мер и Фодгирт Дрефе. На массивном столике черного дерева стояли пепельницы, бокалы с коньяком марки Хабса Тальру и скромные закуски. Все трое мужчин курили. Мер смотрел на командира со своим вечным прищуром, и, казалось, чего-то нетерпеливо ждал. Дрефе безмятежно рассматривал картины в тяжелых золоченых рамках, висевшие над небольшим камином и со вкусом затягивался ароматным дымом. Сизые облачка таяли в прохладном, несмотря на разоженный камин, воздухе, в котором помимо табака отчетливо ощущался запах какой-то сладковатой отдушки: бравый военачальник обожал восточные ароматизаторы и масла. Пэп сидел с абсолютно прямой спиной и после нескольких затяжек начал вертеть в худых подвижных пальцах дорогую трубку, не отрывая от

нее глаз. Первым не выдержал Мер.

– Ну, так что же, – начал он нетерпеливо, – каким будет ваше решение?

Дрефе бросил на своего соратника быстрый взгляд, выражающий явное неодобрение, но тут же повернулся к Цфарну и нехотя поддакнул:

– Ход за вами, полковник.

– А кто там у вас все-таки претендует на главенство? – будто продолжая только что прерванный разговор задумчиво спросил Пэп. – Я так понимаю, партия начала выстраивать какую-никакую структуру, но в ее идеологии прямо говорится о роли вождя, ведущего народ за собой. Кто он, этот вождь?

Стрэн с Фодгиртом переглянулись. Их собеседник, как всегда, говорил без обиняков и смотрел в самую суть.

– Вы же знаете, что председатель партии... – начал было Дрефе, но Пэп перебил его.

– Скелрерд жалкая марионетка, – твердо заявил он и аккуратно положил трубку на стол. – Он по-прежнему стоит во главе партии в качестве ее основателя. Им временно заткнули дыру, дали призрачные полномочия и отправили торговать лицом и идеологией НСРРП для масс. Меня интересует, насколько вы поддерживаете Телгира, и в состоянии ли он стать тем вождем, которого жаждет видеть народ во главе вашего движения.

– Но об этом пока не было и речи, – возразил Мер. –

Офальд, безусловно, великолепный оратор, люди прислушиваются к нему и идут в партию, вдохновленные его речами, однако...

– Мы поддерживаем Телгира, – решительно прервал Стрэна Фодгирт. Пэп удовлетворенно кивнул и встал, заложив руки за спину.

– Я вижу в нем не только хорошего оратора, – сказал он после небольшой паузы и подошел к тяжелой портъере винно-красного цвета, тронув золоченую кисть шнура, покоившегося на бархатной складке. Цфарн все еще чувствовал себя неуютно в этом великолепном дорогом доме, куда перехал несколько месяцев назад. – В партии есть множество неплохих лекторов, способных увлекать за собой, возьмите хотя бы этого антийеревиста Маргена Рессэ. У него отлично подвешен язык, не так ли?

– Да, – сдержанно ответил Дрефе. – Он очень помог нам во время составления "двадцати пять пунктов".

– Кроме того, – подхватил Мер, – Рессэ уже полтора года работает редактором в той самой газете.

– Но он всего лишь говорун, и к тому же сопливый мальчишка, не нюхавший порошу, – быстро продолжил Фодгирт. – А Офальд Телгир уже неоднократно доказывал, что может вести за собой людей и поднимать партию на новые высоты.

– Новые высоты, – повторил Пэп и вернулся на диван, сев в ту же неудобную позу, в которой провел последние полча-

са. – Я охотно верю, что Телгир действительно очень помог росту НСРРП. Но справится ли он с ролью вождя?

– Разве об этом сейчас речь? – не выдержал Мер. – Мы собрались, чтобы...

– Чтобы убедить меня дать вам денег на газету, – холодно перебил Цфарн. – Вы хотите купить "Шлеферьик Ерах-ботеб" и сделать из обычной газетенки с антигеревистскими статьями настоящий рупор партии. Прежде, чем открыть секретные фонды армии и дать вам 60 тысяч марок, я хочу знать, кому я даю эти деньги.

– Национал-Социалистической Римнагской Рабочей партии, – быстро отрапортовал Стрэн. Пэп тонко улыбнулся, но быстро посерьезнел.

– Вчера я встречался с Рефальдом Рербогнезом и Трихидом Каркэтом, – начал он и сделал паузу, чтобы насладиться изумлением, отразившимся на лицах его собеседников. Широкое лицо Мера покраснело от волнения, короткие пальцы сжались в кулаки. Брови Дрефе взлетели к самой линии редеющих волос. Оба молчали. – Они, кажется, собираются быть редакторами в *вашей* газете?

– Да, – выдавил из себя Фодгирт. – Вместе с Рессэ.

– Хорошо. Кстати, с ними были и Телгир с Ренкером.

Рефальд Рербогнез, сын римнагского сапожника, осевшего в Сясиоре, был известным хенньюмским публицистом, которого Каркэт привел в общество Лету и познакомил с Телгиром. Они чрезвычайно понравились друг другу, причем

Рербогнез быстро убедил Офальда, что революция в Сясиоре, как и Великая война, во многом произошли из-за мирового йеревского заговора, организованного тайным сообществом, стоящим за большей частью правительств крупных стран. Телгир с удовольствием использовал подобные тезисы в своих речах, и они имели большой успех. Именно Рерфальд подал идею комитету партии купить газету "Шлеферьяк Ерахботеб", которую общество Лету приобрело больше двух лет назад, в период своего финансового расцвета, у вдовы ее первого издателя, и наладило еженедельный выпуск "Шлеферьяка". Именно здесь Офальд впервые опубликовал объявление о собрании тогда еще РРП, послужившее серьезным толчком к росту партии. Но к нынешнему декабрю газета, где помимо обычной антийеревской светской хроники продолжали публиковать статьи Каркэта, Рербогнеза, Дрефе, Телгира и Рессэ (причем последний стал ее редактором всего в двадцать лет), влезла в большие долги. Общество Лету фактически развалилось, финансовых вливаний "Шлеферьяк Ерахботеб" больше ни от кого не получал, а количество его подписчиков неуклонно сокращалось вместе с растущими невероятными темпами инфляцией и безработицей. Тираж скатился с семнадцати тысяч экземпляров до восьми. Мер и Дрефе были уверены, что переговоры с Пэпом о покупке газеты для НСРРП, выросшей к тому времени настолько, что отсутствие партийного печатного органа попросту вредило репутации партии, ведут с одобрения комите-

та только они. Поэтому их так поразило известие о встрече Цфарна с Рербогнезом, Каркэтом, секретарем и одним из первых финансистов партии Ренкером и Телгиром. Что это – интриги партийного комитета? Или инициатива Пэпа, желавшего прощупать почву со всех сторон?

– Мы не знали, что вы ведете переговоры с кем-то еще, – рубанул Мер. – Нам казалось...

– Я не вел с Рефальдом и Трихидом никаких переговоров, – перебил его Пэп, и откинулся, наконец, на спинку дивана. Лицо его было серьезно, но в светлых глазах плясали озорные искорки. Он погладил себя по усам и продолжил. – Мне важно было знать их мнение о будущем газеты. И партии.

Последние слова будто повисли в воздухе вместе с облачками табачного дыма. Дрефе и Мер смотрели на хозяина дома почти не мигая, с большим нетерпением ждали продолжения, но не решались нарушать повисшего в очередной раз молчания.

– Я рад, что мнение всех заинтересованных лиц совпадает, – закончил наконец Пэп, и не спеша раскурил погасшую трубку.

Через три дня "Шлеферьик Ерахботеб" была куплена НСРРП за шестьдесят тысяч марок. Партия согласилась взять на себя все долги газеты и назначила главными редакторами Рессэ, Каркэта и Рербогнеза. С января к ежемесячным партийным взносам, которые должен был платить каж-

дый член НСРРП, добавились полмарки – "на газету".

* * *

Морозным январским вечером в кафе "Кех" на улице Гер-тасалишерес у городского парка Фохентагр, разбитого в самом центре старого Хенньюма больше двух веков назад, былолюдно. Посетители с удовольствием угощались великолепным турецким кофе и свежайшими пирожными, которыми не первый год славилось это заведение. В глубине вытянутого зала с высоким потолком стоял столик, за которым сидела шумная компания. В те редкие дни, когда места за этим столиком пустовали, на нем всегда стояла табличка "частная резервация". Именно сюда как до, так и после заседаний комитета, митингов и партийных собраний приходили Телгир, Лэимь Сорим, ставший личным шофером Офальда (автомобиль был куплен на пожертвования богатых сторонников НСРРП и добавлял престижа главе отдела пропаганды партии), Тиркасин Ребев, вышибала пивной и активный член дружин, в которые превратились группы порядка, Ирхул Фраг, ученик мясника и борец-любитель, а также старый сослуживец Телгира Камс Наман, недавно вернувшийся в Хенньюм и занимавшийся финансовыми делами партии. Компания наслаждалась плодами трудов местного кондитера, пила кофе и говорила часами. Все расходы записывались на счет партии, открывшей кредит у хозяина кафе, горячего

поклонника идей НСРРП.

Здесь Офальд по старой неавской привычке отдыхал от постоянного напряжения, ежедневно сопровождавшего главного оратора партии. Он специально окружил себя недалекими, но абсолютно, по-собачьи преданными ему людьми, с удовольствием слушал их нередко похабные или анекдотические истории, пробовал на этой аудитории, представлявшейся ему настоящим срезом народных масс (ремесленников, служащих и солдат), свои тезисы и мог говорить часами, наслаждаясь их безоговорочным вниманием и всецелым одобрением. Этим вечером Телгир, одетый в неизменный синий костюм, перешитый из военной формы, с коричневым жилетом и красным галстуком, говорил о своих прошлогодних поездках в Ивстаяр, где он выступал перед римнагцами в Рузьблагце, Инцле и даже в Неаве. Во время пребывания в ивстаярской столице Офальд встретился с жившими там Леагной и Улапой, с которыми состоял в переписке последние несколько месяцев, взяв их адреса у Зиреяте. Сестры, как родная, так и сводная, не держали зла на блудного брата, прагматично выстраивавшего образ добропорядочного политика с крепкой семьей, и они прекрасно провели время в Неаве.

– Я говорил им о йеревах, которые правят Римнагеей, а римнагский рабочий класс позволяет им травить себя и в хвост, и в гриву. Нельзя победить болезнь, не устранив ее причину, не уничтожив бациллу, нельзя победить расовый

туберкулез, не позаботившись об устранении самой причины расового туберкулеза. Когда я пообещал, что мы будем бороться с йеревской заразой до тех пор, пока на землях, где живут римнагцы, не останется ни одного йерева, и готовы для этого хоть на путч, хоть на революцию, мне аплодировали так, что я не мог завершить свою речь.

Фраг одобрительно хмыкнул, остальные закивали.

– Настанет день, – продолжал Офальд, – когда мы наконец воссоединимся с десятью миллионами наших братьев, которых кучка ксармистских негодяев, начавшая Великую войну и обрекая Римнагею на поражение в ней, разбросала по всей Повере после позорных соглашений, призванных уничтожить нашу страну и наш народ. Как вы все знаете, в январе вступает в силу очередной подлый пакт, по которому наше несчастное государство должно выжать из своего народа 226 миллиардов золотых марок, чтобы мировое йеревство жирело и богатело еще больше.

– Это просто невысказано! – не выдержал Наман.

– Именно поэтому мы не первую неделю ведем переговоры с так называемым хенньюмским патриотическим блоком, чтобы провести совместную большую акцию протеста – и что же? Эти так называемые патриоты только и делают, что затягивают и откладывают манифестацию. Мы уже отменили шествие по Ролькской площади, поскольку все боятся, что протест будет атакован и разогнан красными собаками. Но даже договорившись об общем собрании в "Днилке", мы

никак не можем назначить его дату.

– Ксармистские ублюдки, – проворчал Ребев. – У нас припасено для них кое-что. – Он любовно погладил хлыст со свинцом в рукоятке, с которым никогда не расставался.

– Мы больше не можем действовать с оглядкой на этих сволочей! – Сорим в порыве ярости стукнул кулаком по столу, отчего его кофейная чашка с веселеньким звоном соскочила с блюдца и, прокатившись по краю стола, упала на пол, разбившись. Лэимь ничуть не смутился и лишь кивнул будто выросшему из-под земли официанту, который споро убрал осколки и через минуту принес новый кофе.

– В течение года наша партия провела 45 массовых митингов. В Хеннюме нас больше двадцати пяти тысяч, и еще сорок считают себя нашими сторонниками. На завтрашнем собрании в "Хайфобосхуре" я собираюсь объявить о новой эпохе в политической жизни Хеннюма, – надменно заявил Офальд. – Отныне наше движение будет безжалостно пресекать – в случае необходимости силой – попытки провести митинги или выступления, которые могут неблагоприятно повлиять на сознание наших соотечественников, и без того достаточно пораженное красной заразой.

В ответ раздались горячие возгласы одобрения.

* * *

Во вторник, первый день февраля, не дождавшись от пат-

риотического блока никакого конкретного ответа по поводу даты предполагаемой акции протеста, Телгир заявил на заседании комитета партии, что ждать больше нельзя, и массовый митинг должен быть организован силами НСРРП. Нотан Скелрерд осторожно предложил дать патриотическому блоку еще один день и выразил сомнения в том, что партия сможет выдержать мероприятие подобного масштаба. Остальные члены комитета колебались, хотя их и прельщала мысль стать организаторами самой массовой акции ультраправых в новейшей истории Хенньюма. Всю первую половину среды Офальд тщетно ждал ответа от блока. В конце концов, Скелрерду сообщили, что массовая акция протеста патриотического блока проводится на площади Недопласоц, но слово ораторам НСРРП никто давать не собирается. Взбешенный Телгир созвал экстренное собрание комитета и выдвинул ультиматум: масштабный партийный митинг нужно провести не далее, чем завтра. Его, пусть и не без колебаний, поддержали, несмотря на возражения осторожных Скелрерда и Дрефе, после чего Офальд развил бурную деятельность. Он продиктовал машинистке текст листовки, призывавшей всех равнодушных римнагцев собраться в четверг в цирке "Норке" в восемь вечера на акцию протеста против правительства, согласившееся на грабеж Римнагеи со стороны поверских государств, и поручил партийному секретарю Сакору Ренкеру, одному из своих ближайших друзей, согласовать аренду этого зала, самого большого крытого помеще-

ния в Хеннюме. До глубокой ночи Телгир вместе с Каркэтом, Рессэ, Дрефе и Рербогнезом составлял текст своей речи, а затем репетировал ее в своей комнатке на Исетарсатш, пока за большим окном не начало тускло сереть февральское утро.

Поспав два часа, Офальд обнаружил, что в Хеннюме пошел дождь со снегом. От вчерашней бравады и уверенности в своих силах у уставшего, невыспавшегося Телгира, сидевшего в одних кальсонах на жесткой кровати, почти ничего не осталось. Его охватил страх. Если гигантское помещение цирка не заполнится хотя бы на две трети, это будет означать провал акции. Подобная катастрофа отбросит партию назад, разом перечеркнет всю ее деятельность на несколько месяцев вперед и даже может стоить ему, Офальду, места в комитете НСРРП. Дрожа от волнения, Телгир быстро оделся и бросился в контору, служившую партии временным штабом, куда вызвал казначея и секретаря комитета. После короткого совещания, они продиктовали машинистке новую листовку и отправили ее в типографию, где должны были напечатать десять тысяч экземпляров воззвания. Затем Офальд вызвал к себе Сорима и Ребева. Первый должен был нанять несколько грузовиков и купить три десятка метров красной материи, второй – организовать сбор дружин в течение часа. Люди, машины и листовки, невзирая на снег с дождем, прибыли почти одновременно. Грузовики наскоро задрапировали материей, увешали партийными знаменами и посадили в каж-

дый по 10–15 человек с листовками и громкоговорителем, в который самые горластые агитаторы кричали, что "в цирке "Норке" на акции протеста господин Телгир будет говорить на тему "Будущее или Гибель". Впервые по улицам Хеннюма с пропагандой ездили машины, агитировавшие в пользу нексармистских партий. В рабочих кварталах грузовики забрасывали грязью и камнями, в сторону агитаторов летели проклятия, но основная масса горожан следила за машинами с интересом.

Телгир остался в конторе, куда к обеду пришли еще несколько его соратников, в том числе и Нотан Склеррд. По телефону им сообщали о ходе агитации, а начиная с шести вечера – и о положении дел у цирка "Норке", куда начали стягиваться люди. К семи было продано около тысячи билетов, к половине восьмого – почти три с половиной тысячи. Когда вымотанный, бледный, с синими кругами под глазами Офальд прибыл к залу, на улице собралась огромная толпа, разделившаяся на две половины. Это были сторонники НСРРП, которым не хватило мест в зале или денег на билет, и их противники-ксармисты, побоявшиеся участвовать в столь массовом мероприятии в закрытом помещении, но не желавшие сдавать своих позиций без боя. На почтительном расстоянии топталась кучка полицейских, которым Пэп запретил вмешиваться во все происходящее. Всего в тот вечер в "Норке" присутствовали больше шести тысяч человек, и около пятисот оставались снаружи до самого конца собра-

ния, несмотря на непогоду. Немногочисленные коммунисты, попавшие в зал, не смогли сорвать собрание, а когда один из них громко назвал оратора "бесноватой обезьяной", его избили и вышвырнули на улицу. Офальд говорил около двух с половиной часов, и все чаще его речь прерывалась громкими аплодисментами. В конце все слушатели спели старый имперский гимн "На земле всего превыше Римнагея лишь одна" и разошлись. Телгир, сидевший в изнеможении прямо на арене с красными пятнами на щеках и прилипшей ко лбу прядью волос, вяло принимал поздравления и слабо улыбался всем, кто подходил к оратору выразить свое восхищение. Когда цирк окончательно опустел, Сорим и Ревеб под руки отвели Офальда в автомобиль и отвезли домой на Исетарсатш. Он заснул прямо в одежде, едва голова его коснулась подушки.

В пустом зале "Норке", где уже вовсю трудились четверо дюжих уборщиков, остались лишь тихо переговаривавшиеся Скелрерд и Дрефе. Их лица были встревожены.

Глава двадцать пятая. 32 года

Инбрел – Хенниом, Римнагея. Июнь – июль

У здания инбрелского ресторана "Крастиновшис", где временно расположился штаб "Национального клуба", объединившего несколько ультраправых течений, с трудом выживавших в проксармистской римнагской столице, неспешно прохаживались два человека. Они увлеченно беседовали, не обращая внимания на приветственные крики и возгласы удивления, то и дело раздававшиеся вокруг при виде одного из них, статного красиво стареющего мужчину с военной выправкой и щегольски подкрученными усами. Портреты этого человека в свое время печатали все газеты Римнагеи, в глазах народа он по-прежнему оставался героем Великой войны, поэтому случайные прохожие и собиравшиеся на очередное собрание националисты восхищенно приветствовали бывшего начальника штаба римнагской армии генерала Хэри Дрефлонюда. Он внимательно слушал своего собеседника, бледного мужчину с темными кругами под глазами, изредка вставляя реплику-другую. Этим смертельно уставшим, в очередной раз невыспавшимся человеком был Телгир, отправившийся в Инбрел с официальным поручением партии установить связи с другими националистскими движениями на севере и в центре страны, а также попытаться распространить влияние НСРРП за пределы Вабаяри. В сто-

лице Римнагеи Офальд на одном из приемов, организованных сторонниками правых, познакомился с Дрефлонюдом, с которым сразу нашел общий язык. Герой войны благосклонно отнесся к политику, ратовавшему за возрождение великого римнагского народа, и согласился прийти на собрание в "Национальный клуб", где должен был выступить Телгир.

Инбрел произвел на Офальда отталкивающее впечатление. Его мрачности претила легкомысленность и суэта огромного города, и в своих речах перед столичными националистами он напирал на порочность, алчность и разврат, привнесенные в Инбрел ксармистами, воспользовавшимися моральным упадком и разложением Римнагеи. Дрефлонюду нравилась горячность Телгира, его убежденность в собственной правоте и умение емко и точно излагать свои политические тезисы. Он с удовольствием принял предложение оратора встретиться за пятнадцать минут до начала собрания, хоть и понимал, что Офальд попросту хочет использовать известность генерала и, показавшись с ним на публике, завоевать новых сторонников еще до начала своего выступления.

Пробило семь часов, и мужчины вошли в ресторан, где уже собрались несколько сотен слушателей. Хэри сел за один из столиков, а Телгир поднялся на трибуну. Председатель собрания сказал несколько слов, представив оратора, и Офальд начал говорить.

– Я приехал в Инбрел, чтобы найти братьев по духу, и нашел их. Я восхищаюсь вами, поскольку прекрасно вижу,

как тяжело в наше время оставаться допропорядочным римнагцем, желающим своему народу процветания, государству – возрождения, а всей нации – объединения на римнагских землях. Но разве этого желают нынешние власти, с их ксармистскими лозунгами, йеревским стяжательством и коммунистическим мировоззрением? Нет, они делают все, чтобы жители Инбрела развлекались и танцевали, забывая о нашей нужде, и постоянно придумывают для них новые развлечения, чтобы их порочный блеск затмевал нищету и боль нации. Сегодняшняя столичная жизнь систематически ставит сами собой разумеющиеся гигиенические правила расы с ног на голову; из ночи эти йеревы делают день, они организуют эту пресловутую ночную жизнь и точно знают, что действует она медленно, но верно, разрушая одного физически, другого духовно, а в сердце третьего вкладывая ненависть, когда тот видит, как разгульно живут другие. Театры, которые наш великий композитор Ренгав хотел видеть когда-то затемненными, чтобы добиться высшей меры освященности и святости, и строгости, и высвобождения индивидуума из-под всех нужд и бед, стали рассадником порока и бесстыдства. Оголенные ляжки и груди превратились в современных идолов, город переполнен сутенерами, продающими женскую плоть за деньги, а любовь, которая для миллионов других означает высочайшее счастье, превратилась в низкопробный товар. Само понятие чистой и крепкой семьи подвергается сомнению, компрометируется даже вера в бога, и для многих со-

тен тысяч инбрелцев, оказавшихся внутри этого порочного кольца из самого низкого обмана и надувательства, остаются только две возможности – или отчаяться и повеситься, или стать подлецом.

Речь Телгира встречали довольно прохладно, отмечая самые удачные его фразы лишь жиденскими хлопками, но, когда Офальд замолчал, Дрефлонюд встал со своего места и громко, демонстративно зааплодировал. Через секунду хлопал уже весь зал.

* * *

После невероятного успеха акции протеста в "Норке", обеспокоенный комитет партии постановил: "Объяснить господину Телгиру необходимость поубавить активность". Закусивший удила глава отдела пропаганды настаивал на проведении двух масштабных митингов в неделю, и собирался выступать на каждом из них. Дрефе прямо высказал свои опасения Скелрерду.

– Мне кажется, что амбиции Офальда становятся слишком явными и могут повредить как партии, так и лично вам, Нотан.

– Каждое революционное движение должно иметь диктаторскую нотку в своем оркестре, – спокойно отвечал председатель НСРРП. – Я считаю нашего Телгира наиболее подходящим оратором для нашего движения и не нахожу из-за

этого, что меня оттеняют на дальний план. Кроме того, в партии у меня по-прежнему больше сторонников, поэтому никакая опасность не угрожает ни мне, ни нашему движению.

Но весной начались серьезные трения между Телгиром и Скелрердом, причем комитет партии неизменно вставал на сторону своего председателя. НСРРП пыталась налаживать контакты с другими региональными движениями "с целью тесного сотрудничества", сближаясь то с Римнагским Социалистическим союзом, то с Национальной силой, однако Офальд требовал прекратить любые контакты с другими партиями. Он был ярким противником любых слияний и объединений, настаивая на роспуске всех прежних движений и приеме их бывших членов в НСРРП в индивидуальном порядке. Нотану приходилось соглашаться, тем более, что Телгира поддерживали Каркэт и Рербогнез, а сам он мог опереться только на Дрефе, который к тому же постоянно колебался, склоняясь то к позиции первого, то к доводам второго. К концу мая, когда от этого противоборства между председателем партии и ее главным оратором лихорадило уже весь партийный комитет, Телгир неожиданно предложил свою кандидатуру для намечавшейся на июнь поездки в Инбрел, хотя до этого неизменно отказывался вести переговоры с другими националистическими или правыми движениями, предоставляя эту роль Скелрерду. Партия одобрила поездку, и Офальд отбыл в столицу.

За день до отъезда он тайно попросил приехать на Исе-

тарсатш, где для него уже снималась двухкомнатная квартира, Каркэта, Рессэ, Мера и Намана. Фарг сидел в каталожке за драку с очередными коммунистскими горлопанами, пытавшимися напасть на агитгруппу НСРРП, а Ревеб и Сорим должны были поехать в Инбрел вместе с Телгиром. Офальд без обиняков сообщил собравшимся, что ожидает провокаций со стороны Скелрерда и комитета партии, и попросил держать его в курсе всех происходящих событий посредством телеграмм и телефонных звонков. Отвечать за ежедневные отчеты перед Телгиром вызвался Марген Рессэ.

– В Инбреле меня обещали свести с несколькими очень важными людьми, – говорил Офальд, стоявший вполоборота у большого окна. – Их помощь как партии, так и мне лично может оказаться неоценимой. Особенно в свете событий, которые я предвижу.

Собравшиеся покивали, еще раз заверили Телгира в своей преданности и разошлись. На самом деле, глава пропаганды НСРРП ничего такого не предвидел. Просто накануне у него была беседа с окончательно определившимся со своими симпатиями (поставившего на более перспективную лошадь, как цинично подумал Офальд) Фодгиртом Дрефе. Он сообщил, что во время отсутствия Телгира комитет партии по инициативе Скелрерда собирается возобновить переговоры с правыми социалистическими партиями об объединении или сотрудничестве с НСРРП. Противники главного оратора партии с молчаливого согласия Нотана даже откры-

то называли его "фанатичным выскочкой" и "безумным диктатором". Выслушав Дрефе, Офальд пришел в ярость. Всю ночь он размышлял, каким образом можно повернуть ситуацию так, чтобы из неблагоприятной, или, в крайнем случае, патовой, она стала для него очередной точкой отсчета на его стремительном карьерном политическом пути.

– Выскочка вам еще выскочит, – бормотал Телгир, запустив пальцы в нечесанные темные волосы и уставившись в противоположную стену невидящими, полубезумными глазами с покрасневшими веками. От постоянного недосыпа и крайнего нервного истощения его левая рука то и дело начинала дрожать, темные полукружья под глазами уже не светлели, часто болел желудок. Офальд стал страдать запорами, чего с ним никогда не случалось, и пару раз даже плакал от боли, сидя в нужнике.

К утру план действий был готов.

* * *

В течение всех полутора месяцев, которые Телгир провел в Инбреле, он, помимо нескольких крайне важных знакомств и сбора в партийную кассу сорока тысяч марок, внимательно изучал донесения Рессэ и пытался определить правильный момент для своего возвращения в Хенниом. Офальд смертельно боялся опоздать, чувствуя угрозу своему положению в партии, но торопиться тоже было нельзя: он должен

был нанести один, точный и сильный удар, который позволит ему исполнить задуманное. Права на ошибку и второй попытки у Телгира не было.

В Хеннюме тем временем события развивались стремительно. С отъездом вздорного оппонента Нотан Склеррд поторопился наладить контакты с главой Римнагского Социалистического союза, базировавшегося в вабаярийском Грербньюне, Юлуси Трехшреем. Когда переговоры зашли достаточно далеко, Телгир неожиданно для всех вернулся в Хеннюм, и после бурного заседания комитета партии, на котором осмелевшие соратники потребовали от главы пропаганды отчета о его поведении, сделал давно задуманный ход. Сухо отчитавшись о проведенных за полугодие мероприятиях, особенно выделив суммы, поступившие за этот период в партийную кассу и неоднократно возросшее количество членов НСРРП, глава отдела пропаганды подал в отставку, заявил о выходе из партии и покинул заседание.

Пока Офальд сидел в своей квартире на Исетарсатш и трясся от страха, что комитет партии осмелится принять его заявление, в нескольких километрах от него точно также тряслись члены комитета. За последние восемнадцать месяцев Телгир стал незаменим для Национал-Социалистической Римнагской Рабочей партии. Его ораторские и организаторские способности, а также постоянно расширяющиеся связи привлекали в партийную кассу баснословные суммы. Именно Офальд возглавлял делегацию партии во вре-

мя ее встречи с главой правительства Вабаяри Тугавсом Раком, пожелавшим лично познакомиться с человеком, который точно также, как и он сам, призывал к свержению существующего государственного строя. После этой встречи Рак публично похвалил целеустремленного Телгира в вабаярийском парламенте, процитировав слова Лорьфуда Сесга, одного из самых фанатичных почитателей главного оратора партии: "Телгир убежден, что новый подъем возможен только в том случае, если удастся вернуть большие массы, в том числе и рабочих, к национальной идее. Это на редкость неиспорченный, чистый характер, полный сердечной доброты, религиозный, ревностный католик. У него только одна цель – благо своей страны". Поэтому уход "фанатичного выскочки" для абсолютного большинства комитетчиков означал бы крах НСРРП. Тем же вечером партия отправила Телгиру официальное письмо, в котором говорилось, что его отставка не принята. Офальд хранил молчание три дня, в течение которых дверь в его квартиру открывалась только для Ребева, Сорима и Намана, приносивших своему лидеру еду и никого к нему не впускавших. По истечению трех дней Телгир послал комитету НСРРП многословный ультиматум, над составлением которого начал трудиться еще в Инбреле. После нескольких абзацев с упреками и обвинениями, где главный оратор партии дал волю эмоциям, обвиняя членов комитета во множестве грехов, следовали пункты условий, при соблюдении которых Офальд соглашался вернуться в пар-

тию (см. Приложение 2).

Завершался ультиматум словами: "Компенсации с нашей стороны полностью исключаются". Уже на следующее утро Телгир получил ответ: "Комитет готов в порядке признания Ваших колоссальных познаний, Ваших достигнутых редкой самоотверженностью и на общественных началах заслуг в деле процветания движения и Вашего редкостного ораторского дара предоставить Вам диктаторские полномочия и будет очень рад, если Вы после Вашего возвращения в партию займете уже неоднократно и еще задолго до этого предлагавшийся Вам Скелрердом пост первого председателя. Скелрерд останется тогда в комитете на правах члена и если это отвечает Вашему пожеланию, то и членом исполнительного комитета. Если Вы сочтете необходимой для движения его полную отставку, то это должно быть заслушано на очередном годовичном собрании".

Офальд тут же составил призыв к чрезвычайному общему собранию НСРРП, подписал его собственным именем и поручил Рессэ и Рербогнезу, также подписавшимися под заявлением, размножить и распространить листовку среди членов партии. Нотан Скелрерд, преданный большинством членов комитета, решил действовать. Прихватив с собой воззвание Телгира, он отправился в хенньюмское полицейское управление, где попытался написать заявление о том, что лица, подписавшие призыв к созыву собрания, не являются членами партии (вслед за объявлением Телгира о своем вы-

ходе из НСРРП Скелрерд тут же изгнал из партии одного из главных ее ораторов Рэссе, и отвечавшего за партийную газету Рербогнеза), и, следовательно, не имеет права распространять какие-либо воззвания среди ее членов. Кроме того, Нотан заявил, что в планах Офальда есть преступный умысел, поскольку он планирует революцию и насильственный захват власти, тогда как сам Скелрерд в качестве председателя партии действует только законным путем. К разобидевшемуся слесарю присоединился управляющий делами партии Люрьфуд Слерсюш, утверждавший, что Телгир созвал для себя оплачиваемую деньгами НСРРП банду охранников, набранную из числа бывших участников вабаярийских добровольческих отрядов и ополченцев, вышвырнутых оттуда за убийства, мародерство и насилие. О заявлениях Нотана с Лорьфудом тут же сообщили Меру с Пэпом, которые обратились к шефу полиции Репену, после чего заявителям официально ответили, что все вышеперечисленное вне компетенции полицейских сил.

Одновременно с обращением Скелрерда к властям его сторонники в комитете выпустили несколько анонимных, враждебных и во многом оскорбительных листовок. "Жажда власти и личные амбиции заставили господина Офальда Телгира вернуться и занять свой прежний пост после шестинедельного пребывания в Инбреле, цель которого до сих пор не ясна. Он считал, что пришло время внести в наши ряды сумятицу и раскол, опираясь на смутьянов, стоящих

за его спиной, и играя тем самым на руку йеревам и их друзьям. С каждым днем становилось все более очевидно, что цель его проста – использовать Национал-Социалистическую Римнагскую Рабочую партию как трамплин для достижения собственных сомнительных целей. Особенно наглядно свидетельствует об этом ультиматум, посланный руководителям партии несколько дней назад, в котором Телгир среди прочего требует сделать его единственным лидером партии и распустить членов комитета, включая слесаря Нотана Скелрерда, ее основателя и вождя. А как он вел себя во время этой кампании? По-йеревски! Искажая и извращая факты! Национал-социалисты, задумайтесь! Не совершайте непоправимых ошибок! Телгир – самый настоящий демагог! Он считает, что сможет и впредь предлагать вам всякого рода истории, в которых есть все что угодно, кроме правды!" В другом подметном письме авторы заходили еще дальше: "Властолюбие и личное тщеславие Телгира обернулось тем, что он стал вносить разброд и шатания в наши ряды и тем самым лить воду на мельницу йеревства и его пособников. В своем диктаторском фанатизме он собирается использовать партию как трамплин для своих нечистых целей, и нет никаких сомнений в том, что он является инструментом темных закулисных заправил, недаром же он в страхе скрывает от всех свою личную жизнь и свое происхождение. На вопросы со стороны отдельных членов партии, на что же он, собственно, живет и кем он раньше работал, он всякий раз реа-

гировал гневно и возбужденно. Так что его совесть не может быть чиста, тем более, что его выходящие за все рамки связи с женщинами, перед которыми он уже не раз называл себя "хенньюмским королем", стоят очень много денег". Наконец, еще один плакат прямо заявлял: "Офальд Телгир болен манией власти. Тиран должен быть свергнут!"

Полиция, которой Офальд через Стрэна Мера пригрозил судом, быстро запретила размножать и распространять все эти печатные пасквили, хотя некоторое их количество все же успело разойтись по городу. Трихид Каркэт и Фодгирт Дрефе вызвались выступить посредниками в ссоре между Склрердом и Телгиром, в результате чего было решено созвать чрезвычайное общее собрание членов партии, назначенное на последний четверг июля. Вел его исключенный из партии Рессэ, который быстро и умело завладел настроениями соратников и совершенно однозначно представил суть разногласий между председателем партии и главой ее пропаганды. В результате, во время голосования позиция Телгира получила 553 голоса, а Склрерда – один. Тут же Нотан был признан "вечным" почетным председателем партии, переизбранный комитет НСРРП состоял только из людей, лояльных Офальду, сам Телгир вернулся в партию, получив билет под номером 3268, и стал председателем-диктатором.

В тот же вечер на наспех созванном митинге в цирке "Норке" Марген Рессэ под нескончаемые аплодисменты четырех тысяч человек торжественно представил нового председате-

ля, назвав его "наш рефюр".

Приложение 2. Ультиматум Телгира

отставка дискредитировавшего себя комитета;

пост первого председателя НСРРП с диктаторскими полномочиями и титул "рефюра" (лидера), с обязательным его приветствием резко поднятой вверх правой рукой с вытянутой кистью и криком "айльх!" (и титул, и приветствие, и крик Телгир позаимствовал у последователей своего ивстаярского кумира, Рогера Ершнере);

очищение партии от проникших в нее чуждых элементов;

запрет изменения названия и программы партии (над этим пунктом Телгир думал особенно долго, поскольку он изначально был против слова "социалистическая" в названии НСРРП, на чем в свое время настояли Скелрерд и Дрефе, однако изменения в названии могли негативно отразиться на образе партии и ее будущего лидера);

сохранение лидерства в движении за хенньюмским отделением НСРРП;

запрет на слияние с другими партиями (поколебавшись, Офальд разрешил их присоединение).

Глава двадцать шестая.

32 года. Продолжение

Хенниом, Римнагея. Август – ноябрь

В первый вторник августа специальным указанием Телгира на базе разрозненных групп порядка были созданы специальные отряды вооруженных бойцов, названные аббревиатурой АГ – Атакующая Группа. На заседании комитета партии Офальд заявил, что мир ксармистов был образован в результате террора, и также прибегал к этому средству во время борьбы с НСРРП. Поэтому партия просто обязана защитить себя, своих членов, руководство и сторонников тем же методами грубой силы, которые уже не первый год действуют на территории Вабаяри и всей Римнагеи. Рефюр призывал своих бойцов быть тараном националистического движения, воспитываться как в духе подчинения руководству партии, так и в духе революционной воли. Стрэн Мер, принявший самое деятельное участие в создании АГ, прекрасно понимал, что имел в виду Офальд, неоднократно прямо выражавший свои мысли в узком кругу своих приближенных. Лидер НСРРП любил повторять: "Кем бы нас не выставляли власти, шутами или преступниками, главное – о нас говорят, нас замечают, с нами считаются". Телгир призывал сторонников не стесняться в средствах и внушил им свою собственную уверенность в том, что власть партия сможет получить толь-

ко силой, и для этого будущего "революционного захвата" Мер готовился передать в распоряжение АГ немало оружия из армейских тайников. Пока же бойцы НСРРП вооружались заостренными палками и камнями.

В тот же день, сидя за своим излюбленным (и изрядно выросшем в размерах) столиком в "Кехе", Офальд внимательно слушал очередную статью Лорьфуда Сегса, не так давно ставшего очередным членом круга избранных, с которыми рефюр практически не расставался. Сегс, молодой человек с квадратным лицом, самой заметной частью которого были густые брови, не занимал никаких официальных должностей в партии, однако выполнял множество различных поручений Телгира, от создания досье на заметных членов НСРРП до налаживания контактов с высшими кругами Хенньюма, художниками, писателями и аристократами. Еще одним проводником Офальда в мир вабаярийского высшего общества стал присутствовавший здесь же Камс Бейнорш-Ретрих, рано облысевший мужчина с тонкими усиками и в пенсне, выходец из семьи музыкантов, девять лет назад женившийся на богатой вдове ветеран Великой войны, ставший дипломатом. Теперь он вместе с Лорьфудом и Каркэтом работал над очередным заданием: еще в одной из своих первых речей перед сторонниками Римнагской Рабочей партии Офальд говорил об особенной роли вождя националистического движения, наделенного самыми широкими полномочиями. Теперь пришло время создавать образ этого самого вождя, и Сегс, Кар-

кэт, Рессэ без устали писали статьи о рефюре в партийную газету.

– Речь идет о циркуляре, – читал с листа Лорьфуд, – который мог подписать только бескорыстный, самоотверженный, беззаветный и честный человек. Офальд Телгир, со свойственными ему целеустремленностью и бдительностью, делает и будет делать все для спасения нации от гнусной йеревской заразы, глубоко пустившей корни в восприимчивом, наивном сознании великого римнагского народа. Целебной мазью пройдет он по ксармистской язве на теле Римнагеи, а в случае надобности выжжет каленым железом отравленную плоть. Созданные рефюром отряды АГ станут не только инструментом для защиты нашего движения, но и в самую первую очередь начальной школой для грядущей борьбы за свободу внутри страны. Дух беззаветной решимости правит этими людьми, преданными бойцами партии и ее лидера, Офальда Телгира.

Мер, лично подбиравший людей для отрядов НСРРП, отлично угадал общее настроение солдат и офицеров, которых, казалось, ждала великолепная послевоенная карьера, и которые после Ларвьесского договора были вынуждены испытать общее для римнагцев чувство унижения и пойти на обычные, нередко черные работы, а то и вовсе остались без куска хлеба и крыши над головой. Эти люди с удовольствием вновь облачались в форму, пусть и другого цвета, подчинялись военной дисциплине, царившей в отрядах Мера, и го-

товы были выполнить любое распоряжение лидеров партии. Сам Телгир призывал: "Записываться в АГ должны только те, кто хочет слушаться своих руководителей и готов, если надо, пойти на смерть".

Когда Сегс закончил чтение статьи, Сорим, Ревеб, Фарг, Наман и Рессэ захлопали, Каркэт прищурился и заулыбался, а Телгир одобрительно кивнул своему протеже.

– Отряды АГ очень важны для партии, – негромко сказал он, и все присутствующие тут же обратились в слух. – Этими молодцами, облаченными в униформу, проект которой я уже начал разрабатывать, мы демонстрируем всему римнагскому народу не только готовность к обороне от ксармистских негодяев, но и нашу возможность отстаивать свои позиции с оружием в руках. Жестокость импонирует людям, которые нуждаются в целебном страхе. Они хотят чего-то бояться. Они хотят, чтобы их пугали, и чтобы они, дрожа от страха, кому-то подчинялись.

Присутствующие переглянулись. Они не совсем поняли мысль Телгира, который тут же завелся и повысил голос.

– Разве вы не были повсюду свидетелями того, как после побоищ в залах те, кого избили, первыми вступали в партию? И не болтайте о жестокости, не возмущайтесь мучениями, не отталкивайте террор. Масса хочет этого. Ей нужно чего-то страшиться.

Офальд пожевал губами и поднялся со своего места.

– Как бывший глава пропаганды партии и как ее нынеш-

ний лидер я утверждаю, что риторика – это лишь часть средств для достижения наших целей. Акции грубого насилия станут гораздо более эффективным способом воздействовать на сознание нашего народа.

Он направился к выходу из кафе в сопровождении Сори-ма и Ребева. Сегс и Каркэт что-то строчили в своих блокнотах, Наман поспешно допивал кофе, Фарг глупо улыбался, а Рессэ задумчиво смотрел вслед рефюру, беззвучно шевеля губами.

* * *

В конце октября сразу несколько коммунистских газет написали о покушении на депутата вабаярийского парламента Уарэ. Статьи об этом инциденте заканчивались практически одинаково: ксармисты обещали возмездие крикливой националистской шантрапе, которую раз и навсегда раздавит мускулистая рука красных рабочих. Разведывательный отдел НСРРП, незадолго до этого сформированный все тем же вездесущим Сегсом, доложил Телгиру о готовящейся силовой акции социал-демократов. Дождливым ноябрьским вечером, за два часа до начала очередного партийного митинга, который должен был состояться в Большом зале "Хай-фобосхура", в партийный комитет поступили точные сведения о массовом сборе рабочих с нескольких проксармистских предприятий. В этот самый день партийная организа-

ция как раз переезжала из полутемной пивной на Сенхша-стрер в новое просторное помещение на улице Слошикстеренасур, неподалеку от хенньюмского театра оперетты. Из-за неразберихи, вызванной переездом, и отсутствия телефонной связи, к восьми вечера в маленьком помещении, прилежавшем к заполненному до отказа Большому залу "Хайфобосхура", собрались всего с полсотни бойцов АГ в униформе и с нарукавными повязками, которым должны были противостоять давно прошедшие внутрь семьсот рабочих. Полиция перестала пускать в пивную новых слушателей, поэтому несколько сотен сторонников НСРРП, спешно вызванных Рессэ, остались томиться у главного входа в здание. Офальд, бледный от страха, вошел в маленький зал вместе с Ребе-вом и Соримом, давно выполнявшими обязанности личных охранников рефюра. Увидев свой небольшой, растерявшийся от собственной малочисленности отряд, Телгир постарался взять себя в руки.

– Сегодня вам впервые представится случай показать на деле, насколько вы преданны нашему делу, – начал он как можно более твердым голосом. – Никто из вас не должен и не смеет покинуть зал собрания – разве что его вынесут оттуда мертвым. Сам я во что бы то ни стало останусь в зале собрания и надеюсь, что никто из вас меня не покинет. Если же я замечу, что кто-нибудь из вас струсит, то я лично сорву с него повязку и отниму у него партийный значок. При первых же попытках внести беспорядок в собрание я приказываю

ваю вам моментально наступать. Помните, что наступление есть лучшая защита. Хранит вас бог, ребята.

Отряд ответил троекратным "айльх", и Офальд вошел в Большой зал. Рабочие сидели плотно, заняв несколько соседних рядов, и при виде Телгира с мест послышались выкрики, вроде "сегодня вам выпустят кишки", "готовьтесь навсегда закрыть свой рот" и прочих недвусмысленных обещаний. Рессэ, председательствовавший на собрании, представил слово лидеру партии. Трибуна, с которой выступал Офальд, находилась в самом центре зала, и слева от нее были ряды, заполненные рабочей молодежью с красных фабрик. Ребев и Сорим заняли свои места позади рефюра, с тревогой следя за скоплением пустых пивных кружек под ногами ксармистов.

Речь Телгира, говорившего о возможных путях избавления Римнагеи от навязанных ей странами-победительницами чудовищных обязательств по выплате репараций, длилась больше часа, когда один из рабочих, невысокий коренастый блондин с изъеденными оспой щеками вскочил на стул и пронзительно закричал: "Свобода!" Это был условный сигнал к началу нападения. В секунду весь Большой зал одной из самых уважаемых хенньюмских пивных превратился в огромную свалку. В воздухе летали глиняные кружки, одна из которых угодила в голову Ребеву, рабочие ломали стулья и орудовали их ножками, как дубинами, но бойцы АГ под предводительством Сорима и Сегса сумели окружить трибу-

ну, чтобы не дать расsvирепевшим ксармистам добраться до своего лидера. Офальда, скорчившегося под непрочной деревянной конструкцией, в которую уже ударили несколько кружек, била крупная дрожь.

Постепенно отряд АГ, благодаря своей выучке и слаженности действий, начал теснить противников, дробя их на небольшие группы по пять-десять человек, избивая и спуская с лестницы. Вдруг из-за двери в зал послышались выстрелы и в помещение ворвался Мер с группой из нескольких десятков человек. Он прорвал полицейский кордон у здания, чтобы прийти на помощь своей дружине, и после еще нескольких пистолетных выстрелов в воздух рабочие начали спасаться бегством. Тех, кто был настолько избит, что не мог бежать, Мер с новоприбывшими грубо выталкивали из зала, стараясь покалечить еще сильнее. Расsvирепевшие члены Атакующей Группы сильно били лежавших или ползком передвигавшихся к выходу по коленным чашечкам, наступали им на пальцы тяжелыми сапогами, ломая их, и били по спинам ножками стульев. Одного из ксармистов, потерявшего сознание молодого парня лет двадцати с выбитыми зубами, сломанным носом и надорванным ухом, уволокли товарищи. Наконец, в развороченном Большом зале остались только бойцы АГ, большая часть которых утирала кровь с разбитых лиц, и несколько членов НСРРП. Рессэ потирал ушибленный бок, у Сегса распухла верхняя губа и правое ухо, дюжий Ребев, разбивший костяшки пальцев о зубы од-

ного из смутьянов, сидел на полу, обхватив руками гудевшую голову. Сорим подал руку Телгиру, чтобы помочь тому выбраться из-под трибуны, но тут же выпрямился и приказал всем присутствующим очистить помещение. Только когда последний партиец покинул Большой зал, Офальд вылез из своего убежища и поспешил накинуть на себя старый плащ. Решив, что выстрелы – это покушение на лидера партии, он обмочился.

* * *

Рифц Крогпаусемт, судья хенньюмского народного суда, утомленно вздохнул. Заседание коллегии в чересчур натопленном, душном помещении едва началось, а Рифц, тучный седовласый мужчина с пухлыми красными губами и большой бородавкой на щеке, уже чувствовал, что сильно устал от поведения обвиняемых, трех наглых, самодовольных, развалившихся на стульях и презрительно поглядывавших на судей членов Национал-Социалистической Римнагской Рабочей партии Офальда Телгира, Маргена Рессэ и Сакора Ренкера. Рифц внимательно посмотрел на лидера этой ультраправой группировки, сторонники которой называли его "рефюр". Они начали собираться у зала суда едва начало светать, и к началу заседания число их перевалило за сотню. Эти молодые люди довольно грозного вида скандировали "Свободу!", кричали ободрительные слова обвиняемым,

задирали полицейских и случайных прохожих, и не боялись, казалось, никого и ничего. Офальд, поигрывавший небольшим хлыстиком, показался Крогпаусемту крайне неприятным. Свою велюровую шляпу он небрежно бросил на соседний стул, вызываяще коротко подстриженные усики были более узкими, чем нос с некрасивыми широкими ноздрями, бледное худое лицо кривилось в усмешке, водянисто-синие глаза чуть навывкате смотрели прямо и твердо. Снова вздохнув, Рифц опустил взгляд и в очередной раз погрузился в материалы дела.

В середине сентября группа молодых националистов в темно-серых гимнастерках во главе с Офальдом Телгиром, Маргеном Рессэ и Сакором Ренкером ворвалась в зал, где проходило собрание Вабаярийской Лиги. Эта партия под бело-синим флагом выступала за федерализацию Римнагеи, отрицала республику в пользу империи, но поддерживала социалистические реформы нынешнего правительства. Лидером Лиги был инженер Тоот Дештеллабтер, очень популярный в среде горожан оратор, потерявший глаз на Великой войне. Члены НСРРП кричали "Телгир!" и "Римнагея!", не давая выступавшему Дештеллабтеру сказать и слова, а затем Рессэ вскочил на стул и с криком "Грязные йеревы виноваты в бедах Вабаяри!" бросил в оратора камнем. Пораженная аудитория практически не сопротивлялась. Тоота стащили с трибуны, несколько раз ударили в лицо и оставили лежать на полу, истекая кровью. Когда полиция арестовала Телгира,

он самодовольно заявил: "Все в порядке. Мы достигли своей цели: Дештеллабтер так и не смог выступить".

Заседание суда проходило через два месяца после этих событий, а всего несколько дней назад, по слухам, в Большом зале "Хайфобосхура" произошла настоящая бойня между коммунистами и националистами, однако ни свидетелей, ни жалоб, ни арестов со стороны полиции так и не последовало. Мало того, новое вабаярийское правительство (Рак был вынужден уйти в отставку) подтвердило за Офальдом право на ношение оружия! Рифц снова поднял глаза от бумаг, и неприязненно посмотрел на обвиняемых. Крики с улицы в их поддержку проникали в зал даже через толстые стены и плотно закрытые окна.

– Обвиняемый Телгир, встаньте, – сухо сказал Крогпаусемт. Тот выдержал оскорбительно долгую паузу, чем окончательно вывел из себя судью, и нехотя поднялся на ноги. – Успокойте своих людей, или я прикажу начать аресты.

Офальд молча развернулся и вальяжно пошел к выходу. В сопровождении полицейского он вышел из зала в длинный узкий коридор, опоясывающий здание, оставив дверь открытой и в наступившей тишине, нарушаемой лишь криками снаружи, все услышали, как скрипнула створка открываемого окна. Крики превратились в приветственный рев, но уже через несколько мгновений все стихло. Телгир что-то сказал негромким твердым голосом, и оконные стекла в здании суда дрогнули от дружного громогласного "Айльх!" Офальд вер-

нулся в зал, аккуратно прикрыв за собой дверь и уселся на свое место, заложив ногу на ногу.

– Продолжайте, судья, – сказал он тем же негромким голосом, каким разговаривал только что со своими подчиненными. Рифц с ненавистью посмотрел на наглеца и дал команду к началу заседания.

Через несколько часов Телгира, Рессэ и Ренкера осудили по обвинению в нарушении общественного порядка, публичном непристойном поведении и нападении. Офальд и Марген получили тюремный срок в сто дней, Сакор отделался штрафом в тысячу марок. В тюрьму Телгир с Рэссе должны были отправиться только в июне.

Той же ночью у дома судьи Рифца Крогпаусемта сгорел его новенький личный автомобиль, аккуратно выведенный из крепко запертого гаражного помещения, переделанного из старой конюшни. Расследование полицией взлома и поджога никаких результатов не дало.

Глава двадцать седьмая. 33 года

Хенниом – Губрок, Римнагея. Июнь – октябрь

– Еще два года назад я только мечтал о том, что в Римнагею однажды придет некая железная голова, может быть, в грязных башмаках, но с чистой совестью и мощным кулаком, которая покончит с говорильней паркетных шаркунов и одарит нацию делом. Сегодня я вижу, что партия находится на правильном пути, и до последней капли крови я буду исполнять ее волю.

В оглушительном громе аплодисментов Офальд спустился с возвышения в центре роскошного пышно отделанного зала старинного хенниомского ресторана "Кволспентикрен", и в окружении четырех личных охранников направился к своему столику. Овации не умолкали еще с минуту, пока рефюр, ужинавший в одиночестве, не махнул рукой. Только тогда все присутствующие расселись по своим местам и принялись за еду. Праздничный ужин был приурочен к поступлению в ряды АГ тысячного бойца, тонкого белобрысого студента в очках, получившего из рук Телгира золотой памятный значок. В зале, помимо членов Атакующей Группы, только что получивших новенькую униформу коричневого цвета и рассаженных за столики согласно своему делению на сотни, присутствовали и руководители этих отрядов во главе с Стрэном Мером, однако сидели они отдельно от Офальда.

В последние месяцы лидер НСРРП, неоднократно обсуждавший этот вопрос с Трихидом Каркэтом и Маргеном Рессэ, начал последовательную работу над созданием собственного образа, призванного упрочить культ вождя в рядах членов партии и ее сторонников. Для этого Телгир все чаще отдалял от себя привычный круг приближенных, превратив Ребева, Фарга и Сорима в личных охранников и садясь за стол только с однопартийцами, бывшими на руководящих постах. Он часами отрабатывал различные позы перед зеркалом, лично проверил акустику всех больших хенньюмских залов, чтобы вычислить, какие из них требуют большего напряжения голоса, созывал массовые собрания только в зданиях с несколькими выходами и примыкающими к основным залам подсобными помещениями, для эффектных появлений и исчезновений. Офальд придавал большое значение силе ритуалов с выносом знамен, криками "айльх!", приветствиями, песнями и музыкой, а также придумал проводить серийные митинги, по восемь-десять за вечер, заявляя себя главным докладчиком на каждом из них, но появляясь лишь на одном-двух ближе к концу. Публика, подогретая гремящими маршами и короткими звучными речами других ораторов, с лихорадочным нетерпением ждала выступления Телгира, и когда он появлялся в зале, чаще всего прямо во время очередного доклада, атмосфера в помещении накалялась до предела.

Речи рефюра распалили слушателей еще больше: он гово-

рил об ожесточении, охватывающем римнагскую нацию, которая начала замечать, что ни достоинства, ни красоты, обещанных ей в ноябрьскую революцию, что-то не видно. Он говорил о йеревском заговоре и поддержке жиреющими богачами разорительных положений Ларьвесского договора, об унижении отечества и коммунистической угрозе, тянущей красные лапы из Сясиора, о несчастной судьбе римнагских женщин, теряющих свою чистоту с коварным йеревским отребьем и о разрушительном влиянии стран-победительниц на нищую Римнагею, вместо хлеба и рабочих мест предоставивших ей искусство в стиле модерн, музыку маарикейских рабов, пошлые прически и платья. Телгир призывал с риском идти на то, что кажется невозможным.

– То, что сегодня пробивает себе дорогу, будет повеличественнее Великой войны, – это будет битва на римнагской земле за весь мир! Есть только две возможности: мы станем жертвенным агнцем или победителями! Говорят, что мы – горлопаны-антийеревисты. Так точно, мы хотим вызвать бурю! Пусть люди не спят, а знают, что надвигается гроза. Пусть мы негуманны, но если мы спасем Римнагею, мы свершим величайший в мире подвиг!

Стоя в своей излюбленной позе, с запрокинутой головой и вытянутой вперед рукой с повернутым вниз указательным пальцем он скандировал вместе со всем залом "Римнагея! Римнагея!", и после выступлений часто был вынужден переодеваться: одежда насквозь промокала от пота, а гимнастер-

ка окрашивала белье в синий цвет.

Быстро поужинав, Офальд в сопровождении охраны покинул зал, вызвав очередную бурю приветственных криков. Он торопился в контору на Слошикстеренасур, где должен был дать последние указания по ведению партийных дел Наману, Рербогнезу, Сесгу и Ренкеру. Назавтра рефюр вместе с Рессэ должен был явиться в тюрьму Дайхельмашт, чтобы начать отбывать стодневный тюремный срок. Накануне начальник полиции Хенньюма Стрэн Репен, друг Рака и Пэпа, лично явился к Телгиру, попросив его в приватной беседе о соблюдении порядка членами и сторонниками НСРРП и особенно подчеркнул, что следует избежать каких-бы то ни было провокаций со стороны бойцов АГ. Офальд, которому давно были обещаны уютная камера, избавление от необходимости соблюдать тюремный режим, неограниченный доступ к книгам, газетам и письменным принадлежностям, возможность ежедневных посещений, а также питание из любых хенньюмских ресторанов, на его выбор, милостиво согласился выполнить просьбу Репена.

Совещание в штаб-квартире партии затянулось далеко за полночь, и к зданию тюрьмы Телгир с Рессэ подъехали только к обеду. Здесь, попрощавшись короткой речью с несколькими десятками членов НСРРП, Офальд неспешно отправился отбывать свой тюремный срок, тут же заказав себе и Маргену еду из близлежащего ресторана. Лишь вечером они узнали, что в Инбреле боевиками радикальной терро-

ристической организации "Сункол" был убит министр по международным отношениям йерев Ревталь Атенуар. Воскресным утром, когда он ехал в своем кабриолете на работу, из соседней машины в министра выстрелили из автомата и бросили гранату. Атенуару в вину вменялись, во-первых, его йеревство, а во-вторых, недавнее подписание договора с красным Сясиором, согласно которому обе стороны прощали друг другу все долги, отказывались от возмещения военных расходов и убытков, а также обязались наладить крепкие торговые отношения и даже наладили обмен опытом в реорганизации вооруженных сил.

Узнав об убийстве, Телгир, прекрасно знавший лидера "Сункола" Маргена Трэдарха, мрачно сказал:

– Вот в чем отличие между интеллектуалами, избравшими террор средством для достижения высшей цели, и стреляющими направо и налево неандертальцами, не чувствующими нужного момента для применения силы. Вы увидите, Рессэ, как сейчас взвоят вся йеревская ксармистская шайка, и какие сложности встанут перед нами после этого никчемного и идиотического акта.

После пышных похорон, превратившихся в самое массовое в истории Римнагеи шествие, в котором приняли участие без малого два миллиона человек, напуганное правительство приняло ряд постановлений, сильно ослабивших все парвые партии и движения, в том числе "Закон о защите республики". В некоторых землях деятельность НСРРП была и вовсе

запрещена, и, хотя в Вабаяри партия по-прежнему оставалась разрешенной, благодаря горячим поклонникам Офальда Репену и начальнику уголовного отдела Рифку (о нем лидеры партии отзывались с особой теплотой, отмечая, что без его покровительства не вылезали бы из кутузки), вабаярский министр внутренних дел Цфарн Рейшев всерьез рассматривал вопрос о высылке в Ивстаяр иностранного гражданина Офальда Телгира, как зачинщика многочисленных беспорядков на улицах Хенньюма. Однако лидер местных социал-демократов Уарэ, тот самый, на которого было совершено покушение, приведшее к массовой драке в "Хайфобосхуре", воспротивился этим планам Рейшева, заявив, что они противоречат истинно римнагскому духу свободы выражения своего мнения и нарушают основы демократии.

Через 33 дня после начала отбытия их наказания Телгира и Рессэ освободили досрочно. День их выхода из тюрьмы превратился в красочное массовое шествие по Хенньюму, а на первое публичное выступление после заключения рефюра вынесли на трибуну на руках. В ответ на великодушные Уарэ Офальд произнес перед своими сторонниками эмоциональную речь, в которой обозвал республиканское правительство "притоном чужеродных мошенников", заявил о "коварных йеревских планах по завоеванию мира", а "предавшим страну" лидерам Социал-Демократической партии обещал "только одно наказание – петлю".

В середине августа несколько правых партий Вабаяри решили провести националистический митинг, направленный против "подлого йеревского закона о защите республики". Власти не препятствовали этому мероприятию, назначенному на третью среду месяца, а плотное кольцо полицейских и добровольцев, в число которых попали и бойцы АГ, должно было обеспечить защиту собравшихся от провокаций коммунистов. Офальд был в числе ораторов, и обставил свое появление на высоком деревянном помосте для выступавших с максимальной помпезностью, которая, как и было задумано, произвела невероятно сильное впечатление на собравшихся. Телгир вступил на площадь, где собрались около пятидесяти тысяч человек, под звуки марша, исполняемого двумя духовыми оркестрами. Члены АГ раздвинули толпу, образовав широкий коридор, по которому пошли Офальд и его однопартийцы, выстроившиеся в шесть колонн, с нарукавными повязками и знаменами. Поднявшись на трибуну, рефюр НСРРП заговорил о йеревах, стремившихся сделать нацию беззащитной как перед оружием врагов Римнагеи, так и в духовном отношении.

– Йеревы, принявшие закон о защите республики, решили заткнуть рот тем, кто протестует против развала страны. Но нас они не заставят замолчать! Мы будем бороться против

этого закона, не останавливаясь не перед чем, пусть и с помощью физического насилия. Римнагея превыше всего!

Он сошел с трибуны, сопровождаемый криками "айхль!" своих сторонников и аплодисментами всех остальных. Тем же вечером в приватном кабинете хенньюмского ресторана "Лекрпаснут" Телгир в сопровождении Рессэ, Сегса и Ренкера встречался с врачом Тоотом Пернигтитом, лидером крупного патриотического военнизированного движения под названием Лига Вабаяри и Империи, антиксармистской и антийеревской направленности. Тоот, выходец из семьи пивовара, сумел создать мощную партию, лозунгом которой был "Сначала Родина, потом мир!", и ратовал за возрождение старых имперских традиций, изгнание чужеземцев, уничтожение социалистических партий и усиление роли религии в обществе. Офальд с некоторой завистью следил за успехами Лиги с ее бело-синими знаменами, гербами древнего образца и огромными пышными собраниями в лучших хенньюмских залах. Из более чем полусотни тысяч членов движения тридцать были военными, а сам Пернигтит, по иронии судьбы походивший на йерева со своими карими печальными глазами, темными жесткими волосами и восточной формы носом, завязал тесные отношения с Репеном, Раком и Пэпом.

Все еще возбужденный после выступления на митинге, Офальд глотал ледяное пиво и слушал Тоота, предлагавшего не далее, как в сентябре, организовать путч, свергнуть пра-

вительство Вабаяри и установить в нем диктатуру. На роль диктатора Пернигтит предлагал Тугавса Рака.

– Сейчас, когда наши сторонники возмущены и обеспокоены драконовскими мерами, принимаемыми против всех истинно патриотических римнагских движений трусливыми инбрелскими социал-демократами, – проникновенно говорил Тоот, – настало время объединить усилия и освободить Вабаяри от республиканских оков. Главное – начать, и тогда вся Римнагея всколыхнется вслед за нами.

Телгир напряженно думал. Он прекрасно знал Тоота, которого активно поддерживал Стрэн Мер, как неплохого организатора, отличного идеолога и весьма посредственного лидера, трусоватого и нерешительного. Лига Вабаяри и Империи была самой сильной патриотической организацией в регионе, и добавить подобную мощь к далеко не такой многочисленной, пусть и уже достаточно громко заявившей о себе НСРРП, было очень соблазнительно. А в случае успеха переворота можно было не сомневаться, что рефюр сомнет своего союзника, который в свое время неизбежно должен был превратиться из соратника в оппонента. Наконец, Офальд сказал:

– Раскол, происходящий в римнагском обществе после принятия закона о защите республики, действительно кажется мне подходящим фоном для решительных действий. Мы должны спасти Римнагею от засилия йеревов и ксармистов, уничтожающих нашу страну изнутри как поганые чер-

ви, вгрызающиеся в сочное яблоко. Я, и Национал-Социалистическая Римнагская Рабочая партия в моем лице, даю вам согласие на переворот. В течение ближайших дней мы скоординируем наши усилия, разработаем план путча и спасем государство!

Уже к концу месяца посланник Телгира, недавно присоединившийся к партии Трук Екдюле, путешественник и активист с обширными связями, участвовавший в сборе денег для НСРРП, отправился на север Римнагеи, чтобы заручиться поддержкой тамошних националистов и подготовить распространение восстания по всей стране. Пернигтит пообещал договориться с лидерами остальных правых движений Вабаяри и склонить на свою сторону некоторых влиятельных политиков, после чего Офальд, предоставив этим двоим действовать, погрузился во внутрипартийные дела и реорганизацию групп АГ, насчитывавших уже более 1200 бойцов. К концу сентября, когда Екдюле вернулся в Хенниум и отправился к Тооту, чтобы подвести итоги работы по подготовке восстания, он застал Пернигтита во дворе его дома, наблюдающим, как шофер складывает объемистые чемоданы в кузов роскошного автомобиля. Лидер Лиги Вабаяри и Империи провалил переговоры как с другими партиями, так и с членами вабаярийского правительства, после чего в одностороннем порядке разорвал соглашение с НСРРП, и, никого об этом не предупредив, собрался в отпуск на Небодское озеро в Ривайшеяц. Трук поспешил к Офальду, обедав-

шему в ресторане "Империя", и сообщил ему о положении дел. Телгир, расшвыряв, швырнул тарелку с недоеденным супом в стену, чуть не зашибив при этом официанта, и заорал:

– Я был готов! Мои люди были готовы! Отныне я буду действовать один, если даже ни одна душа не последует за мной. К черту этих пернигтитов, раков, полковников и генералов! Эти господа ничего не сделают, а я сделаю! Один! Один!!!

Сорвавшись на визг, Офальд замолчал, сжав кулаки, с силой пнул ножку стола, схватил с вешалки свой старый плащ и быстрыми шагами вышел из помещения. Ребев, сидевший за соседним столиком, похлопал Екдюле по плечу и отправился вслед за взбешенным рефюром. Трук бросился за ними: ему в голову пришла неплохая идея.

* * *

Во время недавнего посещения Алияти Екдюле познакомился с журналистом и лидером Национальной Шафистской (от "шафио" – "союз") партии, одиозным и энергичным Обинетом Усолсимином. Этот человек с тяжелыми рублеными чертами лица, всерьез готовившийся к обретению власти в Алияти, был чрезвычайно популярен, несмотря на провал на выборах трехлетней давности. Обинет усвоил урок и поддержал лидера либералов Литтодижа, после чего его партия получила 35 мест в парламенте и начала развиваться быстрыми

темпами. К нынешнему лету у Усолсими́на уже были десятки тысяч сторонников по всей стране, включая вооруженные отряды ветеранов Великой войны, носившие черные гимнастерки и подавлявшие демонстрации и митинги противников шафистов во всех крупных городах Алияти. Трук предложил Телгиру поехать к Усолсими́ну в качестве представителя лидера Национал-Социалистической партии и прощупать почву на предмет возможного союза двух партий в будущем. Через неделю Елдюке уже был в алиятском Намиле.

Обинет принял посланника неизвестного ему Офальда Телгира, возглавлявшего провинциальную римнагскую партию, довольно радушно. В длинной беседе глава шафистов, которого они называли "чеду", выразил согласие с позицией НСРРП по Ларьвесскому договору, подчеркнул, что всегда выступал против экономического удушения Римнагеи, предпринятого большинством государств Поверы, однако отказался отвечать на вопросы об ограничении прав или любых других мерах в отношении йеревов. Когда Трук спросил, прибегнет ли Национальная Шафистская партия к силе, если правительство Алияти не будет уступать ее требованиям, Усолсими́н уверенно ответил: "Мы сами будем государством, потому что это наша воля".

Вернувшись в Римнагею, Трук подтвердил Офальду, что между идеологиями шафизма и национал-социализма есть много общего. Больше всего Телгира впечатлила готовность Обинета массово применять грубую силу в борьбе за власть:

его бойцы в черных гимнастерках захватывали целые города, симпатизировавшие ксармистам, а алиятская армия им в этом никак не препятствовала. Выслушав пространный восторженный доклад Елдюке, Офальд загорелся идеей устроить демонстрацию нарастающей силы своей партии где-то вдали от Хеннума, в котором поддержка НСРРП давно была ей обеспечена. Рефюр был уверен, что в любой точке Вабаяри широкие массы разделят принципы и идеологию его партии, и лишь искал способ это продемонстрировать. Повод к подобному выступлению быстро нашелся.

В пасторальном городке Губрок у северной границы Вабаяри с его прекрасно сохранившимся историческим центром группа патриотических организаций решила устроить празднества по случаю Дня Римнагеи. За неделю до назначенной даты приглашение "приехать с группой сподвижников" получил и Телгир, тут же ухватившийся за эту возможность. Цфарн Пэп благодаря своим связям организовал для НСРРП специальный поезд, в который в хмурый субботний октябрьский день погрузились шесть сотен бойцов АГ, духовой оркестр и ближайшее окружение Офальда. Вместе с ним в купе ехали Камс Наман, Ирхул Фарг, Тиркасин Ревеб, Марген Рессэ, Рефальд Рербогнез, Трук Елдюке и Трихид Каркэт, всю дорогу развлекавший компанию своими историями. В Грербнуне в поезд сели еще две сотни сторонников партии. Встречающие на вокзале делегацию НСРРП организаторы праздника были шокированы происходящим на неболь-

шой платформе. Первым из своего вагона вышел мрачный Офальд, в последние полчаса не принимавший участия в общей беседе, настраивая себя на нужный лад. За ним на перрон высыпали восемьсот человек, которые слаженно, по-военному выстроились в колонну из нескольких блоков. В начале встали восемь белокурых хенньюмцев мощного телосложения с закинутыми на плечо альпенштоками. За ними расположились знаменосцы с красно-бело-черными флагами партии. Телгир, в плаще, широкополой шляпе и сапогах, окруженный ближайшими соратниками, встал перед музыкантами, за которыми выстроились бойцы АГ, в серых, коричневых или черных гимнастерках военного образца, с нарукавными повязками, резиновыми дубинками и ножами в кожаных ножнах на широких поясах.

Духовой оркестр заиграл марш, и стройная колонна, ведомая опешившими от подобного зрелища организаторами и сопровождаемая десятком полицейских, спешно вызывавших подкрепление, тронулась по направлению к городу. Жители Губрока, симпатизировавшие ксармистам, высыпали на улицы, крича в адрес национал-социалистов оскорбления и угрозы, остальные молча наблюдали за невиданным шествием. Толпа протестующих становилась все гуще, и в какой-то момент в колонну полетели камни и палки. По команде Офальда, которого своими телами прикрыли Фарг и Ребев, бойцы АГ с дубинками наперевес ринулись на толпу, заставив обратиться в бегство большую часть протестующих.

На ночь приезжих разместили в хорошо укрепленном стрелковом тире на окраине города, откуда Телгир протелефонировал в Хенниум и Грербнюн с просьбой прислать подкрепление.

В воскресенье утром ксармисты, призывавшие горожан к массовой демонстрации, хвастливо заявили, что на главной площади Губрока соберется не меньше десяти тысяч человек, чтобы выкинуть националистов из города. Телгир произнес перед своими людьми, число которых выросло до пятнадцати сотен, короткую речь, призвав "навсегда разделаться с красным террором". Внушительная колонна отправилась маршем мимо старинной крепости к центру Губрока. Вступив на главную площадь, националисты обнаружили на ней около четырехсот демонстрантов с красными флагами, которые быстро были оттеснены на прилегающие улицы. Вчерашние молчаливые наблюдатели, выстроившиеся по краям площади, размахивали старыми имперскими флагами и приветствовали Телгира и его людей. Они были счастливы, что кто-то осмелился противостоять ксармистам, и Офальд едко сказал стоявшему рядом Каркэту:

– Смотрите на этих типичных трусливых горожан. В момент опасности они празднуют труса, зато хвастаются подвигами потом.

Трихид покивал своей большой круглой головой, не забывая приветливо улыбаться, отвечая на приветствия губрокцев.

В конце октября войска Обинета вступили в алиятскую столицу и фактически захватили власть в стране. Несколько дней спустя, перед началом очередного митинга, Рессэ представил Телгира так:

– Слово для доклада предоставляется Офальду Телгиру, римнагскому Усолсимину!

Зал закатил ему овацию.

Глава двадцать восьмая.

33 года. Продолжение

Хенниом – Инбрел, Римнагея. Ноябрь – апрель

– С этой грязной свиньей невозможно даже находиться в одном помещении, – кипятился Сегс, – не то, что состоять в комитете партии и тесно сотрудничать. Это же просто животное!

Его собеседник, жизнерадостный голубоглазый мужчина плотного телосложения курил, задумчиво потягивая пиво. Это был знаменитый летчик-ас, герой Великой войны Марген Ниррег, выходец из состоятельной семьи, сбивший больше двадцати самолетов противника и демобилизовавшийся в чине капитана. Решительный и темпераментный, Ниррег, которому очень понравился тезис Телгира о том, что в сегодняшней политике штыком надо действовать чаще, поскольку он действенной болтовни, с удовольствием вступил в НСРРП и уже к ноябрю стал одним из ближайших соратников Офальда, сблизившись и с Лорьфудом Сесгом, также бывшим летчиком. Приятели сидели в небольшой пивной на улице Нюлмеб, неподалеку от штаб-квартиры партии, обсуждая недавно присоединившегося к НСРРП Юлуси Трехшрея, того самого, из-за переговоров с которым в свое время Скелрерд потерял пост председателя партии. Теперь, больше года спустя, Офальд сам предложил Трехшрею

и его Социалистической партии Римнагеи, базировавшейся в Грербньюне, влиться в ряды национал-социалистов. Юлуси, примитивный, коренастый, с отталкивающей привычкой переждать за столом, чьи политические амбиции уступили место желанию жить на широкую ногу, тут же согласился на предложение рефюра, распустил свое движение, члены которого вступили в НСРРП, и занялся публицистикой, штампуя грязные, пошлые, нередко порнографичные статьи и карикатуры о мерзких йеревах, портящих ацеирских женщин и крадущих будущее у невинных римнагских детей. Телгир решил, что Юлуси с его собачьей преданностью и невероятной энергией будет полезен партии, сделал его главой пропаганды грербньюнского отделения националистов, доверил разъезжать по Вабаяри с публичными выступлениями и, к глубокому разочарованию Сегса, поручил последнему курировать деятельность Трехшрея. Лорьфуд жаловался Ниргегу, что статью, которую Трехшрей прислал для "Шлеферьик Ерахботеб", могут читать только умственно неполноценные антийеревисты с крепким желудком.

– Вы только послушайте, Марген, – нервно восклицал он, достав из кожаной папки несколько листов и брезгливо держа их на весу двумя пальцами. – Он пишет: "Молодой черноволосый йерев, обagrив свой нечестивый рот кровью римнагского младенца, убитого в ходе омерзительного ритуала, тянет грязные потные скрюченные пальцы к невинному телу римнагской белокурой девушки, стремясь осквернить

его..." уф, я просто не могу дальше читать этот психопатический бред!

Лорьфуд бросил листки на стол и потер переносицу.

– Я согласен с вами, что Трехшей – это приматоподобное существо, – спокойно сказал Ниргег, отхлебнув пива. – Он только и делает, что набивает брюхо, волочится за каждой встреченной женщиной моложе сорока и клепает свои статьи с карикатурами. Но, Лорьфуд, рефюр ясно дал нам понять: ему неважно, что за люди будут в наших рядах, если они способны помогать делу нашей партии. Время маменькиных сынков и чистоплюев закончилось, дорогой мой. Ради высшей цели мы будем выбирать любые средства. И если мерзости Трехшея помогут нам в этом – значит Телгир в очередной раз отказался прав.

Он одним громадным глотком опустошил свою кружку и легко поднялся из-за стола.

– Нам пора, – бросил Марген Сегсу на ходу. – Сегодня у Офальда будет выступление в зале "Днилк", и он просил сопровождать гостей: советника посла Маарике из Инбрела и помощника консула Рялобиги в Хеннюме.

Оба надели пальто и шляпы и вышли на продуваемую холодным ветром улицу.

– Проследите, чтобы для прессы подготовили отдельный стол, – сказал Ниргег, когда приятели дошли до угла и стали прощаться, – но гостей надо посадить от него подальше. А я пойду, – он улыбнулся одними губами, – торговать лицом и

биографией героя войны.

Сегс кивнул, и каждый пошел в свою сторону.

Вечером в пивной, где собрались самые разные слушатели, от офицеров и чиновников до торговцев и рабочих, Ниргег познакомил господ Тимса и Ровкака с Офальдом, одетым в темно-синий костюм с белой рубашкой. Вдоль стен выстроились молодцеватые парни в одинаковых коричневых гимнастерках. Почетный председатель партии Склрерд представил собравшимся оратора, зал немедленно взорвался аплодисментами и тут же стих. Телгир начал говорить.

– Наше движение можно назвать союзом рабочих физического и умственного труда для борьбы с красной заразой, уже четвертый год уничтожающей наш народ. Если мы хотим покончить с ксармистами, только ограничение власти капитализма и ликвидация парламентской системы управления с последующим введением диктатуры может спасти Римнагею. Маарике и Ланияг, – он кивнул внимательно слушавшему Тимсу, – могут и должны вести решающую борьбу с ксармизмом не на территории своих стран, а у нас, на римнагской земле. Без их помощи ксармизм может завоевать Римнагею, прекратятся выплаты репараций, и Сясиор с новообразованным красным римнагским государством немедленно нападут на остальные цивилизованные страны.

Офальд делал паузы, чтобы отхлебнуть пива из большой глиняной кружки, стоявшей перед ним на трибуне – тщательно продуманная деталь, которая очень нравилась хен-

ньюцам, самым большим любителям этого напитка во всей Римнагее. После вводной части, произнесенной спокойным и размеренным голосом, завладев вниманием аудитории, оратор с большим напором и резкой жестикуляцией продолжил свою речь, постепенно взвинчивая себя и внимательно слушавшую публику. Несколько представителей прессы строчили в своих блокнотах, успевая фиксировать и редкие оскорбительные выкрики в адрес Телгира, на которые тот коротко и хлестко отвечал практически без пауз. Несколько крикунов вывели из зала бойцы АГ, после чего Офальда прерывали только аплодисменты и одобрителный грохот кружек, стучавших по столам.

– Наш лозунг таков, – кричал, уже не сдерживаясь, оратор в концовке своей речи, – если ты не римнагец, я размозжу тебе голову. Ибо мы убеждены, что без борьбы невозможно добиться победы. Наше оружие – идея, но если это необходимо, мы пустим в ход и кулаки!

После выступления Офальд некоторое время отвечал на вопросы репортеров. О женщинах в его жизни он ответил, что "моя единственная невеста – это моя страна". На шутилиое замечание журналиста, что тогда Телгиру стоит завести себе любовницу тот парировал: "Политика – это женщина. Будет любовь несчастной – и она откусит тебе голову". На вопрос о его доходах рефюр, неоднократно репетировавший подобное развитие событий, спокойно и с достоинством заявил, что является владельцем газеты "Шлеферрик Ерахбо-

теб", и берет себе лишь небольшую долю от приносимых ей доходов, которой ему вполне хватает. Об огромных долгах издания, взятых на себя партией сразу после его покупки, Офальд предпочел умолчать.

Советник военного посла Маарике капитан Рэмтун Тимс отправил подробный отчет о выступлении Телгира и своей краткой (и очень выхолощенной) беседе с ним своему начальнику, а тот переслал его в государственное ведомство, ведавшее делами иностранных держав, где многостраничный документ подшили в архив и похоронили под грудой других бумаг. Ровкак, также настоявший на личной беседе с Офальдом, удостоился гораздо более откровенной аудиенции. Телгир, сидевший за небольшим столиком, заваленным документами, безапелляционно заявил, что парламентское правительство Римнагеи, не пользующееся поддержкой народа, вскоре падет, что немедленно приведет к образованию на территории страны диктаторского режима. От НСРРП и лично от него, Телгира, во многом зависит, будет ли этот режим правым или левым. Далее Офальд говорил о раскладе сил в разных частях страны, подчеркнув, что если города на севере Римнагеи больше симпатизируют ксармистам, то в Вабаяри симпатии народа явно на стороне националистов. В Хеннюме, хвастался Телгир, три четверти полицейских поддерживают национал-социалистов, свои сторонники у них есть во всех городских и региональных структурах. И если дело закончится тем, что ксармисты установят

контроль над севером Римнагеи, вабаярийцы вступят с ними в борьбу, чтобы железным кулаком спасти нацию под предводительством диктатора, готового "в случае необходимости промаршировать через реки крови и горы трупов".

Крайне встревоженный, Ровкак тут же отправился в резиденцию консула Рялобиги Вотпека, который немедленно послал составленное в довольно мрачных тонах предостережение о милитаристских планах вабаярийских националистов недавно назначенному главе правительства Римнагеи Мильвельгу Уноку. Его письмо осталось без ответа.

* * *

В конце все того же ноября ректор Хенньюмского университета объявил конкурс эссе на тему "Каким должен быть человек, который снова приведет Римнагею к величию?" Первую премию получил Лорьфуд Сегс, за несколько ночных часов списавший с Офальда портрет идеального, по его мнению, лидера нации. Каждый член партии получил тоненькую брошюру с фотографией Телгира и строками Сегса:

"Глубокие знания во всех сферах государственной жизни и истории, способность извлекать из этого уроки, вера в чистоту своего дела и в конечную победу, неукротимая сила воли придают мощь его зажигательной речи, которая заставляет массы рукоплескать ему. Ради спасения нации он не гнушается использовать оружие противника, демагогию,

лозунги, демонстрации и т. д. У него самого нет ничего общего с массой, весь он – личность, как подлинно великий человек. Когда этого требует нужда, он не остановится перед пролитием крови. Великие вопросы всегда решаются кровью и железом.

У него перед глазами одно и только одно, – достижение своей цели, даже если для этого приходится шагать по самым близким друзьям. Вот каким видится нам образ диктатора – с острым разумом, ясного и правдивого, страстного и в то же время владеющего собой, холодного и смелого, целенаправленно принимающего взвешенные решения, не знающего перрада в их быстром исполнении, безжалостного к себе и к другим, немилосердно твердого и в то же время нежного в любви к своему народу, не ведающего усталости в труде, с железным кулаком в бархатной перчатке, способного, наконец, победить самого себя."

Пассаж Лорьфуда о том, что римнагский народ пока еще не знает, когда произойдет спасительное вмешательство этого мужа, в брошюру решили не включать.

* * *

К январю ситуация с римнагской валютой, маркой, из плачевной превратилась в катастрофическую. Инфляция из-за экономического кризиса, возникшего в результате поражения в Великой войне, непомерных репараций, внутренних

революций и путчей, стала немислимой. Если в день, когда между Римнагеей и странами-победительницами было заключено перемирие, за один маарикенский доллар давали семь марок, то через пять лет он стоил уже больше шести с половиной тысяч. Однако, и это был не предел. В середине января войска Рифаянца и Егильяба, правительства которых были раздражены, что Римнагея не выплачивает назначенные Ларьвесским договором репарации в полном объеме (еще в прошлом году страны перешли на натуральный обмен, поскольку стремительно обесценивавшимися деньгами римнагцы расплатиться попросту не могли, и отправляли союзникам уголь, сталь, древесину, продукцию заводов и прочее), вошли в Уррскую область, фактически оккупировав ее. Солдаты заняли одну четырнадцатую часть территории Римнагеи, однако именно в ней добывалось две трети всего римнагского угля и производилась половина чугуна и стали.

Мильвельг Унок тут же объявил о пассивном сопротивлении, прекратив выплату репараций и призвав население к забастовкам и стачкам. Он пообещал продолжать выплачивать зарплаты бастующим рабочим, нищая страна принялась в большом количестве печатать деньги, и в результате марка за две недели обвалился с шести с половиной до пятидесяти тысяч за один доллар. Рифаянцы ответили штрафами и высылкой бастующих, римнагцы, в свою очередь, начали партизанскую войну.

На этом фоне нация, к большому неудовольствию Тел-

гира, хоть и прониклась националистическими идеями, но вместе с этим сплотилась вокруг правительства, которое по мере возможностей сопротивлялось оккупантам. Офальд кричал на митингах:

– Правительство преспокойно продолжает печатать жалкие денежные знаки, поскольку прекращение этого процесса означало бы конец правительства. Приостанови оно печатание, а именно в этом залог стабилизации марки, и мошенничество сразу станет достоянием гласности! Поверьте мне, наши страдания и нищета только усугубляются. А негодяи выйдут сухими из воды. Причина простая: само государство стало крупнейшим мошенником и проходимцем. Это государство грабителей! Когда потрясенный народ узнает, что ему придется голодать, имея миллиарды, он неминуемо сделает следующий вывод: мы не станем больше подчиняться государству, которое зиждется на обманной идее большинства. Нам нужна диктатура!

На выкрики из зала о том, что нужно выкинуть из страны рифаянцских оккупантов Телгир отвечал:

– Нет! Покончить надо не с Рифаянцем, а с предателями отечества, этими грязными йеревами и ксармистами. "Долой преступников Ноября!" – таков должен быть наш лозунг!

В конце января, в годовщину основания НСРРП, партия объявила о первом всеобщем съезде сторонников партии, большой серии митингов и торжественном освящении партийных штандартов. Новый шеф полиции Рудэад Ронц, из-

вестный в Вабаяри социал-демократ, сменивший лояльного националисту Стрэна Репена, отправил Офальду официальное предупреждение, что, в связи с положением в стране, в Хеннюме введен запрет на каких-либо собрания. Телгир попросил о личной встрече, на которой убеждал Ронца снять ограничения для НСРРП, заявив, что запрет нанесет удар не только по правым движениям Вабаяри, но и по всему отечеству. Рудэад, мрачный седовласый человек с заметным шрамом через левую бровь и тонкогубым, несколько брюзгливым лицом, холодно возразил, что даже патриоты должны подчиняться авторитету государства. Офальд вскочил на ноги и выпалил:

– Я в любом случае выведу на улицу бойцов АГ и сам пойду в первом ряду! Можете стрелять и в меня! Мы не боимся полиции!

Сразу после беседы с Ронцем Телгир бросился к Меру, который через Цфарна Пэпа уговорил командующего вабаярийской армией генерала Тоота Солвоса, находившегося в тесных отношениях с симпатизировавшим НСРРП Тугавсом Раком, встретиться с Офальдом. Лидер националистов, чувствующий, что в сложившихся обстоятельствах, когда римнагцы все сильнее проникались теплыми чувствами к республиканскому правительству, сплотившись как единая нация против рифаянцской агрессии, проведение массовых националистических мероприятий остается едва ли не последним шансом удержать и приумножить количество сторон-

ников партии. Поэтому с Солвосом Телгир держался крайне учтиво, пообещал ему пойти на любые уступки и заверил, что съезд НСРРП не приведет ни к каким осложнениям, или, упаси боже, беспорядкам на улицах Хенньюма. Тот, рассматривавший националистов как эксцентричное, любопытное и неизбежное явление, отправил вабаярийскому правительству послание, где говорилось, что "исходя из интересов обороны страны, я с сожалением отнесся бы к подавлению национально-патриотических союзов". После этого Рудэад Ронц вновь вызвал к себе Офальда, и, скрепя сердце, дал согласие на проведение митингов. При этом, начальник полиции попросил ограничить их количество до шести, а освящение штандартов провести не на огромном Сармовом поле, открытом для глаз горожан, а в помещении цирка "Норке". Телгир, чувствуя за собой поддержку армии и правительства, уклончиво пообещал посоветоваться по этому поводу с комитетом партии.

Субботним утром, не обращая внимания на сильный снегопад, шесть тысяч бойцов АГ и членов Национал-Цатилоситской Римнагской Рабочей партии с нарукавными повязками и знаменами промаршировали по Хенньюму на глазах у множества горожан, прильнувших к окнам и высыпавших на улицы. Ни один полицейский не рискнул вмешаться, и парад завершился запланированным освящением штандартов и короткой речью Телгира, сказавшего в ее завершение:

– Или Национал-Социалистическая Римнагская Рабочая

партия – это грядущее движение Римнагеи, и тогда его не удержит ни один дьявол, или же оно не является таковым, и тогда оно заслуживает, чтобы его уничтожили!

На следующий день газета "Шлеферьик Ерахботеб" охарактеризовала это выступление как "выдающееся", добавив об ораторе, что на слушателей "особое впечатление произвели его голубые, ясные глаза. В них светились честность, искренность, страдание и достоинство". В той же статье газета назвала рефюра НСРРП "самым популярным и самым ненавидимым человеком в Хеннюме". После съезда командиром групп АГ стал Марген Ниргег.

* * *

Еще осенью Офальда познакомили со Стрэном Шнегнтгафлем по прозвищу Цупи, огромным двухметровым мужчиной с чересчур длинными волосами и тяжелым подбородком, выходцем из состоятельной семьи издателя и антиквара, державшей знаменитый хеннюмский салон, где бывали римнагские и зарубежные писатели, художники, артисты. Именно Цупи, поживший в Маарике и отказавшийся от своего магазина в Рой-Кьюне в пользу НСРРП, купив два печатных станка в типографию "Шлеферьик Ерахботеб", стал проводником Телгира в мир хеннюмской богемы, познакомив его с множеством людей из мира искусства и богатых вабаярийцев, с удовольствием делавших взносы в партийную

кассу, пока темпераментный, ни на кого непохожий Офальд произносил свои речи в их салонах. Стрэн написал несколько маршей, часть из которых исполнялась духовым оркестром партии во время шествий и митингов, и стал постоянным спутником Телгира на встречах с целью сбора средств для партии, нередко проходивших за пределами Хенньюма и даже Вабаяри.

В начале апреля Цупи и Офальд отправились на машине в Инбрел с Соримом в качестве шофера. По дороге им пришлось проезжать через Киянсаос, значительную часть земель которого контролировали коммунисты. Когда автомобиль остановил красный патруль, Шнегнтгафль показал свой ривайшеяцкий паспорт и с маарикенским акцентом заявил, что едет в Плегийц на деловую встречу по делам своей ройкьюнской фирмы в сопровождении шофера и лакея. Смоткинумские солдаты пропустили машину, но Телгир, несмотря на спасение от серьезных неприятностей, всю оставшуюся дорогу до Инбрела выглядел уязвленным. Его, лидера самого влиятельного правого движения Вабаяри, представили лакеем! Лишь добравшись до римнагской столицы Офальд продолжил общаться с Цупи с прежним дружелюбием. Лэимь Сорим получил строгие указания не распространяться в Хенньюме о киянсаоском инциденте.

По дороге обратно, Телгир разоткровенничался с Шнегнтгафлем, рассказав, каким образом ему удастся привлечь на свою сторону самых различных людей.

– Когда я говорю с людьми, – говорил он, развалившись на заднем сиденье, – особенно с теми, кто еще не вступил в партию или даже хочет из нее выйти, я всегда говорю так, будто от его или ее решения зависит судьба нации. Иными словами, обращаюсь к тщеславию и амбициям собеседника. Но как только мне это удастся – остальное легко. У каждого человека, богатого или бедного, есть внутреннее чувство неудовлетворенности своим положением. В людях дремлет готовность пойти на какую-то последнюю жертву и даже авантюру, чтобы придать своей жизни новое направление. Например, на лотерейный билет они готовы истратить последние деньги. Я стремлюсь направить это чувство на политические цели. Ведь, по сути, любое политическое движение основывается на желании его сторонников, мужчин и женщин, изменить к лучшему свое положение, судьбы своих детей и внуков. Чем ниже стоят люди на социальной лестнице, тем сильнее их стремление быть причастными к великому делу. И если я смогу их убедить, что решается судьба Римнагеи, они станут частью непреодолимого движения, охватывающего все классы.

Стрэн кивал, начиная понимать природу того влияния, которое Телгир оказывал как на рабочих, перед которыми он выступал в огромном заводском помещении под Инбредлом, так и на столичных аристократов, пожертвовавших на нужды партии несколько дорогих произведений искусства – их Цупи собирался реализовать за границей с помощью от-

ца. Офальд скоро заснул, покачиваясь на мягких подушках, а Шнегнтгафль продолжал смотреть на него, усталого бледного мужчину с упрямо поджатыми даже во сне губами, накрытого старым плащом. Он, как и все окружение Телгира, чуть ли не с первого дня знакомства поверил, что лидеру НСРРП по силам удержать Римнагею, стремительно катящуюся в пропасть, и шаг за шагом поднять ее на невиданные раньше высоты. Лэимь, сосредоточенно глядя на дорогу, тихонько запел запрещенную рифаянцами в Урре "На земле всего превыше Римнагея лишь одна". Цупи повторял про себя с детства знакомые строки, а последнюю строфу полушепотом пропел вместе с Соримом:

Общность, право и свобода –

Это счастья семена.

Расцветай в сияньи счастья,

Процветай, моя страна!

Глава двадцать девятая. 34 года

Хенниом, Римнагея. Апрель – октябрь

Вернувшись в Вабаяри после болезненной для самолюбия, хоть и успешной в финансовом плане поездки, Телгир руками комитета партии, скромно самоустранившись от каких-либо приготовлений (а на деле тщательно проработав малейшие детали) созвал в цирке "Норке" торжественный митинг, приуроченный к дню рождения рефюра. В огромном зале собрались все главари региональных отделений НСРРП, представители национальных союзов Вабаяри и других областей Римнагеи, а также девять тысяч сторонников Офальда. Камс Наман объявил о сборе средств в Фонд Телгира для финансирования движения, Рефальд Рербогнез заявил, что Офальд является "авторитетным вождем новой народной Римнагеи, а мы следуем за ним туда, куда он хочет", Марген Рессэ назвал лидера партии "человеком, перед которым ныне начинает отступать ночь".

За неделю до этого пышного действия, ставшего кульминацией целого комплекса мер, предпринятых для возвеличивания Офальда и насаждения настоящего культа лидера партии, союз националистических организаций Вабаяри в лице Телгира и отставного подполковника Маргена Бьеликра выдвинул вабаярийскому правительству и лично его главе Нейго Гликлинну ультиматум, в котором Вабаяри довольно

безапелляционно предлагалось официально выступить против закона о защите республики. После трехдневного молчания со стороны растерявшегося парламента, союз сообщил о своем намерении провести массовые военные учения. На следующий день Гликлинн ответил, что лично он не приветствует этот закон, но поскольку закон принят действующим легитимным правительством Римнагеи, он, Гликлинн, обязан его исполнять.

Союз националистов Вабаяри, куда еще в феврале по настоянию Стрэна Мера вступила НСРРП, представлял собой объединение целого ряда воинствующих правых радикальных движений: Имперский флаг, Союз Ралобнед, Патриотический союз Хеннюма, Боевой союз Нижнего Вабаяри. Офальд стал политическим лидером этого не слишком прочного, но крайне радикального объединения, а за военную его сторону отвечал Марген Бьеликр, сорокасемилетний подполковник в отставке, с которым Телгир познакомился еще за девять месяцев до этого благодаря Тооту Пернигтиту. Верный своему принципу не обращать внимания на личные качества людей из своего окружение, пока они могут быть полезны партии, Офальд, тем не менее, часто приходил в отчаяние от прямолинейности, военной туповатости и нежелания проявлять политическую гибкость своего союзника.

– Меня серьезно беспокоит этот неуклюжий солдатский ум, – сказал он Сегсу после получения ответа от Гликлинна. – Сейчас настало время действовать, и нам нужны все на-

ши силы, однако Мер с Бьеликром при поддержке вабаярийской армии уже превратили наших бойцов АГ из революционного войска в казарменные армейские подразделения, и я боюсь подумать, во что это может вылиться дальше.

Вечером союз националистов объявил, что он собирается провести массовую военную демонстрацию в первый день мая. Это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы: ведь именно в этот день проходила ежегодное праздничное шествие ксармистов, отмечающих Праздник Труда, и, кроме того, эта дата была годовщиной разгрома Вабаярийской Советской республики. После нескольких дней ошарашенного молчания правительство во главе с Гликлинном объявило о запрете всех уличных шествий и разрешило красным провести свой митинг на поле Ритезивезене. За два дня до демонстрации Бьеликр и руководитель АГ Ниргег прибыли в резиденцию правительства на переговоры, потребовав ввести в Хеннюме чрезвычайное положение. После отказа Офальд и Мер поехали к генералу Солвосу, попросив его "ради безопасности государства" выполнить устное соглашение с патриотами Вабаяри и заставить правительственные войска разогнать демонстрацию красных, а также начать раздачу оружия с армейских складов (тех самых, которые в свое время формировали еще Мер с Пэпом) союзу патриотических сил. К изумлению националистов, генерал сухо отказал им в обеих просьбах, заявив, что прекрасно знает, как и что надо делать для безопасности государства, а также

предупредил: он прикажет стрелять в любого, кто будет подстрекать к беспорядкам. Телгир вновь попытался надавить на Тоота, и с пафосом провозгласил:

– Красные митинги состоятся, только если демонстранты будут маршировать через мой труп!

Генерал никак не отреагировал на эту браваду, и взбешенный Офальд уехал в свою квартирку на Исетарсатш, куда к большой радости его хозяйки фрау Хайртер совсем недавно провели телефон, и провел несколько часов, раздавая указания как лично, так и посредством проводной связи Ниргегу, Ренкеру, Екдюле, Трехшрею, Наману, Меру, Сориму, Сегсу и Рербогнезу. Последний, из-за ухудшившегося самочувствия Каркэта, фактически возглавлял партийную газету, в типографии которой тут же начали печататься листовки. Вечером того же дня начали прибывать вызванные националистами группы боевиков из Грербнюна, Гбусагура, Зрингейфа, многие с легким оружием. Из Тлусхадна на нескольких грузовиках приехали с полсотни бойцов под предводительством одного из лучших ораторов партии, главы регионального отделения АГ Роггера Стрешарса и его помощника, двадцатитрехлетнего болезненного вида человека в очках по имени Ригнех Мемрилг, горячего обожателя Телгира. Они привезли с собой несколько пулеметов и оружие старого образца. Ночью, вопреки запрету Солвоса, Мер с несколькими бойцами АГ приехали в казармы и под предлогом обеспокоенности правительства готовящимися провокациями на

Празднике Труда, сумели вывезти множество карабинов и винтовок со склада оружия.

На рассвете все эти вооруженные люди под предлогом отпора для красной угрозы спокойствию и порядку в городе начали сосредотачиваться в нескольких намеченных Офальдом стратегических точках: у зданий вокзала, университета, в двух кварталах от парламента и на окраинах Хенньюма. Через два часа приехал Телгир, в стальном шлеме и с Бронзовым стягом на груди. Он обходил своих людей в сопровождении Сегса, Трехшрея, Ниргега и Стрешарса, ожидая посыльного от Стрэна Мера, который должен был дать сигнал к наступлению. Время шло, командиры отрядов начали нервничать, Офальд, сорвавший с головы шлем, раздраженно кричал:

– Где эти коммунистские ублюдки?

На поле Ритезивезене тем временем проходил согласованный с правительством митинг, выступали ораторы, гремели революционные лозунги, развевались красные знамена. Широкое кольцо полиции, оцепившее поле, было фактически не нужным: собрание проходило крайне мирно. Стрэна Мера под конвоем провели к Солвосу, узнавшему от командира части о похищенном оружии. Генерал, обычно спокойный и даже несколько апатичный человек, разгневался так, что в припадке бешенства разбил графин с водой и разорвал воротничок форменного мундира. Его налитые кровью глаза сверлили маленького толстого Мера, казалось, еще

больше съезжившегося под непрерывным словесным потоком, пересыпанным солеными армейскими ругательствами. Откричавшись, Тоот отправил Стрэна под тем же конвоем передать Телгиру требование о немедленном разоружении, возвращении похищенного оружия и роспуске его наскоро собранного ополчения. В случае неповиновения командующий вабаярийской армией пригрозил вывести на улицы города войска и тяжелую технику.

Растерянный Мер оказался перед Офальдом и его окружением около полудня. После его сообщения и короткого совещания, в ходе которого Бьеликр и Стрешарс предлагали напасть на ксармистов, проигнорировав приказ Солвоса, Телгир все же отдал приказ о немедленном отходе. Рефюр НСРРП прекрасно понимал, что неподчинение властям и нападение на красных стало бы его политическим самоубийством. Бойцы АГ вернули оружие в казармы, и прибывшие со всех концов Вабаяри группы начали разъезжаться с чувством глубокого разочарования. Комитет НСРРП наскоро созвал массовое собрание в цирке "Норке", которое прошло тем же вечером при полном аншлаге, а после речи Офальда восторженные слушатели вынесли его из здания на руках, однако сам рефюр партии чувствовал себя настолько неважно, что уже назавтра уехал из города в Тегнерсхадаб к больному Каркэту, у которого провел три недели, почти не появляясь в Хенньюме, да и после бывал в городе лишь наездами. Громогласно объявленная лидером националистических со-

юзов акция по уничтожению ксармистов в Вабаяри с треском провалилась.

У Каркэта Офальд с негодованием читал левые и центристские вабаярийские газеты, с заголовками, вроде "Звезда Телгира поблекла", "Офальд перестал занимать народную фантазию" и статьями, где сладострастно описывались оргии рефюра с женщинами в шелковых панталонах и реками шампанского. По настоянию Трихида, Телгир начал записывать отрывки своих речей, собственные мысли о политике, положении Римнагеи в Повере и историю развития партии, с надеждой переработать когда-нибудь эти несвязные куски текста в полноценную книгу.

* * *

Окончательно вернувшись в Хенньюм в июле, Офальд, сильно уставший от Каркэта (в письме Ганфштенглю он назвал Трихида "старым пьяным маразматиком"), с удвоенной силой принялся восстанавливать свою подмоченную провалом антиксармистского выступления, недовольством рабочих связями рефюра НСРРП с финансистами, аристократами, фабрикантами, и глупейшей историей о якобы состоявшемся покушении на Телгира, придуманной Рессэ и разоблаченной несколькими хенньюмскими газетами, репутацию. Он по-прежнему выступал на массовых митингах, объехал несколько вабаярийских городов с речами, а также искусно

ушел от обвинения в организации массовых беспорядков. Хенньюмская прокуратура начала расследование по следам событий первого дня мая, и Офальд, опасаясь далеко идущих последствий, написал обращение со следующими строками: "Поскольку я уже в течение нескольких недель подвергаюсь грубейшим нападкам в печати и вабаярийском парламенте и ввиду моего уважительного отношения к отечеству лишен возможности публичной защиты, я буду только благодарен судьбе, если она теперь позволит мне вести эту защиту в зале суда вне зависимости от упомянутого отношения". В приписке Телгир выражал готовность передать этот документ в печать. В прокуратуре прекрасно поняли намек. Министр Вабаяри по делам судопроизводства, Рентгюр, как-то назвал националистов "плотью от плоти нашей" и не хотел взрыва очередных беспорядков на улицах Хенньюма, потому он передал главному прокурору города настойчивую просьбу "отложить дело до более спокойных времен". Следствие приостановили в начале августа. В середине месяца Офальд вместе с Шнегнтгафлем и Бейнорш-Ретрихом отправился в Ривайшеяц, где они нанесли визит нескольким богатым и влиятельным единомышленникам националистов, пожелавшим сделать немалые взносы в партийную кассу. После возвращения в Римнагею Телгиру купили новенький роскошный красный автомобиль, украшенный флажками с символикой НСРРП.

Через месяц в Гербньюне должен был состояться очеред-

ной "Римнагский день" – празднество, посвященное пятьдесят третьей годовщине битвы при Дасене во время римнагско-рифаянцской войны, когда войска Рифаянца потерпели сокрушительное поражение, потеряв 3 тысячи солдат убитыми, 14 тысяч ранеными и под 90 – сдавшимися в плен. Праздник был тем более актуален в свете оккупации Урра, и в Гребнюн прибыли около ста тысяч националистов со всей Римнагеи. Телгир решил воспользоваться этой колоссальной аудиторией для восстановления своего престижа, и с триумфом выступил на одной из площадей Гребнюна.

– Через несколько недель жребий будет брошен, – кричал он. – То, что рождается сегодня, будет более великим событием, чем Великая война. Оно произойдет на римнагской земле, но ради всего человечества.

Рядом с Офальдом на трибуне стоял герой нации, своей популярностью с легкостью затмевавший любого националистского лидера, генерал Хэри Дрефлонюд. Благодаря его поддержке, а также неустанной работе Стрэна Мера, днем и ночью убеждавшего руководителей правых движений в несомненном гении Телгира, через месяц рефюр НСРРП встал во главе новообразованного Римнагского Боевого союза, управлять военной частью которого назначили уволившегося из армии Мера. Основной силой этого объединения оставалась Национал-Социалистическая Римнагская Рабочая партия, целями были борьба против республики, международного капитализма, засилия йеревов и ксармизма. Тел-

гир заявил, что союз должен нанести удар по красным до того, как они начнут к нему готовиться.

– Задача нашего движения, – с великолепной самоуверенностью говорил он в одном из выступлений, – подготовиться к предстоящему краху прежнего режима так, чтобы после падения старого ствола уже стояла молодая ель.

Правительство Вабаяри, встревоженное подобной риторикой, объявило о введении чрезвычайного положения и назначило комиссара по поддержанию порядка, наделив его практически диктаторскими полномочиями. Этим должностным лицом стал никто иной, как бывший глава правительства Тугавс Рак, пользовавшийся поддержкой католической церкви и умеренных националистов. Рак, которому давно перестало нравиться происходящее вокруг НСРРП и Телгира, одним из первых своих указов запретил четырнадцать митингов, запланированных националистами на конец сентября.

Офальд, узнавший об этом в штаб-квартире партии, в сопровождении Сорима и Ребева ринулся к Раку, устроил погром в его приемной, но даже пригрозив комиссару революцией и кровопролитием, не произвел на хладнокровно улыбавшегося Тугавса никакого впечатления. Разъяренный, Телгир поехал домой. Отпустив охранников, он в течение двух часов метался из угла в угол, с перекошенным лицом и сжатыми кулаками, не чувствуя боли от впившихся в ладони ногтей. Офальд бормотал страшные проклятия в адрес Рака,

Гликлинна, всего вабаярийского правительства, расшвыривал попадавшие ему на дороге вещи и довел до истерики фрау Хайртер, сунувшуюся было к беспокойному жильцу с чашкой чаю и печеньем. Искусав себе губы до крови, Телгир протелефонировал Меру и Сегсу, срываясь на крик, объявил о немедленном вооруженном восстании против негодяев, засевших в вабаярийском парламенте, и, не слушая удивленных вопросов и робких возражений, бросил трубку.

Через полчаса Лорьфуд и Стрэн уже были на Исетарсатш. Их взглядам предстал потный, с всклокоченными волосами и белым, как мел, лицом Офальд. Зрачки его невероятно сузились, став крошечными черными точками на сверкающей гневом синеве глаз, рубашку покрывали пятна крови, руки дрожали. Лидер НСРРП напоминал морфиниста, лишившегося привычной дозы губительного зелья, и лишь ценной невероятных усилий, многочасовых переговоров, завершившихся рюмкой коньяку, и терпению Сегса с Мером Телгира, кричавшего, что он новый Усолсимин, который сначала захватит парламент Вабаяри, а потом пойдет маршем на Инбрел, удалось убедить не начинать немедленного восстания против вабаярийского правительства, которое явно было обречено на провал. Под утро, уложив своего лидера в постель, его соратники отправились по домам, чтобы урвать хоть пару часов беспокойного сна. Перед тем, как лечь, Сегс поручил Наману и Ренкеру вызвать в Хенниом Дрефлонюда.

Того, чего не удалось сделать Офальду, в течение трех дней добился Хэри Дрефлонюд. Национальный герой встретился с Солсовом, Раком, с очередным начальником хенньюмской полиции Нагсом Рейзасом, провел переговоры с некоторыми членами вабаярийского парламента, и уже к началу октября Офальд вернул себе расположение главнокомандующего и комиссара. На собрании членов НСРРП Телгир, одержимый идеей восстания против республики и многотысячного похода на римнагскую столицу, подобного тому, что с успехом провел годом ранее Усолсимин в Алияти, говорил:

– Почти настал день, ради которого было создано это движение! Час, ради которого мы боролись годами. Момент, когда национал-социалистическое движение выступит в победный поход ради блага Римнагеи! Не для выборов мы были основаны, а для того, чтобы предстать последней подмогой в величайшей беде, когда наш народ в страхе и отчаянии увидит приближающееся красное чудовище... Наше движение несет избавление, это чувствуют сегодня уже миллионы. Это почти стало новой всеобъемлющей верой!

В штаб-квартире партии ежедневно разрабатывались самые фантастические планы по захвату власти. Один из них, предложенный Рербогнезом, понравился Офальду больше

всего. Бойцы АГ должны были похитить троих фактических правителей Вабаяри (слабого Гликлинна никто всерьез не воспринимал), которых давно называли триумvirатом: Солсова, Рака и Рейзаса, Телигр объявил бы, что берет власть в свои руки, чтобы не допустить к ней красных, и после этого при поддержке армии и полиции двинулся бы на Инбрел. Остальные руководители партии резонно отметили, что правительство Римнагеи тут же примет ответные меры, да и армия с полицией могут взбунтоваться и напасть на националистов. Офальд с сожалением отмел предложение Рербогнеза, однако продолжал лихорадочно перебирать все возможные варианты развития событий, при которых НСРРП могла бы стремительно сместить руководство Вабаяри и затем стать реальной угрозой правительству всей Римнагеи.

Телгир окончательно уверился, что он избран для спасения своей страны, после двух событий. В конце сентября он нанес визит 86-летней вдове обожаемого им чуть ли не религиозным пылом композитора Ренгава, фрау Микозе. Почтенная женщина едва обменялась с Офальдом несколькими словами, но невестка Ренгава, уроженка Ланияга Дрефнинв, горячая поклонница идей НСРРП, через несколько дней отправила рефюру партии письмо, в котором написала, что Микоза после ухода Телгира сказала, что именно этот человек видится ей спасителем Римнагеи.

Неделю спустя Офальд, ехавший на своем новеньком автомобиле вместе с Ганфштенглем через покрытые густым

туманом вабаярийские холмы с очередной встречи по сбору денег для партии, попал в аварию. Машина съехала в кювет и перевернулась, но никто при этом не пострадал. Уже подъезжая к Хенньюму, после долгого молчания Телгир внимательно посмотрел на Цупи и медленно проговорил:

– Я заметил, что вы даже не испугались. Я знал, что с нами ничего не случится. Это не единственное происшествие, из которого я выйду невредимым. Я пройду через все и добьюсь осуществления своих планов.

Глава тридцатая. 34 года. Продолжение

Хенниом, Римнагея. Октябрь – ноябрь

К середине октября Вабаяри бурлил почище супа в толстостенном котле с плотно прилегающей крышкой. Бойцы АГ под руководством Мера и Ниргега начали отрабатывать захват правительственных учреждений Инбрела, строя макеты столичных улиц на пустырях за Хенниомом и изучая карты местности. Выступая перед военными курсантами, Телгир под бурные аплодисменты заявил:

– Высший долг вашей военной присяги, данной республике, господа, состоит в том, чтобы нарушить ее.

Два дня спустя на одном из совещаний Римнагского Боевого союза Ниргег сообщил о подготовке черных списков.

– Необходимо, чтобы командиры сотен уже сегодня выявляли тех личностей, чье устранение необходимо. После издания воззвания о смене власти следует для устрашения тут же расстрелять хотя бы одного.

Узнав об этом Солсов, которого инбрелское командование отстранило от руководства вабаярийской армией, а правительство Вабаяри и Тугавс Рак незаконно восстановили в должности, созвал в своем штабе расширенное совещание, куда пригласил представителей армии, полиции и патриотических союзов, и изложил свои планы о предстоящем походе

армейских соединений и добровольческих частей на Инбрел. Из руководителей Римнагского Боевого союза на собрании присутствовал один лишь Бьеликр. Тоот Солсов ясно дал понять, что не собирается брать Телгира и его АГ в союзники. Тугавс Рак, в свою очередь, публично заявил об отказе от каких-либо переговоров с правительством Римнагеи.

– Речь идет о великой борьбе двух решающих для судеб всего римнагского народа мировоззрения – международной ксармистско-йеревской и национальной римнагской идеологии, – вдохновенно говорил Рак. – Вабаяри предначертано судьбой взять на себя руководство в этой борьбе за великую римнагскую цель.

Офальд, которого не пригласил для участия в пресловутой борьбе и Тугавс, объявил о большом войсковом смотре, желая воочию продемонстрировать вабаярийскому триумвирату силу НСРРП и ее союзников, после чего в течение двух дней по Хенньюму маршировали бесконечные колонны с нарукавными повязками и знаменами партии. На митингах горожане с удовольствием внимали Трехшрею с его обычной площадной риторикой:

– Вабаярийские кулаки должны наконец расчистить этот инбрелский свинарник! Ядреные вабаярийцы проведут карательный поход на Инбрел, победят эту великую апокалипсическую проститутку, а, может быть, и позабавятся с ней!

В личной беседе с Рейзасом Телгир "по секрету" сообщил, что АГ располагает семьюдесятью походными пушка-

ми, гаубицами и тяжелыми орудиями, запрятанными до поры до времени в тайниках. Уже к вечеру об этом стало известно Раку и Солсову. Триумvirат, несмотря на поддержку идей Телгира и НСРРП, боялся их неприкрытого экстремизма и радикальной жестокости. Рейзас считал, что национальные движения в Вабаяри следует держать в узде, направляя их разрушительную энергию в нужное для страны русло. Тоот и Тугавс соглашались с начальником полиции, хотя и не представляли себе, каким образом он планирует сдерживать многотысячную армию хорошо вооруженных головорезов, доведенную до исступления своим темпераментным главарем. Больше всего троих фактических правителей Вабаяри испугал пассаж Офальда во время митинга в цирке "Норке", когда рефюр НСРРП заявил:

– Для меня римнагская проблема будет решена только тогда, – кричал он, брызгая слюной и отмахивая каждый свой тезис сжатой в кулак правой рукой, – когда над Инбрелским дворцом взовется красный флаг с черно-белым сактвиасом! Мы считаем, что час настал, и как солдаты готовы исполнить свой долг! Мы пойдем вперед!

В первый вторник ноября триумvirат заявил лидерам Римнагского боевого союза, что римнагское правительство следует свергнуть, но делать это надо согласованно со всеми националистическими движеениями и организациями, после тщательной подготовки. НСРРП должна стать частью общей воли. Если партия решит устроить путч своими сила-

ми, он будет подавлен силой оружия. Телгира на эту встречу не пригласили, и в тот же день он объявил союзникам о том, что восстание начнется через пять дней, в воскресенье, в годовщину капитуляции Римнагеи. План путча, разработанный Офальдом, Мером, Ниргегом, Сегсом и Стрешарсом заключался в том, что солдаты и полицейские в выходной день получают увольнительные, и армия с полицией не смогут оказать националистам достойного сопротивления. Во всех крупных городах Вабаяри следовало захватить радиостанции, телеграфные и телефонные станции, здания городской администрации, заблокировать полицейские участки. Кроме того, планировалось арестовать руководителей всех коммунистических и ксармистских движений и организаций, не возбранялось провести показательные расстрелы в случае серьезных осложнений. Однако всего через день план пришлось изменить.

* * *

В среду, на следующий день после заявления триумвирата, сторонники НСРРП из полиции сообщили партии, что Тугавс Рак готовит программную речь во время массового патриотического митинга, запланированного на четверг в огромном зале хенньюмской пивной "Глюберкойбреррел", вмещавшем до трех тысяч человек. Вместе с Тугавсом в зале должны были присутствовать Солсов, Рейзас, лидеры уме-

ренных националистических движений, члены правительства и прочие видные люди Хеннюма. Офальд срочно собрал руководителей партии и предложил им решить проблему одним ударом уже завтрашним вечером. Все лидеры Вабаяри, собравшиеся в одном месте, могли быть как арестованы, так и переубеждены (так и расстреляны, подсказал Мер). Телгир резко возразил, что руководить Вабаяри он не собирается, ему просто нужны верные компетентные люди на высоких постах, чтобы без помех можно было отправиться маршем на Инбрел.

Подобная смена плана насторожила большинство руководителей партии. Офальда поддержали лишь Мер, Сегс, Бейнорш-Ретрих и, частично, Ниргег. Но после горячих споров, продолжавшихся до трех часов ночи, было решено начать путч нынешним же вечером в зале пивной "Глюберкойбререл".

Холодным ветренным утром поспавший всего пару часов Телгир, страдавший от сильной зубной боли, лично объехал командиров отрядов АГ с приказом привести людей в боевую готовность. В редакции газеты "Шлеферьик Ерахботеб" он нашел Рербогнеза и Ганфштенгля. Бледный, со скривившимся от боли лицом, Телгир попросил обоих захватить пистолеты и явиться к пивной в восемь вечера. Затем Офальд отправился к Маргену Рессэ, лежавшему дома с сильной простудой, и попросил его, несмотря на плохое самочувствие, стать знаменосцем на митинге. Рессэ согласил-

ся, и, успокоенный, Офальд отправился в ближайшее кафе, где с Сегсом, Наманом и фотографом Ригнехом Фомнагом, членом партии и близким другом ее рефюра, пил кофе с пирожными и беседовал на отвлеченные темы. Лишь крупные капли пота, время от времени выступавшие на бледном лбу Телгира, да заметное дрожание в левой руке выдавали его глубокое внутреннее волнение.

Съездив домой, чтобы переодеться, Офальд предстал перед входом в "Глюберкойбреррел" в черном сюртуке с длинными полами и мягкой шляпе. На его груди блестел Бронзовый стяг, рука сжимала неизменный хлыст. У здания пивной и в вестибюле дежурили около ста полицейских, и Солсов в любой момент мог вызвать подкрепления из ближайшей воинской части, расположенной в пятистах метрах от места проведения митинга. Телгир вошел в пивную через боковую дверь, открытую для него Сегсом, и приказал подъехавшим к зданию на грузовиках бойцам АГ очистить вестибюль и окружить пивную. Затем Офальд вместе со своим телохранителем Фаргом, Рербогнезом, Бейнорш-Ретрихом и маячившим позади них, трясущимся от страха Нотаном Склрердом, вошел в зал, где Рак уже начал свою программную речь. Телгир взял у Ганфштенгля кружку с пивом, подождал, пока боевики выкатывали и устанавливали рядом с ним тяжелый пулемет, а затем, отхлебнув пива, грохнул кружку об пол, вытащил из кармана пистолет и под крики своих бойцов "Айльх Телгир!" побежал к середине зала. Там

он вскочил на один из столов, выстрелил в воздух и закрычал, что было сил:

– Национальная революция началась! Зал окружен шестьюстами вооруженными до зубов людьми! Никто не имеет права покидать зал. Если сейчас же не установится тишина, я прикажу установить на галерее пулемет. Вабаярийское правительство низложено, образуется временное римнагское правительство, казармы армии и земельной полиции захвачены, а солдаты и полицейские уже выступают под нашими знаменами с сактвиасом!

Начавшаяся было паника быстро стихла, отчасти из-за выстрела и слов Телгира, отчасти из-за полновесных ударов и тычков, которыми награждали всех кричавших и пытавшихся выбраться из зала участников митинга бойцы АГ. Когда в переполненном ошеломленными людьми огромном помещении установилась относительная тишина, Офальд, опершись о руку Сегса, сошел со стола, и, угрожая пистолетом, грубо приказал Солсову, Раку и Рейзасу, находившимся на сцене, проследовать в небольшую комнатку справа от возвышения. Те не подчинились, и к Телгиру подскочил помощник Рака, но тут же получил по голове рукояткой револьвера от Фарга и со стоном осел на пол. Триумвират нехотя поплелся в указанном Офальдом направлении. В зале послышались выкрики "Театр!", "Долой!", "Проходимцы!", и Телгир, прежде чем скрыться за дверью, мотнул головой в сторону зрителей, из-за чего в разные стороны полетели блестя-

щие под ярким светом прожекторов, направленных на сцену, капли пота. Командиры отрядов отдали приказ бойцам утихомирить крикунов, но даже под градом новых ударов крики и свист до конца так и не смолкли. Ганфштенгль, Бейнорш-Ретрих и Сорим выскользнули из зала и со всех ног побежали к машине Телгира. Они должны были как можно скорее привезти в "Глюберкойбреррел" ни о чем не подозревавшего Дрефлонюда.

В комнате за сценой Офальд, порывисто жестикулируя рукой с зажатым в ней пистолетом, угрожающим тоном заявил членам триумvirата, что никто из них не выйдет отсюда живым – и тут же осекся, учтиво извинившись.

– Вы обещали не прибегать к насилию, – твердо сказал Рейзас, скрестив руки на груди и холодно глядя в глаза Телгиру.

– Я вынужден был сделать это для блага Римнагеи. Иногда нет другого выхода.

– Это чистейшей воды демагогия, – побагровев, воскликнул Солсов. – Немедленно прекратите угрожать нам оружием, и...

– Генерал, вы, кажется, не поняли, – прервал его Офальд громким, чуть подрагивающим от волнения голосом. – В Вабаяри началась революция, и назад хода уже нет. Условия здесь диктуем мы.

В возникшей после этого заявления тишине он быстро отбарабанил заготовленную заранее речь. Новым главой пра-

вительства Вабаяри назначался бывший шеф полиции Репен, Рак станет заместителем, генерал Дрефлонюд с помощью Солсова возглавит марш армии и националистов на Инбрел, Рейзас будет министром полиции и судопроизводства. Сам же Телгир возглавит новое правительство Римнагеи.

– Я знаю, что этот шаг дастся вам нелегко, господа, но сделать этот шаг нужно, – быстро говорил Офальд, переводя взгляд с одного каменного лица на другое. – Нужно помочь вам, господа, найти трамплин. Каждый должен занять то место, на которое он поставлен, если он этого не делает, то у него нет права на существование. Вы должны бороться вместе со мной, победить вместе со мной или вместе со мной умереть. Если дело сорвется, то в моем револьвере четыре пули – три для вас, если вы меня покинете, а четвертая – для себя.

Помолчав, Телгир исступленно прижал дуло пистолета к виску.

– Если завтра после полудня я не буду победителем, я буду мертвецом.

Но все тщательно спланированное рефюром НСРРП действие, начиная от заявления о революции в зале, и заканчивая его речью перед триумвиратом, не произвело никакого впечатления на Солсова, ноздри которого продолжали гневно раздуваться, Рейзаса, даже не сменившего позы, и Рака, оставшегося самым спокойным из всех. Тугавс, подождав, не скажет ли Офальд чего-то еще, хладнокровно сказал:

– Господин Телгир, вы можете приказать меня застрелить, можете сами меня застрелить. Но умереть или не умереть – это не имеет для меня никакого значения.

Остальные продолжали молчать. Офальд резко развернулся и вышел из комнаты, в три прыжка оказался на сцене и вновь выстрелил в воздух, чтобы привлечь к себе внимание ропщущего зала.

– Задача временного римнагского национального правительства – всеми силами этой земли и привлеченными силами всех римнагских областей выступить походом на этот погрязший в грехах город падших – Инбрел, и спасти римнагский народ. И вот я спрашиваю вас – там находятся три человека: Рак, Солсов и Рейзас. До боли трудно дался им такой шаг. Согласны ли вы с таким решением римнагского вопроса?

Телгир врал, будто триумvirат уже принял его сторону, но ему надо было расположить к себе зал и дожидаться Дрефлонюда, чьи авторитет и народная любовь наверняка повернули бы ситуацию в пользу восстания.

– Вы видите – то, что нами движет, это не самомнение и не корысть, – продолжал оратор. – Нет, мы хотим начать, когда стрелки уже приближаются к двенадцати, борьбу за наше римнагское отечество. Мы хотим построить союзное государство федеративного типа, в котором Вабаяри получит то, что принадлежит ей по праву. Утро увидит в Римнагее либо римнагское национальное правительство, либо нас мертвы-

ми!

Он остановился, увидев, что аплодируют его словам не только соратники и бойцы АГ, но и остальные люди в зале. Не поддержали всеобщее ликование только представители прессы и члены правительства во главе с Гликлинном, сидевшие за отдельными столиками. Сила убеждения и своевременное откровенное вранье помогли Телгиру завоевать себе новых сторонников, буквально за двадцать минут прошедших путь от ненависти к этому выскочке и его идеям до любви к нему. В этот момент в дверях зала показался Дрефлонюд, и сначала боевики АГ, а потом и все остальные закричали "Айльх!", приветствуя легендарного генерала. Хэри молча прошел на сцену, пожал руку Офальду, и, сопровождаемый овациями, отправился уговаривать триумvirат покориться воле Телгира. Он заявил Солсову, Раку и Рейзасу, что все происходящее стало для него такой же неожиданностью, как и для них, однако речь идет о великом историческом деле, которое ни в коем случае нельзя провалить. Постепенно триумvirат уступил натиску генерала и рефюра НСРРП, хотя Тугавс сопротивлялся до последнего. Наконец, эта пятерка устало вышла на сцену, чтобы объявить о своем единстве. Офальд срывающимся голосом произнес:

– Я выполню клятву, которую дал себе пять лет назад, будучи слепым калекой, в военном госпитале: без усталости бороться за свержение ноябрьских преступников, пока на сегодняшних руинах не поднимется сильная, великая, свобод-

ная Римнагея!

Рак согласился служить Вабаяри в качестве регента, Дрефнолюд предоставил себя в распоряжение римнагского национального правительства и все пятеро обнялись. Когда люди в зале вскочили на ноги и запели "На земле всего превыше Римнагея лишь одна" один из иностранных корреспондентов, которых Рербогнез предусмотрительно пригласил на митинг, обзвонив их сразу после визита Офальда, повернулся к своему коллеге, изумленно взиравшему на все происходящее, и громко сказал:

– Здесь не хватает только психиатра!

Тот молча кивнул.

* * *

Пока лидер националистической партии, начальник полиции, комиссар с чрезвычайными полномочиями, главнокомандующий войсками Вабаяри и боевой генерал с показным единодушием обнимались на сцене, в пяти километрах от "Глюберкойбреррела", в зале пивной "Колнейберлверел", где собрались около двух тысяч членов НСРРП и Боевого союза, с трибуны выступал Марген Рессэ.

– Мы готовы к возмездию предателям римнагского народа! – кричал он, то и дело поглядывая на часы. – Подленькие ксармистские горлопаны, замутняющие невинное сознание нации своими пропагандистскими лживыми идеями о

всеобщем равенстве льют воду на мельницу мирового йеревского капитализма, с его процентным рабством и кабальным желанием обобрать Римнагею до нитки, склонив ее в униженном поклоне перед жиреющими странами, сосущими из нас кровь! Мы не можем себе позволить ждать ни минуты, и обязаны...

Неожиданно на трибуну взлетел Рэнст Мер, шепнул Рессэ "роды прошли благополучно" и звенящим от волнения голосом обратился к залу:

– Внимание! Внимание! Импотентское правительство Рака и Гликлинна свергнуто! Наш лидер, Офальд Телгир, объявил о начале национальной революции! Да здравствует свободная Римнагея!

В зале началось настоящее столпотворение. Люди кричали от радости, обнимались, вскакивали на стулья, чокаясь кружками, полными пива, и танцуя под звуки оркестра, четыре раза подряд проигравшего национальный гимн. На возвышении, исполняющем роль сцены, руководители партии и Боевого союза провели короткое совещание, после чего, дав знак музыкантам прекратить играть, Рем громовым голосом объявил о построении и быстром марше к "Глюберкойбреррелу". Людской поток, состоявший в основном из бойцов АГ, хлынул на улицу через широкие дубовые двери пивной.

Был холодный, но ясный ноябрьский вечер, и лишь несколько легких облачков то и дело, будто пуховкой по женскому лицу, легко проходились по яркой луне. Колонна бое-

виков под звуки марша бодро шагала через мост, с несущим огромное знамя НСРРП Ригнехом Мемрилгом во главе, когда посланник от Телгира на мотоцикле лихо подрулил к Меру и Рессэ и прокричал приказ от Офальда: занять штаб генерала Солсова и изъять из тайников в монастырских подвалах две с половиной тысячи винтовок. Мер тут же развернул колонну к университету.

У ворот штаба дежурному офицеру хватило двух минут, чтобы понять: сопротивляться сотням вооруженных людей, за которыми стоят тысячи сторонников, бесполезно. Он открыл ворота, и боевики с военной точностью быстро заняли ключевые посты, выставили часовых, укрепили пулеметы в оконных проемах и окружили здание двумя рядами колючей проволоки. Счастливый Мер, бегавший от одного поста к другому, громко и хрипло отдававший приказы, хлопавший по плечам командиров отрядов, на радостях забыл о самой важной стратегической точке во всем штабе, которую ему следовало бы занять первой. Офицер, открывший ворота, двадцатрехлетний лейтенант Ларк Древек, был горячим сторонником социал-демократов, терпеть не мог националистов, и сразу после формального заявления, что он подчиняется силе захватчиков, спокойно, никем не задержанный, отправился в комнатку с коммутатором, выгнал оттуда дежурного связиста, запер дверь и начал рассылать сообщения о захвате штаба, количестве и составе боевиков, а также поименно перечислил их командиров. Эти сведения приняли

в казармах 19-го пехотного полка, куда через каких-то сорок минут после захвата штаба приехали Тоот Солсов и Нагс Рейзас. Генерал тут же передал через Древека приказ атаковать восставших правительственными войсками, которые должны были прибыть в Хенниом с севера Вабаяри по железной дороге. Ларк аккуратно передал приказ главнокомандующего, который с легким сердцем забыл данные Телгиру, Дрефнолюду и еще трем тысячам человек обещания, по назначению.

Стрэн Мер вспомнил об узле связи только через два часа, и приказал взломать дверь, за которой Ларк продолжал лихорадочно стучать ключом, когда уже было поздно. Древека избили, связали и бросили в подвал.

* * *

После сцены братания, когда бойцы АГ позволили было собравшимся разойтись, Лорьфуд Сегс громко приказал присутствующим остановиться, вскочил на стул и быстро зачитал заготовленный заранее список "врагов народа", в котором националисты перечислили тех членов правительства, офицеров и чиновников, влияния которых побаивались и потому решили их изолировать. Министр по делам судопроизводства Рентгюр попытался было бежать, но его схватили, пригрозили оружием, и попыток к бегству больше никто не делал. Под улюлюканье и свист публики заложников вывели

из пивной. Сегс со своим отрядом усадил их в два грузовика, вскочил в автомобиль, и небольшая колонна отправилась на виллу издателя Юлуси Малена, горячего поклонника и спонсора националистов. Тут, к радости руководителей путча, пришло сообщение, что в полицейское управление Хеннюма явился смещенный с должности начальника полиции Репен в сопровождении полусотни националистов, объявил себя новым шефом и созвал срочную пресс-конференцию, запретив полицейским вмешиваться в действия восставших. Все еще тяжело дышавший от нахлынувших эмоций Телгир, которому по телефону сообщили, что у казармы саперов, куда отправился отряд боевиков под руководством Ниргега, начался бой, в сопровождении Сорима и Рербогнеза поехал туда, чтобы попытаться остановить кровопролитие. Прибыв на место, Офальд обнаружил, что дело ограничилось пальбой в воздух, однако саперы наглухо закрыли ворота и отказались вступать в переговоры с "сепаратистами". Телгир запретил Нирегу штурм здания, отправил его отряд к полицейскому управлению ждать дальнейших указаний, и вернулся вместе с Маргеном в "Глюберкойбреррел" около одиннадцати вечера. Здесь рефюр НСРРП к своему ужасу обнаружил, что Солсов, Рак и Рейзас, сославшись перед Дрефлюндом на служебные обязанности, преспокойно вышли из пивной и растворились в ночи.

От мгновенно нахлынувшего страха порозовевшее было от тепла жарко натопленной пивной лицо Офальда посерело,

губы задрожали, глаза затуманились. Телгир пошатнулся, но тут же обрел прежнюю уверенность в себе, и в приступе гнева резко сказал Хэри:

– Как вы могли допустить, чтобы Тоот Солсов сбежал? Он же немедленно выступит против нас!

Дрефлонюд, и без того изрядно раздраженный тем, что ему не сообщили о готовящемся восстании, а также незначительной ролью командира отряда, который должен был пойти маршем на Инбрел, выпучил темно-серые глаза, и, ощерив рот под встопорщившимися усами, заорал:

– Вам мало честного слова римнагского офицера?! Солсов пообещал продолжить совместную борьбу, он отправился в штаб, чтобы продолжить выполнять свои обязанности, и не вам подвергать сомнению его воинскую честь и достоинство!

Пораженный этой отповедью Телгир открыл было рот, чтобы что-то ответить, однако промолчал, кисло улыбнулся и слегка поклонился генералу, словно полностью соглашаясь с его словами. Левая рука Офальда заметно дрожала, ввалившиеся от усталости глаза метали молнии, на обтянутых бледной кожей скулах ходили желваки.

На улице небо затянулось тучами и в воздухе закружились редкие легкие снежинки.

Глава тридцать первая.

34 года. Окончание

Хенниом, Римнагея. Ноябрь

К полуночи, когда Телгир, Нергиг, Бьеликр, Наман, Трейхшрей и вернувшийся с виллы Малена Сегс работали над планом марша на Инбрел, у пивной оказалась колонна курсантов пехотного училища под командованием лейтенанта Харгерда Байсорха, члена НСРРП, бывшего участника добровольческих отрядов Пэпа, собравшего в свое время свое ультраправое подразделение, который уговорил курсантов посадить их командира под арест, взял на себя командование и выступил с ними в поддержку путча. Офальд произнес перед несколькими сотнями курсантов короткую речь, поблагодарив их за веру в него и поддержку партии, а затем поручил Байсорху захватить штаб комиссара Рака. Вернувшись в зал, Телгир предложил отправиться к Меру, чтобы продолжить работу над дальнейшими планами, и, в сопровождении остальных руководителей партии, поехал в штаб Солсова, где в кабинете генерала Стрэн Мер ждал дальнейших указаний.

В штабе Офальд, скрипевший в волнении зубами, вновь завел разговор о пропавших Солсове, Раке и Рейзасе. Ни один из них не вышел на связь с восставшими, а многочисленные посланники рефюра НСРРП не сумели найти ни од-

ного из них. Только тут Мер, решивший на всякий случай арестовать всех штабных офицеров, вспомнил о коммутаторе и Ларке Древеке. Узнав о предательстве Солсова, Телгир, дрожа всем телом, упал на стул и хрипло проговорил:

– Дело сорвалось. Значит... – он замолчал, провел дрожащей левой рукой по лбу и устало опустил веки. Перед соратниками был сломленный, в одну секунду постаревший на полтора десятка лет человек, некрасивой бесформенной кучей из одежды и плоти осевший на казенном стуле в небольшой набитой людьми комнате.

Угрюмый Дрефлонюд попросил у Офальда прощения за недавнюю вспышку, но тот лишь махнул рукой.

– Вы не могли знать, Хэри, что наши противники ответят на клятвопреступление клятвопреступлением.

Помолчав несколько минут, Телгир встряхнулся, выпрямился и обвел горящим взглядом всех присутствующих.

– Это только начало, господа! Мы обязательно победим!

Лидеры восстания, зараженные этой неукротимой энергией, возрождавшейся в Офальде вновь и вновь, даже не взирая на поздний час и тревожные сообщения о положении дел, принялись за подготовку необходимых документов. Они разработали обращение к римнагскому народу, а также два указа, первым из которых учредили трибунал для вынесения приговоров за политические преступления, вторым – объявляли вне закона участников ноябрьской революции пятилетней давности и вменяли в обязанность всем военным и

полицейским структурам искать и выдавать "главных подлещиков ноябрьского предательства живыми или мертвыми в руки национального правительства".

Тем временем по Хенньюму, несмотря на второй час ночи и усиливавшийся снегопад, продолжали маршировать колонны боевиков со знаменами НСРРП, тут и там гремели духовые оркестры, группы националистически настроенной молодежи орали патриотические лозунги и песни. Часть отрядов АГ разгромила редакцию социалистической газеты "Хенньюм Софт", другие врываются в дома богатых йеревов, сочувствовавшим ксармистам, захватывали хозяев в заложники и часто прибирали к рукам деньги и драгоценности. Горожан, выходивших на улицы, чтобы сделать националистам замечание о слишком громких криках или музыке тут же хватали и арестовывали, либо просто избивали на месте.

* * *

Шли часы, бесчинства националистов на улицах Хенньюма затихали, а в штабе путчистов возрастала тревога. Их посыльные не возвращались, от Репена после его громких заявлений больше не было никаких вестей, а курсантам во главе с Байсорхом не удалось захватить штаб Рака. Когда они подошли к зданию, их встретил отряд полицейских с обнаженным оружием. Ни Харгерд, ни командовавший полицией пожилой офицер не хотели кровопролития, и после без-

успешных переговоров курсанты отступили. В это время через заднюю дверь из здания выбрался сам Тугавс, который поехал в свой штаб сразу после бегства из пивной, отправил несколько приказов городским полицейским, арестовавшим Репена и выставившим охрану у штаба, а после отхода курсантов Байсорха уехал в казармы к Солсову и Рейзасу. Надежда восставших на то, что триумvirат одумается и не станет предпринимать против националистов решительных действий окончательно растаяла после двух обращений к нации.

Сначала генерал Тоот Солсов выпустил заявление, процитированное многими римнагскими радиостанциями, в котором выразил осуждение действиям путчистов, пригрозил им немедленной расправой и неоднократно повторил, что вынужден был под угрозой оружия выразить восставшим свою поддержку, точно также, как и остальные члены триумvirата. Вслед за генералом Тугавс Рак выпустил прокламацию, где комиссар, пользуясь своими чрезвычайными полномочиями, объявлял действия восставших незаконными, распускал НСРРП, Римнагский Боевой союз и прочие ультраправые движения, закрывал газету "Шлеферьик Ерахботеб", и обещал привлечь к ответственности лидеров путча и всех организаторов беспорядков в Хенньюме.

Оба этих заявления Телгир воспринял довольно спокойно. Его первоначальным планом был быстрый бескровный захват власти в Вабаяри, при котором сам собой подразу-

мевался переход всех правительственных и государственных структур под контроль националистов, после чего он намеревался безотлагательно заняться подготовкой к маршу на Инбрел, вербовкой добровольцев, поставками оружия и сбором боевых групп со всех окрестных городов. Столкнувшись с неожиданными сопротивлением и предательством, Офальд несколько раз за эту бесконечную ночь переходил от отчаяния к самоуверенному восторгу и обратно, пока наконец не вытравил из себя все эмоции, постаравшись рассуждать холодно и здраво. Он произнес перед своими сторонниками речь, в которой призывал их продолжать борьбу, помнить, что их дело – правое, а в конце произнес: "Получится – победим, не получится – застрелимся!"

В половине шестого утра Офальд отправил на улицы города группы людей с призывами всем, разделяющим идеи националистов и сторонникам НСРРП вывесить на своих домах флаги с сактвиасом. Кроме того, Телгир отдал указание подготовить вечернюю серию из четырнадцати митингов, а также объявить о дневной демонстрации в поддержку национального восстания на площади Скигацпенл. Штаб немедленно заказал афиши и набросал план проведения этой акции, на которую, как надеялись восставшие, выйдут десятки тысяч хенньюмцев, придав тем самым необходимую для легитимности путча массовость всему происходящему в городе. Все руководители восстания, за исключением Мера, оставшегося удерживать штаб Солсова, выехали обратно в

"Глюберкойбреррел", к которому уже не первый час стягивались отряды националистов, не занятые охраной захваченных зданий. Персонал пивной наскоро убрал следы массового митинга, и в семь утра, пока лидеры партии и Боевого союза заседали в отдельном небольшом зале на втором этаже, невыспавшимся боевикам подали скромный завтрак.

Когда агитгруппы, призывавшие горожан вывешивать знамена НСРРП, наводнили улицы Хенньюма, казалось, что восстание обречено на успех. Над ратушей (после стычки с ксармистами, бросившимися на защиту городской администрации), многими правительственными зданиями и просто в окнах жилых домов показались красные флаги с белым кругом и сактвиасом в его центре. Утренние газеты взхлеб писали о произошедшем в "Глюберкойбрерреле", в вербовочные пункты Боевого союза и НСРРП непрерывным потоком шли добровольцы, в казармах офицеры открыто агитировали за Телгира и призывали своих солдат присоединяться к готовящемуся маршу на Инбрел. Трехшрей, отвечавший за агитацию на городских улицах, постоянно получал от них сведения об аплодисментах и приветственных криках, которыми хенньюмцы встречали националистов.

* * *

В комнате, где заседали руководители путча, настроение было подавленным. Дрефлонюд, мрачно потягивавший

красное вино, в сотый раз повторял:

– Я никогда больше не буду верить слову римнагского офицера.

Рессэ и Сегс составляли текст очередного обращения к вабаярийцам, листовки с которым должны были отпечатать к демонстрации на Скигащпенл. Наман, Рербогнез, Ниррег и Бьеликр принимали доклады от посыльных и командиров отрядов боевиков АГ и Боевого союза. Офальд, закусив нижнюю губу, бездумно рисовал что-то в небольшом блокноте. Пол вокруг его стула был усеян небрежно выдранными из блокнота листками с размашистыми карандашными набросками и эскизами. В восемь утра Телгир встрепенулся.

– Мы должны действовать, – заявил он, отшвырнув карандаш и стремительно вскочив на ноги.

Очередная волна энергии, накрывшая Офальда, и уже в который раз за последние часы сменившая приступ апатии, пробудила и всех остальных. Рефюр НСРРП отправил боевиков захватить здание управление полиции и освободить Репена, а Бьеликр поручил одному из своих отрядов конфисковать запасы только что выпущенных денег в типографии, принадлежащей йеревским братьям Курпас.

На протяжении всего утра в пивную прибывали отряды националистов из многих городов Вабаяри. Их наскоро кормили, объясняли боевую задачу и отправляли в разные точки Хеннюма. Во главе самой крупной группы из Тлусхадна приехал Роггер Стрешарс, тут же включившийся в работу

по вооружению и распределению бойцов, помогая Ниргегу и Бьеликру. Без четверти девять из типографии привезли десятки коробок с инфляционными деньгами, в которых было около четырнадцати триллиардов (тысяч триллионов) обесценившихся марок. Их свалили в кучу в углу просторного зала. Сразу вслед за отрядом Бьеликра прибыли боевики АГ, которым, точно также, как и отряду Байсорха ночью, ничего не удалось сделать с сопротивлявшимися полицейскими: две группы противников с оружием наголо постояли друг против друга, не желая кровопролития, и после неудачных переговоров бойцы Ниргега вернулись в пивную ни с чем. Марген тут же посадил их в грузовики и отправил строить баррикады на мостах через Рази.

В импровизированный штаб путчистов стекались самые разные сведения со всего Хеннума, и кучка бледных, уставших людей в насквозь прокуренной комнате пыталась справиться с этим потоком информации, анализировать ее и принять единственно верное решение, чтобы не загубить все дело. В некоторых районах города агитаторы с пачками листовок и плакатами попадали в руки полицейских Райзеса и военных Солсова, передвигавшихся по улицам большими вооруженными группами, и тут же брались под арест. Печатную продукцию двух националистских типографий, еще с ночи работавших на износ, сжигали прямо на месте. В других местах уже боевики АГ, захватывавшие стратегически важные жилые здания в центре города, превращая их в опорные

пункты, брали в заложники чиновников, офицеров, богатых йеревов, сочувствовавших социал-демократам. К началу одиннадцатого утра в комнате над огромным залом "Глюберкойбреррела" разгорелся горячий спор.

Два Маргена, Бьеликр и Ниргег, предлагали оставить взбудораженный, вооруженный до зубов Хенньюм, собрать все имевшиеся в наличии силы и отойти к границе с Ивстярром в городок Займехорн, где боевики АГ и отряды националистов из Боевого союза могли бы пегерруппироваться, дожидаться подкрепления из крупных городов Вабаяри, получить оружие из тайников Мера и двинуться в поход большими силами. Рессэ, Сегс и Рербогнез, напротив, призывали выжидать, пока противник не перешел к активным действиям, сосредоточить все силы в Хенньюме, захватить все правительственные здания, не отступая и перед вооруженным штурмом, а затем, объявив город националистским, при поддержке населения арестовать всех несогласных с политикой НСРРП. Офальд молча слушал доводы своих соратников, грызя ноготь. Он не хотел отступать, не хотел выжидать, его буквально рвало на части желание действовать, однако рефюр партии не мог понять, что ему надо делать. Путчисты упустили шанс овладеть городом, когда еще ночью можно было захватить телеграф, министерства, воинские казармы, вокзалы. Теперь же они оказались в крайне сложной ситуации, из которой тщетно искали выход. К началу двенадцатого посыльный от Стрэна Мера сообщил, что штаб генерала

Солсова, занятый националистами, окружен войсками и полицией. Это известие вызвало еще более ожесточенные споры, конец которым положил молчавший до того Хэри Дрефнолюд:

– Выступаем! – лаконично заявил генерал и не спеша поднялся на ноги, разминая затекшие от долгого сидения мышцы. – Мы должны пройти маршем по центру Хеннюма.

Авторитет национального героя был настолько велик, а сам он в это мгновение был на столько величественен, что Офальд даже не подумал оспаривать это решение или возмущаться, что принял его не он. Телгир воскликнул:

– Этот марш должен стать демонстрацией нашей силы, и превратиться при поддержке населения во всеобщее восстание! Триумвират не посмеет стрелять в горожан!

– Я пойду во главе колонны, – спокойно сказал Дрефнолюд. – Скорее небо упадет на землю, чем вабаярийская армия повернет против меня.

Решение было принято, и из пивной во все концы города понеслись десятки посыльных с объявлением общего сбора. У входа в здание строились боевики АГ, руководители путча спешно приводили себя в порядок, умываясь, соскабливая щетину с щек, поправляя растрепанные волосы, глотая обжигающий кофе и разглаживая, насколько это было возможно, измятую одежду. Франт Ниргег даже умудрился принять какое-то подобие душа, воспользовавшись раковиной в туалете пивной, а Рессэ взял у одного из официантов белую ру-

башку. Камс Наман метался в поисках оркестра, однако музыканты давно разошлись по домам: в суматохе им забыли заплатить, а после еще и не накормили. Телгир, поправляя перед мутноватым зеркалом спадающую на лоб прядь волос, бросил вскользь:

– Наемные музыканты – это те же проститутки. Лягут под тебя, только когда заплатишь.

За десять минут до полудня внушительная колонна была готова к маршу.

* * *

Возглавляли шествие восемь дюжих знаменосцев с освященными в январе штандартами НСРРП, за которыми шли десять стрелков, призванных защищать огромные флаги с золотыми навершиями на древках. Следом выстроились руководители путча: Офальд, накинувший макинтош на свой сюртук, с одетым в гражданское Хэри Дрефнолюдом по правую руку и элегантным Камсом Бейнорш-Ретрихом по левую, полковник Марген Бьеликр, командир отряда личной охраны Телгира, созданного в пике Стрэну Меру, Ирхул Фарг, руководитель АГ Марген Ниргег, в кожаной куртке, расстегнутой так, чтобы были видны ордена, второй председатель партии Сакор Ренкер в мягком шерстяном пальто. За своими лидерами шла узкая колонна из сотни бойцов Фарга, вооруженных карабинами, в блестящих касках и с приторо-

ченными к поясам гранатами, а параллельно к ней выстроились два лучших отряда боевиков АГ во главе с Сегсом и Рессэ. Замыкали эти стройные ряды курсанты Байсорха, с винтовками, к которым были примкнуты штыки. После них уже без всякого блеска и порядка расположились бывшие военные, студенты, добровольцы, рабочие и прочие примкнувшие к националистам сочувствующие. Это пестрое шествие тронулось в путь ровно в полдень.

Через четверть часа быстрого марша по пустынным улицам Хенньюма националисты под песню Каркэта "Римнагея, пробудись, разорви свои цепи!" подошли к мосту Игдюлва, который ранним утром не сумели захватить боевики АГ. Охранявшие переправу полицейские предупредили путчиков, что, если они вздумают подняться на мост, по ним тут же откроют огонь. По приказу Ниргега бойцы АГ окружили небольшой отряд полиции, выставив вперед карабины с штыками и крича: "Мы не хотим стрелять в вас, но и вы не стреляйте в своих братьев-римнагцев!" Начальник караула растерялся, и тогда боевики, подняв винтовки, смяли многочисленных полицейских и расчистили мост для передвижения колонны. Перейдя реку, шествие наткнулось на толпы зевак, собравшихся на площади Лацпирамен послушать речь выступавшего с трибуны, окруженной отрядом АГ, Трехшрея, и приветствовавших колонну националистов восторженными криками. Многие присоединялись к идущим, а сам оратор призвал слушателей разделить с "ис-

тинными патриотами их нелегкое, но единственно верное бремя", удостоившись бурных оваций. В ходе движения колонна перестроилась, и теперь знаменосцы шли позади двух шеренг лидеров восстания, изо всех сил старавшихся держать строй и шагать ровно и быстро.

Офальд, с высоко поднятой головой и сжатыми в тонкую линию губами, шел по мокрой от медленно падающего и тут же тающего снега брусчатке, высоко вскидывая ноги в такт песне: колонна затянула "Славься Римнагея!" Он не смотрел по сторонам, не отвечал на приветствия горожан и почти не разговаривал с Хэри и Камсом, лишь изредка хватая за локоть то одного, то другого. Мысли с невероятной скоростью проносились за его лбом с тремя глубокими морщинами, словно застарелыми шрамами избородившие бледную кожу. За те жалкие полчаса, что продолжался марш националистов по Хенньюму, Телгир, со свойственной ему быстрой сменой настроений, несколько раз перешел от глубокого отчаяния к всепоглощающей эйфории. Он погружался в темный омут бессильной ярости, когда думал о предательстве Солсова и Рака с Райзесом, и ощущал трепетание в груди, когда вспоминал о флаге с сактвиасом на городской ратуше. Он ощущал холодный липкий ужас при мысли о возможной перестрелке с полицейскими и военными, и преисполнялся гордостью, слыша нестройное, но громкое пение трех тысяч своих сторонников, идущих вместе с ним по городу, который вот-вот должен был – в минуты душевного подъема Офальд

в это искренне верил – пасть к их ногам.

Втянувшись в узкую улочку Ташдерзенцисерс, колонна свернула направо и вышла на площадь Цасондопел, к армейскому штабу, у которого стоял отряд полиции в зеленых мундирах численностью в полторы сотни человек с винтовками наизготовку. Шествие остановилось, и Хэри Дрефнолюд громко приказал дать дорогу римнагским патриотам. Командир отряда, лейтенант Дониг, не обращая внимания на генерала, зычно скомандовал своим людям вести прицельный огонь по бунтовщикам, если кто-то из них направит оружие на представителей законной вабаярийской власти.

– Послушайте, лейтенант, – негромким, но отчетливым голосам начал Телгир, сделав движение вперед, – нас...

– Еще один шаг, – перебил его Дониг, с ненавистью сверля лидера националистов темными широко посаженными глазами, – и вы покойник.

Офальд замер.

– Нас тут тысячи! – крикнул кто-то из середины колонны. – А вас жалкая горстка! Мы сомнем вас, проглотим и не заметим!

Люди зашумели, задвигались, и Телгир обернулся, чтобы успокоить своих сторонников. В этот момент откуда-то из колонны бойцов АГ прозвучал выстрел, и полицейский, стоявший справа от Донига, застонал и упал на одно колено.

– Вторая рота, огонь! – закричал лейтенант и люди в зеленых мундирах начали стрелять по националистам, неболь-

шая часть из которых, включая опытных военных Ниргега, Бьеликра и Дрефлонюда, сильно дернувшего Офальда за рукав макинтоша, бросилась на землю, в попытке уйти с линии огня, другие с громкими криками ужаса разбежались в поисках укрытия, и лишь некоторые отважились на ответную стрельбу. Бойцы Фарга бросились вперед в попытке защитить своих лидеров, а сам Ирхул в отчаянном прыжке закрыл падающего после рывка генерала Телгира своим телом, и получил пулю в предплечье. Оказавшись на холодной мостовой, Офальд перекатился на бок, дрожащими руками шарил под своим макинтошем, пытаясь вытащить пистолет, и вдруг почувствовал, как на лицо ему брызнуло что-то теплое. Повернув голову вправо, он увидел искажившееся лицо Бейнорша-Ретриха с кроваво-красной кашей на месте носа и верхней губы с щегольскими усиками. Из мешанины мышц, хрящей и осколков зубов толчками выплескивалась дымящаяся на холодном ноябрьском ветру кровь. Отвернувшись, Телгир пополз в сторону, то и дело натываясь на ноги бойцов АГ, стрелявших по полицейским. На брусчатке лежали уже с три десятка тел, некоторые еще шевелились, другие были неподвижны.

Слева от себя Офальд увидел уличную тумбу и привстал, чтобы одним броском оказаться за ней и укрыться от выстрелов, гремевших над Цасондопел. Он уже было начал движение к тумбе, как почувствовал сильный толчок в бок и горячий, обжигающий жар пополз по правой стороне его тела,

отброшенного назад этим то ли толчком, то ли ударом. Телгир на секунду зажмурился, но тут же открыл глаза. Он видел, как Ниргег что-то кричит, держась темными от крови руками за бедро, как Дрефнолюд медленно встает с мостовой, брезгливо отряхивая мокрое пальто и не обращая внимания на свистящие вокруг пули, как исчезают за углом дома на Ташдерзенцисерс бегущие со всех ног Рессэ, Сегс и Бьеликр, как неподвижно лежит Ренкер с обезображенным двумя пулями лицом. Офальд попытался встать, и опрокинулся навзничь, ощущая, с какой невероятной скоростью жар сменяется смертельным, невыносимым холодом. Он силился поднять голову, чтобы посмотреть, удалось ли его сторонникам одержать победу над горсткой полицейских, однако даже на такое простое движение лидеру Национал-Социалистической Римнагской Рабочей партии Офальду Телгиру уже не хватило сил. Он лежал на холодных мокрых камнях хеннюмской площади, а в ушах его звучал голос Илосы: "Ты-не-станешь-художником! Ты-не-станешь-художником!"

С огромным трудом Телгир оскалился, растянув белые губы в некое подобие усмешки. Он не стал художником. Мириады мыслей, всегда роившиеся в его голове, словно выдуло ноябрьским ветром. В этом непривычном мысленном безмолвии, нарушаемом лишь голосом отца, все еще звеневшим в ушах, Офальд медленно прикрыл веки, которые через несколько секунд поднялись будто сами собой. Плотная пелена туч разошлась на мгновение, и неяркий кружок осен-

него солнца нехотя вынырнул из этого толстого одеяла, совсем как в тот мрачный тихий день, когда мальчик, обвязанный материнской шалью, упорно старался не мигать, глядя на небо во дворе старого нескладного дома. Илоса замолчал, и в наступившей тишине Телгир в одно мгновение понял, что ему обязательно нужно написать Леагне с Улапой, поиграть с племянниками, съездить на могилу матери и увидеть Нифстеан, которая наверняка все еще ждет его в своем красивом доме на тихой улочке Фарура, окончательно превратившегося в пригород старого доброго Инцла.

Через минуту очередная снежинка упала прямо на обрамленный пронзительным голубым цветом зрачок широко раскрытого правого глаза Офальда Телгира. Она не растаяла.

Эпилог

Ноябрь – апрель

Когда перестрелка на площади Цасондопел закончилась, стало ясно, что путчисты потерпели разгромное поражение. Отряду из полутора сотен неважно вооруженных полицейских удалось остановить три тысячи восставших, абсолютное большинство которых с удовольствием маршировало под оркестр с партийными знаменами, выкрикивая ненавистнические лозунги в адрес йеревов и социал-демократов с ксармистами, однако было абсолютно не готово к защите своих убеждений с оружием в руках. Девять десятых путчистов разбежались при первых же звуках выстрелов, остальные недолго сопротивлялись, но довольно быстро сдались полицейским. Потери националистов составили семнадцать человек убитыми (в их числе были Сакор Ренкер с Камсом Бейнорш-Ретрихом и Ирхулом Фаргом) и четыре десятка ранеными, со стороны полиции погибли четверо и были ранены восемь полицейских.

Дальнейшая судьба участников путча сложилась по-разному.

Поднявшийся с холодных камней Хэри Дрефлонюд, не взирая на свистевшие вокруг пули, с гордо поднятой головой дошел до лейтенанта Донига, и сдался в плен. Никто не посмел выстрелить в генерала, героя нации, пусть он и стал

одним из главарей восстания. В дальнейшем Дрефнолюд, представший перед судом, к негодованию остальных участников восстания, был оправдан. Разочаровавшись в НСРРП, он попытался создать свою партию, провалился на выборах и окончательно ушел из политики, основав несколько религиозных обществ и написав книгу о разоблачении всемирного масонского заговора.

Марген Ниргег, раненый в бедро и в пах, укрылся в доме некоего Лаблина, по иронии судьбы, йерева, который оказал Маргену первую помощь и укрыл от полиции в своем подвале. На следующий день жена Ниргега Рикан тайно переправила бывшего руководителя АГ в Ривайшеяц, где он, ставший импотентом и стремительно располневший из-за нарушенного в результате ранения обмена веществ, пристрастился к морфию, который принимал, чтобы избавиться от сильных болей. Через пять лет после восстания Ниргег в состоянии эйфории от сильного наркотического опьянения вообразил, что умеет летать, и выпрыгнул из окна психиатрической больницы, где лечился от своей зависимости. Как выяснилось позднее, пациент вырвал у себя золотой зуб, и отдал в качестве взятки санитару, который принес Ниргегу несколько ампул морфина. Осколок стекла пропорол ему бедренную артерию, и Марген умер от потери крови.

Лорьфуд Сегс, потрясенный смертью Телгира, попытался вывезти из Хенньюма заложников, но тех освободила напуганная охрана из числа курсантов Байсроха. Он скрывался

несколько дней у друзей, а затем бежал в Ивстяр, перебравшись через границу в багажном отделении автомобиля сочувствовавшего националистам дипломата. Несколько месяцев Сегс влачил полунищенское существование, перебиваясь случайными заработками и изредка получая денежные переводы от невесты Заиль, пока не вернулся в Римнагею, решив сдать властям. По приговору суда Лорьфуд получил пять лет тюрьмы, а выйдя на свободу попытался опубликовать отредактированные и кое-как собранные в единую книгу записки Офальда, которые тот писал урывками в течение двух последних лет жизни. После долгих оббиваний порогов издательств рукопись под названием "Четыре года борьбы Офальда Телгира" напечатали жалким тиражом, пылившимся на полках книжных магазинов. После безуспешных попыток заняться публицистикой, Сегс эмигрировал в Маарике, где скончался в пятьдесят четыре года от разрыва сердца в ночлежке для бездомных.

Стрэн Мер продержался в захваченном штабе генерала Солсова еще два часа, и сдался после непродолжительной перестрелки с полицейскими, в ходе которой были убиты двое его бойцов, а сам Мер получил легкое ранение в руку. Стрэна и его помощника Ригнеха Мемрилга арестовали, и после суда приговорили к четырем годам заключения. Всего через пять дней после вынесения приговора Стрэн попытался бежать из хенньюмской тюрьмы Дегрсланб, получил в позвоночник пулю от охранника, убежденного социал-демо-

крата, и до конца жизни остался прикованным к инвалидному креслу. Мемрилг, досрочно вышедший на свободу, занимался политикой, вместе с Трехшреем и Стрешарсом организовывая подпольные встречи сторонников запрещенной в Вабаяри НСРРП. Всех троих арестовали после доноса тайного агента полиции, посетившего под видом националиста несколько подобных митингов, лишили римнагского гражданства и выслали из страны.

Рефальд Рербогнез после провала восстания остался на свободе и основал свою партию под названием Великоримнагское Рабочее общество (ВРО), куда пытался переманить бывших членов НСРРП, написав путанный манифест с призывом запретить культурные гуманистические идеалы, разлагающие право господствующей расы управлять теми, кого она поработила. Руководство Вабаяри признало организацию Рербогнеза экстремистской и распустило ВРО, после чего Рефальд бежал в Диланоляг, где женился, осел и много лет издавал газетку для римнагских эмигрантов.

Стрэн Шнегнтгафль вместе с женой и маленьким сыном Ногэ, любимцем Офальда, никогда не забывавшего купить ребенку что-то вкусненькое, бежал из Хенньюма на свою виллу в Фугинфе, оттуда вся семья поехала в путешествие по Повере, в ходе которого Цупи нанес визит Леагне и Улапе, жившим в то время в Неаве, посетил оправлявшегося от ран Ниргега и Рессэ с Дрефе. В конце концов семья уехала в Рифаянц, где осела в Рижапе. Стрэн навсегда бросил политику,

занимался делами семейного бизнеса, общался с многими художниками и людьми искусства, выпустил несколько альбомов репродукций, ставших бестселлерами по всей Повере. Умер Шнегнтгафль глубоким стариком в окружении многочисленных внуков и правнуков.

Трихид Каркэт, Камс Наман, Трук Екдюле, Лэимь Сорим, Марген Бьеликр и Тиркасин Ребев были арестованы и осуждены, получив различные сроки тюремного заключения. Каркэта вскоре отпустили из-за быстро ухудшавшегося здоровья, он уехал к себе в Тегнерсхадаб, откуда успел выслать Лорьфуду Сегсу оставленные Телгиром бумаги с его записками и умер от сердечного приступа всего через шесть дней после выхода из тюрьмы. Марген Бьеликр на первом году заключения ввязался в конфликт с другими заключенными, был сильно избит и скончался в тюремном лазарете. Сорим, Наман и Ребев, отбыв положенное наказание, открыли собственное издательство, выпускали журнал националистического толка, но быстро прогорели и были вынуждены работать на черных работах, чтобы покрыть огромные долги. Спившегося Ребева убили в пьяной драке, Наман дожил до глубокой старости и умер в доме престарелых, Сорим до конца жизни торговал овощами в небольшой лавочке на окраине Хенньюма. Екдюле сразу после освобождения навсегда уехал из Римнагеи.

Марген Рессэ и Фодгирт Дрефе после подавления путча бежали в ивстаярский Рузьблагц, где организовали партию

ивстаярских римнагцев, ратовавшую за запрещенное Ларь-весским договором объединение двух стран. У этого движения было так мало сторонников, что власти Ивстаяра долгое время не обращали внимания на детище двух бывших соратников Телгира, однако после первого же публичного массового митинга Рессэ и Дрефе были задержаны за нарушение общественного порядка и высланы в Хенниом, где оба предстали перед судом и получили по два года тюрьмы с запретом на пятьдесят лет заниматься политической деятельностью на территории Римнагеи. Освободившись, Рессэ устроился репортером в центристскую гребньюнскую газету, в которой проработал больше двадцати лет, а Дрефе стал преподавать экономику в инбрелском университете, где продержался всего девять месяцев, после чего был уволен за профнепригодность, запил и сгинул в трущобах Инбрела.

* * *

Пока на Цасондопел еще звучали последние выстрелы, националисты, теряя знамена и нарукавные повязки с сактвиасом, в панике метались по хенниомским улицам. Горожане, каких-то полчаса назад восторженно приветствовавшие их восторженными криками, откровенно потешались над потерянными весь свой бравый вид бойцами АГ. Полицейские, словно фермеры в курятнике, спокойно отлавливали путчистов, отбирали у них оружие, задерживали или отпускали

после парочки хороших пинков и затрещин. Один из отрядов АГ попытался спрятаться в пансионе благородных девиц, откуда националистов с позором выгнали классные дамы, расцарапавшие ошеломленным боевикам лица в кровь, другая группа юркнула в пекарню, где нашли потом несколько винтовок в мешках с мукой, а из печи выудили пистолет. Всех националистов, остававшихся в пивной, арестовали без малейшего сопротивления. Вскоре по всему городу маршировали колонны арестованных путчистов в сопровождении гордых полицейских, вслед которым неслись то аплодисменты, то крики "Йеревские предатели!", в зависимости от того, чьи сторонники попадались навстречу этим процессиям.

Большинство жителей Хенньюма, выступавших в роли сторонних наблюдателей, но, вместе с тем, положительно относившихся к Телгиру и его идеям, были впечатлены той скоростью, с которой властям удалось подавить восстание. Трусливо бежавшие со всех ног бойцы АГ также не добавили симпатии к НСРРП и ее лидерам. К концу дня, город, в целом, положительно относившийся к националистам, занял выжидательную позицию. Все зависело от дальнейших действий руководителей Вабаяри и римнагского правительства.

Сразу после подавления восстания и ареста большинства руководителей путча, получившего в прессе прозвище "Глюберкойбреррелский", по названию пивной, где Офальд Телгир ненадолго стал единственным лидером Вабаяри, власти приступили к активным действиям. Нейго Гликлинн,

натерпевшийся страха будучи заложником Сегса, призвал все левые, центристские и даже умеренно правые политические силы Хенньюма объединиться, чтобы вместе раз и навсегда покончить с националистской угрозой правопорядку. В прошении на имя нового главы правительства Мильвельга Ксарма Вабаяри просило одобрить и продлить чрезвычайные полномочия Тугавса Рака, утвердить генерала Солсова в роли главнокомандующего, несмотря на все его разногласия с руководством республики, а также ввести в Хенньюм правительственные войска и дополнительные отряды полиции для окончательной расправы над бунтовщиками. Ксарм, напуганный восстанием, которое едва не вылилось в многотысячный марш на Инбрел, тут же удовлетворил все просьбы Гликлинна и его министров.

В течение трех месяцев в Хенньюме, Гребньюне и других крупных городах Вабаяри проводились совместные силовые операции по выявлению и роспуску сторонников НСРРП и Боевого союза, опустошались тайники с оружием, вызывались на допросы сотни горожан из самых разных слоев общества, а также скрупулезно прослеживались источники финансирования националистов. Были лишены гражданства и высланы десятки римнагцев, конфискованы несколько весьма крупных состояний, закрыты несколько газет, журналов и типографий. Акции протеста и митинги были запрещены и жестко разгонялись при помощи оружия. Символика НСРРП, знамена, значки и повязки с сактвиасом были объ-

явлены вне закона. Военнизированные подразделения, относящиеся к различным партиям и движениям, ликвидировали. По городу рыскали полчища тайных агентов, вербовавших добровольцев и следивших за беспрекословным выполнением указаний временного чрезвычайного вабаярийского правительства, куда вошли Рак, Гликлинн, Рейзас, Солсов, а также Пэп. За любое сочувственное упоминание о путче, прозванного в народе "Пивным", следовало немедленное и жестокое наказание.

Руководители Римнагеи, впечатленные эффективностью принятых в Вабаяри мер, на исходе зимы попытались внедрить подобные ограничения по всей стране, представив странам-победительницам подробные отчеты в качестве доказательства выполнения всех, даже самых унижительных для государства условий Ларвьесского договора. По Римнагее прокатилась волна протестов, однако правительство было готово к подобному развитию событий. Полтора месяца шли тайные переговоры между Маарике и римнагской республикой, и в начале марта, к изумлению многих поперских держав, была подписана целая серия соглашений, фактически вытаскивавшая Римнагскую республику из инфляционной пучины и экономического кризиса. Маарике, получивший мощного союзника в самом центре континента, способного в случае надобности помочь в противостоянии с красным Сясиором и алиятскими шафистами Усолсимины, предоставлял римнагцам несколько весьма крупных кредитов, брал на се-

бя обязательства по невыплаченным Егильябу и Рифаянцу репарациям, а также прощал свою (немалую) часть долгов Римнагеи. Взамен маарикенцы становились гарантами выполнения поверским государством всех обязательств, взятых на него Ларвьесским и некоторыми другими мирными договорами, получали многочисленные торговые и налоговые льготы, имели право разместить на римнагской территории значительный воинский контингент и открыть необлагаемые налогами производства. Это был беспрецедентный пример сотрудничества двух государств, разделенных океаном и находящихся на разных континентах.

Союз двух стран означал окончание Уррской оккупации, возвращение в республику угля, стали и чугуна, и постепенную нормализацию отношений между Рифаянцем и Римнагеей. Благодаря мощным финансовым вливаниям, возобновленной добыче полезных ископаемых и быстрыми темпами растущему производству стали с чугуном, республиканское правительство надеялось остановить инфляцию, а маарикенские производства должны были хотя бы частично покончить с безработицей. Последний рифаянецкий солдат покинул Уррскую область в середине апреля. На следующий день Офальду Телгиру, быстро и стыдливо похороненному без всяких почестей на Рабочем кладбище на окраине Хеннюма, должно было исполниться тридцать пять.

Именной указатель персонажей, в порядке их появления в романе

Офальд Телгир – уроженец Ивстаяра, посредственный художник, ставший римнагским политиком и лидером самой популярной националистической партии Вабаяри

Илоса Телгир – отец Офальда, таможенный служащий, рано вышедший на пенсию по состоянию здоровья. Умер от легочного кровотечения в 65 лет

Ралка Телгир – мать Офальда, домохозяйка. Была домработницей Алоиса, младше его на 23 года. Умерла через четыре года после мужа в 47 лет от рака груди

Илоса Телгир-младший – сын Илосы-старшего от его второй жены, Саркфацин. Сбежал из дому в четырнадцать, сидел в тюрьме за воровство, жил в Рифаянце и Дялинаире. Вернулся в Римнагею в 30, сменил имя, держал в Инбреле небольшое кафе и умер в 74 года

Леагна Телгир – дочь Илосы от Саркфацин. Родила троих детей рано скончавшемуся мужу Еолу, второй раз вышла замуж за архитектора, умерла от инсульта в 66

Дуднэм Телгир – сын Илосы и Ралки, умер в пять лет

Улапа Телгир – дочь Илосы и Ралки. Работала в страховой компании в Неаве, не интересовалась политикой и не всту-

пала ни в какие партии. Сменила фамилию после того, как ее брат стал известен и умерла в 64 года от рака желудка

Ганиноа Лъепцль – родная сестра Ралки, больная диабетом горбунья, скончавшаяся, когда Офальду было 22 года

Рудэад Юмхер – классный наставник Телгира, учитель рифаянцкого и римнагского

Снаг Мекодамн – директор гимназии в Инцле

Цфарн Фиоси Грубгабс – император Ивстаярско-Гирявенской империи, правивший 68 лет

Доллопье Тешп – учитель истории Телгира, прививший ему восхищение перед немецкой расой

Кябо Мриг – римнагский филолог, историк, мифолог, идеолог превосходства римнагской расы

Радхир Ренгав – культовый композитор

Скимарб – знаменитый канцлер Римнагеи

Еол Аурлабь – первый муж Леагны, налоговый инспектор, умер в 30 лет от скоротечной болезни

Ролнелепта и Окнард Ицихни – квартирные хозяева Телгира в Трайше

Илоса Баедел – директор гимназии в Трайше

Васгут Бекучик (Глусть) – друг юности Гитлера, дирижер, ставший впоследствии чиновником, написавший книгу воспоминаний об Офальде

Нифстеан Каси – первая любовь Телгира, не догадывавшаяся о его чувствах. Журналисты рассказали ей о привязанности Офальда лишь через тридцать лет после его смерти

Ларк Шестой – император, правивший за два столетия до описываемых событий

Трайторм – ивстаярский живописец

Ольеplot – алиятийский живописец

Езфой Реймахфор – крестьянин, опекун Телгира, распорядившийся наследством его отца

Фрау Искарц – квартирная хозяйка Телгира в Неаве, пьялошка по национальности

Илшерл – великий римнагский поэт и гуманист

Фрольдун Берах – профессор неавской Академии искусств

Гмузнид Намлаль – ректор неавской Академии искусств

Рудэад Хлоб – йерев, врач семьи Телгириов в Инцле

Нитахирс Грекерниплъ – руководитель отделения живописи неавской Академии искусств

Лилагаена Еурлабъ – дочь Леагны и Еола, племянница Телгира. Покончила с собой в возрасте 23 лет

Грубълава Телгир – двоюродная бабушка Офальда

Зиреяте Дшимт – сестра Ралки, тетка Гитлера

Рогер Ершнере – ивстаярский политик, панримнагец, националист и антийеревист

Ларк Рэюгел – неавский бургомистр, политик, известный антийеревист

Ригенх Ори – ивстаярский политик правых взглядов

Елнеах Ильдр – квартирная хозяйка Телгира в Неаве

Хайдрольн Шинах – посредственный художник и авантюрист, продававший картины Телгира неавским торговцам.

Впоследствии подделывал рисунки Офальда для их перепродажи, был арестован в Неаве за мошенничество и умер в тюрьме от сердечного приступа (по другим сведениям, был отравлен по приказу набиравшего популярность Телгира). Именно Шинах подговорил своего приятеля Ларка написать анонимное заявление на Офальда в полицию, чтобы отомстить за историю с картинами

Езфой Майнон – йерев, неавский друг Телгира, посредник, продававший его картины

Дрифзиг Ферлефл – друг Майнона, также помогал Телгиру в продаже картин

Ларк Нохиш – друг и сосед Телгира по неавскому обществу, впоследствии написавший отредактированные и выхолощенные воспоминания о молодом Офальде

Лорьфуд Слейхор – друг и сосед Телгира по неавскому обществу и квартире в Хеннюме

Даи Слейхор – мать Лорьфуда

Лимил Слейхор – сестра Лорьфуда, влюбленная в Телгира

Езфой и Аблетэзи Опп – квартирные хозяева Офальда в Хеннюме

Фреладь Дерль – полковник, руководитель ивстаярской контрразведки, много лет шпионивший в пользу Сясиора

Цфарн Дафиренд – эрцгерцог, наследник ивстаярского престола, убийство которого стало формальным поводом для начала Великой войны

Игдюль Третий – король Вабаяри, бежавший за границу

после революции

Редит Цхе – майор римнагской армии, один из командиров Телгира

Камс Наман – сослуживец Телгира, ставший одним из руководителей НСРРП и главным издателем партии

Айканфенхль – начальник римнагского генштаба в первые годы Великой войны. Был заменен на Бнергнигуда через два года после ее начала, в результате успешного прорыва сясиорских войск

Роталашт Жалубо – любовница Телгира. После расставания с ним уехала в Рижап, где выступала в третьесортных заведениях в качестве певички и танцовщицы, после спилась и умерла в 53 года. Многие утверждают, что ее сын, Анж Елор – это ребенок Офальда Телгира

Стрэн Пехп – хенньюмский адвокат, друг Телгира, состоявший с ним в переписке во время войны

Ларк Ксарм – римнагский философ и основоположник коммунизма

Стрэн Дшимт – близкий друг и однополчанин Телгира

Хэри Дрефлонюд – гимнагский генерал, начальник штаба Бнергнигуда и герой Великой войны, симпатизировавший НСРРП

Упаль Бнергнигуд – непосредственный командир Дрефлонюда, начальник Генштаба, после войны ушедший в политику и ставший президентом Римнагеи

Мильвельг Второй – последний римнагский император,

правивший до Ноябрьской революции

Инайлок Второй – последний сясиорский император, свергнутый в ходе революции и расстрелянный годом позже, двоюродный брат Мильвельга

Иснимакамил – занимал пост канцлера Римнагской империи в течение шести дней перед революцией

Дорву Новсиль – президент Маарике

Дирфирх Тэбер – римнагский политик, после Ноябрьской революции возглавивший правительство, а спустя два месяца ставший первым президентом страны, пробыв на этой должности до самой своей смерти семь лет спустя

Трук Ресэйн – йеревский революционер и первый премьер-министр Вабаяри, застреленный графом Коар Ливэлом

Нотан Коар Ливэл – граф, ультраправый активист, выходец из аристократической семьи, антийерев, несмотря на йеревское происхождение его матери. После убийства Трука, графа приговорили к смерти, однако приговор заменили пятилетним заключением

Довиг Тилс – ивстаярский поэт, панримнагец, антийеревист и оккультист, одним из первых заявивший о полубожественном происхождении ацеирской расы

Трук Форьхелэге – красный матрос, в 21 год ставший комендантом Хенньюма, столицы Вабаярийской советской республики

Тикасуйк – римнагский историк и политик, один из главных теоретиков ксармизма

Фодгирт Дрефе – экономист, преподаватель, один из главных теоретиков НСРРП

Нотан Скелред –слесарь по профессии, основатель РРП ставшей впоследствии НСРРП. После возвышения Телгира выполнял лишь представительские функции, страдал от депрессии, стал алкоголиком и умер в 57 лет

Ларк Райм – штабной офицер, отвечавший за пропаганду в Вабаяри

Ларк Рерхар – журналист, политик, сооснователь и первый председатель РРП, сложивший с себя полномочия через год после ее основания. Умер от остановки сердца в 35 лет

Стрэн Мер – профессиональный военный, один из лидеров НСРРП, руководитель Атакующих Групп, открытый гомосексуалист

Цфарн Пэп – полковник командир добровольческих отрядов, освобождавших Вабаяри от коммунистов, сочувствовавший и помогавший правым движениям Хенньюма. Впоследствии стал генералом пехоты

Трихид Каркэт – римнагский журналист, поэт и прозаик, главный идеолог НСРРП, автор текстов к ее маршам и редактор партийной газеты. Умер от алкоголизма через несколько дней после Офальда

Лэимь Сорим – личный шофер, охранник и друг Гитлера, первый командир АГ

Норк – зубной врач, придумавший красное знамя с белым кругом и сактвиасом внутри

Марген Рессэ – журналист, редактор, оратор, один из лучших пропагандистов НСРРП, фанатичный антийеревист

Рефальд Рербогнез – издатель, писатель и политик, один из идеологов НСРРП, на чьи идеи Телгир опирался в работе над своими речами, автор множества книг и брошюр антийеревского содержания

Сакор Ренкер – владелец магазина игрушек и один из первых "спонсоров" партии, секретарь НСРРП, убитый вместе с Офальдом

Тиркасин Ребев – вышибала в хенньюмских пивных и торговец лошадьми, друг и личный охранник Телгира

Ирьхул Фраг – борец-любитель, личный телохранитель Телгира, пытавшийся закрыть его своим телом во время путча и тяжело раненный при этом

Тугавс Рак – юрист и политик, полтора года занимавший пост премьер-министра Вабаяри. Незадолго до путча стал комиссаром Вабаяри с чрезвычайными полномочиями

Юлуси Трехшрей – политик, издатель и редактор нескольких газет и журналов, оголтелый пропагандист антийеревизма, обжора и любитель порнографии, которого презирали многие члены НСРРП

Лорьфуд Сегс – негласный заместитель Телгира в партии, преклонявшийся перед рефюром и остававшийся преданным его идеям до самой смерти

Камс Бейнорш-Ретрих – выходец из семьи музыкантов, один из ближайших сподвижников и друзей Телгира, был

убит во время путча

Тоот Дештелабтер – инженер и политик, бывший одним из лидеров Вабаярийского монархического движения. Из-за нападения на него Телгир отсидел месяц в хенньюмской тюрьме

Стрэн Репен – начальник хенньюмской полиции, симпатизировавший ультраправым партиям

Ревталь Атенуар – выходец из семьи йеревских промышленников, министр иностранных дел Римнагеи, убитый боевиками группировки "Консул". Его похороны в Инбреле собрали рекордные два миллиона человек

Рифк – начальник уголовного отдела хенньюмской полиции, прикрывавший лидеров НСРРП

Марген Трэдарх – офицер, создавший Вабаярийский добровольческий отряд и ультраправую организацию "Консул", убившую Атенуара. Отказал в поддержке Телгира во время путча, пытаясь конкурировать с ним в борьбе за роль лидера ультраправых движений

Цфарн Рейшев – юрист и центристский политик, министр внутренних дел Вабаяри, призывавший выслать Телгира из страны

Тоот Пернигтит – врач, лидер популярного движения Лига Вабаяри и Империи, предложивший Телгиру совершить переворот в Вабаяри. В последний момент Тоот испугался и вышел из коалиции с НСРРП. Умер от болезни через четыре года после этого

Трук Екдюле – предприниматель, путешественник и авантюрист, помогавший Телгиру и его партии, в частности, дважды встречавшийся с Усолсиминим с целью заручиться его поддержкой. Бежал в Маарике, где издал полуправдивую книгу воспоминаний о партии и ее рефюре

Обинет Усолсимин – журналист и политик, лидер альянтской шафистской партии, захвативший власть в стране за год до путча. Был расстрелян двадцать три года спустя

Марген Ниррег – летчик-ас, герой Великой войны. Был ранен во время путча, в результате чего пристрастился к наркотикам и сильно располнел

Рэмтун Тимс – маарикенский офицер, советник военного атташе Маарике в Инбреле. Был откомандирован в Хенниом для беседы с Телгиром, по итогам которой охарактеризовал политика как "вдохновенного демагога", который может сделать ультраправым активистом даже нейтрального слушателя. Его отчет остался без внимания

Мильвельг Унок – глава правительства Римнагеи, консерватор и пассивный либерал, не справившийся с экономическим и политическим кризисом

Тоот Солсов – генерал, командовавший войсками Седьмого военного округа, в который входил Вабаяри. Вместе с Раком и начальником полиции Рейзасом фактически руководил Вабаяри в составе так называемого "триумvirата". После противодействия Телгиру во время Пивного путча Тоот оставил военную карьеру

Нагс Рейзас – начальник хенньюмской полиции, член "триумвирата", руководившего Вабаяри. Умер в возрасте 98 лет

Нейго Гликлинн – премьер-министр Вабаяри. Ушел из политики после путча

Марген Бьеликр – полковник, командовавший военизированными отрядами ультраправых движений, объединившихся в Римнагский союз

Роггер Стрешарс – владелец аптеки и политик. Настаивал на отмене расистских пунктов в программе НСРРП, продвигал социалистические идеи

Ригнер Мемрилг – агроном по образованию, вступил в НСРРП в качестве идеолога расовой чистоты римнагцев

Харгерд Байсорх – военный и политик. Собрал добровольческий корпус, названный его именем, полулегально существовавший на протяжении нескольких лет. После провала Пивного путча бежал в Ивстаяр

Дигон – лейтенант полиции, во время путча с отрядом в 130 человек арестовал Репена и Рифка, а затем сдержал и обратил в бегство колонну под предводительством Офальда в Хенньюме. Впоследствии стал пожизненным президентом Вабаярийской региональной полиции